УДК 1(06)+13(06)
ББК 87я431+87.53я431

Рекомендовано к депонированию
Советом факультета философии и социальных наук
от 28 ноября 2013 г., протокол № 2.

Рецензенты:
доктор философских наук, профессор П.В. Кикель
доктор социологических наук, профессор Д.К. Безнюк

Редакционная коллегия:
доктор философских наук, зав. кафедрой философии и методологии науки ФФСН БГУ, профессор *А.И. Зеленков*
кандидат философских наук, зав. кафедрой философии культуры ФФСН БГУ, доцент *А.А. Легчилин*
кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки ФФСН БГУ, доцент *В.Т. Новиков*

Ответственный за выпуск: кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры философии и
методологии науки ФФСН БГУ *И.А. Барсук*

Стилистические особенности статей сохранены в авторской редакции.

Философия и ценности современной культуры: материалы Международной научной конференции, Минск, 10–11 октября 2013 г. / А.И. Зеленков [и др.] ; редкол.: А. И. Зеленков, А. А. Легчилин, В. Т. Новиков ; М-во образования, БГУ, ГНУ «Ин-т философии НАН Беларуси». – Электрон. текстовые данные. – Минск : БГУ, 2014. – 783 с. – Библиогр. в конце ст. – Деп. в БГУ 08.01.2014, № 000208012014.

Сборник включает материалы докладов и выступлений участников Международной научной конференции «Философия и ценности современной культуры». В издании представлены результаты исследований философов, социологов, экономистов, историков, культурологов, правоведов и политологов по актуальным проблемам социально-гуманитарных наук.

Адресуется научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам учебных заведений, а также всем, кто интересуется философским осмыслением ценностей современной культуры.

Предисловие

ФИЛОСОФИЯ И ПРИОРИТЕТЫ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В сборнике представлены материалы Международной научной конференции «Философия и ценности современной культуры», которая была проведена факультетом философии и социальных наук БГУ совместно с Институтом философии НАН Беларуси.

Конференция позволила прояснить ряд актуальных проблем, связанных с пониманием роли и функции философии в современной культуре, образовании, духовном развитии общества.

Сегодня много говорят и пишут о необходимости ценностной революции в сознании человека. Наука, техника, цивилизация на первый взгляд гарантируют ему все возрастающую степень комфортного бытия в системе природной и социальной реальности. На самом деле неуемный потребительский дух такого типа бытия неотвратимо трансформирует жизнь человека в перспективу ожесточенной и все более проблемной борьбы за выживание. Существование, за пределами которого оказываются смысл и фундаментальные ценности культуры, философия всегда была и остается духовным средоточием и подлинной формой воплощения этих ценностей. Вот почему ее сохранение в культуре и образовании – важнейшее условие реальных перспектив преодоления эпохи глобальной нестабильности, кризиса духа и сознания человека.

Парадоксы глобализирующегося мира ставят нетривиальные задачи перед многими странами и регионами, которые ищут свои самобытные пути решения актуальных задач модернизации в сфере экономики, политики, социальной жизни. Не является исключением в этом отношении и Республика Беларусь. Сегодня уже многие понимают, что успешное проведение реформ на постсоветском пространстве, в том числе и в Беларуси, возможно лишь при условии единства и консолидации всех здоровых сил общества, а также эффективного использования имеющегося в республике научно-интеллектуального потенциала. И в данном случае роль Белорусского государственного университета как признанного образовательного, научного и социокультурного центра должна быть подобающей его статусу и авторитету. Поэтому глубоко симптоматично, что данная конференция, посвященная столь актуальной теме, проходит именно в БГУ, и, в частности, на базе факультета философии и социальных наук, который не только имеет серьезные исследовательские традиции, но

и обладает необходимыми возможностями интегрировать усилия философов, социологов, экономистов, психологов для поиска оптимальных и перспективных решений комплексных и актуальных проблем современной социодинамики. Результаты конференции призваны способствовать осмыслению дискуссионных аспектов статуса философии в современной культуре.

В соответствии с программой была организована работа трех форумов, на заседаниях которых были заслушаны и обсуждены доклады и сообщения участников конференции, среди которых преподаватели, аспиранты и магистранты высших, средних специальных и общеобразовательных учебных заведений, научные работники, работники учреждений культуры.

Материалы, представленные в данном сборнике, и сама конференция посвящены состоявшемуся XXIII Всемирному философскому конгрессу (Афины, 2013), в числе делегатов которого были непосредственные участники конференции.

Сборник «Философия и ценности современной культуры» включает свыше 250 тезисов докладов и выступлений, в том числе, из Беларуси – свыше 150, от иностранных участников (России, Украины, Казахстана, Молдовы, Польши и Словакии) – более 100.

В издании представлены результаты исследований философов, социологов, экономистов, историков, культурологов, правоведов и политологов по актуальным проблемам социально-гуманитарных наук.

Знакомство с материалами конференции будет полезно научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам учебных заведений, а также всем, кто интересуется философским осмыслением ценностей современной культуры.

Проректор БГУ,
доктор экономических наук, профессор
А.В. Данильченко

ФОРУМ 3
Инновационное развитие и социальные риски в эпоху глобализации 485
ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ МОДЕРНА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
А.Н. Авдеенков, г. Москва, Россия 485
ИСКУССТВО КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: УКРАИНСКИЙ КОНТЕКСТ

Н.Н. Аверьянова, г. Киев, Украина 488
РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ
С.В. Адамович, г. Гродно, Беларусь 491
СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ
А.И. Амбражевич, Е.Б. Палховская, г. Минск, Беларусь 495
СОЗДАНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ ОБРАЗА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
С.М. Алейникова, г. Минск, Беларусь 498
ТРАДИЦИЯ ИЛИ МОДЕРНИЗАЦИЯ? ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛЬШИ)
В.В. Анохина, г. Минск, Беларусь 501
НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ АКТИВЫ КАК НОВЫЙ ИСТОЧНИК ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА
Е.А. Анохина, г. Одесса, Украина 504
К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ НЕКОТОРЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПЕРИОД ГЛОБАЛИЗАЦИИ. ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД
Е.А. Аршавская, г. Москва, Россия 506
АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВОСПИТАНИЯ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПОДРОСТКОВ
Е.А. Башаркина, г. Могилев, Беларусь 509
К ВОПРОСУ ОБ ИДЕНТИЧНОСТИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ
Л.В. Беринчик, г. Гродно, Беларусь 513
ТВОРЧЕСТВО КАК АТРИБУТ ИДЕНТИФИКАЦИИ И САМОИДЕНТИФИКАЦИИ СУБЪЕКТА
В.В. Богаченко, г. Одесса, Украина 515
ВЛИЯНИЕ ТУРИЗМА НА ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
Л.Д. Божко, г. Харьков, Украина 517
ВОЛОНТЕРЫ КАК НОВЫЕ АРИСТОКРАТЫ
Н.В.Бредихина, г. Барнаул, Россия 520
ТОЛЕРАТНОСТЬ К НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ КРЕАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
Ю.М. Бурец, г. Минск, Беларусь 521
ЮРИДИКАЛИЗАЦИЯ И МЕДИКАЛИЗАЦИЯ «ДЕТСКОГО» ДИСКУРСА И ИХ СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
В.В. Бурсевич, г. Минск, Беларусь 524
ОСНОВНЫЕ ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ РИСКОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

П.А. Водопьянов, г. Минск, Беларусь 528
ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
О.Г. Ворошень, г. Минск, Беларусь 532
ФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДИНАМИКИ КУЛЬТУРЫ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ
О. Глосикова, ґ. Прешов, Словакия 534
УКРАИНА В СИТУАЦИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЫБОРА: ПОСТКОЛОНИАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА
И.Н. Грабовская, г. Киев, Украина 537
ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ СОЦИУМЕ
Ю.В. Дедолко, г. Минск, Беларусь 540
РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ФАКТОР РИСКА СОЦИАЛЬНОЙ ИСКЛЮЧЕННОСТИ ЛИЦ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА
О.Е. Дмитриева, г. Минск, Беларусь 543
ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ РИСКОВ
Д.Г. Доброродний, г. Минск, Беларусь 546
ЦЕННОСТЬ «ВНУТРЕННЕГО ОФОРМЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА» В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ
Л.В. Довыденко, г. Калининград, Россия 550
ИНФОРМАЦИОННАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ
А.О. Евсеев, г. Минск, Беларусь 556
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ
Н.А. Елсукова, г. Минск, Беларусь 559
ЭФФЕКТИВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СИТУАЦИИ РИСКА
Н.В. Ефимова, г. Минск, Беларусь 561
ФИЛОСОФСКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ
Л.М. Злотникова, г. Гомель, Беларусь 564
ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МИРОВЫХ ПРОЦЕССОВ
О.М. Калмыкова, Е.Б. Ивушкина, г. Шахты, Россия 568
СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ СЕМЬИ И БРАКА КАК УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В БЕЛАРУСИ

И.И. Калачева, г. Минск, Беларусь 571
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И САКРАЛЬНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ
Я.Л. Коломинский, Е.Л. Малиновский, г. Минск, Беларусь 573
ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОГО РИСКА
Т.В. Купчинова, г. Минск, Беларусь 576
ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР: «ХЛЕБ И ЗРЕЛИЩА» КАК СРЕДСТВО ТОТАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ
Л.И. Лукьянова, г. Гродно, Беларусь 579
МИФОЛОГЕМА «РИСКА» В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ И МАССОВОМ СОЗНАНИИ
М.Н. Мазаник, г. Минск, Беларусь 582
НЕИЗБЕЖНОСТЬ ВЫБОРА МЕЖДУ КРЕАТИВНОСТЬЮ И ТВОРЧЕСТВОМ
И.Я. Мацевич, г. Минск, Беларусь 584
НОВАЯ РОЛЬ ПСИХОТЕРАПЕВТА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА
И.А. Медведева, г. Минск, Беларусь 587
ФИЛОСОФИЯ КАК ЦЕННОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ
В.И. Миськевич, г. Минск, Беларусь 589
РИСКИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
Л.В. Михайлова, г. Одесса, Украина 592
ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
Е.С. Лученкова, А.П. Мядель, г. Витебск, Беларусь 594
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ
И.М. Наливайко, г. Минск, Беларусь 598
ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА СОЦИАЛЬНУЮ ДИНАМИКУ
Ю.В. Никулина, г. Минск, Беларусь 600
СОЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС ПОСТСОВЕТСКИХ ОБЩЕСТВ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ
О.В. Нечипоренко, В.В. Самсонов, г. Новосибирск, Россия 604
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
О.В. Пацукевич, г. Горки, Беларусь 607
ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ ЧЕЛОВЕКА В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ
Е.В. Покасова, г. Новосибирск, Россия 609
ПРАЗДНИК В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

О.В. Поправко, г. Мелитополь, Украина 611
ПРОБЛЕМА ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
Е.В. Радевич, г. Минск, Беларусь 614
КУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА И СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ: ЛОКАЛЬНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
Н.С. Решетникова, г. Астрахань, Россия 617
СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И ИНТЕРНЕТ
А.В. Рубанов, г. Минск, Беларусь 620
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ
В.А. Рубанов, г. Минск, Беларусь 623
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ТУРИСТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ
Т.А. Рубанова, г. Минск, Беларусь 627
СОЦИОДИНАМИКА БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
С.Г. Савина, г. Минск, Беларусь 630
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПАРАМЕТРЫ АНАЛИЗА ФЕНОМЕНА ИННОВАЦИИ
Р.С. Сартаева, г. Алматы, Казахстан 632
ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ ОБРАЗОВАНИЯ
Ю.В. Секунова, г. Киев, Украина 636
ВАРИАТИВНОСТЬ ПРОЯВЛЕНИЯ ПАТОПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВ У ПРЕСТУПНИКОВ С ДИССОЦИАЛЬНЫМ РАССТРОЙСТВОМ ЛИЧНОСТИ, СОВЕРШИВШИХ НАСИЛЬСТВЕННЫЕ И НЕНАСИЛЬСТВЕННЫЕ ОБЩЕСТВЕННО-ОПАСНЫЕ ДЕЯНИЯ
В.Н. Семенов, г. Минск, Беларусь 639
РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ
С.С. Семьянов, г. Минск, Беларусь 642
ПРИВАТИЗАЦИЯ НАСИЛИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
И.Н. Сидоренко, г. Минск, Беларусь 645
ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ СВОБОДЫ В УСЛОВИЯХ УСКОРЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ
В.Э. Смирнов, г. Минск, Беларусь 648
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СИНТЕЗ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ
Е.И. Снопкова, г. Могилев, Беларусь 651

УКРАИНСКАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
Е.М. Степико, г. Киев, Украина 654
СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ В ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЕ
О.В. Терещенко, г. Минск, Беларусь 656
УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ЛИЧНОСТИ В СИТУАЦИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ
И.А. Фурса, г. Минск, Беларусь 659
ПРОЦЕССНОЕ ВИДЕНИЕ ПРЕДУСТАНОВЛЕННОЙ ГАРМОНИИ
А.С. Харитонов, г. Москва, Россия 662
КОНЦЕПТ «ИННОВАЦИЯ» КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
А.В. Цыра, г. Одесса, Украина 664
ХРИСТИАНСТВО И СОВРЕМЕННАЯ ЭКОКУЛЬТУРА
О.Г. Шаврова, г. Минск, Беларусь 667
К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМАХ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ
Т. В. Щелкова, г. Минск, Беларусь 670
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ
Г.И. Юсупова, г. Махачкала, Дагестан 674
ПРОЦЕСС ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМА РИСКОВ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА
А.В. Яскевич, г. Минск, Беларусь 675
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА ВИТЕБСКА КОНЦА XIX ВЕКА
М.С. Эльяшевич, г. Минск, Беларусь 678

КРУГЛЫЙ СТОЛ «Философия как познание и образ жизни»: к итогам XXIII Всемирного философского конгресса в Афинах 683
ФИЛОСОФИЯ ПОСТМОДЕРНА И ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ
Ю.О. Азарова, г. Харьков, Украина 683
СОЦИОДИНАМИКА КУЛЬТУРЫ В ТЕХНОГЕННОМ МИРЕ
Н.З. Алиева, Ю.С. Шевченко, г. Шахты, Россия 686
КРАСОТА КАК ЦЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭТИКИ
А.В.Барковская, г. Минск, Беларусь 688
ЕЎРАПЕЙСКІЯ ГАРЫЗОНТЫ МІЖКУЛЬТУРНАГА ДЫЯЛОГУ
Л.М. Уладыкоўская, г. Мінск, Беларусь 692
КОНВЕНЦИЯ И КОНВЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ СОВРЕМЕННОСТИ
В.И. Ворников, г. Одесса, Украина 695

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАЦИИ VS ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
Т.П. Глушко, г. Киев, Украина 697
НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ: МЕЖДУ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПОЙ И РОССИЕЙ
Е.А. Данилова, г. Минск, Беларусь 699
НАСУЩНОСТЬ ФИЛОСОФИИ В МИРЕ «ПОСТ-КУЛЬТУРЫ»
В.Ю. Даренский, г. Луганск, Украина 702
СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ: ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ
И.Д. Денисенко, г. Харьков, Украина 706
ПРОБЛЕМА РАЦИОНАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ФИЛОСОФСКОГО МЫШЛЕНИЯ
А.П. Ждановский, г. Минск, Беларусь 709
ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО И АКАДЕМИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО КАК СФЕРЫ БЫТИЯ ФИЛОСОФИИ
А.И. Зеленков, г. Минск, Беларусь 712
АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА КУЛЬТУРЫ
Л.А. Зеленов, А.А. Владимиров, г. Нижний Новгород, Россия 716
ИНФОРМАЦИОННО-КОМПЬЮТЕРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА
В.А Иноземцев, В.Е. Удовик, г. Москва, Россия 719
«БЫТЬ, ИМЕТЬ, ЗНАТЬ И УМЕТЬ»
В.Н. Калмыков, г. Гомель, Беларусь 722
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ СТАТУС ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ
Г.И. Касперович, г. Минск, Беларусь 726
ТОПОСЫ ДИХОТОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ «ВОСТОК-ЗАПАД»
М.В. Колинько, г. Донецк, Украина 729
СВОБОДА ЧЕЛОВЕКА И ЦЕННОСТНЫЕ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА
А.Г. Косиченко, г. Алматы, Казахстан 731
СВОБОДА ОТ РАЦИОНАЛЬНОСТИ ПРОТИВ СВОБОДЫ РАЦИОНАЛЬНОСТИ
Е.Б. Кузина, г. Москва, Россия 735
ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ФИЛОСОФИЯ ЦЕННОСТЬЮ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ?
Б.М. Лепешко, г. Брест, Беларусь 737
УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО СИНТЕЗА СОВРЕМЕННОСТИ

Н.М. Мамедова, г. Москва, Россия 741
ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ РЕЛИГИОЗНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ
М. С. Петрушкевич, г. Острог, Украина 744
СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ПРОСТРАНСТВЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ
О.П. Пунченко, г. Одесса, Украина 747
О ПОНЯТИЯХ «ДУХОВНОСТЬ» И «НРАВСТВЕННОСТЬ»
В.Ш. Сабиров, г. Новосибирск, Россия 750
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ И ИРРАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ
М.А.Скринник, г. Дубляны, Украина 753
УРОВНИ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА
Л.Г. Титаренко, г. Минск, Беларусь 756
КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ О КРИТЕРИЯХ ТВОРЧЕСТВА
О.Н. Томюк, г. Екатеринбург, Россия 759
ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ И ДУША ЧЕЛОВЕКА
А.Г. Трофимчук, г. Новочеркасск, Россия 762
КОСМОПОЛИТИЗМ В СТРУКТУРЕ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ДИАЛОГА
Ф.С. Приходько, г. Горки, Беларусь 766
ФИЛОСОФИЯ КАК НАУКА: ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ПОТЕРЯННЫХ ВЕКОВ
Мастер-класс Ю.А.Ротенфельда, г. Луганск, Украина 768
ТРАНСФОРМАЦИЯ МОРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ
А.С. Лаптенок, г. Минск, Беларусь 773
КОММУНИКАТИВНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК ИМПЕРАТИВ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ
Я.С. Яскевич, г. Минск, Беларусь 776

ФОРУМ 3
Инновационное развитие и социальные риски в эпоху глобализации

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ МОДЕРНА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

А.Н. Авдеенков, г. Москва, Россия

Происходящие в современном мире процессы глобализации и интернационализации заставляют по-новому взглянуть на ряд традиционных явлений и подвергнуть иному осмыслению прежние проблемы. К числу таковых относится тематика идеологии. Немаловажным является вопрос о том, каким образом основные идеологии Модерна (либерализм, консерватизм, социализм, марксизм и др.) подвергают оценке феномен экономической, политической и культурной глобализации, а также вопрос о том, каким образом глобализация оказывает влияние на традиционные идеологические программы и ценностные установки.

Под идеологией мы будем понимать систему представлений о наиболее оптимальном устройстве общества, государства, о взаимосвязи

индивидов между собой, а также с обществом и государством. Классические идеологии начинают формироваться в Новое время в странах Европы, распространяя свое влияние в дальнейшем и на другие страны и континенты. Идеологии тесно связаны с ценностями, с набором представлений о сущем и должном, к которому следует стремиться, который необходимо защищать. Так, например, консервативная идеология возникает в качестве реакции на ценности Великой французской революции и подготовивших ее идей Просвещения.

Идеологии на протяжении нескольких веков определяли общественное устройство, задавая вектор политической борьбы, становясь источниками разногласий или, напротив, консолидации социальных групп и слоев. В эпоху глобализации происходит определенная трансформация идеологического сознания. Процессы глобализации, характеризующие современное мировое устройство, оказывают влияние на характер наиболее распространенных идеологий современности; наконец, идеологические системы ценностей (т.е. ценностные постулаты и ориентиры, характерные для конкретной идеологии) находятся в определенном отношении к происходящей глобализации экономики, политики и культуры в мировом масштабе.

Процессы глобализации ставят под сомнение прочность национального государства, характеризуются десуверенизацией и гомогенизацией мирового пространства. В глобальном мире резко возрастает значение каждой личности. Так, Дж. Розенау использует выражение «умелый индивидуум», чтобы подчеркнуть тем самым способность отдельного индивидуума принимать участие в экономической, политической и культурной жизни как на национальном, так и на глобальном уровне [2, с. 189]. Процессы глобализации ведут к усилению роли и значения человека, что позволяет выстраивать не только социокультурные и коммуникационные линии взаимодействия, но и участвовать в создании политических и экономических структур транснационального уровня, а также правовых институтов, регулирующих подобные глобальные отношения. Вспомним, что гражданское право в национальном масштабе базируется на принципе равенства, свободы и неприкосновенности собственности участников. Говорить о создании глобального гражданского общества с глобальными правовыми институтами можно лишь в случае соблюдения подобных принципов. Сторонники глобализации указывают на то, что в современных условиях создаются платформы для равного участия индивидов в мировой политике. Свободное и равное участие индивидов в коммерческой деятельности мирового масштаба ведет к созданию транснациональных компаний (так же, как и в национальных масштабах создаются юридические лица с целью

минимизации предпринимательских рисков), влияющих на политику национальных государств.

С точки зрения ряда исследователей, конец Модерна означает также и конец основных идеологий этой эпохи: либерализма и неолиберализма, консерватизма, социализма и марксизма. Постмодерн влечет за собой новую идеологию, которая осмысливает современные процессы и задает вектор общественных изменений, – речь идет об идеологии космополитизма. В частности, У. Бек следующим образом характеризовал идеологические трансформации современной нам эпохи: «Великие идеи европейского модерна – национализм, коммунизм, социализм, а также неолиберализм – исчерпали себя. Следующей великой идеей мог бы стать *самокритичный космополитизм*, если бы эту исконную традицию модерна удалось открыть для вызовов XXI века» [1, с. 368].

Однако глобализация часто характеризуется как процесс, происходящий в русле неолиберальных идей и ценностей. Кризис доктрины «государства всеобщего благоденствия» (welfare state) в 1970-годы в Европе во многом определил выход на мировую арену неолиберализма. Данная идеология концептуально оформляет принципы наименьшего вмешательства государства в экономическую жизнь (хотя и не отрицает их полностью, подобно классическому либерализму), выход за пределы национальных границ и формирование транснациональных структур (МВФ, Всемирный Банк, ВТО, ЕС и др.), являющихся своего рода «визитной карточкой» глобализации.

Левые идеологии традиционно связывали надежду на социальные преобразования с аппаратом национального государства и его механизмами перераспределения (именно такими проектами являлись коммунистический строй в СССР и доктрина welfare state в странах Западной Европы в 1950-1960-е годы). Кризис национального государства и ограничение его потенциала в эпоху глобализации означает также кризис и левых идеологий в традиционном понимании [3, с. 150]. Среди социал-демократов, неомарксистов и др. отныне можно встретить два направления: сторонников интеграции в новые глобальные структуры с целью демократическим путем отстаивания собственных взглядов и противников происходящих процессов глобализации как пагубных и наносящих вред социальной справедливости в национальном и глобальном масштабах.

Литература:

1. Бек, У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция; Издательский дом «Территория будущего», 2007.

2. Rosenau, J. Turbulence in World Politics: A theory of Change and Community / J. Rosenau. – Princeton: Princeton University Press, 1990.

3. Hayden, Patrick and Chamsy el-Ojeili. Critical Theories of Globalization. Critical Theories of Globalization. – Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2006.

ИСКУССТВО КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: УКРАИНСКИЙ КОНТЕКСТ

Н.Н. Аверьянова, г. Киев, Украина

Глобализация, как многомерная международная интеграция, с одной стороны, дает человечеству качественно новый виток развития. Она усиливает экономические, политические и культурные связи между странами. А с другой стороны, – способствует формированию космополитической культуры, которая агрессивно противостоит национальным традициям; в определенной степени ограничивает страны мира в праве выбора собственной стратегии развития и усугубляет неравномерность их экономического развития. Поэтому одним из факторов сохранения национальной идентичности является обращение к художественному наследию своего народа, к искусству.

Национальное искусство прошлого позволяет современной личности более четко актуализировать свои представления о природном, культурном и социальном мире своих предков. Оно дает возможность понимать прошедшие эпохи, сопереживать национальным героям, вступать во «внутренний диалог» с выдающимися историческими личностями, с авторами произведений. Национальное искусство является отображением культурного развития нации, ее традиций, оно стимулирует и обогащает развитие национальной культуры, при этом, активно влияя на создание новых духовных и художественных ценностей, поддерживает и усиливает интерес к обычаям, обрядам, языку.

В художественном наследии современная личность находит философские, моральные, социальные идеи, которые становятся средством постижения и практического созидания мира в наши дни. Произведения искусства способствуют тому, что исторический опыт нации становится предметом патриотических переживаний личности и частью ее собственного жизненного опыта. Искусство раскрывает внутреннее богатство национальной культуры, ее связь с культурным наследием других наций, а также обеспечивает достойное место нации во всемирном пространстве общечеловеческих ценностей.

Особенностью современного искусства есть его всевозрастающая коммерциализация. Действительно, мир современного искусства – это рынок, в котором существуют прямые продажи и реклама. Искусствоведы и культурологи, поднимая вопрос о коммерциализации искусства, в

первую очередь, обращают внимание на факт понижения социальной и эстетической значимости современного искусства. Современное искусство очень разнородное и многообразное, оно связано с доминирующим в обществе визуальным и экранным типом культуры, под влиянием которых происходят дальнейшие видоизменения традиционных видов искусства (музыки, литературы, театра, хореографии, изобразительного искусства, архитектуры). Изобретены новейшие разновидности арт-практик (перформансы, инсталляции, хэппенинги), образующие новые арт-языки и арт-пространства. Новые возможности медиа-искусства доступны всем и каждому.

Но картина современного искусства «…была бы неполной без феномена массовой культуры, принципиально ориентированной на массовый художественный рынок и производство идеологем массового сознания (культ звезд, потребления, массовых фобий, жизненного успеха). Массовая культура развивается по преимуществу в средствах коммуникаций, непосредственно представляющих господствующие политические, экономические и идеологические референции общества и непосредственно включающие социализирование индивидов в тотальные системы власти» [3, с. 285]. В свою очередь, неотъемлемой частью массовой культуры является массовое искусство – совершенно новый тип художественной практики, которая ориентирована, прежде всего, на широкую массовую аудиторию и которая несет определенные идейно-эстетические принципы.

Сегодня массовое искусство в Украине – это вариант «вестернизации», а также вариант российского массового искусства, поскольку Украина не имеет четкого контроля над производством собственной массовой продукции. На экранах телевизоров, на сайтах в Интернете прослеживается тотальное засилье американских кинофильмов и российских телесериалов, огромное количество шоу, калькированных из американских телепередач, звучит преимущественно западная и российская популярная музыка. Так, например, на украинских телеэкранах на протяжении года демонстрируется приблизительно 150 разных фильмов, из них только 2 – 3 % украинского производителя, остальные, в основном, – американские, к тому же они дублированы на русском языке. Если брать музыкальные произведения, то здесь украинские исполнители занимают 10 % музыкального рынка в Украине, российские – 50 %, остальные – американские и западные исполнители. Следует отметить, что в последнее время популярность украинской песни и музыки возрастает [2].

Современное искусство в Украине предлагает огромный выбор готовых моделей и стилей поведения, так же заимствованных их западных и американских образцов. Важно то, что эти шаблоны, ориентированные

на «среднего» потребителя, в украинском обществе воспринимаются как эталоны, которые необходимо внедрять в собственную жизнь.

Украинское искусство, войдя в глобализационную эпоху, теряет свое концептуально-аналитическое содержание и социальную значимость. Информационное поле Украины заполнили произведения искусства с картинами агрессии, цинизма, жестокости. Телевиденье без ограничения транслирует программы и фильмы со сценами насилия, эротики для взрослых, прослеживается тенденция гендерных стереотипов, соответствующих нормам патриархальной культуры. Транслируя такие гендерные стереотипы и модели гендерно-стереотипного поведения женщин и мужчин, культ грубой физической силы, эксплуатируя внешность женщины, представляя ее преимущественно как секс-объект, телевиденье усиливает неравенство полов [1]. Показываются сюжеты, где оправдываются любые средства для достижения карьерного роста, пропагандируются свободные сексуальные отношения и др.

Современное искусство в Украине очень коммерциализировано, оно растворяется в гламурно-галерейной продукции. Для реализации своих художественных проектов мастерам необходимы большие денежные затраты (дорогая полиграфия и материалы, определенное место и подсветка и др.). Меценаты и коллекционеры вкладывают огромные деньги в произведения, которые ничего для них не значат и которых они не всегда понимают. Они, в первую очередь, платят за «имя», популярное только сегодня, ведь многие произведения современного искусства не могут долго храниться (например, не осязаемы, не материализованы и т. д.). Взамен за денежные вклады меценаты и коллекционеры приобретают имидж ценителей и знатоков искусства, а также, возможно, стают более известными людьми.

Биеннале, фестивали, инсталляции, перформансы, проходящие в Украине, показывают, что реципиент должен быть подготовлен к их восприятию, так как современное искусство нельзя оценить, пользуясь обычной шкалой ценностей. Совсем не отрицая наличие талантливых мастеров в искусстве, надо все же отметить, что большое количество современных произведений искусства может быть понято только интеллектуалом. Или зритель должен быть нестандартным и смелым человеком, чтобы открыто заявить о непонимании смысла увиденного им творения. Искусство же прошлого, в первую очередь, направляло реципиента на некий идеальный образ и ориентировалось на эстетическую функцию.

Таким образом, проблема искусства не отделяется от проблемы национальной самоидентификации, так как художественное наследие своего народа – один из важнейших факторов сохранения национальной идентичности в условиях глобализации. Оно формирует духовно-

мировоззренческие интенции личности, поскольку духовность, национальный образ мира и национальные ценности, представленные в нем благодаря сопереживанию, смыслопрочтению, рефлексивной активности и пониманию, воспринимаются реципиентом как свои. Обращение к национальному искусству прошлого, к украинским традициям в искусстве, к национальной тематики в произведениях может стать путем активизации социальной роли искусства. Необходимо четко осознать, что, не защищая свою идентичность, нация теряет свои базовые ценности, идеалы, приоритеты, ее ждет неизбежная маргинализация в глобализированном геополитическом пространстве.

Литература:

1. Аверьянова, Н.Н. Использование масс-медиа в контексте гендерного воспитания / Н.Н. Аверьянова // Медиафилософия VI. Необратимость трансформации. – СПб.: Санкт-Петербургское Философское общество, 2010.

2. Кушнарьова, М.Б. Основні тенденції розвитку масової культури в сучасній Україні в контексті глобалізації. Аналітичний огляд / М.Б. Кушнарьова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: php culturalstudies.in.ua/zv_2009-7.php

3. Новейший философский словарь / Сост. А. А. Грицанов. – Минск: Изд-во В. М. Скакун, 1998.

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

С.В. Адамович, г. Гродно, Беларусь

Последние десятилетия XX в. ознаменовались гигантскими геополитические сдвиги в мировом обществе: завершение «холодной войны», вместе с тем крах биполярной системы, передел сфер влияния и формирование новых центров силы, рост идеологического противоборства на мировой арене и стремительное расширение конфликтного пространства. Глобализация трансформирует социальную реальность, затрагивая базовые структуры и ценности современной цивилизации. Сменяются парадигмы общественного сознания, усиливаются пессимистические настроения, ощущения надвигающихся катастроф и «конца света» в обществе.

Изменение характера и динамики социальных взаимодействий активизировало научные поиски моделей нового жизнеустройства, механизмов и институтов, которые будут способны противостоять негативным проявлениям со стороны глобальной геополитической либерализации. Вызревает необходимость выработки новой стратегии развития общества, имеющей социально-историческое обоснование,

преемственность с традициями прошлого и направленной на сохранение цивилизационного разнообразия. Большинство ранее выработанных европоцентричных концепций и моделей развития не отвечают нынешним реалиям и опыту незападных цивилизаций. В этом потоке научных поисков, значительно меньше внимания уделяется анализу потенциальных возможностей современного государства стать главным организующим началом в формировании качественно новой социальной картины мира. Опыт всех предшествовавших крупномасштабных трансформаций свидетельствует о том, что исторически доминирующим вектором и проводником преобразований в мире выступало государство.

Безусловно, учитывая глубину и масштабность происходящих перемен, институт государства не только воздействует на организацию социально-исторического пространства, но и сам подвержен трансформациям. Государство, выступая на различных этапах исторического развития, приобретает разнообразные институциональные формы и структурно-функциональные особенности. На современном этапе, вопрос воздействия глобализационных процессов на государство и его традиционные основы становится наиболее актуальным. В научной и публицистической литературе последних лет не отрицается непосредственное воздействие глобализации на государственный институт. Однако понимание сущности нынешнего государства и реализации его функциональных возможностей, в условиях современных глобальных трансформаций, оценивается исследователями по-разному. Так, по мнению Е. Пономоревой глобализация не только меняет социоэкономическую и политическую картину мира, но и трансформирует внутреннюю сущность суверенитета, изымая у государства функции организации и управления физическим пространством. Речь идет о формировании новых подходов и центров управления, возникновении новых средоточий экономической власти и могущества, легитимной глобальной интервенции [1, с. 101]. В свою очередь С. Кизима считает, что государство утрачивает свои функции на национальной территории ряда незападных стран не в силу глобализации, а в силу распространения государственной и окологосударственной власти западных стран под маской глобализационных процессов [2, с. 68].

Наиболее радиально, по данному вопросу, высказываются апологеты неолиберальной модели глобализации. Они сходятся на неадекватности института государства современным условиям, считая его отжившей формой власти. Принцип народного суверенитета, по их мнению, устарел и исчерпал свой политико-правовой и социально-исторический ресурс. Таким образом, происходит закат государства, оно отмирает как субъект политики, а на его смену должны прийти различные постгосударственные образования.

Обобщая вышеизложенное, нельзя не согласиться с всевозрастающим масштабом влияния процессов глобализации на государство и его суверенитет. Очевидно, что трансформация суверенитета, его внутренней сущности и его носителя – государства, неизбежна. По какому сценарию она будет проходить в современной специальной литературе, нет однозначного решения. Ученые и эксперты высказывают различные предположения по поводу того, кто станет наследником национально-государственного суверенитета либо его части. Ряд исследователей полагает, что это будет мировое правительство, другие – локальные цивилизации, третьи – региональные центры («государства-регионы»).

В этих условиях национальное государство должно искать пути для сохранения и укрепления основных атрибутов своей власти. В условиях господствующей в мировом хозяйстве рыночной, капиталистической экономики именно национальное государство должно оставаться основным субъектом хозяйствования и на сегодняшний день является наиболее эффективным стабилизатором экономического развития. Основным направлением при преодолении негативных проявлений со стороны глобальной геополитической либерализации, становится успешная реализация ведущих функций государства:

- конструктивное ограждение от влияния многочисленных политических и экономических надгосударственных образований и ТНК;
- формирование общего экономического и правового пространства;
- осуществление процесса накопления и инвестиций в национальное производство и установление ориентиров и приоритетов деятельности предпринимательских и других структур;
- поддержка целостность и безопасность общества;
- преследование долгосрочных национальных интересов и целей;
- установление ограничительных мер для общественно опасной деятельности;

Таким образом, все большее количество исследователей склоняются к тому факту, что легитимного эквивалента национальным государствам на глобальном уровне все равно нет, поскольку именно они только и вносят некоторую упорядоченность в априори довольно хаотичную техногенную цивилизацию.

Все вышеназванные факторы, стимулируют научное сообщество к выдвижению альтернативных по отношению к глобализации моделей развития. На данный момент, уже существует множество таких моделей, основанных на разнородных критериях и имеющие различный потенциал реализации. Так, реальный альтернативный путь решения существующих

проблем приводит Е. Пономарева. Приведенная ею модель строится по мировоззренческим лекалам «человека культуры», а не «Homo economicus» и адекватна в первую очередь гуманитарным ресурсам социума. Предполагается, что данный альтернативный проект будет учитывать диверсифицированную, регионолизированную структуру социального пространства, стремиться к созданию полицентричного пространства. Это логично и оправдано прежде всего потому, что каждый локальный социум является активным носителем собственной «центральной» системы социальных ценностей, форм самоиндетификации и самоорганизации. Признаки такой модели, по ее мнению уже можно заметить в политической практике государств, которые борются за сохранение собственного «Я» в мировой системе, ощущают себя достойными своего будущего. Среди развитых стран – это Канада, Норвегия, Япония. Среди развивающихся – Россия, Белоруссия, Китай [1, с. 107]. Таким образом, солидируясь с вышесказанным, необходимо признать, что для безопасного функционирования и успешной реализации своих геополитических интересов необходимо выдвижение альтернативного по отношению к глобализации и сопоставимого по масштабам мегапроекта.

Таким мегапроектом, способным противостоять негативным проявлениям американо-западнической модели глобализации со стороны современного государства станет тот, который будет учитывать региональные и мировые тенденции развития. Его основу должны составлять долгосрочные, соответствующие культурно-историческому опыту цели, а не прагматические, недальновидные, навязанные извне интересы. Для реализации данного проекта необходимо наращивать потенциал национального государства, что в данных исторических условиях соответствует поиску оптимальной парадигмы эффективной структуры государственного управления.

Литература:

1. Пономарева, Е.Г. Суверенитет в условиях глобализации. Понятийная категория и политическая практика / Е.Г. Пономарева // Свободная мысль. – 2007. – № 11.

2. Кизима, С.А. Вызовы западного глобализационного проекта и национальное государство / С.А. Кизима. – Мн.: Акад. Упр. При Президенте Респ. Беларусь, 2008.

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ[5]

[5] Статья подготовлена в процессе работы над грантом БРФФИ для молодых ученых на тему «Социальные проблемы регуляции трудовой мобильности в Беларуси» (№ гос. регистрации 20123201 от 16.10.2012).

А.И. Амбражевич, Е.Б. Палховская, г. Минск, Беларусь

Беларусь активно участвует в процессах международной трудовой миграции, о чем свидетельствуют результаты анализа статистических данных и социологических исследований. Одним из базовых и весьма распространенных объяснений миграции является положение о том, что она обусловлена суммарным действием факторов «выталкивания» и «притяжения», имеющих экономическую, демографическую, социальную и политическую природу. Ежегодно Республика Беларусь теряет трудовые ресурсы, которые восполняют дефицит в других странах. Как правило, это те категории населения, потеря которых оказывает наиболее негативное влияние на перспективы экономического роста. Однако трудовая миграция несет в себе социальные риски не только для страны донора, но и для самого участника миграционного процесса.

Основные социальные риски трудовой миграции для индивида рассмотрены на основе данных авторского социологического исследования. Под социальными рисками в данном исследовании подразумевается понижение экономического, социального и профессионального статуса мигранта после переезда.

Исследование состояло из серии онлайн интервью. Выборка строилась методом «снежного кома». Выбор данного метода построения выборки объясняется труднодоступностью объекта исследования – белорусских трудовых мигрантов в Германии. В процессе исследования проведено 300 интервью с трудовыми мигрантами из Беларуси, которые на данный момент живут и работают в Берлине, Баден-Вюртемберге и Гамбурге. Выбор Германии как страны для проведения исследования обоснован следующим. Согласно официальной статистике ежегодно в Германию уезжает более пятисот белорусских граждан, что составляет 1/3 от общего количества мигрантов в страны Евросоюза [1, с. 133]. Германия остается привлекательной страной для мигрантов даже в период кризиса, поскольку средняя заработная плата в Германии за 2012 г. составила 28 952 евро в год [2]; ВВП на душу населения – 32 тысячи евро [3]. Германия проводит активную миграционную политику, направленную на привлечение квалифицированных кадров.

По данным авторского исследования многие трудовые мигранты уезжали за границу, не владея всей информацией, необходимой для эффективной адаптации. Так 1/3 мигрантов не знали, где и кем будут работать (35%), сколько будут зарабатывать (36%). 1/4 часть мигрантов не имела представления будет ли им оплачена медицинская (26%) и социальная (28,7%) страховка, где они будут жить (24,7%). Не изучали перед отъездом за границу трудовое и миграционное законодательство принимающей страны 24% респондентов. Таким образом, риски, которые брали на себя не менее трети трудовых мигрантов, были достаточно

высоки. Данные исследования показывают, что для большинства опрашиваемых респондентов эти риски не оправдались.

В результате трудовой миграции 2/3 респондентам удалось не только получить работу по специальности (т.е. не потерять свою квалификацию), но также повысить свой должностной статус – 44%. Особенно это характерно для мигрантов занятых в таких сферах как IT-технологии, маркетинг, образование. Как результат, 69,7% опрашиваемых довольны своим должностным статусом за границей. 88,3% респондентов сообщили об улучшении своего материального положения. Среднемесячный доход большинства респондентов составляет 1-3 тыс. евро. Согласно результатам исследования у 26,7% эмигрантов жилищные условия после переезда улучшились, у 67,0% - не изменились.

Если говорить о социальном оптимизме трудовых мигрантов и их удовлетворенности различными социально-экономическими аспектами, отметим, что 90% в той или иной степени удовлетворены содержанием своей работы, 87,7% - условиями труда, 86% - техническим обеспечением рабочего места, 81,7% - размером заработной платы (отметим, что это в 2,5 раза выше, чем удовлетворенность зарплатой работников в Беларуси), 83,7% - отношениями в коллективе, 87,7% - отношениями с руководством, 81,4% - имеющемся социальным пакетом, 83,7% - своей работой в целом, 93% - жилищными условиями (рисунок 1).

Рисунок 1 - Удовлетворенности респондентов различными социально-экономическими аспектами, %

Таким образом, мы имеем довольно высокие оценки удовлетворенности замеряемыми социально-экономическими параметрами.

Большинство трудовых мигрантов (78%) отмечают, что их ожидания относительно работы за границей в той или иной степени оправдались, 77,7% отмечают оправдавшиеся ожидания относительно заработка, 85,7% - относительно жилья. В целом социальные настроения мигрантов очень оптимистичны. Так 94,7% отмечают, что трудовая миграция была выгодна для них в финансовом плане, 76% - миграция была выгодна в

профессиональном плане, 67,7% - в решении жилищного вопроса, 60,3% - в социальном плане (рисунок 2).

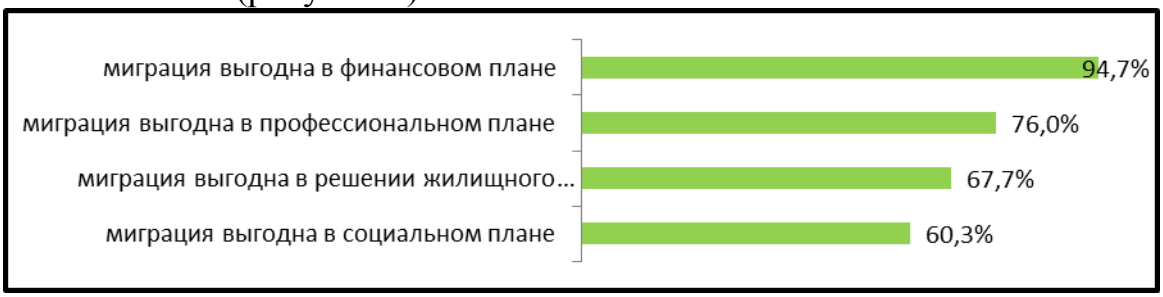

Рисунок 2 – Оценка результатов миграции респондентами, %

При обсуждении дальнейших планов и перспектив 59,7% респондентов сообщили о намерении остаться за границей на постоянное место жительство. Наиболее значимыми условиями, при которых трудовые мигранты готовы вернуться в республику, являются сокращение рабочих мест за границей в связи с экономическим кризисом и в результате потеря работы мигрантами – это условие называют половина опрошенных (50%). Увеличение расходов на жилье за границей и вместе с тем реальная возможность получить жилье в республике – работают как притягивающие факторы для 1/5 части опрошенных (21%). Рост уровня зарплаты в республике назвали в качестве необходимого условия возвращения 14,7% респондентов. Отметим, что 1/4 часть респондентов выбрали позицию «не вернулся бы никогда».

В результате анализа выявлено, что доля респондентов, которым удалось преодолеть риски (улучшить должностной, экономический и социальный статус) после переезда за границу, составляет 53% от всех опрошенных, что свидетельствует о высоком уровне конкурентоспособности наших соотечественников на европейском рынке труда. Это не просто трудовые ресурсы, которые теряет республика. Это квалифицированные специалисты с высоким адаптационным потенциалом, которые приносят пользу экономике другой страны. Очевидно, что в современной ситуации необходимо не только изучить инструменты управления международной трудовой миграцией, но дополнить традиционные подходы к регулированию миграции, опиравшиеся исключительно на государственные инструменты, социологическим инструментарием, позволяющим корректировать миграционную политику на основе изучения экономических интересов, потребностей, миграционных настроений мигрантов выезжающих за пределы республики.

Литература:

1. Статистический ежегодник Республики Беларусь 2012: стат. сб.– Минск: УП Минстата «Главный вычислительный центр», 2012.

2. Durchschnittlicher Jahresarbeitslohn in Deutschland bis 2010 und Prognose bis 2016 [Электронный ресурс]. – Минск, 2012. – Режим доступа: http://de.statista.com/statistik/daten/studie/164047/umfrage/jahresarbeitslohn-in-deutschland-seit-1960/ – Дата доступа: 10.02.2013.
3. World Economic Outlook Database / International Monetary Fund [Электронный ресурс]. – Минск, 2013. – Режим доступа: http://www.imf.org/external /pubs/ft/weo/2013/01/weodata/weorept.aspx?sy=2011&ey=2013&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&pr1.x=21&pr1.y=15&c=134&s=NGDPRPC%2CNGDPPC&grp=0&a=#cs1 – Дата доступа: 2.06.2013.

СОЗДАНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ ОБРАЗА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

С.М. Алейникова, г. Минск, Беларусь

Одной из наиболее актуальных и крайне неоднозначных тенденций на постсоветском пространстве является переоценка общего прошлого стран и отношения к Великой Отечественной войне, постепенная трансформация и замещение коллективной памяти восточнославянских народов новыми идеологическими конструктами, ставящих своей целью демонизацию советского прошлого и формирование новой идентичности. Все это выявляет достаточно четко оформившуюся проблему современного российского общества: противоречие между декларацией недопустимости переписывания истории, и активной фактической реализацией данного процесса различными политическими силами.

Между тем, Великая Отечественная война – единственное событие, относительно которого присутствуют, во-первых, определенные знания истории, исторических фактов, во-вторых, единодушие в оценках и осознании всеобщей гордости за Победу, массовый героизм и патриотизм советского народа. В силу указанных объективных причин основным инструментом в перекодировании «нежелательной» памяти о войне в рамках общей российской тенденции десталинизации и демонизации советского прошлого становится не столько разрушение (исключение), сколько ее постепенное замещение. Осуществляется процесс замещения в том числе через активное вовлечение в данную деятельность РПЦ, позиция которой в целом последовательна и логична, хотя и не лишена отдельных противоречий.

С одной стороны, церковь безусловно отдает дань погибшим и победившим в войне. С другой стороны, очевидны ее попытки монополизации общей победы советского народа и памяти. В этой связи интерес представляет анализ выступлений Патриарха Кирилла в контексте

памятных военных дат. Здесь и далее все цитаты приводятся по одному источнику со ссылкой на официальный сайт РПЦ [1].

Именно Патриарх Кирилл, возможно, первый вскрыл и сформулировал глубинную суть образа Победы, которую она приобрела в последние десятилетия: как «величайшей духовной традиции». Однако в своих выступлениях он конкретизирует и раскрывает смысл данной традиции в узком, религиозном понимании.

Война рассматривается им одновременно и как «*наказание* за грех богоотступничества всего народа», и как «*дар* Божественной справедливости и *дар* Божественной любви». Присутствует и другая версия (модель) войны как одного из воплощения дьявола: «война была войной со злом… причина зла – вне этого видимого мира, там, где была первая битва Архангела Михаила с падшим Денницей». Соответственно война – просто «*материализация той злой силы*». Абстрактность категорий в данном случае вполне объяснима, поскольку конкретизация образа врага неизбежно влечет конкретизацию образа победителя и предсказуемо отсылает к «нежелательной памяти».

В отдельных случаях (как правило, в выступлениях Патриарха за пределами России) конструкция врага приобретает земные черты: «огромное число людей признает решающую роль нашей страны… в преодолении *нацизма*». Встречается упоминание о борьбе с *фашизмом* и «*иноземной силой*». Победителем в данном варианте конструкции также выступает также конкретный образ – Советский союз. Условия же и факторы Победы не уточняются.

Последовательно выстроенный образ войны (наказание, дар, злые силы) предполагает конструирование образа врага, против которого велась война: грех богоотступничества, безбожие, дьявол, поскольку именно они, согласно данной конструкции, являются первичной причиной войны. Фашизм, нацизм, иноземная сила и т.п. внешние геополитические и военные факторы выступают вторичным следствием – инструментом, формой, методом наказания.

Следующим этапом замещения образа Победы можно назвать моделирование образа победителя. В данном случае Патриарх избегает категорий, несущих какую-либо идеологическую, политическую или религиозную нагрузку (например, советский народ, русский народ, православный народ и т.п.). В качестве победителя в большинстве случаев выступает обезличенный, лишенный персонифицированных признаков, народ: «наш народ», «свой народ», «ваш народ», «весь народ».

Что касается отношения к Победе, то здесь в риторике Патриарха встречается двойственность относительно источника, причин и факторов, обеспечивших Победу. Отдавая должное мужеству и героизму народа, Патриарх последовательно отказывает в ее обусловленности чем-либо

иным, нежели исключительно православной верой и молитвой: «Героизм русского человека всегда поддерживался *силой православной веры*».

Нерелигиозный героизм, по мнению Патриарха, в принципе невозможен, поскольку «*в рамках безбожного мировоззрения невозможно оправдать ни героизма, ни подвига, ни самопожертвования*, и если на такой подвиг идут люди, которые не осознают себя религиозными, то это не означает, что их мотивация подвига лежит в материалистической плоскости» [2]. Логическим продолжением приведенных цитат является Заявление Всемирного русского народного собора: «Именно эти идеалы, а не идеология богоборчества, оказались в основе крепости народного духа, приведшего страну к Победе». Осознанность веры в данном случае не играет существенной роли: «многие люди не верили в Бога, но они оставались носителями нашего национального духовного кода, нашей национальной православной цивилизации, *даже не сознавая этого*».

В этой связи скорее исключением, чем правилом, звучит фраза о том, что «Именно мужеством и героизмом нашего народа и была одержана победа». Правда, здесь же следует существенная оговорка: «С вами Церковь, которая… воодушевляла народ, поднимала его на борьбу».

Приведенные цитаты позволяют выделить два основных условия Победы: а) православную веру, обусловившую героизм и стойкость народа; б) Божие содействие.

В некоторых случаях оба этих условия образуют единую связку: «Несомненно, *силой Божьей*, как и *героизмом* наших людей, ни с чем не сравнимым, враг был отброшен от стен Москвы» [3]. Однако приоритет, безусловно, отводится высшим силам: «…Господь даровал Победу, и из Его спасающей десницы мы получили избавление». Упомянутая в контексте другой войны – 1812 г. – причина победы однозначна («*Мы победили, потому что мы действительно крепко молились*») и не допускает интерпретаций: «Если кто-то сегодня игнорирует этот духовный фактор, то он вновь демонстрирует идеологический подход к истории, который не имеет ничего общего с реальностью».

Следует заметить, что материальные факторы Победы априори исключены из церковной риторики и в принципе не рассматриваются: индустриализация, перенос производства в тыл, обеспечивший уже к середине войны перевес в оружейной и технической мощи, подготовка военных кадров и т.п.

Максимально кратко и ёмко замещение – как символическое, так и содержательное – может быть проиллюстрировано одним новостным заголовком: «Святейший Патриарх Кирилл благословил построить на площади Победы… новый кафедральный собор».

Россия имеет многовековой опыт кардинальной императивной смены мировоззренческих парадигм. Наличие нравственных оснований и

корректность в процессах замещения памяти, особенно в рамках политической идеологии, обладает меньшей значимостью, чем их целесообразность и эффективность. О целесообразности и оправданности текущего опыта, а также о степени его возможного влияния на обороноспособность союзного государства и идеологическое пространство Беларуси, можно будет судить лишь спустя длительный период времени.

Литература:

1. Официальный сайт Русской православной церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.patriarchia.ru. – Дата доступа: 15.07.2013.

2. См.: Религия [Электронный ресурс]. – 29 августа 2011 года. – Режим доступа: http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=41998.

3.См.: Религия [Электронный ресурс]. – 06 мая 2012 года. – Режим доступа: http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=45425.

ТРАДИЦИЯ ИЛИ МОДЕРНИЗАЦИЯ? ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛЬШИ)

В.В. Анохина, г. Минск, Беларусь

Исследования социокультурных последствий неудавшихся попыток модернизации, которые пережила Польша за последние 300 лет, показывают, что можно выделить, как минимум, две национальные травмы, являющиеся их сопутствующими эффектами. Одним измерением этого травматического опыта можно считать утрату независимости и целостности Польши в конце XVIII столетия, а также в период с 1939 по 1989 годы прошлого века. Другим его измерением являются социокультурные последствия разделов Речи Посполитой – нарастающая цивилизационная отсталость Польши, как заброшенной периферии разделивших ее империй, и провоцируемое этим чувство национального унижения. Как отмечает профессор Здислав Краснодембский, современная идентичность поляков, влияющая на акцептацию ими предлагаемых элитами проектов модернизации, сформировалась именно под воздействием этих травмирующих переживаний [2].

Воздействие культурных традиций и исторического опыта польского народа на современные дискуссии о модернизации, а также на ее цели и средства, выбираемые разными политическими силами, неоднозначно. Одержанные поляками победы в битвах за национальную независимость (в 1918 и 1989 гг.) существенно укрепили веру народа в силу суверенной Польши, а также его решимость и политическую способность удержания, развития и укрепления национальной государственности. Но проблема отсталости все еще остается актуальным стимулом перемен, заставляя польское общество сверять национальный уровень экономического,

технологического, политико-институционального и социального развития с достижениями развитых постиндустриальных стран Запада. Идея модернизации как ответа на западный вызов характерна как для «компрадорских» (либерально-демократических), так и для «патриотических» (консервативно-националистических) элит.

В контексте традиционных ценностей и драматических переживаний прошлого социальные приоритеты посткоммунистической трансформации Польши, а также стратегические и тактические цели ее современной модернизационной стратегии получали конкретизацию в рамках определенного аксиологического пространства, ограниченного исторически предначертанным горизонтом. В этом «жизненном мире» польской культуры смыслообразующими перекрестками «внутренних» горизонтов национальной традиции можно считать следующие ценности:

1) солидарность (Solidarność) – принцип социального взаимодействия, основанный на моральных ценностях, воспитанных христианством, таких, как забота о благе общем (Dobro Wspólne), а не о своекорыстных интересах, взаимная ответственность граждан друг перед другом и умение делиться с нуждающимися;

2) любовь (Miłość / Łasca) как принцип межличностных отношений, указывающий на необходимость милосердия, социального прощения, взаимопонимания, поддержания мира в обществе вопреки разделяющим людей ненависти и злопамятству;

3) принцип народной демократии (Narodowa Demokracja), восходящий в сознании поляков к основам социальности раннего христианства, таким, как любовь к ближнему и взаимопомощь;

4) идея народа (Naród Polski / Polszczyzna) как этнокультурной общности, сформированной общим происхождением и единым историческим опытом, которая проявляет себя в традиционном раскладе политических сил и в современной Польше, где популистские лозунги правых консерваторов и национал-патриотов призваны будить оскорбленную в прошлом национальную гордость поляков, иррациональные чувства этнокультурного единства перед лицом чуждых и враждебных Польше имперских культур Австро-Венгрии, России, Германии (Obcy Orly).

Своеобразная констелляция этих ценностей в социокультурном пространстве современной Польше выражена единством трех национальных символов-«паролей»: Bóg, Honor, Ojczyzna. Именно они являются аксиологическим основанием социальной мобилизации польских граждан перед лицом вызовов модернизации и глобализации.

Таким образом, с одной стороны, модернизация могла быть легитимирована в общественном сознании поляков только как фактор укрепления независимости и суверенитета их государства. Особенностью

польского опыта модернизации можно считать оригинальное сочетание эффективных структурных изменений в экономике, демократических преобразований политической системы с неприятием западного, в особенности протестантского, индивидуализма, мультикультурного либертинизма и постлиберального консьюмеризма. Историко-культурное наследие польского народа и его специфический духовно-нравственный этос предполагали безусловный приоритет „dobra wspólnego" по отношению к частным интересам. Поэтому упадок Речи Посполитой в прошлом, отсталость и периферийность польской жизни в традиционном сознании устойчиво ассоциировались с утратой независимости польского государства и неумением властвующих элит следовать цивилизационным сдвигам Нового времени.

С другой стороны, парафиальный уклад польского Костела в сочетании с высоким уровнем социального доверия и солидарности гражданских объединений, профессиональных союзов и сельских католических общин являлись факторами, препятствующими распространению взглядов на модернизацию как примитивную вестернизацию и консьюмеризацию Польши. В этом контексте утрата независимости объяснялась моральным разложением социальной ткани под воздействием утверждения в образе жизни польских элит идеологии личного обогащения и буржуазного успеха.

Современный этап модернизации Польши связан с вызовами, которые обусловлены глобализацией. Большинство современных польских аналитиков обоснованно полагают, что политическая трансформация польского общества, а также вступление Польши в НАТО и Европейский Союз значительно усилили ее положение в глобальном мире. Интенсифицировав свое участие в транснациональных взаимодействиях, польское государство из числа стран мировой полупериферии переместилось в центральную часть глобальной хозяйственно-экономической системы [1]. Такое перемещение означало, в частности, изменение роли с получателя финансовой, технологической, гуманитарной помощи, оказываемой богатыми странами мира более бедным в целях развития и повышения качества жизни, на донора такой помощи. Это поставило перед новыми членами ЕС в лице Польши и ряда других государств Центральной Европы (Чехии, Словакии, Венгрии и др.) непростые задачи финансового, правового, организационно-институционального характера. Став частью Европейского Союза, они приняли на себя целый ряд обязательств, связанных не только с эффективным освоением средств, выделяемых на внутренние реформы из унийного бюджета, но также обязательств, предполагающих активное участие в международных программах ЕС, нацеленных на помощь в развитии беднейшим регионам планеты.

В этом контексте эффекты дальнейшей модернизация государств Центральной Европы, успешно прошедших стадию посткоммунистической трансформации, будут связаны с активизацией их участия в международных организациях, обеспечивающих согласованное взаимодействие европейских народов в решении обостряющихся глобальных проблем. Суть новых задач в этой плоскости заключается в последовательной имплементации всех подписанных на международном уровне деклараций и договоров [3], создания устойчивых механизмов их функционирования в конкретных секторах национальной экономики, политической системы и национального законодательства.

Литература:

1. Anioł, W. Polska wobec wyzwań globalnego rozwoju / W. Anioł // Polityka zagraniczna Polski po wstąpieniu do NATO i do Unii Europejskiej / red. St. Bieleń. – Warszawa: Wydawnictwo Difin, 2010.

2. Krasnodębski, Z. Potrzeba zbiorowej mobilizacji / Z. Krasnodębski // Rzeczpospolita. 5 maja 2011. – URL : http://www.rp.pl/artykul/653010-Potrzeba-zbiorowej-mobilizacji.html

3. Zajączkowski, K. Polski system współpracy na rzecz rozwoju – uwarunkowania, zakres, wyzwania / K. Zajączkowski // Globalizacja a rozwój. Szanse i wyzwania dla Polski / redakcja naukowa Galia Chimiak, Marcin Fronia. – Warszawa : Wydawnictwo naukowe SCHOLAR, 2012.

НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ АКТИВЫ КАК НОВЫЙ ИСТОЧНИК ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Е.А. Анохина, г. Одесса, Украина

Современное общество находится на границе перехода от одной движущей силы к другой, кардинально отличающейся по своему воздействию и эффекту. Человечество не раз в своей истории сталкивалось с переменами, которые приводили к новому представлению, пониманию сущности вещей и дальнейшей трансформации привычной жизни. Речь идет о новом осмыслении важности и необходимости, а порой единственно выгодном качестве, как знания, умения и умственные способности человека. Это обстоятельство более наглядно себя раскрывает, упомянув ранее доминирующие сферы деятельности, способствующие экономическому росту и благоустройству общества, а именно сельское хозяйство и масштабную индустриализацию. В современных научных трудах подобное явление приписывается «новой экономике», и набирающие обороты интеллектуальному капиталу, нематериальным активам. Как отмечает Организация экономического сотрудничества и развития [1] во многих странах инвестиции в нематериальные активы превышают рост в более традиционный вид капитала, а именно машины, оборудование и здания. Собранные данные из

ряда стран показывают их стремительный рост. В Великобритании инвестиции в нематериальные активы увеличились более чем в 2 раза в доле сектора рынка валовой добавленной стоимости в период между 1970 и 2004 годами. Последние исследования показывают ежегодные вклады инвестиций в нематериальные активы в Соединенных Штатах в сумме от 800 млрд. и 1 триллиона долларов США. Для содействия дальнейшему развитию и использованию нематериальных активов необходимо более глубокое понимание их роли в современной экономике. Научные исследования, посвященные этому неосязаемому виду активов можно встретить в таких дисциплинах как: финансы, бухгалтерский учет, организация и управление.

Нематериальные активы представляют собой активы, которые не имеют физического воплощения, способны приносить доход и являются собственностью предприятия.

Одна из классификаций группирует нематериальные активы на три вида: компьютеризированная информация (например, программное обеспечение и базы данных); инновационная собственность (научные и ненаучные исследовательские и опытно-конструкторские работы, авторские права, промышленные образцы, товарные знаки), и экономические компетенции (включая бренд, человеческий капитал, сети объединяющие людей и учреждения, организационные ноу-хау, которые повышают эффективность предприятия, а также реклама и маркетинг).

Более наглядно всевозрастающую роль нематериальных активов можно увидеть на рис. 1.

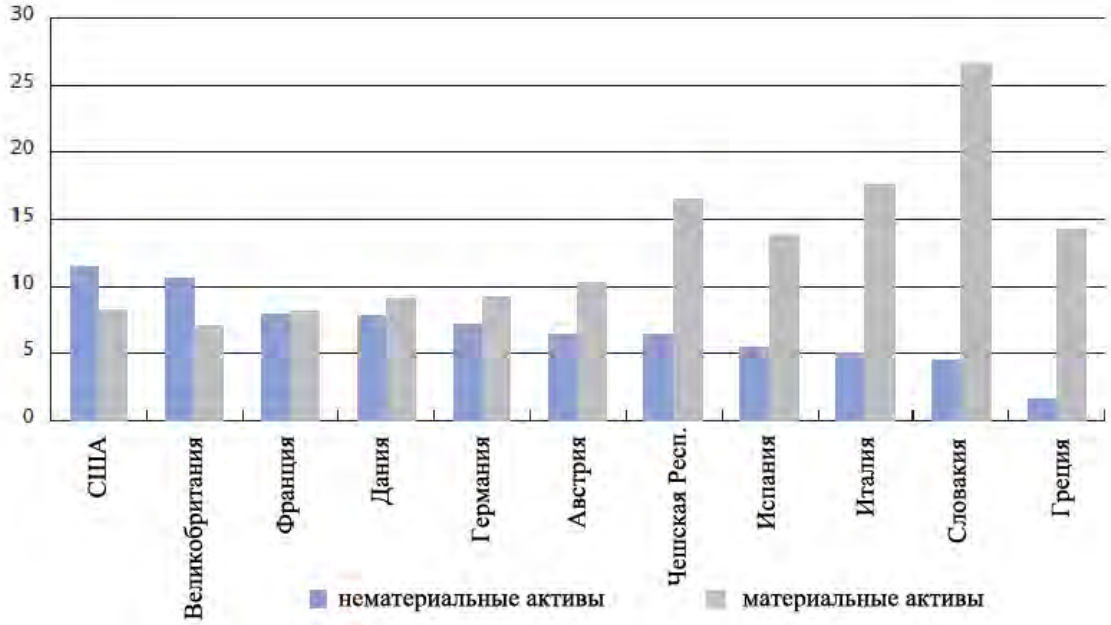

Рис. 1. Инвестиции в нематериальные и материальные активы (в % от ВВП) за 2006 г. [2]

Ключевым моментом в рассмотрении данной проблематики является процесс использования нематериальных активов, а именно каким способом задействовать скрытые возможности предприятия, чтобы получить результат, превышающий все ожидания.

Ответ на этот вопрос следует искать в качественно новой системе управления и всеобщей популяризации важности и необходимости использования нематериальных активов в хозяйственной деятельности. Ведь положительный результат от использования нематериальных ценностей очевиден: – увеличение капитализации предприятия; – формирование привлекательного образа и репутации; – увеличение рыночной стоимости акций; – увеличение чистых активов посредством отражения в бухгалтерском учете прав на имеющиеся нематериальные активы.

В связи с существующей практикой приобретения компаний, по цене намного превышающей балансовую стоимость самого предприятия за счет позитивной деловой репутации и набором исключительных нематериальных преимуществ дальнейшее изучение и разработка качественных методов управления и коммерциализации нематериальных активов представляется важным и актуальным для отечественных предприятий.

Литература:

1. New sources of growth: intangible assets. – Mode of access: http://www.oecd.org/sti/inno/46349020.pdf. – Date of access: 13.09.2013.

2. Measuring intangible capital and its contribution to economic growth in Europe. – Mode of access: http://www.conference-board.org/pdf_free/Art_03_Van_Ark_Vol_14_Nr_11.pdf. – Date of access: 13.09.2013.

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ НЕКОТОРЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПЕРИОД ГЛОБАЛИЗАЦИИ. ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД.

Е.А. Аршавская, г. Москва, Россия

Информационное общество, сформировавшееся как целостная, устойчивая система приблизительно к 80-м годам XX века [1, с. 14], [2], не только способствовало интеграции экономик отдельных стран, но и прежде всего активизировало международную торговлю услугами и товарами в области культуры. В информационном обществе в процессе обмена «продуктами культуры» значительная роль принадлежит СМИ [3].

Процесс глобализации влияет на восприятие личностью своей национальной культуры, и, в целом, ведет к «размыванию» национальной идентичности. Действительно массовая культура, проникая из-за границ, оказывается сильнее «культурных ядер» (констант), хранящих национальные культурные стереотипы, что позволяет сберечь

национальную культуру, ее колорит [4]. Чувство национальной идентичности личности формируется в процессе социализации, в соответствии с «картиной мира», свойственной тому или иному этносу, и сознание личности всегда этнически обусловлено[5, с. 16-21]. Наиболее остро личность осознает свою этническую принадлежность в «смутное» время, однако, в период глобализации чувство этнической идентичности не актуализировано, и применение инноваций направлено прежде всего на изменение сознания, как коллективного, так и индивидуального для адаптации его к запросам потребления. Таким образом, исследование «ценностной картины мира» в эпоху глобализации является актуальным для ряда наук.

Анализируя изменения, происшедшие в 90е годы с непреходящими ценностями - Отечество, патриотизм, долг, честь, знание истории своего народа и т.д., нельзя не согласиться с Богатовым В.В., что отношение к ним претерпело значительные изменения и, в частности, кризис системы патриотического и военно-патриотического воспитания вызван рядом причин, из которых наиболее значимыми являются: 1.дезантивацией, свертыванием работы по патриотическому воспитанию еще в 80е годы XX века; 2. разрушением старой идеологической системы и отсутствием новой системы; 3. культивацией неприязненного отношения к прошлой истории; 4.духовным кризисом для молодежи, для которой доминирующими ценностями стали деньги, успех [6, с. 208-210].

Как отразилось отношение к непреходящим ценностям в индивидуальном сознании? В психолингвистике, прикладной экспериментальной науке уделяется немаловажное значение исследованиям общечеловеческих ценностей и отражению их в индивидуальном сознании, а также проблемам, относящимся к этничности - проблемам этнического стереотипа и национального имиджа. Понятие национального имиджа (образа) [7] лингво-культурного сообщества, получило широкое распространение и анализируется в связи со стремлениями России играть роль одной из ведущих стран мира. Национальный имидж влияет на успешность межкультурного общения при обсуждении таких проблем, как получение инвестиций, разработка международных проектов и т.д.

Можно утверждать, что концепты «патриотизм» и «национальный образ (имидж)» России определенным образом связаны, и отражение образа России (отношение) в индивидуальном сознании может быть раскрыто в ходе эксперимента. В психолингвистических исследованиях широко применяется метод ассоциативного эксперимента, так как ассоциации являются своеобразной формой фиксирования знания в человеческой памяти [8, с. 208-210].

Целью проведенного нами в 2008 году психолингвистического ассоциативного эксперимента - в рамках проекта «Образ России в современном мире»- стало выявление отношения к России- родине у российских корреспондентов. Приведем некоторые данные по частотности ассоциаций с 1 по 15 место

1.родина	6.дом	11.семья
2страна	7.могущество	12.Путин
3.власть	8.государство	13.люди
4.Москва	9.президент	14.сила
5.деньги	10.народ	15.город

Необходимо, однако, заметить, что интерес представляет межпоколенный анализ ассоциаций 2) гендерный, т.е. ассоциаций данный респондентами мужского и женского пола 3)региональный т.е. по месту проживания респондентов.

Однако, в целом, по сравнению с другими странами (нами были отобраны названия 7 стран- Германия, Швеция, Франция, Япония, Великобритания) в реакциях на стимул «Россия» отражает неудовлетворенность жизнью в России, проблемы внутренней жизни- «коррупция», «нищета», «беззаконие», «бесперспективность» и т.д. Реакции также выражают оценку действующей власти - «не думают о народе», «если так дальше пойдет, России скоро не будет» и т.д.[9,с.208-210]. Подводя итоги обсуждению ценности «патриотизма» и по совершенствованию патриотической работы нельзя не принимать во внимание особенности отражения ценности, характеризующие изменения в меж поколенном отношении.

Проблема создания программы патриотического воспитания является актуальной в связи с желанием многих молодых людей эмигрировать за рубеж, поскольку «там больше возможностей для самореализации», «больше комфорта».

Литература:

1. Нефтиев, В.И. Глобализация экономики на рубеже XX-XXI вв. / В.И. Нефтиев // Система экономических отношений всемирного хозяйства на рубеже XXI века. – Ярославль, 1998.

2. По мнению «диссидента» А. Зиновьева, слово «глобализация изобретено как идеологическая маскировка войны, которую западный мир во главе с США ведет за господство над всем человечеством. Зиновьев А. «Идеологическая глобализация»// Независимая газета, 2002, 26 февраля.

3. Приведем примеры. №1. Так, репортеры зарубежных газет указывают на «безликое единообразие», «отсутствие каких-либо национальных особенностей, «специфики» при отборе и презентации международных новостей так что нередко номер китайской газеты «Жень-минжибао» оказывается идентичным какому-нибудь номеру западной

газеты (языки выполняют роль кодов) - по материалам газет. №2. Поскольку некоторые развлекательные передачи были выкуплены у западных телекомпаний и демонстрируются годами, то российские туристы, находясь на отдыхе во Франции летом 2013, несмотря на скромные знания французского языка, смогли следить за ходом игры «Кто хочет стать миллионером» (французский вариант), так как сценарий русского и французского вариантов идентичны.

4. Нельзя не отметить, что некоторые исследователи называют глобализацию по отношению к литературе «культурным геноцидом мира», «вестрнизация». Culture and globalization//www.globalization101.org

5. Леонтьев, А.А. Языковое сознание и образ мира: парадоксальная рациональность / А.А. Леонтьев. – М., 1993.

6. Богатов, В.В. Кризис системы патриотического воспитания / В.В. Богатов // Ответственность интеллигенции в контексте времени: материалы XXIII Международной конференции, Иваново, 27-29 сентября, 2012.

7. Мы используем понятия «национальный «образ» страны и национальный «имидж» синонимично, но согласны с Д.А. Леонтьевым в том, что «имидж» формируется целенаправленно, в то время «образ существует» независимо. См.: Шестопал, Е.Б. Психология власти / Е.Б. Шестопал. – М., 2002.

8. Амренова, Р.С. Ассоциативный эксперимент как метод выявления фрагментов языковой картины мира / Р.С. Амренова // Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы. – М.: Ин-т языкознания РАН, РУДН 2009.

9. Аршавская, Е.А. Образы некоторых стран в языковом сознании российских респондентов (результаты психолингвистического экперимента) / Е.А. Аршавская, А.А. Нистратов // Образ России извне и изнутри. – М. Ин-т языкознания, 2008.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВОСПИТАНИЯ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПОДРОСТКОВ

Е.А. Башаркина, г. Могилев, Беларусь

Отношения со сверстниками выходят на первый план взаимоотношений подростка, отражают сформированность его поведенческих позиций. Поэтому важным является особое педагогическое внимание к формированию направленности отношений между подростками, их содержательному выражению. Гуманистические отношения, сформированные в подростковом возрасте, являются основой действенного проявления уважения, поддержки, ответственности во взаимодействии со сверстниками на последующих возрастных этапах

развития. Сущность гуманистических отношений подростков определяет признание личностно–ценностной позиции каждого подростка в системе субъект–субъектного взаимодействия, оказание эмоционально–чувственной поддержки, осознанный выбор норм гуманистического поведения в ситуациях общения, совместной деятельности.

Аксиологические основания в воспитании гуманистических отношений подростков определяются как непосредственно сущностными характеристиками гуманистических отношений, выражающими морально-этические ценности уважения, заботы, помощи, поддержки и др., так и особенностями взаимодействия подростков со сверстниками, среди которых: интенсивное формирование ценностей и ценностных ориентаций, ценность отношений со сверстниками; перемещение центра внимания на сверстника, активная позиция в создании субъект–субъектных отношений со сверстниками; потребность в эмоциональных контактах и взаимопонимании, эмоциональной насыщенности отношений со сверстниками; принятие норм предпочитаемой группы сверстников, усвоение морально–этических норм; требование взаимной помощи; отзывчивость и готовность к участию в общественно полезных делах, выбор сверстника как образца и помощника в совместной деятельности, открытость к опосредованию отношений со сверстниками содержанием совместной деятельности и др.

Структура гуманистических отношений представляет собой сочетание аксиологического (осознанное принятие морально–этических ценностей), когнитивного (усвоение и осознание сущностных характеристик гуманистических понятий и категорий), эмоционально–чувственного (позитивное самочувствие в коллективе сверстников), поведенческого (накопление личностного опыта гуманистического поведения) компонентов, ключевыми элементами которых являются гуманистическое сознание (знание традиций гуманизма и милосердия, их понимание, суждения, опыт), гуманистические чувства (эмоционально–чувственное осмысление реально существующих фактов, ситуаций, ценностей), гуманистическое поведение (действенные нормы уважения, помощи, заботы, любви и т. д.).

Структурную целостность гуманистических отношений обеспечивают все названные компоненты, но вместе с тем основополагающим и проникающим в другие компоненты является аксиологический компонент гуманистических отношений. Аксиологический компонент актуализирует приобретённые знания, их чувственное освоение, а также реализацию объединённых смыслов и чувственных проявлений в поведении личности.

Аксиологический компонент гуманистических отношений между подростками включает: осознанное принятие морально-этических ценностей как основы реализации подростками гуманистической позиции в субъект-субъектных отношениях со сверстниками в условиях совместно совершаемой социально значимой деятельности и во взаимодействии вне

её; осознание подростком ценности сверстника, единства с ним в эмоционально−чувственных проявлениях, совершении гуманистических поступков, определении гуманистической направленности поведения в отношении сверстников и других социальных субъектов [1].

Содержательные характеристики аксиологического компонента раскрывают структурирующие его элементы – идеалы, ценности, ценностные ориентации. Формирование ценностей и ценностных ориентаций имеет большое значение для подросткового возраста, для воспитания гуманистических отношений между подростками и гуманистического отношения подростков к окружающим людям. Ценностные ориентации обуславливают направленность и определяют позиции подростков в системе их отношений. Ценностные ориентации отражаются в ценностях. Совокупность ценностей отражается в идеалах. М.В. Гамезо, А.М. Прихожан, В.А. Сластенин, О.В. Хухлаева отводят ценностным ориентациям, ценностям и идеалам первостепенное место в иерархии элементов отношений. Именно они, утверждают учёные, определяют систему отношений личности, стратегию его социальной жизни и гуманистическое отношение к людям. Учённые подчёркивают их влияние на мотивы поступков и поведения личности, её интересы и потребности. С.Л. Березин, А.В. Зосимовский определяют значимость идеала как индикатора социальной развитости личности, её нравственного развития. А. В. Захарова утверждает, что принятые личностью ценности составляют ядро самооценки. Данной позиции придерживается В.И. Турковский, расширяя влияние ценностей на убеждения личности. И.И. Прокопьев подчёркивает субьективную значимость ценностей для личности, а ценностные ориентации рассматривает как сложный психологический и социальный феномен субъекта. Ценностные ориентации, отмечает учёный, являются интегральным свойством и состоянием готовности субъекта к действию. Эта готовность заключается в сознательном определении и оценке своего места во времени и пространстве, в избрании стиля поведения и направления активности (действий, деятельности). Особое значение учёный отводит моральным ценностям, которые определяют поведение в конкретных ситуациях во взаимоотношениях с другими людьми. И.И. Прокопьев, Т.Т. Соколова отмечают влияние ценностных ориентаций на познавательную, эмоциональную и поведенческую сферы личности. В.А. Сластенин рассматривает воспитание гуманного человека в тесной связи с проблемой формирования нравственных идеалов. Учёный подчёркивает, что именно идеалы отражают совокупность гуманистических ценностей, соответствующих потребностям развития общества и потребностям развивающейся личности. В нравственных идеалах проявляется органичное единство ведущих интересов личности и общества.

В процессе воспитания гуманистических отношений важным является не просто знание о ценностях и идеалах, полученное от другого человека, а их личностное осмысление и принятие, определяющее в реальной практике гуманистический характер отношений. Ценностные ориентации в контексте гуманистических отношений подростков обеспечивают социальную регуляцию взаимодействия субъектов. Данные элементы имеют важное значение для освоения в подростковом возрасте, а также приобретают соответствующие возрасту характеристики.

Идеалом для подростка является референтный сверстник. Подростки ориентированы на ценность отношений с референтным сверстником. Ценностными ориентациями подростков в отношениях являются личностная презентация, значимые коммуникативный и деятельный контакты. Благодаря взаимодействию со сверстниками, подростки приобщаются к морально–этическим ценностям любви, красоты, доброты и общечеловеческим ценностям порядочности, доверия, справедливости. Для подростков с гуманистическими отношениями социальной и личностной ценностью, как отмечают исследователи, являются «достоинства других людей», «другой человек», которого стоит понимать как конкретного субъекта взаимодействия, присутствующего в каждом социальном явлении. Следование личностным ценностям, которыми уже владеет подросток, приобщение к новым ценностям осуществляется посредством практической деятельности, выбор которой приобретает определяющее значение. Социально значимой деятельностью, познавательной, эмоционально насыщенной, активизирующей общественно одобряемые нормы поведения является милосердническая деятельность детских объединений. Милосердническая деятельность расширяет воспитательное пространство для развития субъект–субъектных подростковых отношений, способствует включению подростков в активное взаимодействие с референтными сверстниками через совместное участие в милосерднических делах. Она позволяет подросткам приобщиться к гуманистическим социально и личностно значимым ценностям, определить содержание морально–этических ценностей посредством анализа индивидуального и коллективного милосерднического опыта. В целом, она укрепляет аксиологическую направленность воспитания гуманистических отношений подростков.

Литература:

1. Башаркина, Е.А. Гуманистическое воспитание подростков: монография / Е.А. Башаркина. - Могилёв: УО МГУ им. А.А. Кулешова», 2010.

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕНТИЧНОСТИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Л.В. Беринчик, г. Гродно, Беларусь

Одной из важнейших задач, стоящей перед восточнославянским миром, является определение своей культурно-цивилизационной идентичности, выявление и сохранение подлинно славянских культурно-аксиологических оснований, несмотря на «маятниковый» характер развития нашего общества, в силу уникального положения – между Западом и Востоком.

Об актуальности заявленной темы свидетельствуют современные трансформационные процессы и геополитические сдвиги, продуцирующие изменение культурно-цивилизационного облика восточнославянских народов, ставящие под угрозу существование традиционных, подлинно славянских ценностных принципов.

Важнейшие вехи развития и трансформации культурно-мировоззренческих основ восточных славян связаны с приходом христианства (православия) на смену мифологическому мировосприятию, а затем и развернувшимися процессами реформации, способствующими тесному взаимодействию с культурой и просветительской деятельностью западноевропейской мысли. Интенсивными процессами формирования национального самосознания ознаменовано начало прошлого века.

Исторические перипетии оказывали непосредственное влияние на самоидентификацинные процессы восточнославянских народов.

Исторический дискурс, относительно культурных трансформаций в Беларуси, Украине и России на протяжении прошлого столетия прежде всего обнаруживает перманентность процесса поиска идентичности восточнославянских народов в условиях изменения типа хозяйствования, территориальных трансформаций, культурных заимствований.

Неотъемлемым фактором, затрудняющим самоопределении восточных славян, послужил раскол общества на приверженцев западной – прогрессивной модели развития и восточной – аутэнтичной (так называемой реакционной). В Россию западное влияние и признание в качестве эталона развития Европы было привнесено Петром I.

Выдающийся русский мыслитель И.С. Аксаков на сей счет писал: «устремившись из своей тесной национальной ограды в пролом, сделанный мощною рукою Петра, русское общество, сбитое с толку, с отшибленной исторической памятью, избывшее и русского ума и живого смысла действительности, заторопилось жить чужим умом, даже не будучи в состоянии его себе усвоить. Чужой критериум, чужое мерило, чужие формы, чужое миросозерцание. Жизнь наводнилась ложью, призраками, абстрактами, подобиями, фасадами - и колоссальным недоразумением между народом и его так называемой "интеллигенцией"

официальной и неофициальной, консервативной и либеральной, аристократической и демократической» [1].

Для Украины «европейский выбор» стал определяющим направлением после обретения независимости в 1991 году.

Для белорусского же народа деление на Запад и Восток (по итогам Рижского мира в 1921 году) стало принудительным, а не желаемым.

Губительной для восточных славян на данный момент является, актуализировавшаяся в свете глобализационных процессов, прозападная ориентация сознания. Официальная репрезентация данных процессов фокусируется на стирании локальных экономических, политических и культурных границ, культурном взаимообогащении цивилизаций. Подлинная суть заключается в объединении мира не на равных, «взаимовыгодных» условиях, а под эгидой западной финансовой элиты.

Российский исследователь Е.С. Троицкий пишет: «В своем противостоянии космополитическому наступлению современных глобализаторов братья-славяне могут опереться на человеческие, духовно-культурные, материальные ценности своей собственной великой цивилизации» [2].

Игнорирование региональных особенностей и различий путей развития цивилизаций, попытки унифицировать модель общественно-политического и культурного развития, стереть ментальные доминанты, однолинейное понимание прогресса человеческого развития чревато нарастанием общественного протеста, который необратимо выльется в вооруженное сопротивление [3].

Положение восточнославянской цивилизации между двумя культурными полюсами,-Западом и Востоком, требовало и требует от наших народов постоянной концентрации, готовности сохранить свою идентичность. Несмотря на всю сложность ситуации, можно утверждать, что будущее восточнославянской цивилизации связано с идеей формирования экологобезопасного общества. Новая стратегия жизни требует от общества смещения ориентиров с материально-технической сферы на духовно-нравственную, т.е. необходима аксиологическая переориентация.

Литература:

1. Аксаков, И.С. Речь о А.С. Пушкине [Электронный ресурс].– Режим доступа: http://az.lib.ru/a/aksakow_i_s/text_0130-1.shtml. – Дата доступа: 21.05. 2013.

2. Троицкий, Е.С. Славянское единение – фактор могущества России / Е.С. Троицкий. – М., АКИРН, ООО Издательская группа «Граница», 2011.

3. Кирвель Ч.С. Социальная философия: учеб.пособие / Ч.С. Кирвель, О.А. Романов. – Минск : Выш. шк., 2011.

ТВОРЧЕСТВО КАК АТРИБУТ ИДЕНТИФИКАЦИИ И САМОИДЕНТИФИКАЦИИ СУБЪЕКТА

В.В. Богаченко, г. Одесса, Украина

Поликультурный мир заставляет науку все чаще задумываться над сущностью идентификации и возможностями выживания личности как индивидуального социализированного субъекта творческой деятельности. В эпоху постмодернистского релятивизма, в эпоху перемен и непрерывных преобразований материальной и духовной сфер жизни человека, в период, который сопровождается затруднением и усложнением индивидуальной и социальной идентичности, все поиски, научные открытия, духовные прозрения человечества в конечном итоге приводят к проблеме самопознания, которое не имеет окончательного ответа и всегда волнует умы людей. Все эти перемены и преобразования, взятые в синхронном срезе культуры, образуют пространство самоидентификации субъекта, существенно определяя его ценностные ориентации и формы отношения к миру социума.

Однако индивидуальная идентичность раскрывается через самовыражение, количество форм которого растет в геометрической прогрессии. Количество «Я»-образов, транслируемых в мировоззренческое пространство общества растет, и не всегда эти «Я»-образы навязываемые социальными интеракциями соответствуют внутренним убеждениям и самоощущениям личности. И здесь возникает феномен эскапизма – уход от общества, от себя, бегство как физическое – в горы, загород, на природу, так и психологическое – в творчество, в науку, в карьеру. Этот вторичный психологический мир называют еще виртуальным. Эскапизм как форма пассивного поведения представляет собой своеобразную созидательную активность, которая характеризуется формированием новых «Я»-образов и дает возможность субъекту личностной самореализации. Он дарит возможность проживания множество жизней, проигрывание разных социальных ролей, обогащения личностного опыта, все это при условии положительного вектора данного процесса, поскольку и различные формы девиантного поведения (алкоголизм, наркомания, суицид) – это тоже уход от себя и от общества. А научно-творческое пространство можно определенным образом выразить как виртуальный эскапический мир бытия Разума, который окружает нашу биосферу и дарит знания всем, кто готов самосовершенствовать себя, конструировать свое мировоззрение путем философских и научных поисков, интуиции в конечном итоге постигать все новые и новые истины Вселенной.

Этот этап процесса познания тесно связан с трансформациями мировоззрения. Исследуя их В.И. Вердандский отмечал, что «Толпа

индивидуальностей не уничтожит и не заменит целиком жизни, проявления и отношения к окружающему отдельной личности; потомство индивидуальностей, на них взросшее, не уничтожит и не заменит вечных и своеобразных черт своих предков»[1], о неповторимости и индивидуальности мировоззренческих установок любой эпохи и потребность при любых исследованиях осуществлять исторический ракурс и открывать все новое и новое, интерпретировать и порождать новые истины, что еще раз подтверждает сущность принципа научного поиска.

Процесс идентификации субъекта по своей природе многомерен и полисубъективен. Он раскрывает непрерывную включенность субъекта во множество социальных дискурсивных практик и любые сугубо монистические подходы уже не могут в полной мере объяснить всю сложность и многообразие взаимосвязей современного субъекта и социума.

Одним из измерений и критериев, характеризующих идентификацию и самоидентификацию субъекта в современном полифоническом мире, выступает творчество. Творчество субъекта самоидентификации связано с выбором тех ценностей, которые ему больше импонирует среди навязываемых ему окружающим социальным миром. Он отражает посредством сознания мир, предлагаемых ему ценностей и отбирает те, которые более близки его внутреннему миру. В таком выборе ценностей его творчество можно выразить как процесс отражения социокультурного бытия. Оно есть репрезентирующий компонент генетической базы его познания. Здесь речь идет уже о понятии творчества как специфическом процессе отражения.

Анализируя этот процесс, А.М. Коршунов предлагает в противовес классической теории отражения как пассивного элемента, который не имеет ничего общего с творческим порывом личности (Ж.-П.Сартр, К.Ясперс) – теорию соотношения творчества и отражения как активного, деятельного, познавательного взаимосвязанного процесса. Рассматривая отражение и творчество – мы однозначно признаем осознанный процесс творчества, поскольку он происходит с участием высшей формы бытия психики – сознанием. Ведь сознание – это и есть отражение, преломление объективного мира, социального пространства. И этот образ, фрагмент преломляется через самоидентификационную систему и мировоззренческие составляющие личности, порождает деятельность, активность субъекта, отражающаяся в процессах его творчества, которое выступает как процесс переноса в мир его духовно-ценностных экзистенций. Это хорошо отражено в концепциях П. Сорокина, И. Платонова, В. Палагуты и других.

Таким образом, формируя новую парадигму идентификации и самоидентификации субъекта, необходимо учитывать механизм

творчества личности как один из детерминирующих атрибутов этого процесса.

Литература:

1. Вернадский, В.И. Биосфера и ноосфера / В.И. Вернадский. – М.: Айрис- Пресс, 2007.

ВЛИЯНИЕ ТУРИЗМА НА ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Л.Д. Божко, г. Харьков, Украина

Туризм, который стал одним из главных глобализирующих агентов в XXI веке, оказывает огромное влияние на социокультурное развитие мира. Известные западные футурологи Дж. Несбит и П. Эбурдин писали, что торговля, туризм и телевидение составляют основу глобального стиля жизни [3].

Современный мир характеризуется мобильностью, динамичностью, изменчивостью, непостоянством. Рефлексивность, являющаяся неотъемлемой чертой жизни современного человека, предполагает осознание собственной идентичности, а наступление “информационного общества” меняет не только и не столько привычные ориентиры, сколько культурные механизмы поддержания идентичности.

Развитие средств связи и коммуникаций привело к тому, что интенсивность глобальных перемещений во всем мире многократно увеличилась. Миграционные процессы, включающие иммиграцию и туризм, привели к размыванию национальных и культурных границ, а также изменению феномена идентификации. Подтверждение собственной идентичности превращается в императив выживания как личности в мире разнообразных, надиндивидуальных решений.

Идентичность является одним из ключевых смыслов понятия “личность - общество - культура”. Поэтому проблематика идентичности становится ключевым объектом исследовательского внимания. В связи с возрастающей ролью туризма в обществе, актуализируется проблема влияния туризма на формирование различных форм идентичности.

Попытки концептуализировать последствия всеобщей мобильности населения, в том числе и туризма, предпринимались различными учеными. Так по мнению П. Бергера и С. Хантингтона зарождение глобальной культуры как поиска своей идентичности между глобальной однородностью и провинциальной изоляцией способствует развитию туризма как средства познания культурного многообразия современного мира [2]. З. Бауман подвижность и непостоянство, изменяющиеся отношения между пространством и временем, или как он говорит «текучую современность» фиксируют с помощью маркеров, одним из которых является туризм [1].

В исследованиях по проблемам идентичности речь зачастую идет о разных идентичностях (национально-цивилизационной, государственной и гражданской, локальной, социальной, профессиональной, этнической, конфессиональной, культурной и т.д.). В рамках нашего исследования мы будем говорить о различных “составляющих” идентичности, потому что оценка значимости ее конкретных составляющих для личности, группы, большой социальной общности - один из ключевых инструментов анализа ментальности и национальной картины мира.

Отталкиваясь от концепции М. М. Бахтина о «вненаходимости» человека, согласно которой подлинное «Я» всегда обнаруживается в точках несовпадения человека с самим собой, в его идентификациях с «Другим», можно допустить, что туризм может быть классифицирован как важнейший механизм выстраивания идентичности в современном мире. При этом речь может идти как о процессах самоидентификации отдельной личности туриста, так и о трансформации образов отдельных туристских регионов и даже стран.

Чрезвычайно важное воздействие на процессы формирования новой национально-цивилизационной идентичности оказывает современная глобализация: делает относительно прозрачными границы между нациями и государствами, ставит под вопрос прежнюю роль нации-государства и связанную с ним национальную составляющую идентичности, способствуя сближению и интеграции различных социальных и этнических общностей, усиливает потребность в определении своей культурной и цивилизационной идентичности. Как мы можем видеть, воздействие глобализации неоднозначно. На это обстоятельство, в частности, указывал С. Хантингтон: “Взаимодействие между народами разных цивилизаций усиливается. Это ведет к росту цивилизационного самосознания, к углублению понимания различий между цивилизациями и общности в рамках цивилизации”[4]. Очевидно, что в условиях современного общества процессы глобализации существенно модифицируют формирование национально-цивилизационной идентичности, во многом направляя его в новое русло, сталкивая идентичности разных уровней и создавая своеобразную “мозаичную” идентичность.

В подтверждение сказанного, рассмотрим ситуацию, которая характерна для туристических регионов Турции. Так по данным одной из турецких публикаций [5] в Анталии проживает 10 800 русскоязычных женщин, которые замужем за турками. Плодами этих союзов являются дети, средний возраст которых к 2008 году приближался к 6 годам. Одновременно и русские и турки, на тот момент в количестве 4000 детей...Перед родителями встал вопрос об их образовании, а поскольку русские жены не отуречины и поддерживают тесные связи со своей Родиной, они не хотят отдавать детей в турецкую школу, и вынуждены

решать вопросы: каким образом предоставить ребенку образование на родном языке, как получить диплом, который бы имел официальное подтверждение и т.п.

Большинство русских жен работает. Многие из них работали на родине в качестве докторов, инженеров или экономистов, но в Анталии вынуждены находить себе применение в сфере обслуживания или туризме. Так по тем же неофициальным данным в Анталии и окрестностях проживает порядка 15 000 наших сограждан, 80% из которых составляют женщины, связавшие свою жизнь с турецкими мужчинами. Помимо 15 000 проживающих в Анталии русскоязычных граждан, на территории города зарегестрировано 310 фирм, владельцами которых являются русские, в 225 фирмах управляющими или компаньонами являются также наши сограждане и еще зарегестрировано 800 русскоязычных владельцев недвижимости.

По словам автор статьи в основной своей массе русские переселенцы - молоды, энергичны, с высшим образованием и готовые к динамичным переменам в своей жизни. Именно благодаря таким качествам в Анталии открывается множество фирм, а значит и рабочих мест. По словам Генконсула РФ в Анталии г-н Хусанова, удобное сообщение с родиной, климат и крастота Анталии привлекает людей, образованных и талантливых, которые могут в значительной степени разнообразить культурную и социальную жизнь города.

Еще одной особенностью русских переселенцев, в отличии от их европейских друзей (англичан или немцев), является то, что они не селятся на одной улице, или квартале, образуя своеобразное гетто. В Анталии нет ярковыраженной русской улицы или дома. В большинстве своем русские иммигранты вполне сносно говорят по-турецки. Для того, чтобы выразить себя и найти работу, они с легкостью осваивают турецкий язык.

Как уже отмечено выше, родители, дети которых имеют в арсенале общения 2 родных языка - русский и турецкий, хотят найти и дать образование, адекватное носителям двух культур. И чтобы такое образование имело ценность и в СНГ, и в Турции. Как видим, данная проблема требует своего решения.

В заключение, можно констатировать, что с увеличением мобильности и развитием туристического бизнеса происходит формирование новой национальной идентичности, которая выходит за рамки одного государства и одной конфесси. Поиск идеалов духовной жизни современного человека сводится к личностным экспериментам при максимальных возможностях экспериментирования с различными социальными ролями, пространственными перемещениями в поисках самоидентификации.

Литература:

1. Бауман, З. Текучая современность З. Бауман. – Санкт-Петербург: Питер, 2008.
2. Бергер, П. Л. Культурная динамика глобализации. Многоликая глобализация / П.Л. Бергер. – М.: Аспект Пресс, 2004.
3. Несбит, Дж. Что нас ждет в 1990 годы. Мегатенденции. Год 2000 / Дж. Несбит, П. Эбурдин. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1992.
4. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
5. Gülden AYDIN. Türk-Rus karma evliliklerinin melez çocukları – 8 Haziran 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hurriyet.com.tr/pazar/9125154.asp?gid=59&sz=78091

ВОЛОНТЕРЫ КАК НОВЫЕ АРИСТОКРАТЫ

Н.В. Бредихина, г. Барнаул, Россия

В романе «Пушкинский дом» герой А. Битова отстаивает простую мысль о том что, культура есть плод досуга и достатка. Автор не скрывает иронии по отношению к главному герою Льву Одоевцева, потомку князей Одоевцевых. Но эта ирония подчеркнуто амбивалентна, поскольку начиная с античности в истории философии подчеркивалось противостояние культуры, которая есть свободное, не зависимое от материального вознаграждения созидание ценностей и труда как деятельности направленной на обеспечение материального достатка. Досуг не был синонимом праздности. Плодом досуга было «возделывание» ценностей. Водоразделом в понимании результатов труда и досуга, таким образом, является противостояние временного, того что завтра будет в буквальном смысле слова съедено, и если не вечного, то длительного, чего то наполненного смыслом. Досуг порождает благородную идею отражающая значимость и принципы деятельности общества.

Досуг должен быть уделом лучших, то есть уделом аристократии, немногих, обладающих личными достоинствами. Но аристократия сможет транслировать ценности, и эти ценности будут поддерживаться народом, только там где личное достоинство ценится народом. Культура поддерживается во времени благодаря памяти, и это тоже предполагает отсутствие физического труда, труда направленного н получение сиюминутной выгоды.

Ситуация по отношению к труду меняется в эпоху капитализма. Теперь труд и произведенные материальные ценности определяют смысл жизни человека. Лозунгом эпохи становится ты есть то, что ты делаешь, а значимость сделанного тобой определяется материальным вознаграждением. Труд есть изобретенная технология, которая и обеспечивает существование и дальнейшее развитие общества. Технология

становится культурой, но культура перестает быть уделом аристократов, а аристократы теряют свое право быть носителями ценностей общества.

Однако не случайно в эпоху капиталистического отчуждения труда появляются волонтеры, добровольцы - выполняющие общественно значимую работу бесплатно. Деятельность без материального вознаграждения снова становится востребованной. Но не сама по себе работа стала ценностью, а работа для другого, деятельное сострадание стало ценностью. Все русское движение «в народ» было продиктовано потребностью русской разночинной интеллигенции в самоуважении и гордости за свою жизнь понимаемую как деятельность. Не случайно расцвет волонтерского движения в дореволюционной России пришелся на время Александра III.

В XX веке в Европе волонтерское движение берет на себя миссию самоорганизации помощи обществу, и выполняет функцию самоорганизации общества. На наш взгляд, показателен опыт волонтерского движения Великобритании в годы первой мировой войны. Взаимопомощь, достоинство и ценность каждой личности стали базовыми ценностями волонтерского движения и во многом механизмами самоорганизации общества.

В СССР волонтерское движение развивалось активно. В качестве примера давайте вспомним Тимуровское движение, основанное на строгих правилах чести. Проблемой было то, что сам Тимур А. Гайдара был порождением пропаганды, поставившей на службу государству ценности волонтерского движения. В силу этого, так не многочисленно волонтерское движение в современной России. Но, пожалуй, не стоит отрицать волонтерский опыт советского периода полностью.

На наш взгляд волонтерское движение не возможно «без досуга и достатка», но так же оно не возможно и без ценности гуманизма, а следовательно волонтерство удел аристократии.

ТОЛЕРАТНОСТЬ К НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ КРЕАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Ю.М. Бурец, г. Минск, Беларусь

Заинтересованность инновационными процессами в современном образовании обращает науку к проблемам инноваций. В данный момент именно они выделяются в число приоритетных направлений в научных исследованиях последних десятилетий в виду того, что образование выступает одним из ведущих факторов социокультурного развития общества. Важнейшей ценностью общества является человек, способный к освоению новых знаний, обладающий креативной компетентностью, умением принимать нестандартные решения и овладению ситуацией в

момент неопределённости [2]. Ситуации неопределённости возникают ежедневно. Наш мир стал бы строго детерминированным или однозначно определённым, в нём не возникало бы ничего нового и всё свелось бы к вечному повторению того же самого [5]. Теперь толерантность (ТН) выступает как базисная необходимость человека. Умение отойти от собственной позиции, возможность найти выход в неопределённой ситуации позволяет принятие креативного решения. [6,с. 236–238]. Для развития креативной компетентности необходимы два условия. Первое: инновационное мышление, второе: когнитивный стиль – толерантность к неопределенности.

С точки зрения проблематики нашей работы, интерес представляет личность реализующая стратегию по преодолению неопределённости, обладающая толерантностью к неопределенности, а также умением стремиться к решению новых сложных проблем, готовая идти непроторенными путями, умеющая выходить за рамки принятых ограничений. При этом мы будем придерживаться предложенного М.А. Холодной определения когнитивного стиля как «индивидуально-своеобразного способа переработки информации, который характеризует специфику склада ума конкретного человека и составляет отличительные особенности его интеллектуального поведения» [7].

В данной статье мы сравним результаты испытуемых творческих профессий и испытуемых профессий, не относящихся к творческим.

В ходе нашего исследования, была выдвинута гипотеза, что люди, получающие разное профессиональное образование могут характеризоваться различными показателями ТН, так как она зависит от содержания деятельности и ситуационных факторов. Для диагностики данного стиля был использован «Новый опросник толерантности к неопределённости» Т.В. Корниловой [3].

В проведённом нами исследовании приняли участие 624 испытуемых двух контрольных и одной экспериментальной выборки. Контрольные выборки составили 483 студента, которые обучаются в УО «Барановичский Государственный университет» на педагогическом и инженерном факультете. В экспериментальную группу вошли 141 студент, обучающийся в УО «Белорусский Государственный университет культуры и искусств», на факультете музыкального искусства. Выбор контингента испытуемых обусловлен классификацией типов мышления Дж. Брунера [1]. Студенты творческих профессий имеют, по определению, художественный тип мышления; наиболее близки им по складу ума педагоги с гуманитарным типом мышления; противостоит художественному типу оперантное мышление студентов-инженеров.

На основании средних показателей толерантности к неопределённости среди трёх групп, можно утверждать следующее. По

всем факторам данной методики преобладают студенты, обучающиеся в университете культуры. ТН (m_1=59,26), ИТН (m_1=63,26), МИТН (m_1=35,22). Их можно характеризовать как личностей, наиболее стремящихся к новизне, предпочитающих сложные задачи. Далее, показатели ТН (m_2=59,06) ИНТ (m_2 =60,61) и МИНТ (m_2=33,71) являются более выраженными у студентов, получающих педагогическое образование.

Таблица – Средние показатели и различия в трёх группах студентов разных специальностей (по U–критерию Манна-Уитни)

	Среднее значение (m)			U–критерий Манна-Уитни			Значимость критерия		
				1 – 2	1 – 3	2 –3	1 – 2	1 – 3	2 –3
Н	**9,26**	9,06	6,80	1754,2	1 4444,5	2 5593,5	,939	**0 ,050**	**0 ,021**
ТН	**3,26**	0,61	0,04	1 4168,5	1 3055,5	2 9057,0	**,001**	**0 ,001**	0 ,965
ИТН	**5,22**	3,71	2,61	1 5514,5	1 3598,5	2 7527,5	**,049**	**0 ,005**	0 ,297

Примечание 1 – студенты творческих профессий, 2 – педагоги, 3 – инженеры

Различия в выраженности толерантности к неопределённости у испытуемых мы определяли при помощи U–критерия Манна Уитни [4].

Статистически значимые различия между *студентами творческих специальностей и педагогами* были обнаружены по двум факторам: ИТН (U=14168,5 при p<0,001), МИТН (U=15514,5 при p<0,001). Другими словами студенты творческих специальностей в большей мере, чем педагоги стремятся к ясности и не принимают неопределенность, выделяя для себя правильные и неправильные способы решения задач.

Между *студентами творческих специальностей и инженерами* статистически значимые различия были обнаружены по всем факторам: ТН (U=14444,5 при p<0,05); ИТН (U=1355,5 при p<0,001); МИТН (U=13598,5 при p<0,01). Студенты творческих специальностей в большей степени стремятся к новизне и изменениям. Они оригинальны в своих решениях, готовы идти непроторенными путями.

Различия *между инженерами и педагогами* оказались статистически значимыми по первому фактору: ТН (U=25593,5 при p<0,05). Так, у педагогов в большей степени, чем у инженеров выражено такое

личностное свойство как толерантность. Это говорит о том, что они стремятся к новому, предпочитая оригинальные решения.

Выводы: 1. Студенты творческих профессий неустойчивы в решениях и монологичны. Они испытывают дискомфорт, если межличностные отношения носят неопределённый характер.

2. Преимуществами студентов, обучающимся творческим специальностям по сравнению с педагогами и инженерами, является стремление к определённости в принятии решения, предпочтение решения более сложных задач.

Результаты проведённого исследования представляют непосредственный интерес для психологов и педагогов, а так же непосредственно для студентов творческих профессий.

Литература:

1. Брунер, Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации /Дж. Брунер.– М.: Прогресс, 1977.

2. Иванченко, В.Н. Инновации в образовании: общее и дополнительное образование детей : учеб.-метод. пособие / В.Н. Иванченко. – Ростов на Дону: Феникс, 2011.

3. Корнилова, Т.В. Новый опросник толерантности – интолерантности к неопределённости / Т.В. Корнилова // Психол. Журнал. –2010. – Том 31. – № 1.

4. Наследов, А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных: учеб.пособие / А.Д. Наследов. – СПб.: Речь. – 2004.

5. Рузавин, Г.И. Неопределённость, вероятность и прогноз / Г.И.Рузавин // Филос. Журнал. – Москва: РАН. – 2009. – № 2(3).

6. Сытник, А.И. Толерантность как социогуманитарная проблема современности / А.И. Сытник, И.А.Ковальчук // Национальная философия в контексте современных глобальных процессов : материалы Междунар. научн. Конф. – Право и экономика, 2011.

7. Холодная, М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума / М.А.Холодная. – СПб.:Питер.2004.

ЮРИДИКАЛИЗАЦИЯ И МЕДИКАЛИЗАЦИЯ «ДЕТСКОГО» ДИСКУРСА И ИХ СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В.В. Бурсевич, г. Минск, Беларусь

В современном мире в связи с кризисом института семьи особенно обостряется проблема ответственности, связанной с рождением детей. Можно сказать, что в социальном поле появился особый «детский» дискурс, формирующий человеческие отношения в семье, цели и приемлемые способы воспитания ребенка. Безусловно, «детский» дискурс можно обнаружить и ранее, все-таки проблема воспроизводства всегда

была для человека насущной, но сегодня дискурс «детства», попадает под влияние современных процессов юридикализации и медикализации, сущность и последствия которых мы предполагаем рассмотреть в данной работе.

Определенные изменения в отношении к детям объясняются уже тем, что в современном мире с его новыми экономическими связями люди живут преимущественно в нуклеарных семьях. Если, как отмечал Ю.М. Лотман, еще несколько веков назад человек не отделялся от рода – отсюда, распространенная практика уничтожать в политической борьбе не только противника, но и все его семейство, которая объясняется не столько опасениями мести или жестокостью, сколько тем, что человек тогда просто не рассматривался как автономная единица [1]. Сегодня же институт семьи не столько находится в кризисе, сколько изменяет свою вековую форму с традиционной расширенной на ограниченную лишь семейной парой и ее потомством форму. В связи с этим ответственность полностью перекладывается с плеч многочисленных родственников на родителей.

Процесс усиления давления на родителей связан и с происходящим в 20 веке изменением в самом статусе ребенка. По мнению Э. Эриксона, одной из инноваций 20 века было формирование в современном психологическом, культурном и юридическом дискурсе такого субъекта как ребенок [5]. Если еще недавно ребенок был лишь недооформившимся, т.е. ущербным взрослым, то в современном мире, возможно, не на долго, сформировалась целая индустрия по производству особого «детского мира»: игрушки, одежда, культурные продукты, права по защите детства, советы по опеке и т.д. Еще век назад немыслимо было представить, что в новостных сводках при описании катастроф дети бы шли отдельной строкой, как наиболее значимые и прискорбные жертвы, а родители могли бы быть лишены своих исконных прав за «ненадлежащее исполнение обязанностей», но сегодня это воспринимается как само-собой-разумеющееся.

Объяснить произошедшую в 20 веке актуализацию проблемы детей и формирование «детского» дискурса можно тем, что таким образом проявляют себя механизмы латентной власти, столь тщательно проанализированные Л. Альтюссером, М. Фуко и Р. Бартом. Любое общество должно постоянно воспроизводить лежащие в его основе социальные отношения, материальные и ментальные условия своего существования, а главное, индивидов, которые воспринимают это общество как данность. В связи с этим период детства является наиболее оптимальным для создания нужного государству типа субъекта. Даже нерожденный ребенок благодаря формующей силе идеологических практик, или «интерпелляции» [4] оказывается включенным в сеть категорий (пола, социального положения, имени), в которые он должен

помимо своей воли интегрироваться. Идеологический механизм идентификации основан на удвоении субъекта: с одной стороны, в виде всегда-уже уготованного места в социальной структуре, с другой – в виде псевдодобровольного взятия на себя роли субъекта в ходе интерпелляции. При этом также происходит переворачивание отношений, поскольку субъект считает себя источником и творцом, на самом деле являясь эффектом идеологического «окликания».

С другой стороны, как бы это ни казалось ужасно, сам процесс идеологической интерпелляции остается неизбежным: до тех пор, пока мы живем в мире субъективности – субъект всегда будет продуктом идеологии. Другое дело, что в сегодня процесс формирования субъекта-ребенка осуществляется через призму специфических категорий, что приводит к некоторым негативным этическим и социальным последствиям.

Во-первых, мы живем в эпоху «Декларации прав» не только человека, но и ребенка, а это означает процесс повсеместной юридикализации «детского» дискурса. Понятия «ребенок», «семья» тесно оплетены сетью юридической терминологии и ассоциируются, в первую очередь, с набором прав и обязанностей, что и порождает ряд последствий. Возможно, именно под воздействием гипертрофированной юридикализации довольно большая часть населения, за частую более образованная его прослойка, интеллигенция, привыкшая к юридическим обязательствам относится серьезно, и к созданию семьи, рождению ребенка начинает относиться с осторожностью, как к договору с пожизненной ответственностью сторон. Отсюда демографические проблемы Европы, связанные с распространением child free движения: ведь, безусловно, право на свободу и самовыражение выглядит гораздо привлекательнее целого перечня юридических обязанностей, связанных с воспитанием потомства. Этим же можно объяснить и нежелание заводить большое количество детей, поскольку здесь вступает в силу не эгоизм, а чувство юридической ответственности обеспечить детей всем необходимым, «достойным» детством и образованием.

В случае же сознательного желания завести ребенка юридический дискурс в полном соответствии с идеей паноптикума М. Фуко идет по пути тотального контроля. Постепенно практически все те сферы, которые до некоторого момента оставались за рамками регулирования, сегодня приобретают юридический статус, начиная с момента зачатия ребенка, который обретает юридическую проработку в законах о новых репродуктивных технологиях, и заканчивая санкционированным убийством ненужных обществу младенцев.

Во-вторых, параллельно с усиливающейся юридикализацией «детский» дискурс попадает под влияние представителей другой древней

профессии, т.е. врачей, компетенция которых, по мнению М. Фуко, уже давно трансполировалась за пределы только «техник врачевания и необходимых умений» [3], но включает в себя полноценный надзор за человеческим умом и телом. Не осталась за рамками медикализации и сфера детства, на примере которой особенно отчетливо видно, что медицина уже давно является одним из легитимирующих инструментов власти. Это проявляется, например, в рассмотрении вопроса о рождении ребенка, где, по мнению О.М. Сасункевич, «борьба за контроль над женским воспроизводством, над представлением о том, сколько и когда рожать, как долго находиться в отпуске по уходу за ребенком и идти ли в него вообще, кормить грудью или не кормить, есть на самом деле борьба за символическую власть определять, что является нормой, а что – патологией, и, следовательно, за власть контролировать и поддерживать определенный социальный порядок, основанный на системе неравенства» [2]. Или, например, в дискурсе детских прививок, который из локальной медицинской проблемы приобретает статус вопроса заботы о будущем поколении. В целом, медикализация конструирует в качестве цели любой «нормальной» семьи рождение и воспитание только здорового и желанного ребенка, как если бы нездоровый ребенок был бракованным товаром, не имеющем права на существование и опеку семьи и государства, результатом чего уже является ужасающая статистика абортов.

Принимая во внимание все вышеописанные процессы, остается лишь надеяться, что постепенно в своем переходе от дискурса кровной принадлежности, от экономического дискурса, от дискурса юридического и медицинского семья и детство перейдут, наконец, в дискурс любви и заботы.

Литература:

1. Лотман, Ю.М. Статьи по семиотике и типологии культуры: в 3 т. – Т. 1. / Ю.М. Лотман.– Таллин: Александра,1992.
2. Сасункевич, О.М. Медикализация дискурса о материнстве в белорусских медиа /О.М. Сасункевич // Журнал исследований социальной политики. – Т. 7. – № 3.
3. Фуко, М. Рождение клиники / М. Фуко. – М., 2010.
4. Althusser, L. On ideology / L. Althusser. – London, New York: Verso, 2008.
5. Erikson, E. H. Childhood and society / E. H. Erikson. – Vintage, 1995.

ОСНОВНЫЕ ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ РИСКОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

П.А. Водопьянов, г. Минск, Беларусь

Кризисные явления в жизни мирового сообщества вызывают необходимость поиска путей выживания человечества, поскольку необратимые изменения окружающей среды в течение сравнительно короткого времени приведут к условиям, в которых станет невозможным процесс адаптации человека к новым условиям его существования. Эти изменения ведут к возникновению все новых заболеваний, преобразованию состава атмосферы и гидросферы, нарастанию природных и техногенных катастроф и многими других негативных явлений. На эти явления оказывает влияние не только антропогенная деятельность, но и такие факторы как колебания солнечной и геологической активности, космические катаклизмы и т. п. Помимо угрозы экологической катастрофы особую опасность представляет и социальный кризис, ведущий к нарастанию неравенства между бедными и богатыми, росту безработицы и нищеты, социальной несправедливости. Все усиливается экономический кризис, сопровождающийся торгово-экономическими войнами и локальными финансовыми потрясениями. Наконец, нарастает духовный кризис, ведущий к биологической деградации человека и распаду генома.

Такого рода кризисные явления обусловлены рядом причин, главными среди которых выступают следующие:

-- все возрастающий рост народонаселения на планете, составляющий ныне свыше 6,5 млрд., при ежегодном приросте около 1 % в год;

-- неограниченный рост материального потребления людей в развитой части мира, при продовольственном дефиците в бедных странах;

-- истощение природных ресурсов (минеральных, энергетических и продовольственных, в особенности водных), дефицит которых уже ощущается для 1/3 населения);

-- перепроизводство промышленных отходов и нарастающее загрязнение окружающей среды.

Преодоление этих и других негативных явлений в жизни современного общества обусловливает необходимость разработки стратегии выживания, ориентированной на сохранение пригодной для обитания окружающей среды и природно-ресурсного потенциала как необходимого условия обеспечения нормальной жизнедеятельности людей.

В настоящее время можно обозначить два основных подхода в преодолении экологических затруднений – техногенный и биосферный.

Согласно первому из них, преодоление экологических затруднений возможно на основе внедрения новых технологий, ведущих к повышению производительности ресурсов и уменьшению загрязнения окружающей среды. Такого рода подход по существу означает трансляцию прошлого

опыта человечества ориентированного на сохранение среды обитания традиционными методами за счет осуществления мер по обезвреживанию отходов, внедрения системы локальных очисток окружающей среды от загрязнения, нормирования показателей ее качества и многое другое. Сторонники этой концепции, как правило, отрицают, или вовсе умаляют степень экологической опасности кроме отдельных локальных или региональных случаев, считая, что кризисные явления в различных сферах жизни общества — временное и преходящее состояние.

Второй подход снижения индустриального давления на биосферу связан с внедрением в сферу промышленного и сельскохозяйственного производства системы запретов на характер человеческой деятельности, приводящей к нарушению стабильности отдельных экологических систем и биосферы в целом. Экологический императив как совокупность условий, не допускающих выхода системы за пределы нормального функционирования, за пределы резкого нарушения экологического равновесия накладывает определенные ограничения на масштабы человеческой деятельности. В случаях, когда степень антропогенного воздействия превышает допустимые пределы стабильности экосистем, происходит их разрушение и деградация.

Стремительные достижения научно-технического прогресса за последние десятилетия обнажили перед человечеством нависшую угрозу его существованию. В дополнение к уже широко известным опасностям таким как взрывоопасный рост населения. загрязнение окружающей среды, изменение климатических условий, сокращение биологического разнообразия, недостаток продовольствия, изобретение атомного и термоядерного оружия и др. не меньшую опасность представляют стремительные успехи в области биотехнологии, генетической инженерии, искусственного интеллекта, представляющие беспрецедентные возможности и риски, далеко не осознаваемые большинством людей. И наше будущее зависит от того, какие направления деятельности позволят избежать подобного рода угроз. В связи с быстро развивающимися технологиями, нам нужно лучше осознать процессы перехода от индустриального к неоиндустриальному обществу, для того чтобы избежать существующих рисков в жизни современного общества.

Существует три вида рисков – глобальный, региональный и локальный, величина измерения которых зависит от масштаба, интенсивности и вероятности. Масштаб выражает размер группы людей, подверженных гибели. Интенсивность определяет степень вреда, причинённого каждому индивидууму из группы. И под «вероятностью» обычно понимают частоту наступления негативного события.

К рискам глобального характера относятся такие негативные явления как изменение климатических условий, сокращение биологического

разнообразия, угроза термоядерной катастрофы, столкновение земли с кометами и другими телами, перенаселение планеты и другие опасности.

Одной из важнейших проблем, которая обостряет и усугубляет все остальные проблемы, является демографическая проблема. В разных регионах планеты темпы роста населения неодинаковы и определяются совокупностью социальных, экономических и культурных факторов.

Высокие темпы роста населения влекут за собой интенсивное потребление природных ресурсов, переработка которых приводит к нарастанию загрязнения окружающей среды. По этой причине в настоящее время человечество оказалось в тисках жесткого экологического кризиса, который имеет поистине глобальный характер, и стремительно распространяется по всему земному шару, охватывая все новые сферы и регионы. Именно поэтому регулирование численности народонаселения является одной из важнейших проблем современной демографической политики, от которой зависит дальнейшая судьба цивилизации и преодоление кризисных явлений в жизни современного общества.

Достижение этой цели в свою очередь связано с разработкой оптимальной экологической политики, на основе утверждения новых мировоззренческих ориентаций во взаимодействии общества и природы. Господствующая до сих пор установка на интенсивное использование природных ресурсов и покорение природы, основанная на признании самоценности человека в природе и закрепленная в общественном сознании, в условиях мощного антропогенного давления на биосферу, должна уступить место сохранению окружающей среды

Осознание сложности и опасности современной экологической ситуации накладывает определенные ограничения на сложившийся вектор социально-экономического развития ориентированного преимущественно на экономический рост. В современных условиях чисто количественные показатели в экономическом развитии не могут быть признаны обоснованными, поскольку человечество столкнулось с острой нехваткой и дефицитом многих жизненно важных ресурсов. Данное обстоятельство предполагает изменение политики в потреблении и использовании природных ресурсов, ориентированной на их экономное потребление и использование.

В плане разработки оптимальной экологической политики, социально – экономическое развитие должно быть ориентировано на повышение эффективности в использовании ресурсов с учетом того, что их потребление не должно превышать их восстановление. Это обусловлено тем, что в настоящее время объемы потребления многих жизненно-важных ресурсов уже превысили физически допустимые нормы и в случае непринятия соответствующих мер по их существенному сокращению в ближайшее время произойдет спад производства товаров

потребления со всеми негативными последствиями для нормальной жизнедеятельности людей. Именно поэтому крайне важно проводить рациональную политику, направленную на рациональное использование ресурсов, их экономное потребление и снижение энергозатрат на их переработку.

В определении путей оптимальной экологической политики важную роль играет разработка энергосберегающих технологий, позволяющих достигнуть успехов в экономном использовании энергетических ресурсов. В этом плане использование и поиск альтернативных источников энергии (управляемый термоядерный синтез, использование энергии воды, приливов, ветра, солнечной энергии, энергии, получаемой из биомассы и многое другое) – весьма важное направление человеческой деятельности, Именно поэтому крайне важен пересмотр сложившихся ценностных ориентаций во взаимоотношениях человека и природы, направленных на достижение высоких уровней потребления. Сказанное накладывает определенные ограничения на сложившийся вектор социально-экономического развития, ориентированного всецело на чисто количественные показатели. Однако существенным препятствием на этом пути являются сложившиеся мировоззренческие, политические и психологические стереотипы мышления, поскольку укоренившиеся представления о чисто количественных показателях экономического развития всегда служили стимулом процветания, личного обогащения, повышения уровня материального потребления, достижения карьеры и другое, что предопределило в целом интенсивное развитие индустриальной цивилизации.

Предотвращение различного рода рисков, угрожающих ближайшему будущему человечества, связано с изменением сложившегося мировоззрения. сугубо потребительский вектор социально-экономического развития, культ погони за прибылью, приоритет материальных потребностей, утрата духовных и нравственных ценностей – вот, пожалуй далеко не полный перечень тех опасностей, которые угрожают ближайшему будущему человечества. И главная причина такого рода опасностей кроется в сложившейся системе мировоззрения. Стратегия выживания настоятельно требует отказа от большинства сложившихся промышленных и сельскохозяйственных укладов и технологий и перехода на эколого-безопасный путь социально-экономического развития. Она достижима при условии становления ноосферной цивилизации, которая предполагает качественное преобразование сознания человека, осознающего ответственность за свое будущее и судьбу всего человечества.

ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

О.Г. Ворошень, г. Минск, Беларусь

Исследование проблемы жизненного выбора широко представлены в работах психологов и философов. Выбор – сложный и многаспектный феномен, обладающий мощными движущими и направляющими силами, регулятивными возможностями [1, с. 111-113]. Человеческая жизнь состоит из огромного количества ситуаций выбора, осуществляемых в различных сферах и на разных уровнях: психологическом, этическом, социальном и др.

Одним из значимых жизненных выборов, с которым сталкивается каждый, является ситуация профессионального выбора. Выборы в профессиональной сфере могут привести к изменениям профессионального статуса, уровня квалификации, смене деятельности внутри и вне профессиональной среды, смене профессии или места работы, получению второго образования. Профессиональные выборы, как мы видим, многогранны и являются определяющими, задающими направление и характер для дальнейшего профессионального и личностного развития. По мнению Рубцовой Н.Е., в профессиональном выборе человек стремится к удовлетворению не только своих элементарных потребностей, но и к реализации потребностей высшего порядка, духовных и экзистенциальных [2]. Эффективный выбор способствует успешному развитию, позволяет самореализоваться. Неэффективный, напротив, пробуждает чувство неудовлетворения жизнью и стремление ее изменить.

Оценка своего профессионального выбора важный момент становления профессионала. В начале профессиональной карьеры осознание правильности своего выбора либо ошибочности важно для построения планов дальнейшего профессионального роста.

Исследование, проведенное сотрудниками Института социологии НАН Беларуси в 2012 году, позволило выявить ряд особенностей оценки своего профессионального выбора молодых научных сотрудников. В ходе исследования был проведен опрос сотрудников структурных подразделений в научных организациях НАН Беларуси и были получены ответы от 312 человек в возрасте до 35 лет. Среди молодых сотрудников доля кандидатов наук составила 20%, опрошенных без степени - 80%.

Респондентам предлагалось оценить правильность своего профессионального выбора, ответив на вопрос, считают ли они научную деятельность своим призванием.

Только пятая часть (22,3%) молодых научных сотрудников уверенно заявляет, что научная деятельность является их призванием. Еще 43,2% респондентов не так уверены в своем выборе сферы деятельности, но все

же считают, что научная деятельность скорее их призвание, чем нет. 16,8% также демонстрируют сомнения в своем выборе профессии, считая, что научная деятельность скорее не является их призванием. И только 2,9% опрошенных ответили, что научная деятельность — это не их призвание. 14,8% сотрудников затруднились ответить на вопрос.

Следует также отметить, что среди кандидатов наук 27,4% респондентов твердо уверены, что научная деятельность — это их призвание, в то время как среди респондентов без степени таковых только 21%. Скорее да, чем нет — среди кандидатов наук так отвечают 48,4%, а среди респондентов без степени таких ответов 41,9%. Сомневающихся в выборе сферы деятельности, которые говорят, что наука скорее не является их призванием, больше среди научных работников без степени (18,1%), также как и тех, кто понял, что научная деятельность — это не их призвание (3,2%).

Получение степени сопряжено с изменением социального статуса, материального положения. Все это в совокупности способствует повышению уверенности в правильности выбранной сферы профессиональной деятельности среди молодых ученых со степенью.

Также можно отметить, что наибольший процент уверенных в том, что наука — их призвание, наблюдается среди научных сотрудников отделения гуманитарных наук (33,3%), наименьший — среди сотрудников отделения физико-технических наук (15,7%) и отделения биологических и медицинских наук (16,2%). Среди сотрудников отделения гуманитарных наук наблюдается наименьший процент тех, кто не до конца уверен в выборе сферы профессиональной деятельности.

Молодые сотрудники также были опрошены с целью, выявить их дальнейшие планы профессиональной деятельности на ближайшую перспективу. Полученные данные продемонстрировали, что среди опрошенных, которые осознали, что научная деятельность – это их призвание, значительно преобладает доля респондентов, которые планируют и дальше заниматься научной деятельностью в своей научной организации (60,9%). Сменить сферу деятельности намерены лишь 2,9% таких респондентов. Сходная тенденция прослеживается и среди молодых ученых, которые, ответили, что наука – скорее их призвание, чем нет.

В то же время среди молодых сотрудников, которые считают, что научная деятельность не является их призванием, либо скорее не является, преобладает доля лица, планирующих уйти в другую сферу деятельности. Среди них также преобладает процент респондентов, которые еще не определились относительно перспектив своей дальнейшей профессиональной деятельности и затруднились ответить на вопрос. Для них вопрос профессионального выбора остается открытым.

Полученные данные также демонстрируют, что осознание правильности выбранной сферы профессиональной деятельности способствует повышению степени удовлетворенности своей жизнью. Если работа нравится, позволяет реализовать свои творческие способности, удовлетворять потребности в самореализации, самоуважении, карьерном росте, - все это в совокупности повышает степень удовлетворенности своей жизнью.

Так, среди опрошенных, которые осознали, что научная деятельность является их призванием, значительно больше сотрудников, которые полностью удовлетворены или скорее удовлетворены своей жизнью в целом. И, напротив, лица, которые разочаровались в своем профессиональном выборе, считают, что, то, чем они занимаются, далеко не их призвание, менее всех удовлетворены своей жизнью. Такая ситуация создает предпосылки для очередного профессионального выбора.

Осознание того факта, что они верно выбрали сферу профессиональной деятельности, что именно научная деятельность является их призванием, способствует повышению степени удовлетворенности своей жизнью у научных сотрудников в возрасте до 35 лет и является подтверждением эффективности профессионального выбора.

Литература:

1. Щебетова, А.Л. Психологические особенности ситуаций жизненного выбора в среднем возрасте / А.Л. Щебетова // Молодой ученый. – 2011. – №6. – Т. 2.

2. Рубцова, Н.Е. Смыслообразующая роль профессионального выбора / Педагогика искусства. – 2009. – №4. – [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.art-education.ru/AE-magazine/ – Дата доступа: 10.08.2013.

ФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДИНАМИКИ КУЛЬТУРЫ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

О. Глосикова, ŕ. Прешов, Словакия

Исследование процесса конституирования постнеклассической социальной философии и онтологии позволяет сформулировать ряд выводов.

1. Реализация исследования представлена через раскрытие содержания категории «онтическая реальность» и анализ репрезентирующих ее форм. Определение онтической реальности выполнено путем демаркации онтического и онтологического.

2. Онтическая реальность – саморазвивающаяся социоприродная система, интерпретация структурных связей и отношений которой извлекается из контекста конкретно-исторически представленной

человеческой жизнедеятельности. Основными характеристиками онтической реальности являются:

процессуальность, атрибутами которой выступают самоорганизация и организация устойчивых структур;

нелинейность, проявляющаяся через нестабильность и неравновестность, что создает условия для формирования новых способов существования и для смены пространственно-временных организаций объектов;

историчность, связанная с конструктивной ролью времени и нестабильностью, которая приводит к формированию диссипативных структур и возникновению исторической перспективы, то есть - возможности появления других форм организации.

Онтическая реальность имеет свои репрезентирующие ее формы. В качестве таких выделены природа, человек, техника, культура и цивилизация по следующим причинам:

а) природа как онтическая форма является онтологическим основанием любого эволюционного процесса. В то же время эволюция как состояние имманентного принадлежит природе, благодаря чему формируются как сферы бытия самой природы (геосфера, биосфера), так и бытие социума.

б) наличие таких онтических форм, как техника, культура и цивилизация обусловлено структурализацией отношений человека и мира. Выделение техники как необходимого средства деятельности, как первичного акта субъективации природной реальности привело к тому, что ее развитие, непосредственно связанное с преобразованием биотической среды, способствовало становлению новых временных и пространственных онтических структур, хранящих специфическую «память» эволюционного процесса.

в) деятельность человека является центрирующим ядром в процессе становления онтических форм. Поскольку природа деятельности включает в себя конструирующее и конституирующее начало и сопряжена с развитием эмоционально–рациональных интеллектуальных, творческих способностей самого человека. Отчуждение и опредмечивание этих способностей нашло свое выражение в культуре. Органичность духовно-ценностного потенциала в процессе самостановления человека как рода вступает в определенное противоречие со стремлением развивающегося общества структурировать на рациональной основе социальные отношения, в том числе и отношения с природной средой.

г) взаимодействие природы и общества привело к возникновению такой онтической формы, как цивилизация. Она наиболее полно воплощает в себя способность общества к рациональной самоорганизации.

Выстраивая собственные отношения с природой, техникой и культурой, цивилизация выступает как проектирование рациональных основ жизнедеятельности.

д) названные онтические формы имеют конкретно–историческую представленность. Возникнув, они сохраняют свою устойчивость и способствуют образованию сложной социоприродной системы, а взаимодействие этих форм определяет направленность мирового эволюционного процесса.

е) онтогенез данных форм обусловлен объективно–коэволюционными процессами, которые, в свою очередь, имеют информационно – коммуникативную природу. Информация, рассматриваемая как природная сущность, особое объективное состояние природы, является той силой, которая активно способствует формированию и структурированию связей и отношений образующихся форм. Культура как онтическая форма своим основанием имеет информационную подсистему, в рамках которой естественно – духовные состояния соотносятся с рационально выстроенными теоретическими системами ценностей, идеалами и нормами.

3. Выявление необходимости формирования в рамках эволюционной онтологии нового учения привело к анализу онтологических проекций эволюции в природной и социокультурной реальности. Адекватное использование терминов «онтическая реальность», «онтическая форма», «коэволюция» требует соотношения с понятийным аппаратом философии и науки. Научная идея человекоразмерности как особого способа «измерения» мира, непосредственно связана со спецификой онтологической рефлексии XX века, выражающей себя в поиске выхода за пределы чисто гносеологического подхода к осмыслению бытия. Идея непрерывной создаваемости человеком себя и мира, воплощающаяся в символической картине бытия как текста культуры, реально подводит к пониманию того, что *гносеологическое превосходство субъекта по отношению к объекту онтологически неоправданно.* Человекоразмерность выводится из особых онтопредставленных состояний субъективности.

Наполнение антропного принципа новым, социоприродным содержанием характерно для альтернативных онтологических учений (Н. Гартман, Н.А. Уайтхед, К. Лоренц, Г. Хакен). Так, критическая онтология Н. Гартмана приближается к процессуальному пониманию бытия (учение о статической стратификации) и вводит демаркацию онтической и онтологической реальности. Эволюционная онтология выстраивается на соединении синергетического и информационно – коммуникативного подходов. *В рамках эволюционной онтологии провозглашается онтическая творческая активность культуры, а эволюционная*

креативность включается в характеристику природы. Синергетические идеи позволяют описать процессы развития и распада структуры как позитивный ход эволюции неравновесных систем, так как для эволюционного процесса эти события одинаково значительны и создают условия для эмерджентного возникновения и исчезновения природных и культурных форм.

Позитивная онтология утверждает, что разделение мира на две онтические системы (природа и культура), и два потока эволюции, центрирующиеся на двойственности человеческой природы, предполагает их единство. Более того, адекватная интерпретация человека возможна только через анализ коэволюционных взаимодействий данных онтических систем, а значит, центр онтологических размышлений перемещается от человека к космосу, к процессам естественной эволюции.

Таким образом, рассмотрение процессов онтического творения природы и культуры, как двух открытых нелинейных систем, приводит к выводу о необходимости введения коэволюционного подхода для компатибильности человеческой культуры и природы. Анализ креативных возможностей естественных процессов ставит вопрос об информационно – коммуникативной природе коэволюции.

УКРАИНА В СИТУАЦИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЫБОРА: ПОСТКОЛОНИАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

И.Н. Грабовская, г. Киев, Украина

Радикальные изменения, произошедшие с Украиной в постсоветский период, потребовали и формирования новых парадигм развития украинского социума. Особенно остро встала эта проблема с приобретением страной независимости. С. Хантингтон отмечал, что "интеллектуальный и культурный прогресс ...базируется на смене одной парадигмы, которая перестала находить объяснение новым или вновь открытым фактам, новой парадигмой, которая более удовлетворительно объясняет эти факты" [6, с. 27]. Наиболее популярной и преемлемой для большинства украинцев сегодня является европейская парадигма развития, где Европа выступает как общее цивилизационное пространство.

В практическом плане под становлением европейской Украины понимаются прежде всего государственные и нациецентрированные трансформации, направленные на завершение процесса фактического "усамостийнэння" и "унэзалэжнэння" современной Украины; превращение украинцев на полноценную цивилизованную политическую нацию; процесс консолидации украинской нации вокруг общей украинской идеи, без чего, собственно, нациетворческий процесс не может считаться завершенным, а нация – развитой современной нацией; возвращение Украины в европейский цивилизационный круг, к которому страна

принадлежит фактом своего географического положения; сохранение этнокультурной и национальной самобытности украинцев; становление развитого и зрелого гражданского общества в стране.

О. Пахльовская отстаивает позицию однозначного европейского выбора для Украины как условия утвердження настоящей «украинской Украины». Исследовательница пишет: «Относительно стратегического плана развития государства... - это план интеграции Украины в Европу. Если мы исполним по пунктам все интеграционные требования ЕС, это и будет путь к европейской Украине и одновременно к *украинской Украине* (курсив авт.), в которой будет обеспечена защита также всех иных национальностей, включая российскую. Ведь именно Европа – это простор реализации наций, то есть – по польской формуле – содружество "равных с равными, вольных с вольными". Это и есть "европейская идея" – ... закономерно также и "украинская идея"» [5]. Таким образом, «украинская Украина» - это «знак идентичности» (И. Дзюба) европейской Украины.

Известно, что подобные проблемы стояли и перед рядом европейских держав вначале XX века. Именно тогда, вначале нового XX столетия выдающийся философ-испанец Х. Ортега-и-Гассет выдвинул требование «европеезировать Испанию».

Учитывая, что любые процессуальные изменения в отдельном социуме сегодня невозможны вне глобализированного мира, нужно было бы удостовериться, что они действительно являются человекоцентрированными. Ведь уникальной ценностью достаточно длительного времени развития Европы был и остается гуманизм. В практическом выражении все это сводится к тому, признает ли прежде всего европейское, а потом и мировое содружество Украину в качестве равного и желательного партнера в международных отношениях вследствие тех изменений, которые с ней происходят в постсоветском мире. В узком смысле эта проблема формулируется сегодня как формирование в Украине эфективного общества и самосохранение его как уникальной данности [2, с. 63-65].

Сохранение собственной идентичности (не только этнической и национальной, но и политической, и культурной) в условиях глобализации является не только условием сохранения собственной неповторимости в мире, который все более и более унифицируется. Это еще и проблема выживания. Она особенно сложна для постколониальных стран, каковой еще и сегодня остается Украина. И.М. Дзюба писал: «Эти планетарного масштаба вызовы истории, на которые совокупное сознание человечества ищет и, наверное, найдет какие-то ответы, встают и перед Украиной. Но Украине приходится иметь дело не только с общими для всего человечества проблемами XX и XXI века, а и с проблемами, которые перешли из XVII, из XVIII, из XIX столетий. Проблемное поле украинской

нации выглядит более широким и с более сложным рельефом, чем у большинства современных наций» [4, с. 234].

В конце концов, требование единой Европы относительно Украины состоит не в копировании и унификации европейских ценностей и стиля жизни, а в сохранении в рамках общего евро дома собственной уникальности и обогащение общности собственной креативностью. «Поэтому перед украинской культурой встает чрезвычайной сложности задание, присоединяясь к глобализированному “Мы”, сберечь ощущение идентичности собственного “Я”, - отмечает В. Горский. – А это требует не только присущей нашему менталитету толерантности, но и склонности к восприятию “иного” как “своего”. Не менее значительных усилий требует развитие (а может и создание) придушиваемого тоталитарным сознанием чувства собственной неповторимости, достоинства, умение соединять стремление к сближению с "иным” с умением быть в опозиции к нему» [1, с. 242].

Особым фактором, который должен быть учтен при движении Украины в ЕС, является ее постколониальная действительность. Как пишет С. Грабовский в работе «”Государство Украина”: строительство квазинациональной державы», «…исключительность Украины в Европе в том, что это постколониальная страна... Не бывшая оккупированная территория, как Балтия, а именно постколониально-посттоталитарная страна. А впридачу – часть идеократической империи, каковой и был Советский Союз. Именно эти составляющие наложили основной отпечаток на развитие Украины» [3, с. 10].

Кроме того, объективная реальность такова, что «...мы всегда должны учитывать, что Украина нине (после двадцяти лет независимости!) в который раз стремится выбороть демократический путь развития в крайне неблагоприятных условиях. И эти неблагоприятные условия существуют как со стороны России, так и со стороны Европы, и внутри самой Украины» [5, с. 5].

Преодоление не только экономического, культурного, но и в значительной степени идеологического наследия СССР все еще остается достаточно актуальной проблемой для украинского общества. Фактически речь идет о необходимости радикальной украинизации современного украинского социума.

Литература:

1. Горський, В.С. Біля джерел: (Нариси з історії філос. культури України) В.С. Горский. – К.: Вид. дім «Києво-Могилянська акад.», 2006.

2. Грабовська, І. Витворення «української України» як мета та завдання трансформаційних процесів в українському соціумі / І. Грабовська // Дні науки філософського факультету – 2010: Міжнар.

наук. конф.: Матеріали доп. та виступів. Ч.ІІ. – К.: ВПЦ «Київський університет», 2010.

3. Грабовський, С. «Государство Украина»: розбудова квазінаціональної держави / С. Грабовський. – Дрогобич: Коло. – 2004.

4. Дзюба, І. Україна у пошуках ідентичности / Іван Дзюба // Український історик. Журнал історії і українознавства. – Том XL VOL: Сорокаліття «Українського історика». Ювілейне видання. – Нью-Йорк – Київ - Львів – Острог – Торонто – Париж. – 2003. – № 1-5 (156-160). – Рік XL.

5. Пахльовська, О. Міжнародний контекст української проблематики / О. Пахльовська // Універсум. – 2009. – №1 1-12.

6. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2003.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ СОЦИУМЕ

Ю.В. Дедолко, г. Минск, Беларусь

В 1991 г. Республика Беларусь стала суверенным государством, получив возможность самостоятельно развиваться и проводить свою внутреннюю и внешнюю политику, вырабатывать формы взаимодействия с мировым сообществом. Разрушение устоявшихся многолетних экономических и социальных связей, последовавшее в результате краха СССР, повлияло не только на состояние экономик новообразовавшихся государств, оно непосредственным образом затронуло и их граждан. Не будет преувеличением сказать, что процессы трансформации так или иначе затронули каждого белоруса, повлияв на его систему ценностей, взглядов, взаимоотношений. Изменение траектории развития социума в результате радикальных трансформаций, начавшихся после краха социалистической модели развития и воздействия общемировой тенденции к глобализации, привело к тому, что закономерности воспроизводства общества были нарушены: социализация людей осуществляется преимущественно в ближайшем окружении, общественное же воспроизводство социальных связей, находящееся в зависимости от ближайшего окружения, ослаблено. Однако, решение актуальных для нашего государства проблем совершенствования демократии и рынка, экономики, а также в целом задач развития белорусского общества неосуществимо без учета того, что раньше называли человеческим фактором, а в современной интерпретации – социальным капиталом.

Феномен социального капитала, как показывают данные теоретических и эмпирических исследований зарубежных и белорусских ученых, позволяет обнаружить продуктивность ресурса социальных

связей, способных выступать катализатором эффективности экономического действия, политической мобилизации и общественного контроля деятельности социальных институтов общества даже в тех условиях, когда социальные институты находятся в состоянии трансформации или системного кризиса, что актуализирует исследования социального капитала странах с переходной социально-экономической системой, находящихся в условиях модернизации и «догоняющего развития». Социальное и экономическое развитие нашей республики сегодня зависит не только от наличия ресурсов, технологических достижений и других чисто экономических и структурных факторов, но также от культурных ценностей, которые разделяют люди, от уровня и качества их социальных взаимоотношений и норм, регулирующих эти взаимоотношения.

Для белорусских ученых проблематика социального капитала стала предметом анализа сравнительно недавно, поэтому собственная исследовательская традиция и методология исследований в указанной области находятся на стадии формирования. Однако имеющийся опыт становления гражданского общества, трудности формирования атмосферы общественного доверия, неэффективность социальных институтов в нашей стране убеждают в том, что концепция социального капитала, ее концептуальный аппарат принципиально применимы для осмысления путей развития белорусского общества.

Проблема социального капитала становится особенно актуальной в современную эпоху глобализации, когда вопросы культурной самоидентификации индивидов и социумов выходят на первый план. Господствовавшие ранее трактовки глобализации с позиции доминирования экономического интереса, восприятия формирующегося социального порядка с позиций экономики оказались несостоятельными. Сегодня общепризнано, что экономика, как на региональном, так и на мировом уровнях нуждается в социальных и культурных условиях для своего развития. К этому необходимо добавить актуальность сохранения мира и политической стабильности, также во многом базирующихся на таких составляющих социального капитала, как доверие и развитое гражданское общество. Не является исключением в данном процессе и Беларусь, влияние глобальных процессов на которую чрезвычайно велико в силу ее открытой экономики. Процессы глобализации, захватывающие все стороны жизни человеческого общества, способствующие международному распространению культуры и формированию единого мирового социально-экономического строя, оказывают очевидное воздействие на белорусское общество и его социальный капитал.

Постепенный и поэтапный подход к проведению экономических реформ позволил Беларуси избежать их наиболее негативных социальных

последствий и сохранить стабильность и спокойствие в обществе. Тем не менее, в стране наблюдается ряд существенных диспропорций как в сфере экономики, так и в области социального развития. Как отмечает А.И. Зеленков, провозглашенный в начале 90-х гг. прошлого века отказ от социалистических принципов в политике и экономике и принятие новых либерально-демократических ориентаций, приоритетов и ценностей не стали реальными регуляторами социальной жизни, поскольку не обеспечивались необходимыми законами и политическими решениями. Массовое сознание оказалось дезориентированным: прежняя ценностно-нормативная система оказалась уже не способна обеспечивать социальную регуляцию, а новая еще не сформировалась, что существенно затруднило формирование в обществе ясных представлений о социокультурных приоритетах. Специфика современной социокультурной ситуации в Беларуси состоит в том, что модернизация и проведение реформ во многом зависит от того, насколько эффективно и рационально сумеют правящие элиты распорядиться таким важным социальным ресурсом как относительно высокий потенциал доверия и толерантности белорусского населения. В данном случае мы имеем дело с одной из смыслообразующих характеристик социального капитала, приобретающего все более высокое значение для проведения структурных реформ в обществе и его фронтальной модернизации. [1, с. 31-40].

Решение проблем повышения уровня жизни, улучшение работы систем образования и здравоохранения, усиление государственной поддержки семьям с детьми и сокращение разрыва между условиями жизни в городской и сельской местности, требует существенных материальных затрат, финансирование которых зависит от устойчивого экономического роста. А стабильный экономический рост, в свою очередь, невозможен без устойчивого человеческого и социального развития. Именно поэтому на данном этапе развития Беларуси роль социального капитала особенно возрастает. Нормы трудовой и деловой этики, вырабатываемые в процессе социального взаимодействия, способствуют повышению производительности труда и снижению издержек на осуществление экономической деятельности. Социальные контакты, возникающие в процессе получения образования, впоследствии служат источником важных знаний и умений, эффективно дополняющих формальное обучение. Широкое взаимодействие и сотрудничество граждан помогает частично компенсировать негативные последствия роста имущественного неравенства и вызванного им неравенства социальных возможностей. Согласно исследованиям, позитивной морально-психологической обстановке в белорусском обществе способствуют широкие межличностные контакты граждан и сохраняющийся пока высокий уровень межличностного доверия.

В качестве негативной тенденции следует отметить консервацию неразвитости гражданского общества в Беларуси: добровольными ассоциациями охвачена лишь небольшая часть населения, у граждан отсутствуют навыки спонтанной социализированности и они слабо участвуют в местных инициативах. Однако для сохранения и наращивания социального капитала чрезвычайно важно поддерживать добровольные объединения граждан. Упрощение процедур регистрации и регуляции деятельности общественных объединений, поддержка досуговых и просветительских общественных будет способствовать социализации граждан, особенно молодежи, воспитанию чувства ответственности, развитию навыков здорового образа жизни, общественному контролю за антисоциальным и противоправным поведением. Все это позволит существенно повысить эффективность социально-экономической политики белорусского государства, ускорить продвижение страны по пути устойчивого развития, сохранить самобытные черты национальной модели социально ориентированной системы хозяйствования, адаптироваться к вызовам глобализационных тенденций и интеграционных процессов современного мира.

Литература:

1. Зеленков, А.И. Качество жизни белоруса / А.И. Зеленков, Д.Г. Ротман, Х. Херпфер (Австрия) // Беларуская думка. – 2004. – № 3.

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ФАКТОР РИСКА СОЦИАЛЬНОЙ ИСКЛЮЧЕННОСТИ ЛИЦ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА

О.Е. Дмитриева, г. Минск, Беларусь

Процессы глобализации и развития информационно-коммуникационных технологий (далее по тексту — «ИКТ») сопровождаются неизбежными изменениями всех сфер жизни общества: политической, экономической, культурной. В этих условиях все более важное значение приобретает проблема социализации разных слоев населения, поскольку наблюдается нарушение равенства граждан в правах и возможностях в зависимости от уровня владения и доступа к ИКТ.

Кроме того, под влиянием снижения уровня рождаемости и неблагополучных тенденций в области смертности наблюдаются серьезные трансформации возрастной структуры общества, выражающиеся в сокращении численности и старении населения [3, с. 9].

Таким образом, пенсионеры занимают все более значимое место в обществе, в связи с чем необходимо уделить особое внимание их социализации, т. е. процессу «овладения новыми ценностями, ролями, навыками с тем, чтобы при изменении образа жизни и прекращении трудовых форм активной деятельности сохранить и как можно дольше

поддерживать связи с окружающим миром, дееспособность и интерес к жизни» [5, с.36].

Однако, современный этап развития информационного общества характеризуется стремительным развитием ИКТ и их внедрением во все сферы жизнедеятельности. Практически каждый субъект хозяйствования испытывает информационные потребности и является, если не производителем, то потребителем и распространителем информационных продуктов и услуг. В данной ситуации социальное положение людей старшего поколения, взрослевшего и жившего без компьютера и Интернет, сопряжено с рисками. Уже на этапе предпенсионного возраста многие сталкиваются с проблемой производственной необходимости овладения ИКТ. Сегодня компьютер стал рассматриваться как «единственное появившееся после книги средство коммуникации, осознаваемое как инструмент обучения и развития навыков, позволяющих считаться грамотным человеком» [4, с. 108]. Часто компьютерная грамотность является необходимым критерием продления трудового стажа на прежнем рабочем месте для лиц, достигших пенсионного возраста. Известно, что многие пенсионеры в нашей стране вынуждены продолжать работать по причине низких пенсионных выплат и стремятся таким образом улучшить свое материальное положение. Однако овладение информационными технологиями для многих является серьезным, часто объективно непреодолимым препятствием, связанным, как правило, с психологическими и физическими возрастными особенностями, и работник вынужден уходить на пенсию, становясь экономически исключенным. Для него резко снижается степень доступности товаров и услуг, сужается их спектр, ограничивается возможность участия в общественной жизни. Как правило, безработица является началом цикла исключенности. «Безработица (экономическая исключенность) ведет главным образом к потере дохода и возможности отстаивать свои интересы в других ситуациях и напрямую связана с исключением (исключенностью) из производственной среды, услуг, ресурсов и общественных сетей. В частности, считается, что долговременное отсутствие работы влечет за собой другие виды исключенности: ухудшаются общественные взаимосвязи, часто возникает стигма и уныние и появляется соблазн справиться с ситуацией с помощью выпивки, наркотиков или совершения преступных действий» [1, с. 72].

Необходимо отметить, что для лиц пенсионного возраста социальные риски, связанные с потерей рабочего места, носят не временный и вероятностный характер, а являются неотвратимыми и перманентными.

После выхода на пенсию проблема освоения развивающихся ИКТ, либо постоянного совершенствования имеющихся в этой области знаний и

навыков, для многих остается актуальной, поскольку происходит их (технологий) постоянное обновление и внедрение в повседневность. Так, сегодня больший доступ к медицинским, банковским, юридическим, социальным и др. услугам имеют граждане, способные получить информацию, размещенную на сайтах организаций, воспользоваться пластиковой расчетной картой, банкоматом, терминалом, инфокиоском и т.д. А для неработающих пенсионеров чаще всего компьютер и Интернет либо недоступны, либо отсутствуют навыки их использования. Для представителей старшего поколения одним из наиболее доступных источников информации является телевидение, однако доступ к данному источнику для них может быть значительно затруднен с переходом на цифровой формат вещания, так как для получения сигнала потребуется замена телевизионного принимающего оборудования, дорогостоящего для данной категории населения. Общение с социальным окружением в наше время все больше происходит посредством использования сети интернет и мобильного телефона, освоение которого также у многих пенсионеров вызывает затруднения.

С развитием ИКТ происходит утрата актуальности и значимости жизненного опыта старшего поколения, не говоря о широких возможностях получения более богатого опыта из других источников. Известно, что люди в возрасте около шестидесяти лет болезненно переживают блокирование важнейшей их потребности в передаче жизненного опыта, игравшей ранее историческую роль в сохранении и развитии культуры [2, с. 83]. Сегодня наблюдается противоположная тенденция: дети и внуки становятся для пожилых людей своеобразными наставниками и проводниками в мир ИКТ.

На наш взгляд, риску социальной исключенности в меньшей степени подвержены представители интеллектуальных и творческих профессий, а также жители больших городов в силу бóльших возможностей и «продвинутости», а также жители деревень в силу слабого внедрения ИКТ. В значительной степени риск касается жителей малых и средних городов, имеющих более низкий уровень доходов, и меньший выбор рабочих мест. По мнению специалистов, «до тех пор, пока такие люди не имеют доступа к новым технологиям, их относительное положение в обществе будет только ухудшаться. Новые технологии расширят экономическую, социальную и политическую власть людей, использующих их, что повлечет за собой соответствующее ухудшение положения тех, кто их не использует» [1, с. 81].

Таким образом, проблема утраты чувства собственной значимости и независимости и, как следствие, социальной исключенности лиц пенсионного возраста усугубляется со стремительными изменениями в обществе, вызванными развитием ИКТ.

Литература:

1. Винден, В. Конец социальной исключенности? Политика в сфере информационных технологий как ключ к социальной включенности в крупных европейских городах / Виллем ван Винден // SPERO – 2012. №17.
2. Кармин, М.С. Конфликтология / Под ред. Кармина. – СПб : Лань, 1999.
3. Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. – М.:НИСП, 2007.
4. Сергеева, О.В. Повседневность новых медиа / О.В. Сергеева. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010.
5. Состояние и пути повышения адресности социальной защиты нуждающихся слоев городского населения (комплексное социально-экономическое исследование): Научный отчет / Руководитель ВНК А.В. Рубанов; Минский научно-исследовательский институт социально-экономических и политических проблем. – Мн., 2003.

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ РИСКОВ

Д.Г. Доброродний, г. Минск, Беларусь

Интерес со стороны исследователей к теме рисков постоянно растет, что обусловлен, в первую очередь, наличием соответствующего социального заказа. Общество развитых стран, достигнув достаточно высокого уровня благополучия и комфорта существования, теперь серьезно обеспокоено различными угрозами (экологическими, террористическими, экономическими и т.д.), которые это благополучие могут пошатнуть [5]. Это утверждение относится к простому обывателю (избирателю и налогоплательщику), составляющему большинство в обществе. Его желанием предвидеть и предотвратить опасность формирует соответствующий запрос к науке, отвечающей за производство знаний и прогнозов, к политике, призванной обеспечивать безопасность и использующей страх для укрепления своей власти, к экономике, удовлетворяющей с высокой прибылью спрос на ощущение определенности и безопасности.

Во-вторых, возрастающее внимание к рискам со стороны науки обусловлено масштабом данной проблемы. Риски глобализируются, перерастают границы социальных групп, государств или отдельных сфер жизни, приобретают универсальность, всеобщность и общезначимость, повышая статус соответствующих исследований. Изменившееся понимание рисков, в свою очередь, определяет важную тенденцию – исследования рисков все больше носят междисциплинарный характер.

Современные статьи и монографии, посвященные каким-то конкретным видам рисков (например, валютным или страховым) или глобальным цивилизационным, обязательно привлекают материал естественных наук, статистические данные, экспертные оценки гуманитариев и, с неизбежностью, завершаются философскими обобщениями и футурологическими прогнозами.

В-третьих, основным фактором, обусловившим превращение современного общества в «общество риска», стала информатизация – бурное развитие самих знаний, способов их хранения, передачи, тиражирования. Обществом риска могло стать только информационное общество: «Вместе с развитием общества риска нарастают и противоречия между теми, кто *подвержен* рискам, и теми, кто извлекает из них выгоду. В той же мере растет социальное и политическое значение знания, а вместе с тем и власть над коммуникативными средствами для получения знаний (наука) и их распространения (средства массовой информации). В этом смысле общество риска — это общество *науки, коммуникативных и информационных средств.* В нем обнаруживаются новые противоречия между теми, кто *производит* риски, и теми, кто их *потребляет*» [2, с. 34]. Что интересно, в предисловии к своей книге У. Бек благодарит фонд корпорации Фольксваген за финансирование своего исследования.

Таким образом, мы наблюдаем повышенный интерес и запрос со стороны общества по поводу рисков, рост количества и масштаба исследований рисков, рост финансирования научных исследований в области анализа и оценки риска, формирование специалистов нового типа – экспертов в области риска. Все это говорит о важности научной проблемы и необходимости ее философско-методологического анализа на уровне терминологических и концептуальных оснований.

Существует два основных толкования понятия «риск», которые между собой взаимосвязаны:

1) риск – это ожидаемый *вред*, потенциальная *опасность*, даже *угроза*.

2) риск – это определенная *вероятность* наступления негативных последствий.

Первая трактовка наиболее распространена на обывательском уровне и связана с представлением о будущем. Вторая – лежит в основании научных исследований, когда риск – это количественная характеристика, относящаяся к настоящему; знание о риске используется в планировании текущей деятельности, проектировании.

В работе П. А. Ваганова и Ман-Сунг Има «Экологические риски» приводятся такие определения рисков:

- опасность, возможность убытка или ущерба;

- возможность или вероятность факта или события, рассматриваемого как некое зло или некий ущерб;

- шанс того, что может случиться нечто нежелательное.

- «Риск – количественная мера опасности с учетом ее последствий. Последствия проявления опасности всегда приносят ущерб, который может быть экономическим, социальным, экологическим и т. д.» [3, с. 12].

Существует множество разновидностей рисков, в научной литературе встречаются их различные классификации, выделяют естественные, технические, социальные, медицинские риски. Существует множество классификаций рисков по различным основаниям: финансовый, кредитный, валютный, технический, профессиональный, индивидуальный и коллективный, приемлемый или допустимый и обоснованный, геополитический и рыночный. Например, Р. Коллуру выделяет такие виды рисков: угрожающие безопасности (safety risks); угрожающие здоровью (health risks); угрожающие состоянию среды обитания (environmental risks); угрожающие общественному благосостоянию (public welfare/goodwill risks); финансовые риски (financial risks) [8]. Проблема заключается в том, что риски из одной сферы (например, финансовой), рассматриваемые комплексно, неизбежно пересекаются со сферой экологии или социальной, а глобальные экологические риски провоцируют риски практически во всех остальных сферах жизни человека и общества.

Под экологическими рисками обычно понимают возможные изменения в природной среде, негативно влияющие на ее состояние [7]. Чаще всего к наиболее значительным экологическим рискам современности относят: глобальное изменение климата; обеднение озонового слоя; изменение компонентов среды обитания; исчезновение видов и снижение биологического разнообразия. Агентство по защите окружающей среды США (EPA) на своем сайте описывает методологию анализа и оценки экологических рисков и связывает их с рисками, угрожающими здоровью людей [1]. Наибольшую опасность для человеческого здоровья имеют следующие экологические риски: загрязнение воздуха; загрязнение питьевой воды; радиоактивное загрязнение; загрязнение почвы пестицидами; обеднение озонового слоя.

Все риски являются антропологическими в некотором смысле, так как предполагают специфическую человеческую активность: целенаправленную деятельность и рефлексию над ее результатами, оценку, планирование, ожидание и т.п. В этом смысле человеческая деятельность (особенно творчество) всегда рискованная, она осуществляется с учетом новизны и непредсказуемости результата, вероятности негативных последствий. В научной литературе чаще встречается понятие «антропологическое измерение» рисков, которое означает негативные последствия процессов и явлений или их вероятность для жизни и

здоровья человека. Но можно встретить и понятие «антропологические риски». Например, Е. А. Гаврилина говорит об антропологических рисках в контексте влияния техносферы на человеческую жизнь, а точнее в контексте непредсказуемых или плохо прогнозируемых последствий воздействия технико-технологических решений на человеческое тело и жизнь. В таком случае, антропологический риск – это угроза самой «человечности» человека, угроза объективации и овеществления человеческого тела и личности, становящейся объектом медицинских и инженерных манипуляций [4]. В. И. Штанько обращает внимание на угрозу человеческой личности (унификация, манипуляция, психические расстройства, трансформация идентичности) со стороны информационной среды и виртуальной реальности. Антропологические риски становятся антропологическими вызовами информационной цивилизации [6]. Обобщая, можно казать, что антропологические риски – это вероятность негативного совокупного воздействия на физическое и духовное состояние человека.

Таким образом, становится очевидным, что экологические и антропологические риски тесно взаимосвязаны, так как, во-первых, предполагают активную преобразовательную деятельность человека по отношению к естественной и искусственной среде обитания, а во-вторых, экологические и антропологические риски имеют значение и оцениваются, прежде всего, исходя из вероятности негативного воздействия на здоровье и жизнь человека, его душевное состояние и духовное развитие. Практически невозможно отделить негативные последствия для окружающей среды (экологические риски) от негативных последствий для человека (антропологические риски).

Литература:

1. Агентство по защите окружающей среды США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.epa.gov/ – Дата доступа: 05.06.2013.

2. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек – М.: Прогресс-Традиция, 2000.

3. Ваганов, П. А. Экологические риски / П. А. Ваганов, Ман-Сунг Им. – СПб.: Изд-во С. -Петерб. ун-та, 2001.

4. Гаврилина, Е. А. Техническое развитие в контексте антропологических рисков / Е. А. Гаврилина // Методолог. – Режим доступа: http://www.metodolog.ru/node/789. – Дата доступа: 02.06.2013.

5. Иванченко, Г. В. Неопределенность и риск как антропологические константы современности / Г. В. Иванченко // Знание. Понимание. Умение. – 2006.№4.

6. Штанько, В. И. Антропологические вызовы информационной цивилизации / В. И. Штанько // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – 2011.№ 980.

7. Bartell, S. M. Ecological/Environmental Risk Assessment / S. M. Bartell // Risk Assessment and Management Handbook. – New York, 1996.

8. Kolluru, R. V. Health Risk Assessment: Principles and Practices / R. V. Kolluru // Risk Assessment and Management Handbook. For Environmental, Health, and Safety Professionals. – New York, 1996.

ЦЕННОСТЬ «ВНУТРЕННЕГО ОФОРМЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА» В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Л.В. Довыденко, г. Калининград, Россия

Мы несем миру только то, что мы можем ему дать, и вместе с тем, то, что ему единственно необходимо – Православие, истинное и сильное, вечное исповедание Христа и полное обновление моральное…
Ф.М. Достоевский.

…Я все более и более убеждаюсь, что только Православие как истину о Боге, о человеке, о мире, как общее видение космоса, истории, эсхатологии и культуры можно сегодня противопоставить разложению и умиранию мира, созданного христианством, от которого он в безумии своем отказался. Но чтобы это противопоставление было действенным, надо, чтобы Православие снова стало Божественной простотой, Благой вестью в чистом виде, радостью, миром и правдой в Духе Святом
о. А.Шмеман

Понял теперь я: наша свобода
Только оттуда бьющий свет.
Н. С. Гумилев

«Мир хотел поймать меня, но не поймал», - говорил Г. Сковорода. И когда настал черед появиться в мире нам, жителям земли в 21 веке, мы видим кругом расставленные силки массовой культуры и ширпотреба. «Духовной жажде» противопоставлен лозунг: «Потребляй!». Имидж, пиар, реклама, успешность, продуктивность, эффективность – это все товары рынка, врывающегося в сферу, казалось бы, интеллектуальной и духовной жизни: продажа должностей, званий, дипломов, ученых степеней, премий, обман в сфере фармакологии, торговля иконами на заказ, торговля чувствами (экскорт, проституция), торговля человеческими органами.. Всемирное торговое общество пропитало своими ядовитыми испарениями весь земной шар, вытесняя бытие, святое, священное, Онтологического Человека.. События в Северной Африке, на Ближнем Востоке говорят о том, что религия стала средством политики.

А тем, кто сохранил в себе человеческое, требуется сдержанность, воздержание, мужество, трезвенность, праведность. Без Праведника не стоит село. Судьба Нового Орлеан, Детройта – символы того, что не нашлось праведников в этих городах, а скоро в таком положении могут оказаться целые народы.

Ценности духа, духовных и душевных сил, нравственности и морали, свободы и прав человека и стремление к мудрости, позиция над политическими и идеологическими схватками, движение и направленность энергии на примирение и объединение враждующих направлений находим мы в философии русского зарубежья, одним из ярких представителей которого был Н.С. Арсеньев. В своей итоговой книге «Дары и встречи жизненного пути» он писал о своей семье: «Со всех сторон меня захватывали потоки живых интересов, связанных с историей человеческой мысли, литературы, общественных устремлений, истории народов, истории искусства». Уже первая книга философа «Жажда подлинного бытия» обращена к духовным поискам человечества, к древнейшим источникам различных культур, свидетельствующих о глубинах духовной жизни человека. Это надписи на каменных плитах Верхнего Египта, поэзия Древнего Вавилона, Махабхарат Древней Индии, поэзия и философия Древней Греции и Рима. Во всех источниках находит мыслитель примеры «томления духа» и «искания выхода», «искания опоры в Вечном, Реальном». Арсеньев рассматривает «томление духа» как «жажду подлинного бытия» и удовлетворение ее Откровением свыше, ощущением Полноты жизни, жизни в любви, которая - он считает - может быть актом волевого усилия. Интерес к «внутреннему оформлению человечества» берет свои истоки в семье Арсеньевых. Князь Юрий Алексеевич Долгорукий и его жена Елизавета Петровна (урожденная Давыдова) были родителями бабушки Николая Сергеевича по отцовской линии. Они знали Хомякова и ценили сочинения швейцарского пастыря Александра Винэ (1797-1847), профессора истории литературы Лозаннского университета. Винэ мечтал о сближении между христианами, взаимопонимании, особенно между протестантами и католиками.

Долгорукие интересовались Оксфордским движением 30-50-х годов XIX века. «Отсюда началось, - писал Н.С. Арсеньев, - усиленное стремление многих выдающихся представителей Англиканства к сближению с Православной церковью, отсюда началась дружественная переписка А.С. Хомякова с одним из виднейших деятелей Оксфордского движения В.Пальмером. Когда в 40-х годах Пальмер приезжал в Россию, он часть лета провел у Долгоруких в их имении Красное, Новосильского уезда, Тульской губернии. Арсеньев рассказывал о ряде посещений России некоторыми членами Англиканского Епископата. Приехавшие в Россию на коронацию императора Николая II, англиканские иерархи вели беседы о

возможности сближения Англиканства с Православной церковью. Англичанин Джон Беркбек, который стремился познакомить соотечественников с учением Православной церкви, особенно ее литургической жизнью, издал переписку Хомякова с Пальмером, трактат Хомякова «Церковь едина» в переводе на английский язык. Беркбек 18 раз приезжал в Москву, и был знатоком православного богослужения. Он говорил, что во всем христианском мире нет ничего равного по красоте московским службам Страстной недели и Светлого воскресения. Большая заслуга Арсеньева состоит в том, что в книге «Единый поток жизни» он собрал сведения о влиянии Православия на европейскую культуру. Он приводит примеры церковных деятелей и авторов книг, чьи сердца открылись «духовным сокровищам Православия». «Образы русских святых – Сергия Радонежского, Серафима Саровского, Тихона Задонского, образы Оптинских старцев – стали (особенно с появлением на Западе русской эмиграции) знакомы и дороги многим западным читателям. После первой мировой войны религиозное воздействие христианского Востока на Запад усилилось чрезвычайно (тут сыграли роль литургическая красота Православной церкви, русская икона, Достоевский и религиозные русские мыслители)». Таким образом, книга «Единый поток жизни» опровергает до сих пор бытующее мнение, выраженное, например, Вышеславцевым: «Из того, что пишется и говорится на Западе, я вижу, что русский народ и русская судьба все еще остается полной загадкой для Европы. Мы интересны, но непонятны; и, может быть, поэтому особенно интересны, что непонятны. Мы и сами себя не вполне понимае.

Хотелось бы подчеркнуть, что Арсеньев немало сделал для того, чтобы мы, прежде всего, «были сами себе понятны». В книге на немецком языке «Русская литература нового времени и современности в их духовной взаимосвязи», которую, к сожалению, до сих пор никто не перевел, а мой перевод нигде не опубликован, автор, рассуждая о специфике русской философской мысли, пишет, что она заключается в призыве к служению «вселенскому духу любви». По убеждению Арсеньева, этому великому призванию Россия часто оказывалась неверной, недостойной. Но это чисто русская мысль, именно славянофилы сформулировали «смысл жизни и истории человечества» как «свободу морального развития личности и вместе с тем любовь, объединяющую нас воедино с братьями в великий живой организм». Заветы славянофилов оказали воздействие на всю отечественную духовную, не только религиозно, но и светски ориентированную традицию русской философской мысли, найдя отклик и в западной мысли. Среди этих заветов особая роль принадлежит соборности, которая по Арсеньеву, – не внешний авторитет, а это наша собственная, более высокая жизнь. Причем, Арсеньев подчеркивает, что не только русский народ стремится к абсолютному добру. «Религия и

философия всех народов задолго до христианства установила, что человек и даже все мировое бытие влечется сознательно или бессознательно ввысь к абсолютному совершенству, к Богу. Различие между людьми и народами состоит в том, в какой форме и в какой степени осуществляется у них это стремление вверх и под какие соблазны они подпадают при этом».

«Высший цвет человечества» Арсеньев видит в лице святых, которые есть в каждом народе. Они вместе с тем и высший цвет нации, произведшей их, но они не укладываются в рамки национальные, как и вообще все лучшие духовные и культурные ценности человечества. Русские святые поэтому, - уверен Арсеньев, - сверх национальны, ибо из сверх национального и Вечного черпают свою силу. Они высшее достижение человечества.

Русская литература открывается Арсеньевым как всечеловеческая ценность. Духовная глубина произведений русской литературы предстает во взаимосвязи национального, индивидуального и вселенского. Арсеньев утверждает, что именно литература конкретного народа в первую очередь дает представление о его духе, его духовной сущности. При этом нельзя отбросить индивидуальность и своеобразие каждого художника, так как общественное внутренне скреплено с индивидуальным. То, что глубоко национально, то является всечеловеческим. Конкретно-индивидуальное и всечеловеческое неразрывно связаны, потому что духовное содержание ищет совершенную форму.

Арсеньева волнует будущее России и роль в этом будущем духовной культуры: “Немо ли для нас и для будущей свободной России русское прошлое или есть живая связь? Вот вопрос решающего значения. Решающего оттого, что не может поток течь вперед, если он отрезан от своих истоков, и не может расти ввысь дерево, лишенное корней. Ибо жизнь есть одно органическое нераздельное целое. Без традиции нет истории, нет жизни народа, но традиция эта динамична, она устремлена вперед и уходит вглубь.

К художникам, выходящим на «общечеловеческое, вселенское и вечное», Арсеньев относит Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Картины толстовского мира Арсеньев называет «динамизмом жизни», выражающимся в мелочах мира человеческого и мира природного. Он выделяет в творчестве Толстого поклонение красоте и теплу русской семейной традиции, «укорененности» в родном быте и участие в западной культуре. Л.Н. Толстой и глубоко народен, и общечеловечен. Тоска жизни, утверждает Арсеньев, недоумение над жизнью, боль и сознание «тщеты» поначалу мало проявляются в его творчестве. Жизнерадостность помогает ему преодолеть тоску жизни. Творчество и красота обновляющейся природы есть главное противоядие этой тоски. А потом супружеская любовь! И охота, и верховая езда, и природа, и интерес к народу, и

динамическая устремленность вперед, и внутренне питание души могучей духовной традицией, питавшей предыдущие поколения. А далее кризис, из которого Толстой вышел, но с точки зрения Арсеньева, найденное им решение - «безблагодатно».

Не признавая благодати, Толстой, по убеждению Арсеньева, ставил человека одного перед лицом превышающих его человеческие силы «требований ригористической морали». В то же время Арсеньев убежден, что Христос для Толстого «был в противовес его рационалистическому отрицанию», все-таки больше, чем учитель совершенной морали.

Центральная тема творческих исканий Достоевского — существование Бога. Арсеньев считает, что Достоевский своим мировоззрением связан со славянофилами, которые ощущали свое дело не только как глубоко-национальное, но также как всемирное. Эту всемирную работу продолжил Достоевский. Корни мировоззрения писателя, как и у славянофилов, в русском народе, он, как и его народ, «тоскует по тому, что свято». И Достоевский приходит к «уравновешенности, к умственной зрелости и одухотворению», так как это есть «у нас в аскетической традиции церкви», и в «народной душе». Герои Достоевского, являются примером самоотверженной, отдающей, смиренной любви, «этой огромной силы», как считал Достоевский. Отмечая одностороннюю ироничность, несправедливость отношения Достоевского к другим народам, Арсеньев находит объяснение ей в «горячей любви к своему народу». Но его завещание – «захватывающая Пушкинская речь» — полностью «пронизана большой всемирной точкой зрения о взаимопонимании народов». Высокое предназначение своего народа он видит в том, чтобы «вызывать это взаимопонимание, принимать души других народов братски. Эта всемирная, всечеловеческая широта духа» — особенность гения Пушкина, как явления «пророческого». То же можно сказать и о Достоевском. Его миссия, его предназначение – «пророческое».

Современник и друг Арсеньева Г.Н. Трубецкой спрашивал: «В настоящий исторический момент человечество стоит на перепутье. Что же победит в нем — культурный зоологизм или «сердце милующее»? Чем надлежит быть вселенной — зверинцем или храмом?» Арсеньев развивает свою мысль и рамках идеала преображения. Выбор один: Апокалипсис или преображение. В русской литературе XIX века мотив преображения явно и неявно присутствует у многих авторов. В лирике Пушкина, например, преображение героя – основной принцип. По мнению Арсеньева, метафизическая струя у Пушкина может носить невольный характер, но этим добавлением ничто не ослабляется, так как душа поэта «стремится прикоснуться к основному, благому Смыслу Жизни». И в этом стремлении личность его просветляется, преображается. Поэтому «так умилительно» действует на него молитва Св. Ефрема Сирина и образ простой, смиренной

праведности в русском народе – «и няня его, и Татьяна, и чета Мироновых, и благочестивый быт русской семьи». С ним совершается чудо или он сам поднимается до таких вершин духа, где становится способным простить, принять, покаяться, то есть измениться, преобразиться под действием тех благодатных стихий, к которым он прикоснулся в момент озарения. Арсеньев утверждает, что «Пушкин – без излишней теоретизации – знал лучше многих других, что такое есть традиция духовной культуры». Его стихотворение «Пророк», задуманное вначале как некий нравственно-политический призыв, перерастает эту первоначальную тональность и приобретает характер религиозного зова». По мнению Арсеньева, бессмертие творчества Пушкина, вдохновленного «музами, античным миром, Куницыным, Жуковским, Шенье, Державиным, может быть, еще больше Кремлевским пожаром, битвами 1812 года, судьбами русского народа», состоит в «назаглушимо звучащем в его душе и будящем нас зове к служению Высшей Красоте и Правде». Арсеньев не одобряет тех, кто стремился преобразить мир усилием воли через революцию. Христианская идея преображения здесь была извращена, потребность в вере была заменена партийностью. В русской духовной жизни таится великое мессианское ожидание. Обоженное человечество – конец и цель истории и единственное положительное решение загадки существования.

В отличие от многих своих современников, Н.С. Арсеньев понимал, что познание общечеловеческих ценностей и оснований культуры начинается с усвоения и осмысления культуры «изнутри», через личную судьбу, историческую судьбу народа, национальных гениев, героев. Будущее и настоящее России в ее «реформаторских порывах» невозможно без осмысления исторических традиций и особенностей русской культуры, их сохранения. Народ, не сохраняющий свои традиции, нищает духом, оскудевает, «превращается в чернь». Арсеньев, переосмыслив главные достижения мировой духовной культуры, приходит к выводу, что православный путь святости и есть «ответ на загадку человеческой жизни». «В свете ужасных потрясений, перенесенных нашим народом, много ложных ценностей пало, многое подверглось переоценке, многое забытое или казавшееся забытым, воссияло опять перед нашим взором». Он уверен, что культура развивается и обогащается в диалоге с другими культурами, но акцентирует внимание на национальных чертах характера, особенностях русского способа постижения мира, связывая его с возрождением своего народа. Перспективы национального развития, проблемы смысла жизни сочетаются с проблемой исторического призвания народа. Пробудившийся в нем дух искания, ориентация на православные ценности, открывают его духовному взору значение исторических явлений. Вязкости рассудочных сомнений, он противопоставил веру как явление духовной свободы, обратившись к

глубинам национального духовного опыта, к нравственному, «внутреннему оформлению» русского народа и человечества.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

А.О. Евсеев, г. Минск, Беларусь

Обращение к проблеме формирования информационной грамотности повлекло привлечение понятий и терминов из разных областей знания: библиотечного дела, информатики, документалистики и др. В качестве близких по смыслу понятий, характеризующих знания и умения человека по работе с информацией, широко используются такие термины, как «информационная культура личности», «информационная грамотность», «информационная компетентность», «учебно-познавательная компетенция».

Термин «информационная культура» впервые появился в 70-х гг. Инициаторами привлечения внимания общественности к этому феномену явились работники библиотек. Одними из первых работ, в которых использовалось это понятие, были статьи библиографов К.М. Войханской и Б.А. Смирновой.

По определению Э.Э. Слабуновой, информационная культура – это

– стиль мышления, адекватный требованиям современного информационного общества, выражающийся в умении использовать информационный подход, анализировать информационную обстановку и делать информационные системы более эффективными;

– совокупность умений и навыков работы с источниками информации;

– самостоятельное решение любых задач, связанных с производством, поиском, обработкой, хранением и передачей информации [3].

Учитывая многоаспектность понятия и соотнесенного с ним явления, целесообразно в качестве базового использовать определение Н.И. Гендиной, которое формулируется как «Информационная культура личности — одна из составляющих общей культуры человека; совокупность информационного мировоззрения и системы знаний и умений, обеспечивающих целенаправленную самостоятельную деятельность по оптимальному удовлетворению индивидуальных информационных потребностей с использованием как традиционных, так и новых информационных технологий. Она является важнейшим фактором успешной профессиональной и обыденной деятельности, а также социальной защищенности личности в информационном обществе» [1]. Первым этапом к достижению «информационной культуры» является информационная грамотность.

Понятие «информационная грамотность» в образовании нередко ассоциируется с овладением навыками работы с персональным компьютером или с обучением основам библиотечно-библиографических знаний, в представлении информационной грамотности преобладает монодисциплинарный подход. В результате которого представление об информационной грамотности значительно сужается, хотя существуют и другие определения данного термина.

А.В. Худякова характеризует информационную грамотность как степень освоения человеком «языковых норм и методов реализации всех форм организованного информационного обмена с окружающей его средой». В соответствии с данным определением можно выделить следующие виды информационной грамотности:

– грамотность устной речи – это свободное владение произношением, грамотность, развитие речевого дыхания и голоса, богатая лексикой основа речи;

– грамотность письменной речи – это владение инструментом (культурным средством), позволяющим получать и передавать информацию в виде письменного текста;

– методологическая грамотность – это требование соотношения объемов знаний и умений, усваиваемых за определенное количество учебного времени, и последовательности усложнения учебного материала;

– грамотность в области ИКТ – это использование цифровых технологий, инструментов коммуникации или сетей для получения доступа к информации, управления ею, ее интеграции, оценки и создания для функционирования в современном обществе. [5,с.39-40].

В нашей стране проблема формирования информационной грамотности в контексте информационной культуры нашла свое отражение в Концепции информатизации системы образования Республики Беларусь на период до 2020 года. Информационная грамотность определяется как «совокупность методов, способов овладения знаниями, умениями, навыками в области информационных технологий и позволяет эффективно использовать имеющиеся в распоряжении общества информационные ресурсы и средства информационных коммуникаций в личностном и профессиональном становлении [2]. В этом случае нам необходимо владеть навыками использования библиотечных и поисковых инструментов для того, чтобы найти книги понравившихся нам авторов, чтобы прочитать мнения о них других людей или специалистов, чтобы найти материалы на аналогичную тему. То есть, для того, чтобы в полной мере реализовались эстетическая, развлекательная функции чтения, достаточно владеть навыками использования библиотечных инструментов. Однако если нам нужно провести исследование, получить сведения, найти факты, мы должны обладать определенным набором умений и навыков

оценки точности, достоверности, релевантности информации. А значит, для эффективной реализации образовательной, информационной, социализирующей, развивающей функций чтения недостаточно формировать библиотечно-библиографическую грамотность учащихся. Необходимо, чтобы они владели навыками критического мышления, навыками оценки информации, то есть, навыками и умениями информационно - поисково - аналитической деятельности [7]. Образовательный процесс сегодня не обходится без компьютера и компьютерных технологий. Домашние задания нередко предполагают самостоятельный поиск и анализ информации.

Необходимо выстраивание целостной системы по формированию информационной грамотности учащихся по всем предметам во всех классах общего среднего образования. Один из последних документов ЮНЕСКО напрямую затрагивает школьное образование, призывая страны добиваться того, чтобы дети были знакомы с новой информационно-коммуникационной средой и обладали соответствующими умениями. Для этого рекомендуется сделать обучение информационной грамотности, интегральной частью школьного образования, начиная с раннего возраста [6]. Интернет в последние годы вносит особую лепту в формирование информационной среды, раскрывая неизвестные ранее возможности по получению и трансляции информации, а также по взаимодействию пользователей в масштабах всего мира.

Решение проблем видится:

– в разработке новых программ информационной грамотности, которые были бы включены в часть учебного плана (возможно создание комплексных программ по предметам формирования информационной грамотности);

– совершенствование методологии и стратегии отбора содержания, методов и организационных форм обучения, воспитания, соответствующих задачам развития личности учащегося в современных условиях информатизации общества;

– создание методических систем получения знаний, ориентированных на развитие интеллектуального потенциала учащегося, на формирование умений самостоятельно приобретать знания, осуществлять информационно – учебную, экспериментально – исследовательскую, самостоятельную деятельность по обработке информации.

Таким образом, говоря об «информационно грамотном учащимся», необходимо отметить следующие его характеристики:

– понимание потребности в аккуратной и значимой информации;

– формулирование вопросов, определение источников информации и использование успешных стратегий поиска информации;

– анализ полученной информации, т.е. найдя подходящую информацию, обучающийся должен разбираться в том, где факты, а где мнения, и отбрасывать ненужную информацию.

– навыки обмена полученной информацией знанием (способность рассказать, порекомендовать товарищам)[4,с.35]

В результате приобретения информационной грамотности учащегося необходимо применять свои знания на практике для достижения своих целей, продолжая самостоятельно обучаться в течение всей последующей жизни.

Литературa:

1. Гендина, Н.И. Информационная грамотность и информационная культура личности: международные тенденции и российский опыт / Н.И. Гендина – М.: Школьная библиотека, 2007. № 8.

2. Концепция информатизации системы образования Республики Беларусь на период до 2020 года // Информатизация образования. – 2013. – № 2.

3. Слабунова, Э.Э. Информационная культура в концепции лицейского образования / Э.Э. Слабунова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vio.uchim.info/ Vio_29/cd_site/articles/art_3_2.htm. – Дата доступа: 29.03.2013.

4. Харчевникова, Е.Л. Педагогические условия использования книги как средства формирования информационной культуры ребенка / Е.Л. Харчевникова. – Владимир, 1999.

5. Худякова, А.В. Формирование предметной информационной грамотности и компетентности учащихся при обучении физике: автореф. дис. канд. пед. наук / А.В. Худякова – Екатеринбург, 2005.

6. Recommendation 12 of the Committee of Ministers to member states on empowering children in the new information and communications environment. / Сайт программы ЮНЕСКО «Информация для всех» http://www.ifap.ru/ofdocs/rec0612.htm .Дата доступа: 10.04.2013.

7. Школьная библиотека и детское чтение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://biblpoipkro.weebly.com/ – Дата доступа: 12.06.2013.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ

Н. А. Елсукова, г. Минск, Беларусь

Для современного общества, характеризующегося глобальными изменениями буквально во всех сферах деятельности за счет активного внедрения новых информационных технологий и ускорения темпа жизни, как никогда остро встают вопросы, связанные с пониманием природы социальных проблем и связанных с ними социальных рисков.

Рассмотрим как соотносятся между собой понятия социальной проблемы и социального риска.

С позиции социального конструкционизма социальная проблема может характеризоваться как деятельность индивидов или групп, выражающих недовольство и выдвигающих утверждения требовательного характера относительно некоторых предполагаемых условий [1, с. 161]. Выдвижение утверждений-требований есть ни что иное, как форма взаимодействия между субъектами конструирования социальной проблемы. Для решения социальной проблемы недостаточно простой реакции со стороны официальных органов. Любое принятое решение может оказаться неэффективным или ошибочным, и в этом случае важно знать, что происходит с социальной проблемой после определения и предпринятых действий. Спектор и Китсьюз выделяют четыре стадии в развитии социальной проблемы [1, с. 163]:

1. выдвижение определенной группой утверждения-требования;
2. признание легитимности этой группы некоторой официальной организацией или институтом;
3. повторное выдвижение утверждений-требований первоначальной группой (или другими группами), выражающее неудовлетворенность установленным порядком ведения дел относительно данного условия;
4. отказ группы, выдвигающей утверждения-требования, от деятельности официальной организации или института или отсутствие официальной реакции и разворачивание деятельности по созданию альтернативных, параллельных или противодействующих институтов.

Таким образом, социальную проблему можно рассматривать как некий длительный коммуникативный процесс между отдельными социальными группами до тех пор пока данная социальная проблема не будет решена либо трансформирована в новой социальной реальности.

Социальный риск тесным образом связан с социальной проблемой, но имеет ряд собственных характерных особенностей. При определении социального риска немецкий социолог Николас Луман разделил два понятия: понятие «опасности» и понятие «риска». В своей работе «Социология риска» он пишет: «*Либо возможный ущерб рассматривается как следствие решения, т.е. вменяется решению. Тогда мы говорим о риске, именно о риске решения. Либо же считается, что причины такого ущерба находятся вовне, т.е. вменяются окружающему миру. Тогда мы говорим об опасности*» [2, с. 31]. Другими словами, опасность есть объективная социальная, техногенная или природная реальность, социальный риск же является следствием определенной коммуникативной деятельности человека, направленной на преодоление опасности с возможностью возникновения ущерба для большого числа людей.

Если соотнести социальный риск с четырьмя стадиями развития социальной проблемы, то можно предположить, что на первой стадии возникновения социальной проблемы развивается ситуация констатации некой общественной опасности. Вторая стадия характеризуется закреплением в обществе понимания опасности и началом принятия решений. Третья стадия развития социальной проблемы с точки зрения наличия социального риска становится наиболее важной, т. к. именно на ней фиксируется самая активная деятельность различных социальных институтов, как государственных, так и общественных, приводящая к усугублению либо преодолению данной социальной проблемы, тем самым третья стадия является самой рискогенной. Четвертая стадия предполагает постепенное затухание активной деятельности и, следовательно, либо снижение социального риска, либо трансформацию исходной социальной реальности.

При решении любой социальной проблемы могут возникать ситуации социального риска, т.е. ситуации принятия неправильных решений, несущие ущерб для большого числа людей, также конкретная локальная ситуация риска может привести к возникновению протеста у определенной социальной группы и как следствие формулирование новой острой социальной проблемы.

И социальный риск, и социальная проблема предполагают наличие коммуникационной составляющей и, тем самым, повышают роль современных средств массовой коммуникации, которые в настоящий момент переживают глобальную трансформацию, связанную с появлением новых медиа и вовлечением широких общественных масс в процесс принятия решений.

Литература:

1. Спектор, М. Конструирование социальных проблем / М. Спектор, Дж. Китсьюз // Контексты современности - II: Актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории: Хрестоматия / Сост. и общ. ред. С.А. Ерофеева. – Казань: Изд-во Каз. ун-та , 2001.

2. Luhmann, N. Soziologie des Risikos / N. Luhmann. – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1991.

ЭФФЕКТИВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СИТУАЦИИ РИСКА

Н.В. Ефимова, г. Минск, Беларусь

Под риском мы понимаем вероятность наступления события, дисфункционального по отношению к социальной системе, способного принести ей ущерб, разрушение. Многие авторы проводят разграничение между риском и кризисом [2, 4]. Риск представляет собой *угрозу,* реализация которой может иметь разную степень вероятности;

разнообразные риски являются постоянной и естественной частью человеческой жизни (хотя некоторые люди живут с большей долей риска, чем другие). Кризисы – это уникальные события, выходящие за рамки типичный проблем, они характеризуются неожиданностью и дефицитом времени на реакцию. В отличие от риска, который угрожает стать негативным событием в будущем, кризис интерпретируется как событие, которое уже наступило и которого зачастую можно было избежать. Кризисы и риски тесно взаимосвязаны, т.к. неэффективные действия, в частности, неэффективные коммуникации в ситуации риска, могут стать причиной наступления кризиса.

Происходящие в настоящее время быстрые технологические, экономические, политические и культурные изменения сами по себе являются факторами риска, причинами нестабильности. Однако большинство аналитиков не склонны рассматривать современное общество как чрезвычайно подверженное рискам. В условиях стихийных бедствий и социальных катаклизмов общества всегда, на протяжении всей истории человечества были «обществами риска». Но именно современное общество выработало особую *культуру риска.* Она основывается на рациональном восприятии и оценке факторов риска, а также на традициях рационального управления рисками. Культура риска и ее институциональные основы определяются величиной интенсивности риска с учетом техногенных рисков, что происходит на фоне всепроникающей конкуренции, имеющей место в условиях постоянных изменений и неопределенности [1, 4].

Важная роль в рациональном осмыслении и управлении ситуацией отводится эффективным коммуникациям. В рамках *культуры риска* выработаны основные требования, которым должны отвечать рисковые коммуникации. При этом рисковые коммуникации должны отличаться от коммуникаций в ситуации кризиса:

- во-первых, коммуникация в ситуации риска ориентирована на будущее (т.к. риск связан с тем, что может произойти, но еще не произошло), она имеет целью предупредить возможное негативное развитие событий. Кризисная коммуникация, в отличие от рисковой, сосредоточена на событии, которое уже произошло (кризис представляет собой особый случай, специфический инцидент, который происходит или уже произошел). Цель коммуникации в ситуации кризиса – объяснить его последствия и определить виновного;
- сообщения о риске предназначены для того, чтобы обдумать, что может произойти, исходя из информации, которая имеется на данный момент. Сообщения о кризисе направлены непосредственно на известное событие и используются для обсуждения того, как и по каким причинам оно произошло;

- сообщения о рисках предназначены для долгосрочного планирования, тогда как сообщения о кризисе направлены на краткосрочный период, с их помощью решаются срочные проблемы, предпринимаются безотлагательные действия;
- сообщения о рисках, как правило, исходят от ученых и экспертов, прогнозирующих вероятное развитие событий; в ситуации кризиса источником информации являются субъекты, наделенные властными полномочиями, которые обязаны поддерживать и восстанавливать порядок;
- коммуникация в ситуации риска не имеет ограничений по времени, в ее рамках можно спланировать и провести не одну масштабную компанию в средствах массовой информации; коммуникация в ситуации кризиса, наоборот, должна осуществляться в самые короткие сроки. В связи с этим она принимает форму пресс-конференций, пресс-релизов, выступлений в СМИ, позволяющих быстро донести информацию до максимального количества заинтересованных лиц;
- сообщения о риске можно тщательно структурировать и контролировать; сообщении о кризисе, как правило, приходятся разрабатывать спонтанно, в процессе реакции на кризис.

Но самой важной отличительной особенностью коммуникации в ситуации риска является ее принципиальная интерактивность, понимаемая как взаимодействие, диалог, постоянный обмен информацией и мнениями между людьми, группами и учреждениями, т.е. между теми, кто подвергается риску, и теми, кто обладает некоторой возможностью контролировать этот риск или снижать его уровень. В ходе такого взаимодействия необходимо определить, осознают ли люди, группы и учреждения риск и какую степень риска готовы принять, потому что потенциальная выгода его превышает. Например, организации, которые занимаются строительством Белорусской атомной электростанции, ответственны за взаимодействие с жителями района, в котором она строится. Они должны помочь осознать потенциальные риски, которые может представлять строительство АЭС и ее дальнейшая эксплуатация. Простое сообщение о том, что будущая атомная станция не представляет никакой опасности, не может считаться удовлетворительным. Необходимо сообщить населению ту информацию, в которой оно нуждаются, чтобы самостоятельно оценить риски и экономические выгоды от нового предприятия и сделать *значимый выбор.* Участники событий совершают *значимый выбор*, когда выполняются следующие пять условий [3]:

- участники событий свободны от принуждения (физического либо психического);
- выбор основан на всей доступной на данный момент информации;

- все разумные альтернативы включены в обсуждение;
- выявляются и обсуждаются как краткосрочные, так и долгосрочные последствия;
- и те, от кого исходят сообщения, и те, кто их воспринимает, открыто заявляют о своих личных мотивах, которые могут повлиять на принятие решений.

Согласно концепции значимого выбора, названные пять стандартов представляют собой ту модель, следуя которой можно избежать предвзятости и манипулирования в коммуникации в ситуации риска. При эффективном применении значимого выбора появляется рынок идей, где различные мнения могут быть услышаны и поняты правильно.

Определение степени эффективности коммуникации в ситуации риска, так же, как и коррекция коммуникативной стратегии организаций, возможны с помощью регулярных социологических исследований (социологического мониторинга), направленных на выявление общественного мнения и его реакции на предоставляемую организацией информацию. Такого рода исследования должны быть комплексными и включать как опросы населения, так и качественно-количественный анализ содержания (контент-анализ) информационных потоков, циркулирующих в обществе.

Литература:

1. Генов, Н. Европейская интеграция как управление рисками / Н. Генов // Социология. – 2012. – № 3.

2. Улмер, Р.Р. Эффективная кризисная коммуникация. От кризиса к возможности. Р.Р. Улмер Т. Л.Селлнау, М.В.Сиджер. – Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2011.

3. Nilsen, T.R.(1974). Ethics of speech communication / T.R. Nilsen. – Indianapolis, In: Bobbs-Merril, 1974

4. Renn, O. Risk Governance: coping with uncertainty in a complex world / O. Renn. – London etc.: Earthscan, 2008.

ФИЛОСОФСКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Л.М. Злотникова, г. Гомель, Беларусь

Основные гуманитарные науки длительное время дистанцировались от политики и производственно-хозяйственной деятельности. Неудачи в проведении реформ в буквальном смысле слова вынуждают философов обратить самое пристальное внимание к проблемам человека. Одной из важнейших причин многочисленных провалов в социально-экономическом развитии, на наш взгляд, является отсутствие стратегии. Произнесено огромное количество слов, постоянно разрабатываются различные мероприятия, планы и программы о необходимости изменения вектора

развития, но существенных изменений не происходит. В последние годы в лексиконе политиков и государственных управленцев все чаще можно услышать об инновационном развитии. И как не раз уже бывало в истории нашего общества утилитарное толкование цели развития приобрело огромные масштабы. Философия, социология и другие гуманитарные науки оказались в противоречивом положении. С одной стороны, отсутствие научно обоснованной стратегии развития человека, использования его потенциала, а с другой – очень понятная, хорошо принимаемое обществом идея экономической эффективности и рациональности.

Повсеместное поклонение утилитарной экономии ресурсов, прежде всего, человеческого потенциала уже приносит печальные плоды. Количество техногенных аварий и катастроф, приводящих к гибели и потере трудоспособности, нарастает с каждым годом. Эмпирическое понимание возможных рисков и необходимости устранения последствий привело к созданию государственной системы предотвращения негативных последствий. С точки зрения практической целесообразности эксплуатация идеи рациональной полезности имеет право на существование. Однако без ответа остается вопрос об источниках опасных явлений. Понятия опасность, риск до настоящего времени неопределенны. В ответ на поставку проблемы философского осмысления сути социально-экономических процессов можно услышать отрицание в виде: «а зачем вводить еще какие - то новые понятия, пытаться раскрыть их содержание и вообще причем здесь философия».

Непонимание важности философского осмысления возрастающих рисков в жизнедеятельности человека позволяет сформулировать следующие наблюдения. Общество, нацеленное на постоянный рост объемов материального производства и расширение потребностей, основное внимание уделяет сиюминутным выгодам. Упрощенное потребительское отношение к жизни человека находит реальное проявление. Нормативно-правовые нормы содержат высокие требования к обеспечению условий жизнедеятельности человека. Но, как показывают программы инновационного развития, юридическая обеспеченность прав человека существует параллельно практике. Инновационное развитие базируется на революционных преобразованиях техники и технологии. Вопрос о месте и роли человека в новых условиях производства не нашел отражения в соответствующих документах. А усиленное внимание к арифметически рассчитанной экономической эффективности оставляет гуманитарные исследования за пределами финансирования. Познание человека, потенциальные изменения в его ценностях, условиях жизнедеятельности, уровне здоровой трудоспособности оказываются невостребованными.

Более чем столетнее господство технических факторов производства сделало свое дело. Проблемы нравственности, самосовершенствования, развития, повышение интеллектуального потенциала и многие другие, выделяющие человека в развитии цивилизации, остаются невостребованными. Н.Бердяев в статье «Философская истина и интеллигентская правда» писал: «… отношение к философии так же мало культурно, как и к другим духовным ценностям…Человек, погруженный в философские проблемы, подозревался в равнодушии к интересам крестьян и рабочих»[1]. Написана данная работа в начале XX века. Но проблемы философского, единственного базового знания о человеке и его жизни остаются по-прежнему невостребованными. Слова «философ», «теоретик» приобрели нарицательное значение. Отказ от «неэффективной» научной методологии повлек за собой серьезный разрыв между техническими и гуманитарными знаниями. Технические интеллигенты, поклоняясь творению своих рук, не смогли принять философские истины, отождествив их с работой различных станков, т.е. стали настойчиво требовать «зарабатывание» денег. Реальность современного состояния общества демонстрирует обожествление материального богатства. Отказ от философского осмысления подлинного человеческого бытия закономерно привел к снижению значимости человеческого достоинства и роли культуры в функционировании производства.

Сегодня все чаще звучит выражение «клиповое мышление». Четкое определение отсутствует. На наш взгляд, суть его заключается в эксплуатации эмоциональной компоненты человека, т.е. сиюминутной реакции на происходящее событие, явление. Отсутствие системного мышления может только казаться безобидным. Принятие любого управленческого решения на принципах получения сиюминутной выгоды – это наглядное подтверждение господства клипового мышления. Перечень эмпирических примеров можно продолжить. Дезинтеграция информации, знания, мышления неизбежно приводит к потере ценности человеческой жизни. Сегодня уже и система образования стала заложницей отказа от социализации человека. Разрыв между процессом производства и удовлетворения материальных потребностей, духовным и нравственным становлением растет. Человек не может быть только производственной функций. Стремление отбросить духовно нравственную компоненту в ходе инновационного развития настолько очевидно, что необходимо организовать полномасштабную дискуссию на тему: «Что важнее и сильнее нравственность, духовная, моральная красота человека или товар, удовлетворяющий сиюминутные потребности?»

Нас могут упрекнуть в том, что прогнозирование последствий принимаемых решений отличается неопределенностью. Мы отдаем себе отчет в сложности поставленной проблемы. Человек не сводим до

механического исполнителя ограниченного количества функций. «Личность человека является интегральной целостностью биогенных, психогенных и социогенных элементов»[2, с. 65]. Доставшаяся в наследство культура, мягко говоря, равнодушно относится к прогнозированию дальнейшего развития. Мы рискнем сформулировать социальные последствия ускоренного инновационного развития.

В контексте социологического анализа государство, с одной стороны выступает активным субъектом и настойчивым проводником в жизнь политики инновационного развития. С другой, - оно же предстает основным механизмом торможения. Выгода и только выгода, на которую ориентирована экономическая политика государства, представляет серьезную угрозу для будущего развития страны. Родившийся человек представляет собой своеобразный чистый лист бумаги. Содержание и уровень социализации формируются на протяжении всей жизни. В стране, которая ориентирована на примитивный экономический эффект, человек последовательно превращается в потребителя еды, одежды и некоторого набора товаров и услуг.

Технологический прогресс закономерно приводит к формированию новой социальной системы. Т. Парсонс ввел понятие «самодостаточное общество», которое определил через адекватный вклад и интеграцию каждого члена общества в его развитие. Для этого каждый должен знать свое место, роль и функции. Гипотетически можно предположить, что подавляющее большинство членов общества не знает, что с ним может произойти в условиях изменения технологического уклада. Проблемы нового содержания социальной системы, механизмов интеграции человека в ее структуры и принципов новой культуры сложно решать, так как они не сформулированы.

Литература:

1. Бердяев, Н. - Философская истина и интеллигентская правда / Н. Бердяев [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://royallib.ru/book/berdyaev_nikolay/filosofskaya_istina_i_intelligentskaya_pravda.html. – Дата доступа: 29 августа 2013

2.Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Parsons/01.php. – Дата доступа: 31.08. 2013 .

3. Щепаньский, Я. Элементарные понятия социологии. / Я. Щепаньский. – М.: Изд-во Прогресс, 1969.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МИРОВЫХ ПРОЦЕССОВ

О.М. Калмыкова, Е.Б. Ивушкина, г. Шахты, Россия

Технологизация мира и глобализация – взаимообусловленные процессы современности. Глобализация как процесс формирования на территории земного шара единой системы финансово-экономических, социально-политических, культурных связей осуществляется на основе новейших средств телекоммуникаций и информационных технологий. Глобализация проявляется в тенденции к объединению в единое пространство, общемировую систему, предполагающую информационную открытость мира. Данная ситуация является результатом научно-технического прогресса и технологической революции. Технологизация современного мира достигла такого уровня, при котором остановить нарастание технологических достижений уже практически невозможно. Однозначно оценить воздействие процессов, связанных с технологизацией общества, невозможно. Стремительное увеличение скорости научно-технического прогресса, новые достижения в области высоких технологий: микроэлектроника, кибернетика, нанотехнологии, робототехника дают основание полагать, что технологическое развитие приближается к определённой точке, за которой прогнозирование основных показателей прогресса становится невозможным. Эта точка обозначается как «точка сингулярности», обусловленная созданием искусственного интеллекта, самовоспроизводящихся машин, интеграцией человека и вычислительной машины (киборг), увеличением возможностей человеческого мозга за счёт биотехнологий. По мнению Рэймонда Курцвейла, человечество в своем развитии достигает такого уровня, на котором человек и техника уже не мыслятся раздельно [1]. Сторонники теории технологической сингулярности считают, что при возникновении «постчеловеческого» интеллекта невозможно предсказать судьбу цивилизации, опираясь на человеческое знание и поведение. Несостоятельность человека понять результаты работы искусственного интеллекта в ситуации, когда во главе цивилизации станут не люди, а «сверхинтеллекты», – эта проблема, которая перемещается из «мира фантастики» в мир реальности недалекого будущего.

Существуют ли предпосылки для реализации подобной ситуации? Во-первых, появляются компьютерные программные обеспечения с генетическими алгоритмами; во-вторых, проводятся исследования в области нанотехнологий и создания искусственных наноботов путём эволюции микрокомпьютерных систем; в-третьих, изучается возможность объединения нервной системы человека с компьютерной аппаратной частью. Последствия повсеместной реализации данных программ спрогнозировать с достаточной долей вероятности теперь уже невозможно, как и остановить нарастание технологических достижений. По мнению специалистов в области искусственного интеллекта, человечество в XXI в.

вплотную подошло к трансчеловеческому периоду своего развития и приближается к технологической сингулярности. Дальнейшее развитие постчеловеческого разума за точкой сингулярности может быть ещё более стремительным, поэтому его перспективы пока трудно предсказуемы.

В связи с этим, в мире увеличивается число противников технологической сингулярности (антиглобализм, антисциентизм, религиозные движения). Растет осознание особой значимости проблем безопасности человека и цивилизации в целом. Понятие безопасности становится одним из центральных в философии науки, в философии техники.

Под технологической безопасностью можно понимать устойчивость человечества к постоянно-растущему влиянию высоких технологий. Отношение к безопасности человека имеют проблемы глобального и регионального характера, одной из которых является опасность развязывания мировой войны с применением новых видов оружия (включая психотропное, информационное). Использование электронных средств для воздействия на мозг человека, исследования в области человеческого сознания, электроники, медицины позволяют манипулировать сознанием человека в определенных целях. «Благодаря» новым биотехнологиям появляются опасные для человека микроорганизмы, проникновение которых в окружающую среду грозит распространением неизлечимых болезней. Эксперименты в области генной инженерии, евгеники, технологические манипуляции на уровне человеческого эмбриона могут привести к катастрофическим последствиям. Одним из видов технологической безопасности является безопасность технологических процессов и производств (все виды применяемых машин, аппаратов, оборудования и технологических процессов, средства коллективной и индивидуальной защиты от опасных и вредных производственных факторов).

К технологической безопасности можно отнести также информационную безопасность. В целом, информационная безопасность определяется как «способность государства, общества, социальной группы, личности обеспечить с определенной вероятностью достаточные и защищенные информационные ресурсы и информационные потоки для поддержания жизнедеятельности и жизнеспособного, устойчивого функционирования и развития; противостоять информационным опасностям и угрозам, негативным информационным воздействиям на индивидуальное сознание и психику; выработать личностные групповые навыки и умения безопасного поведения; поддерживать постоянную готовность к адекватным мерам в информационном противоборстве, кем бы оно ни было навязано» [2, с. 264-265]. Общество, включаясь в виртуальную коммуникацию посредством Интернета, сталкивается с

реальной проблемой утраты различия реального и воображаемого в массовом сознании. По мнению Голуб-Бережной М.П.: «Массовая личность получает хорошо дозированную информацию в нужное время и в нужный момент. Она лишается возможности сортировать информацию, соотносить ее согласно критериям истинности и ложности и, как следствие этого, утрачивает возможность ориентироваться в социальной среде» [3, с. 56].

Трансформация ценностных систем «массовой личности» выражает себя в смене субъективных ценностей. Бауман З. отмечает, что на смену человеку прозаического модерна приходит человек постсовременности, который мыслит и чувствует по-другому. Суть его жизненной программы – не построение, раскрытие, изобретение идентичности, а избежание всякой фиксации социального места, времени, позиции. Моральный субъект эпохи пострациональной морали легко меняет место жительства, профессиональную специализацию, политическую ориентацию, культурную привязанность в условиях глобализации. Нормативно-ценностная система современного общества может рассматриваться как постоянно меняющаяся система ценностей, норм и правил поведения и деятельности. В рамках этой системы существуют два типа человеческой активности: активность, направленная на создание ценностей, и активность, направленная на их разрушение. Нормативно-ценностный порядок общества – это комплекс правил, регулирующих все сферы человеческой активности путем отнесения их к духовным ценностям.

Бауман З., Гидденс Э., Лэш С. обращали внимание на формирование новой системы ценностей и социальных характеристик личности в современном мире, среди которых: свобода, риск, неопределенность, непредсказуемость, неустойчивость. Исчезают основания ценностей коллективизма и солидарности: определенность, устойчивость, стабильность, предсказуемость. Появляется новое общество – общество риска, в котором меняются социальные приоритеты. Иерархическая социальная структура постепенно сменяется сетевой социальной структурой, основанной на горизонтальных взаимодействиях людей.

Таким образом, человечество XXI века находится в условиях создания новой парадигмы, которая трансформирует привычное понимание информационных, управленческих, культурных процессов, кардинально меняющих условия общественного существования. Возникает вопрос о необходимости формирования парадигмы развития цивилизации, способной обеспечить технологическую безопасность как устойчивость человечества к постоянно-растущему влиянию высоких технологий.

Литература:

1. Курцвэйл, Р. Университет для грядущей сингулярности / Р. Курцвэйл [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://smart-ru.info/292.

2. Потрубач, Н.Н. Проблемы информационной безопасности / Н.Н. Потрубач //Социально-гуманитарные знания. – 1999. – № 2.

3. Голуб-Бережная, М.П. Отчуждение как матрица культурного существования человека / М.П. Голуб-Бережная // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2010. – № 3.

СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ СЕМЬИ И БРАКА КАК УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В БЕЛАРУСИ

И.И. Калачева, г. Минск, Беларусь

Трансформации, произошедшие в последние десятилетия XX – начале XXI века, затронули все структуры функционирования белорусской семьи, что повлияло на ее гармоничное устойчивое развитие. Остро встал вопрос о разработке национальной концепции демографической безопасности Республики Беларусь. К потенциальным угрозам были отнесены следующие: депопуляция, ухудшение основных демографических показателей здоровья, утрата традиционных нравственных ценностей.

Результаты социологических исследований, проведенных в рамках реализации Программы демографической безопасности, действовавшей в стране в 2007-2010 гг., выявили ряд несоответствий между мотивацией на создание семьи и реальной практикой функционирования семьи в современных условиях.

Мотивами, которыми руководствовались молодые люди при вступлении в брак, были определены следующие: 27,1% женщин и 29,5% мужчин, вступая в брак, хотели юридически оформить уже имеющиеся отношения; 71,7% женщин и 68,7% мужчин считали, что главным мотивом вступления в брак является любовь. Мотив – общие интересы и увлечения с избранником (избранницей) выбрали 21,1% женщин, 15,8% мужчин; мотив – вступление в брак в связи с ожиданием ребенка характерен для 22,5% ответивших женщин и 23,0% мужчин; мотив – желание продолжить себя в детях избрали 29,5% женщин и 30,6% мужчин; мотив – престижность положения семейного человека выбраны 8,6% женщин и 10,8% мужчин [1, с. 196, 197].

Преимущество, как очевидно, при создании семьи отдано любви как основе семьи и брака. При этом наблюдается различие между желанием реализовать себя в любви к другому человеку и семейным статусом. Острой проблемой, подчеркивающей эту тенденцию является высокий уровень разводимости семейных пар: практически, половина из вступивших в брак, через год-два разводятся.

По мнению тех, кто состоит в браке причинами, способствующими разводу, являются следующие: злоупотребление алкоголем, финансовые трудности, отсутствие нормальных жилищных условий. Достаточно

большой выбор отдан причине, связанной с готовностью супругов к семейной жизни: более половины опрошенных считают, что именно неготовность супругов к «строительству» семьи приводит к ее разрушению.

Более трети опрошенных высказали мнение об отсутствии между супругами духовной близости, общих интересов. Важным оказалось мнение об автономном проживании семьи. 48,2% женщин и 41,2% мужчин считают, что вмешательство родителей в семейную жизнь послужило причиной для развода.

Таким образом, очевидно, что в структуре добрачных, семейно-брачных отношений имеется ряд расхождений между идеальными представлениями молодых пар и реальной повседневной практикой.

Многие учёные, анализируя феномен готовности к браку, указывают на необходимость прохождения молодыми людьми добрачного этапа. В белорусском обществе распространение получили так называемые гражданские браки (сожительства). Есть ли опасность в массовом распространении гражданских браков или так называемых добрачных экспериментов? Оценка сотен мнений респондентов, сделанных автором на протяжении последних пяти лет, свидетельствует о разных мнениях, закрепившихся в общественном сознании. Но все же большинство опрошенных, в особенности девушки, выражают мнение о необходимости придерживаться принятых в белорусском обществе норм – создания семьи и регистрации брака в официальном порядке. В последнее время, в частности, получил распространение брачный договор, который возможно окажет существенное влияние на укрепление семьи.

Официальная статистика свидетельствует, что каждый пятый ребенок в Беларуси рождается вне зарегистрированного брака. Высокая доля таких рождений отмечается у матерей в возрасте 20-29 лет (38% от всех родившихся) и матерей в возрасте 35-39 лет и старше (31%). Сравним: в 1990 г. количество детей вне брака составляло 8,5% от всех родившихся, в 2000г. – 18,6%, в 2008 г. – 20,1%, в 2009 г. – 20%.

Конечно, этот факт не обозначает, что дети, рожденные вне брака, в процессе незавершенных семейно-брачных отношений остаются без внимания обоих родителей. Как правило, многие отцы признают своих детей и активно участвуют в воспитании и образовании ребенка. Однако, во многих случаях имеет место низкий уровень ответственности мужчины, поэтому привлечение отцов к воспитанию детей затруднительно: встает вопрос о необходимости целенаправленной профилактической работы с ними. Интересным опытом, который получил распространение в России, Украине, Молдове является опыт «Папа–школ», представляющий собой уникальный культурно-образовательный проект по работе с будущими отцами и молодыми отцами. Подобный опыт накоплен в практике православного образования. Недавно белорусской православной церковью

был инициирован социальный проект «Школа отцовства». Главным принципом, которого придерживаются участники – «Мужчины созданы быть отцами». Цель проекта – просветительская работа с отцами, повышение отцовского самосознания.

Следует отметить, что в республике, благодаря активной позиции белорусской православной церкви, внедряются новые виды общественных инициатив, которые находят большой отклик в работе с семьей. В частности, в 2007 г. создана Республиканская духовно-просветительская программа «Семья – Единение – Отечество», которая сегодня представляет не только социально-значимый проект, но и является примером нового типа партнерства – взаимодействия государства, Белорусской Православной Церкви и общественных организаций. Целью программы является содействие социальному развитию регионов, преодоление негативных тенденций в демографической ситуации. Задачи программы – возрождение национальных духовных традиций, духовно-нравственное воспитание молодежи; укрепление семьи, материнства, отцовства, детства. Важнейшей акцией программы стала общественная кампания «Вместе – в защиту жизни». К проведению акций были привлечены специалисты здравоохранения, органов правопорядка, образовательных учреждений и учреждений социальной сферы. На базе шести женских консультаций г. Минска в 2011 г. был проведен пилотный проект по предабортному консультированию женщин в ситуации кризисной беременности.

Таким образом, практики повседневности показывают, что в белорусском обществе предпринимаются значительные усилия по восстановлению утерянных традиционных ценностей семьи и брака, появляются новые инициативы, которые свидетельствуют о преодолении кризисной «точки» в демографической ситуации.

Литература:

1. Женщины и мужчины в Республике Беларусь. – Минск: М-во статистики и анализа Респ. Беларусь, 2010.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И САКРАЛЬНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Я.Л. Коломинский, Е.Л. Малиновский, г. Минск, Беларусь

Совокупность учебной информации часто ставит под удар само человеческое участие в ней. Отсюда и психологическое представление о человеке так успешно обходится без него, как жена, которая мужа «слепила из того, что было», то есть из *образовательных* смыслов без самого *образа* творца. По известному прогнозу М. Фуко, «Взяв европейскую культуру с начала XVI века, – можно быть уверенным, что человек в ней изобретение недавнее, и конец его, быть может, недалёк.

Если эти диспозиции исчезнут, как они некогда появились, если какое-либо событие разрушит их, как разрушена была на исходе XVIII века почва классического мышления, тогда можно поручиться – человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке» [1]. Какова культура классического мышления? Что за диспозиции удерживают человека от исчезновения? Рациональный ответ на эти вопросы очевиден. В эпоху Просвещения разум человека измерялся триангуляцией: cognition dei experimentalis или мистическое «постижение Бога в опыте» Фомы Аквината, картезианский Discurse la method как психологическая рефлексия cogito ergo sum Рене Декарта, герменевтика или искусство толкования Фр. Шлейермахера в виде интерпретации и понимания Священных текстов как жизненной реальности. Если метафизические и религиозные понятия о Боге нисколько не выражают Его сущности, то сама добродетель является нравственной силой, обуславливающей образование различных благ [2]. Триангуляция рационального познания, эмоционального опыта и религиозного поведения служила инструментом психологической культуры и нравственного благополучия человека. Этот человек и получил своё специфическое имя homo sapiens, которым Карл Линней выделил, а Георг Гегель затем возглавил высшую номенклатуру – «все действительное разумно, все разумное действительно». Соединив именем Иисуса духовное значение и культурные смыслы Гегель не ограничил жизнь законами диалектики, но исполнил её ценностью романтического отношения к женщине. После нормативно религиозного осмысления любви Мартином Лютером, Гегель стал исключительным философом супружеского счастья вопреки «повивальным правилам» Сократа, а свидетельством индивидуальности Духа он поставил оптимистическую точку в развитии классического мышления.

В течение девятнадцатого и двадцатого столетий картина существенно изменилась. Последующее неклассическое «многоточие» осмысления веры, надежды и любви основывается на элиминации их сакрального, вдохновенного значения. Попытку примирить веру и разум, надежду и тревогу, страдание и сущность как «чистую» духовность в абстракции семьи и брака не оставляли «целибаты от философии» и несостоявшиеся семьянины А. Шопенгауэр и С. Кьеркегор, Фр. Ницше и В. С. Соловьев, Фр. Кафка и М. Борхес. В своем стремлении «создать истину» без любви модернизм был лишен поддержки Бога: «Мы только одно из Его плохих настроений» (Фр. Кафка). И хотя Израиль все еще воспринимался как сакральная семья или община, пессимизм межличностных отношений уже исходил, с одной стороны, из романтической любви, обреченной на страдания телесного естества вне религиозного права. С другой стороны, межличностные отношения стали

позитивом атеизма. Оправдание эволюционной гипотезой и классовыми противоречиями давало человеку «право» рассматривать брак и межличностные отношения как «идеологическую надстройку» на материальном «базисе общественно-экономической формации». Так, гегелевский индивидуальный Дух стал «обреченным, – по К. Марксу, – звуковой материей слова», а сама жизнь стала стиснутым «способом существования белковых тел» (Ф. Энгельс). С третьей, собственно, психологической позиции, свободная творческая интерпретация священных текстов была реконструирована в критическую герменевтику, которая стремилась реабилитировать, по В. Дильтею, всемирный Дух исторических событий и внешних явлений путём *интроспекции* как личностного «вживания».

Таким образом, неклассическая наука в своем исходе от счастливого брака Гегеля с «жизнеутверждающим синтезом» элиминировала его диалектику любви противоположностей ради «метафизики переживания» одиноких художников, гениально неудачных в браке, зато признанных всем миром. Философия искусства, мотивированная поиском иррациональных начал, по типу взглядов старого холостяка Артура Шопенгауэра, лишает уже самой религиозной мотивации протестантских «рационалистов», этих «честных людей», но «плоских ребят» [3]. Однако, в начале XX века эклектика брачно-религиозной подоплеки в художественной интенции Дж. Джойса создает «не плоские» уникально интимные переплетения, на основе которых структурируется «религия текста» как самой по себе рожденной автономной реальности из «молчания девушки» [4]. При всей многоплановости эта реальность являет собой целостность, идентичную текстовому абсолюту, который, не входя в противоречие, не соотносится ни с кем. В этом отношении, роман Джойса «Улисс» предстаёт не только символом всего мира, но и наглядным пособием по овладению методом *потока сознания*, ассоциируемый психологами с именем У. Джеймса. Начало Израиля в шествии Авраама и Сарры и его завершение в XX веке парой еврея Блума и неверной ему жены Молли – есть воплощение межличностных отношений сакральной цивилизации. В романе 18 эпизодов, что не может обойтись без ассоциации опрометчивого пути «6+6+6», представленного в восемнадцатом стихе из тринадцатой главы Апокалипсиса [5]. Одиссея «в конце Любви» [4] представляет собой схему-интерьер Дублина. *Блуждание* (лат. discurro) Улисса по городу собственного тела локализует его «интерьер». При этом, *пляж* локализует мужской монолог, сопряженный с созерцанием «всеобщей» женщины – Молли-Пенелопы. В то же время *кровать* – место индукции женского монолога – от чистоты и красоты ложа с балдахином, оборками до любовных сцен и беременности. Наконец, Вавилонская фантасмагория монологов в «один день как тысяча

лет» [5] Дублина благополучно завершается желанием беременности и брачной готовностью к диалогу: «да, я хочу, Да» [4]. Так из монолога absit nomen (лат., *имя опустим*) возникает *сакрально* диалогичная цивилизация Любви, само имя которой дает выход из экзистенциального тупика.

Диалогическим обращением диспозиций постмодерна к цивилизации Любви были созданы условия для актуализации сакральных значений в психологической культуре. Образовательный парадокс как раз включает в себя теоретическую меру *всего* и конкретику персонажей как носителей абстракций. «Все, что распространяется на весь мир, несет противоречие» – смысл структурного психоанализа Ж. Лакан видит в «соотношении субъекта со всей системой символического – этой совершенно своеобразной, отграниченной от сфер реального и воображаемого областью, с которой человек постоянно имеет дело, и которая конституирует саму человеческую реальность» [6]. Поэтому «научить вести беседу «ни о чем», – по мнению В.М. Аллахвердова, – несомненно, более важная и продуктивная задача, чем беседу «на тему», в силу явной искусственности и практической неприменимости последней» [7]. Скромная поступь «слона» под лающий фон задорного «американоведа» проектирует переход от тематической индукции к сакральной дедукции. «Вначале было слово» [5] – вот «новая как хорошо забытая старая» диспозиция психологической культуры в тестировано замкнутом киберпространстве.

Литература:

1. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб. : A-cad, 1994.
2. Шлейермахер, Фр. Герменевтика / Фридрик Шлейермахер. – СПб.: «Европейский Дом». 2004.
3. Ялом, И.Д. Шопенгауэр как лекарство / Ирвин Дэвид Ялом. – М.: ЭКСМО, 2006.
4. Джойс, Дж. Улисс : роман / Джеймс Джойс – М.: Эксмо, 2010.
5. Священное Писание Ветхого и Нового Завета : Библия. – Брюссель: Жизнь с Богом, 1989.
6. Лакан, Ж. О бессмыслице и структуре бога / Ж. Лакан // Московский психотерапевтический журнал : теоретико-аналитическое издание – январь-март 2002. – №1.
7. Аллахвердов, В.М. Легендарный А.М. Зимичев / В.М. Аллахвердов, А.И. Ватулин // Методология и история психологии. – Том 3. – Выпуск 2. – 2008.

ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОГО РИСКА

Т.В. Купчинова, г. Минск, Беларусь

Рискогенность является одним из неотъемлемых атрибутов современного общества. Риск предполагает существование вероятности возможных потерь в результате каких-либо действий, преобразований во всех сферах общественной жизни: экономической, политической, социальной. Дискуссия относительно природы самого феномена риска сводится к двум точкам зрения: позитивистской и релятивистской. В первом случае речь идет о возможности количественной оценки рисков (Ф.Найт) и в этом смысле риск можно считать объективным и познаваемым фактом. Во втором, делается акцент на проблеме восприятия риска, имеющей не только психологический, но и социальный, культурный, политический контекст. (М. Дуглас, У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман.).

Стремление к безопасности, с одной стороны и производство рисков с другой – противоречие в большей степени социального и политического характера, на которое обратил внимание У.Бек. Он также отметил, что риск создается в социальной системе, его объем есть функция качества социальных отношений и процессов [1, с. 23]. Стоит отметить, что сегодня речь идет об увеличении, как количества, так и качества возможных рисков.

Социальный риск связан с возникновением в обществе ряда проблем, способных создать угрозу жизнедеятельности людей. Он выражается в вероятности опасных событий (аварий, стихийных бедствий, техногенных катастроф, эпидемий, болезней социальной этиологии), связанных с гибелью людей или ущербом их здоровью, и описывается распределением этих событий по числу жертв (пострадавших) [2]. Социальный риск является индикатором уровня социальной напряженности в обществе. Субъектами риска могут выступать все акторы социальной действительности: индивиды, социальные группы и институты.

Отношение, знания и поведение социальных субъектов относительно различных рисков, которые являются, по сути, частью их повседневной жизни обусловлены как объективной реальностью, т.е. природой самих рисков, так и их психологическим восприятием, в котором смешиваются опыт, предубеждения, формальные и неформальные источники информации (технические отчеты, новости, слухи и т.д.). Отсюда вытекает необходимость применения междисциплинарного подхода к анализу риска и чрезвычайной ситуации, в котором изучение коммуникации будет играть доминирующую роль.

Восприятие риска во многом зависит от психологических особенностей личности, что приводит к выбору различных стратегий поведения со стороны индивидов, организаций, институтов.

Исходя из этого, можно определить следующие базисные допущения в понимании концепции социального риска:

Во–первых, с точки зрения отдельного индивида, восприятие и оценка риска образуют когнитивную деятельность, поддержанную получением информации и другими психосоциальными факторами; это восприятие и оценка, в свою очередь, задают линию поведения индивида, группы в чрезвычайной ситуации;

Во–вторых, каждый индивид является членом социальной группы, в рамках которой также формируется представление (коллективное) относительно риска и вырабатываются соответствующие коллективные реакции;

В–третьих, для предупреждения рисковой и кризисной ситуации, коммуникация играет первостепенную роль.

В ситуации «сосуществования с рисками» большое значение имеет не только степень информированности, но и уровень образованности социальных субъектов, авторитетность самих источников информации.

Для обычного, не подготовленного потребителя одним из наиболее доступных источников получения информации является реклама. В последнее время особенно активно рекламировать свои услуги и продукты стали банки, финансовые компании, формируя и стимулируя спрос среди населения страны. Потребительские кредиты без поручителей, кредиты на строительство жилья, предложения по депозитам и др. в рекламных текстах выглядят очень заманчиво. Желание обладать материальными благами и отсутствие собственных денежных средств, ставит человека перед выбором отказаться от своей мечты или взять в займы под определенный процент. Чаще выбирается второе. Увеличение числа просроченных кредитов среди физических лиц, появление невозвратных кредитов, увеличение числа обращений граждан по вопросам работы банков, кредитования, привлечения денежных средств во вклады, появление случаев обмана со стороны «финансовых пирамид» и т.д. послужило поводом к разработке плана повышения финансовой грамотности населения Республики Беларусь (2013- 2018г.). В плане совместных действий государственных органов и участников финансового рынка отмечается, что «повышение финансовой грамотности обеспечит финансовую безопасность населения, повысит его благосостояние и будет способствовать стабильности государства» [3]. Кроме того повысится уровень доверия среди населения к финансовым структурам. Стоит отметить, что данный план касается не только простых потребителей, но и представителей СМИ, освещающих экономическую, финансовую ситуацию в стране.

Проведение согласованной информационной политики позволит минимизировать социальные и экономические риски, связанные с недостаточным уровнем финансовой грамотности населения.

Литература:

1. Beck, U. Risk Society. Toward a New Modernity / U. Beck. – London: Sage Publications, 1992.
2. Губанов, В.М. Чрезвычайные ситуации социального характера и защита от них / В.М. Губанов, В.П. Михайлов, В.П. Соломин [Электронный ресурс]. – М., 2007 г. – Режим доступа: http://www.litmir.net/ – Дата доступа:17.09.2013 г.
3. План совместных действий государственных органов и участников финансового рынка по повышению финансовой грамотности населения Республики Беларусь на 2013 – 2018 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nbrb.by/ – Дата доступа: 17.09.2013 г.

ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР: «ХЛЕБ И ЗРЕЛИЩА» КАК СРЕДСТВО ТОТАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

Л.И. Лукьянова, г. Гродно, Беларусь

Хлеб и зрелища («Panem et circenses») – девиз римских обывателей – вот тот минимум, который необходим современному мировому правящему классу, чтобы держать народ под контролем. Как известно, «хлебные законы» (leges frumentariae) в Древнем Риме утвердили государственную политику раздачи хлеба. Зерно давали народу бесплатно, или по сниженным ценам. И эти социальные пособия, которые, кстати, получали 300 тысяч римских граждан, позволяли поддерживать их лояльность к правящей верхушке. Эту лояльность в не меньшей степени обеспечивали публичные зрелища – гладиаторские бои в Колизее. Их политическое значение было так велико, что Цицерон предложил специальный закон, запрещавший кандидату в магистраты давать представления гладиаторов в течение двух лет до выборов, чтобы не получить с их помощью благорасположение граждан. Характеризуя принцип римского плебса, сатирик Ювенал писал: «Сдержан теперь и о двух лишь вещах беспокойно мечтает: хлеба и зрелищ». Как видим, принцип «хлеба и зрелищ» весьма лаконично описывает эффективные механизмы господства элит, которые успешно пережили римскую эпоху, изменяясь и трансформируясь в последующие времена [1].

Если обратиться к истории, то проблема организации зрелищ всегда занимала внимание правителей. В Древней Греции – это олимпийские игры, греческий театр; в Древнем Риме – бои гладиаторов; в Средние века – карнавальная культура. Начиная с Нового времени, организация массового искусства становится все более многообразной. Зрелища становятся великой силой, способной сплотить и вдохновить общество на определенные деяния. Этому помогало открытие печати и появление газетной продукции, затем кинематографа, что и сформировало в конечном счете массовую культуру (термин Ортеги-и-Гассета),

приспособленную для нужд простолюдинов. Еще больший вклад внесло открытие телевидения и, наконец, компьютера.

Лишив людей возможности участвовать в управлении государством, и превратив их в наемных рабов, власть сформировала «мир грез» – то, что хоть как-то компенсировало это унижение и бесправие – воплощенный в кинофильмах и компьютерных играх, своего рода альтернативную реальность, которую пытаются сделать смыслом существования для большинства людей.

Заказчиком этой политики глобального мира выступают США, создавшие тотальную систему так называемой «промывки мозгов» (термин Андрея Ваджры). На начальном этапе эту роль выполняла пресса, направляя в определенное русло ежедневную информационную политику США. С этой целью из 179 газет, выходивших в США, были отобраны 25 наиболее крупных газет, и с их помощью был осуществлен надлежащий надзор за содержанием прессы. Постепенно с выходом американских СМИ на мировую орбиту, начала складываться повсеместно монокультура потребления и развлечения массового читателя.

С развитием телевидения именно оно становится основным источником информации для среднего американца – и основная тематика СМИ из международных новостей – катастрофы и успешные американские военные акции. Несмотря на отсутствие в США особого аппарата идеологической обработки масс, американской элите удалось тотально идеологизировать общество. Так, идеологический контроль существует во многих газетах, журналах; естественно на телевидении, где именно узкий круг профессионалов решает, как отбирать и подавать информацию, какие снимать фильмы, программы для ТВ, какие устраивать зрелища и массовые шоу. А поскольку идеологическое давление в США и других странах Запада осуществляется без видимого принуждения, в неявной форме так, что со стороны тех, кто получает эту информацию и подвергается обработке, восприятие происходит без особых усилий как развлечение и приятное времяпровождение.

Начавшись в США, доктрина «тотального контроля» за информацией в целях перестройки массового сознания и мировоззрения посредством воздействия современных средств манипуляции всей духовной сферой человека дополнилась применением новых технологий. В свое время известный английский писатель, автор ряда социально-критических и культурологических эссе Джордж Оруэлл в своем романе-антиутопии «1984», посвященном обществу будущего, которое зиждется на тотальном контроле мыслей и стремлений населения, описывал применение манипулятивной технологии – «двухминуток ненависти». В Оруэлловском государстве их посещение было обязательным для всех подконтрольных лиц. В ходе этих процедур люди должны были

просмотреть специально разработанный видеоролик, моделирующий образ врага существующего порядка во всем его устрашающем виде, а затем образ главы режима – спасителя, избавителя и защитника от тех чудовищных несчастий, которые принес и принесет враг [2]. С того времени, когда Оруэлл разрабатывал свою концепцию косвенного управления и социальной инженерии, возможности в управлении людьми и модификации их поведения в нужном направлении, многократно возросли. Поэтому в XXI веке вопрос о тотальном моделировании и планировании давно имеет уже не теоретическое, а практическое значение. Философы Запада, изучающие современность, говорят о возникновении так называемого «общества спектакля» (термин французского философа Ги Дебора). Развивая эту мысль, известный российский исследователь С. Кара-Мурза подчеркивал, что в условиях глобального мира формирование «общества спектакля» приобрело мировой масштаб: «При этом в самой технологии манипуляции массовым сознанием повторение – главное средство недобросовестной пропаганды» [3].

При этом проблема «хлеба и зрелищ» осталась неизменной. Что касается «хлеба», то на смену государственному регулированию продовольствия пришли ТНК. Они монополизировали процесс семеноводства и уже к середине 80-х годов контролировали более 50% мирового рынка семян, устанавливая ограничения на ведение самостоятельной работы и производство семян фермерами, а затем выведением таких сортов растений, в который встроен «ген-терминатор», блокирующий прорастание семян второго поколения. Это вынуждает фермеров каждый год покупать семена у фирмы-производителя.

Еще одна из массовых реакций глобального мира стала играизация реальности, то есть внедрение принципов игры в прагматические жизненные стратегии, что позволяет людям хоть как-то адаптироваться к хаосу «переходного периода». Контент практически всех компьютерных игр в настоящее время задается фирмами-производителями США. Более того, технология Интернет не признает условностей государственного суверенитета, форм политического участия, иерархических структур, политических партий и других институциональных субъектов политики. Расширяя, с одной стороны, информационные возможности людей, с другой – создает неограниченные возможности манипулятивного воздействия на личность.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что в современном глобальном мире почти невозможно пресечь происходящее в мире массивные враждебные нам процессы путем создания зон «контролируемого хаоса». Но мы можем изучить эту технологию, найти методы обнаружения наших слабых точек, на которые будет направлено воздействие и укрепить на этих участках нашу национальную оборону. Философия как наука

прогностическая, предупреждающая, всегда находится в поисках объективных ответов на те или иные сложные вопросы. В условиях современного глобального мира только философская культура способна обнаружить грани между иллюзией и реальностью, виртуальной жизнью и истинным бытием. Российский философ Г.Л. Тульчинский в этой связи отмечал: «В истории философии уже неоднократно случались подобные периоды пробы сил разума… Поэтому перспектива философии может быть связана только с поиском перспектив нового гуманизма, новой гомодицеи» [4, с.7].

Литература:

1. Куманецкий, К. История культуры Древней Греции и Рима / К. Куманецкий. – М, 1990.
2. Оруэлл, Дж. «1984» и эссе различных лет / Дж. Оруэлл. – М, 1989.
3. Кара-Мурза, С. Краткий курс манипуляции сознанием / С. Кара-Мурза. – М, 2003.
4. Тульчинский, Г.Л. Гуманитарность против гуманизма / Г.Л. Тульчинский // Философские науки. – 2008. – № 12.

МИФОЛОГЕМА «РИСКА» В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ И МАССОВОМ СОЗНАНИИ

М.Н. Мазаник, г. Минск, Беларусь

Категория риска активно проникает в социальные науки с начала 1970-х годов. Не останавливаясь подробно на социокультурном контексте дисциплинарной институционализации риска, следует отметить своего рода симптоматичность такого интереса именно для периода теоретико-методологического кризиса западного социального познания, связанного, в свою очередь, с невозможностью объяснения с фактуалистских позиций резких социальных и экономических сдвигов. Обычно в качестве основателей «парадигмы рисков» упоминаются У.Бек (автор концепта «общества риска»), Э.Гидденс, Н.Луман, представителей синергетики. Однако сам подход к рискам как одной из основных характеристик современных обществ был запрограммирован не столько удачностью концепта, сколько его «идеологической» приемлемостью для информатизирующихся социально-экономических систем. В «новом настоящем» концепт риска неявно возник именно как мифологема массового сознания, постфактум отрефлексированная теоретически. Показательна идея У.Бека о рисках как показателе ориентированности общества не на прошлое, а на будущее. Риску придается статус универсального параметра динамичных социальных систем. Существование рисков как фактора стабильности/динамики общества определяются прежде всего удельным весом инновационности в различных его сферах. Претензии

на создание «рискологии» как самостоятельного дисциплинарного направления, ориентированного как раз и демонстрируют наличие социального запроса на подобные исследования.

В то же время нельзя не усомнится в оправданности столь радикального акцентированного внимания к рискам как социальному факту. Рассматривая риски в контексте образа жизни «условного» современного человека, очевидно, что они имеют для него условный, виртуализированный, социально сконструированный характер. Как правило, риски – атрибут массовой культуры, в том числе сообщений СМИ, а не актуальный факт жизни. И в этом плане представляется возможным говорить о рисках и их исследованиях как мифологеме.

Применительно к современным обществам термин Н.Лумана «контингентность» – отсутствие жестких рамок существования, потенциальную изменчивость и, соответственно, их «рисковый» характер – является очевидно работоспособным. Риски в природной и технологической сферах существуют как данность. Но обращает на себя внимание высокая ригидность социальных структур при всей их внешней инновационности. Это позволяет подвергнуть сомнению теоретико-методологическую ценность и правомерность использования концепта риска именно по отношению к так называемым социальным рискам.

Проблематичность использования «рискологических» концепций применительно к социальным процессам и явлениям связана, разумеется не с тем, что рисков в социальном мире как формы нелинейного перехода к будущему состоянию не существует. Она связана со сконструированной мифологией рисков, во многом размывающей образы реальных рисков. Более того, мозаичность и диффузность сознания современного человека провоцируют возможность «самореализующегося пророчества», затрагивающего внерисковые зоны социальной жизни.

Касаясь ценностного содержания рисков, можно увидеть, позиционирование их значимости для массового человека во многом опирается на такие моменты, как возможность выигрыша/проигрыша. Абсолютизация этих принципов нередко приводит к своего роде «дилемме смертника»: утрате объективности восприятия.

Такие эффекты хорошо заметны в конструировании современных мифов об «электронной демократии», «умной толпе» и т.п. Осознанное формирование картины риска как возможности выбора позитивных последствий активно пропагандируется в создании мифов о коммуникативном характере событий на Филиппинах и Ближнем Востоке. Риск в подобных случаях становится инструментом манипулирования массовым сознанием. Особенно показателен пример риска в конструировании «проблемы 2000 года», когда особенно наглядно

проявилась возможность мифологизации в том числе технологических рисков.

Подводя итог, обратимся к известной формуле: «Риск = Опасность + Динамическая адаптация». Возникающий соблазн заняться перестановкой ее слагаемых демонстрирует, что тематика рисков, несомненно, значимая и актуальная, зачастую сводится к созданию искусственных, иллюзорных конструкций. Утрированная апелляция к рискам предполагает прежде всего наличие определенного типа мышления. «Потребление» рисков – и повседневно-бытовое, и дисциплинарное – зачастую искажает реальную картину, превращая риски в метафору, а не предмет исследования. Перспективы этой проблематики зависят, прежде всего, не от ее фетишизации, а от целостности аналитического подхода.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ВЫБОРА МЕЖДУ КРЕАТИВНОСТЬЮ И ТВОРЧЕСТВОМ

И.Я. Мацевич, г. Минск, Беларусь

В современных концепциях инновационного развития общества понятие креативности оказывается одним из центральных. Для отечественной гуманитарной мысли оно является заимствованным из западной культуры. В качестве его аналога на протяжении всей истории эволюции отечественных социально-гуманитарных наук использовалось понятие творчества. Для того, чтобы разобраться в смысловых оттенках используемых нами в повседневной действительности слов, обратимся вначале к их этимологии.

Существительное «творчество» происходит от глагола «творити», а последний, вероятно, – от древнегреческого ποιέω – творить, делать, производить [1, с. 760]. Не исключается его родственная связь и с литовским tvérti – охватывать, огораживать [2, с. 33]. Существует также точка зрения, предполагающая его родство с индоевропейским корнем «tuer» – хвататься, охватывать, обрамлять [3, т. 2, с. 231].

В русском языке понимание и толкование творчества произрастает из греко-византийской культуры, где «творити» изначально было тесно связано с мирской повседневной работой. При этом слово «творить» не имело эгоцентрического смысла реализации собственного замысла, удовлетворения собственного желания, скорее – свершения чужой воли, исполнения чужого желания (которое могло стать и собственным).

Ещё один аспект, который необходимо выделить в этимологии слова «творчество», – связь с теми словами, которые имели значение ограничения пространства. Этот аспект особенно важен, так как с ним связано стремление выделить ГРАНИЦЫ творчества. Для сохранения преемственности определения «творчества» необходимо не потерять в

наших интерпретациях ориентацию на частичное ограничение пространства актуализации и реализации социального творчества.

При первом сопоставлении исконных значений творчества и креативности едва ли удастся найти принципиальные различия. Во многом такого рода сложность обусловлена уже сформировавшейся традицией перевода латинских слов на русский язык. Понятие креативности происходит от латинского «creo» [4, с. 270] – творить, создавать, производить, делать, назначать, вызывать, порождать; creatio – созидание, порождение, избрание или назначение; creator – создатель; creatura – творение, создание. Это понятие активно использовалось и применительно к древнегреческому наследию. Например, при переводе неоплатоников на латинский язык понятие подчёркивало энергетический и меонический характер происхождения субстанции. Оно изначально предполагало автономное, независимое ни от чего мирского, произведение нового из трансцендентного. Тогда как актуализация и воплощение этого нового в мире, эманация нового в мир – это уже следующая стадия эволюции нового, по-разному трактующаяся в различных философских и религиозных школах. Здесь важно подчеркнуть изначальную довольно сильную сакрально-мистическую окрашенность существительного «creo». Однако с течением времени понятие «креативность» частично утратило эту окраску. Во многом эту утрату можно объяснить особенностями эволюции западноевропейской культуры. С эпохи Романтизма (в эпоху Возрождения ещё сохранялось влияние древнегреческих и христианских трактовок «creo») начинается торжественное восхождение светской и антропоморфной трактовки креативности – потенциала, заложенного в природе человека, направленного на самотворение себя из данного ему самой природой.

Едва ли в эпоху Романтизма сакральное уходит из определения креативности. Изменяется трактовка его сущности, но само сакральное не покидает понятия «creo». Человек отныне уповает на самого себя в нахождении пути к трансцендентному (в различных его проявлениях и формах). Выходя за рамки собственного Я (этим порывом вдохновлена вся немецкая классическая философия), субъекту предстоит либо обрести новое Я после возвращения к имманентному из области трансцендентного, либо потерять себя на пути домой. Таким образом, с Нового времени креативная деятельность человека не утрачивает своего сакрально-таинственного характера, скорее, она теряет возможность однозначной идентификации этого трансцендентного после усомнения в существовании Бога. Отсюда проистекает и драма, непрестанно разворачивающаяся в сознании западноевропейской креативной личности, претендующей пробиться к неопределённому и неуловимому.

Эта драма была несколько смягчена в отечественной культуре при раскрытии сущности творческой деятельности вплоть до советской эпохи. Православная культура задавала определённые границы определения трансцендентного и путей приближения творческой личности к нему. Однако в философском сознании эта драма преодоления самих границ непрестанно разворачивалась. Ярким тому подтверждением являются не только работы, но и судьбы русских религиозных философов. Парадоксальность самой природы понятия творчества отражает его эволюцию от древнегреческой и древнерусской (языческой) трактовки творчества как мирского исполнения своих обязанностей и долга до осознания их заданности и предписанности свыше Богом. Эта гетерогенность творчества порождает непреодолимые противоречия между послушанием и волей творить новое. Так, например, когда Н. Бердяев пытается определить суть творчества [5], он выходит за рамки мирского послушания Богу. Человек-творец по определению своему грешник, поэтому он и творит, не удовлетворяясь тем, что дано ему свыше. *Святые не творят*, так как они вне драмы творчества, они уяснили и обрели высшую правду и спокойствие.

Трактовка Бердяева проясняет предпосылки разведения понятий творчества и креативности. При дальнейшем сопоставлении характеристик двух понятий в западных и отечественных философских работах, в частности, Н. Бердяева и А. Бергсона, можно найти следующие схожие свойства в их описании: 1) сотворение нового; 2) своеволие, проявляющееся как в эгоцентризме, так и во временном (или длительном) отказе от собственного Я – в претензии выйти за рамки собственного Я и вернуться к преображённому Я; 3) учёт объективных законов и принципов развития окружающего мира, которые задают *границы* реализации своеволия творческого порыва.

Наличие этих сходств содействует экспансии понятия «креативность» в отечественной философской традиции и социальной практике, так как, несмотря на различия в происхождении ключевых значений понятий творчества и креативности, есть основания и подтверждения их сближения в работах западных и отечественных философов. Тем не менее, следует учитывать и не забывать их принципиальные отличия.

В итоге, понятие креативности, проникнув в нашу повседневность из западноевропейской культуры, наследует заимствованную извне несколько прагматическую трактовку его сущности: создание нового в соответствии с определёнными социальными и индивидуальными потребностями и задачами. В большинстве западных трактовок будет присутствовать акцент на материализации и опредмечивании творческой энергии в социальной реальности в процессе решения определённых эволюционных задач.

Литература:

1. Греческо-русский словарь, изданный Киевским отделением Общества классической филологии и педагогики / обработал А.О. Поспишиль. – 2-е изд.; испр. и доп. – Киев : В.И. Завадского, 1890. – VIII.

2. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка :в 4 т.Т. 4 / М. Фасмер – М.: АСТ, 2003.

3. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П.Я. Черных. – М.: Рус. яз.-Медиа, 2004.

4. Дворецкий, И.Х. Латинско-русский словарь / И.Х. Дворецкий. – М.: Рус. яз., 1976.

5. Бердяев, Н.А. Смысл творчества : [Опыт оправдания человека]: сборник / Н.А. Бердяев. – М.: АСТ ; Харьков: Фолио, 2002.

НОВАЯ РОЛЬ ПСИХОТЕРАПЕВТА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

И.А. Медведева, г. Минск, Беларусь

Психология и психотерапия все в большей степени становятся не только привычным феноменом современной социальной жизни, но и необходимым ее элементом. Представители профессий психологического ряда достаточно давно стали экспертами и активными участниками проектов средств массовой информации. Психологический анализ пронизывает художественные и не только тексты. Школа, здравоохранение, социальные службы, бизнес и производство, семья, политическая жизнь – все важные социальные пространства за последние несколько десятилетий оказались охваченными (захваченными) психологией и психологами. Фактически, психологические знания в наше время становятся элементом культурного тезауруса. Усложняется профессиональная структура психологической деятельности. В психологическом сообществе активно разворачивается дискуссия о статусе и профессиональных границах между психологами, психотерапевтами, психиатрами. Запрос на психологические услуги, психотехнологии огромен.

Экспансия психологии во все сферы социальной и обыденной жизни оправданна. Несмотря на относительное экономическое благополучие и политическую стабильность, европейцы, например, не становятся эмоционально и интеллектуально здоровее, не становятся счастливее. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в мире растет число суицидов, депрессивных расстройств, психических нарушений. Современная культура содержит достаточно психологических факторов (культ конкуренции, успеха и силы, рациональности и расчета), которые способствуют «росту общего количества переживаемых отрицательных эмоций в виде тоски, страха, агрессии и одновременно затрудняющие их

психологическую переработку» [1, с.67]. Ситуация, конечно, не новая. Она достаточно давно стала объектом социального внимания и темой философского дискурса. Однако если во времена К. Хорни ее прямые обвинения современной культуры в невротизации человека воспринимались технократической элитой и сайентизированными массами населения скорее как проявление философской экзальтации, то сегодня такой слоган, например, как «Рискуя быть живым» – (название одной летней психологической школы – семинара) уже никого не удивляет.

В условиях сложной и достаточно агрессивной культурной и социальной среды экзистенциальный опыт людей, как показывают не только обыденные жизненные наблюдения, но и разнообразные тексты, фиксируют социальные институты, перегружен сегодня токсическими по характеру переживаниями. Токсические переживания – это такой их уровень, при котором эмоция – например, страх, стыд, вина – «…разрушает контакт организма со средой, сужает восприятие до тоннельного восприятия…, ведет к потере ориентировки и способности к тестированию реальности, подмене реальности на представления и фантазии о реальности» [2, с. 47]. Токсические эмоции влияют не только на душевное состояние, но и интеллектуальные проявления, являясь одним из факторов нарушения внимания, мышления, восприятия, речи, воображения, способствуя низкому уровню рефлексии и саморефлексии [3, с. 60]. Экзистенциальный кризис был назван В. Франклом главной причиной невротических расстройств наших дней.

В этой ситуации психолог, психотерапевт, осуществляя профессиональные действия по диагностике, коррекции нарушений, по смягчению душевных страданий, приобретает особое социальное качество, функцию, напрямую не связанную с направленностью его профессиональных интересов. Он становится своеобразным посредником между человеком (не только страдающим, но и просто испытывающим те или иные затруднения) и средой. Для психотерапевта всегда важно определить наиболее патогенные факторы окружающей среды. «Терапевт выступает в роли как бы адвоката по отношению к пациенту, и прокурора – по отношению к окружающему его миру» [4, с. 107]. Психотерапевт приобретает функции социального эксперта, предъявляя счет обществу, которое довело его клиента до отчаяния.

Ранее функции посредников и экспертов по тому миру, в который был вписан человек, принадлежали шаманам, магам, служителям культа. В настоящее время их место, скорее всего, занимает психолог, психотерапевт. Он имеет важное преимущество по отношению к священникам - это знания, которые одновременно и научны, и включены в живую практику, «жизненный мир». Эта неожиданная социальная роль

оживляет тенденцию, основу которой заложил еще З. Фрейд – тенденцию к доктринальному расширению психологии, психотерапии, завоевании ею идеологических пространств, быстрому освоению философских дискурсов и встраиванию их в психотерапевтический. «Мы, терапевты, являем собой часть традиции, идущей к нам не только от наших ближайших психотерапевтических предков, начиная с Фрейда, Шопенгауэра, Кьеркегора, но также и от Будды, Платона, Сократа, Галена, Гиппократа и многих других великих религиозных лидеров, философов и врачевателей, которые с начала времен лечили человеческое отчаяние» [5, с. 344], пишет выдающийся экзистенциальный психотерапевт наших дней И.Ялом. При сложившейся ситуации с таким пафосом в определенной мере можно согласиться, осознавая при этом всю сложность ситуации, при которой работа по обретению или повышению степени своей свободы и обретению ответственности выбора современным человеком зачастую проделывается с помощью (в диалоге, в союзе, в паре) психотерапевта.

Литература:

1. Холмогорова, А.Б. Эмоциональные расстройства и современная культура / А.Б. Холмогорова, Н.Г. Гаранян // Московский психотерапевтический журнал. – № 2. – 1999.

2. Черняев, Л. Взгляд гештальт-терапевта на базовые эмоции / Л. Черняев // Философия и этика в гештальт-подходе: Сборник материалов Московского Гештальт Института. – М., 2007.

3. Олифирович, Н.И. Психологическая помощь студенческой молодежи: системно-аналитический подход / Н.И. Олифирович. – Мн., 2012.

4. Сосланд, А.И. Об идеологической сущности психотерапевтического сообщества / А.И. Сосланд // Психотерапия. –№ 1. – М., 2013.

5. Ялом, И. Экзистенциальная психотерапия / И. Ялом. – М., 2004.

ФИЛОСОФИЯ КАК ЦЕННОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

В.И. Миськевич, г. Минск, Беларусь

Динамика социокультурных процессов имеет определенную логику. Чаще всего она обнаруживается апостериори - в виде тенденции развития системного объекта. Эволюция философской мысли – не исключение. Ее утверждение в духовной культуре античного мира положило начало новой – интеллектуальной – традиции человечества. Суть этой традиции в ориентации на рациональное истолкование действительности и обосновании предназначения и места человека в мире.

Естественно, что в различные исторические эпохи статус философии имел свои особенности. Так, в античном мире он был связан, с одной стороны, в критикой мифа, а с другой – созданием рациональной картины мира и

выработкой новых форм и методов мышления (познания). Во времена средневековья эта традиция не только сохранилась, но и получила известное развитие в рамках теологической проблематики. В эпоху Возрождения философская мысль проникается энергией мистицизма и через пантеизм утверждает новые образы мира и человека: мир бесконечен, потенциал человека как свободного творца безграничен. В последующие столетия (XVII-XIX вв.) выковывается новая «ось истории», которая перевела исторический процесс с традиционного на индустриальный путь развития. Становление техногенной цивилизации стало своего рода синергетическим эффектом трех, как теперь ясно, великих событий того времени – научной революции, промышленного переворота и социально-политической революции во Франции. А их подосновой, в свою очередь, явилась Реформация и протестантская этика. Каждое из этих событий так или иначе своими корнями уходит в интеллектуальную историю Европы, «ядро» которой – философия.

Утверждение индустриальной цивилизации привело не только к кардинальным изменениям в сферах политики и экономики, но и к коренной переоценке ценностей. Суть ее, как нам представляется, в следующем. Связанная с философией интеллектуальная традиция во все времена укреплялась и развивалась в рамках бинарной оппозиции «Человек – Бог». И вот X1X в. устами Ф. Ницше провозглашает: «Бог умер». Это значит, что человеческое бытие вдруг сделалось безосновным, утратило опору.

С этого момента в философии возникают проблемы, связанные с ее статусом, местом и ролью в культуре. Постепенно, шаг за шагом перебрав различные варианты самоидентификаций, она отказывается от натурфилософских претензий, изобретательницы социальных утопий, роли «служанки науки», унии с политической идеологией. В XX в. философия пытается найти точку опоры то в языке, то в искусстве, то в мире повседневности, то в эзотерике…

Явления и факты стремительно меняющейся действительности последнего столетия делают полет совы Минервы в высшей степени проблематичным. Писать серым по серому уже не получается. События спрессовываются во времени и пространстве и философской мыслью не схватываются. Будущее абсолютно непроницаемо.

В этих обстоятельствах вопрошание о статусе и функциях философии в современной культуре становится как никогда ранее насущным. Размышления на сей счет, как представляется, должны идти по двум взаимосвязанным направлениям. Первое – это вопрос о теоретическом статусе философии. Традиционная территория философского дискурса – природа, общество, мышление – сегодня оккупирована науками. За человека все более цепко хватается и стремится его удержать религия. Доступными им средствами навязывают общественному сознанию потребные им мифы государство и бизнес. Второе направление связана с поиском ответа на вопрос о

практическом предназначении философии: чему, в конце концов, должна служить философия?

В настоящее время существует целая палитра мнений и суждений о статусе философии в современной культуре. При всем их разнообразии и даже противоречивости можно, тем не менее, выделить некоторые объединяющие их идеи. Во-первых, в ситуации укрепления позиций агностицизма, скептицизма и релятивизма философия призвана быть хранительницей рациональности. При этом теорию познания нельзя сводить к теории и методологии науки. В нее органично должна быть вплетены нравственные и гуманистические проблемы. Во-вторых, философия должна быть критической теорией. Однако критикуя социальную реальность, нужно и создавать позитивные учения о современном обществе, опираясь на эмпирические исследования и господствующие ценности. Наконец, в дегуманизированном мире философия призвана содействовать становлению человека как личности, развивать в нем гуманистический потенциал.

Отечественная философия в качестве значимого феномена национальной культуры и общественного сознания должна еще состояться. Дело вот в чем. С одной стороны, возникновение, а затем институализация философии в Беларуси в советский период шло в едином русле становления белоруской государственности, формирования национальной элиты, развития национального самосознания и высоких форм культуры. С другой – данный процесс протекал в контексте детерминаций укрепляющегося тоталитарного господства, в т. ч. тоталитарной идеологии. Она-то и стала «точкой опоры» и мейнстримом формирования и эволюции белорусской культуры и философии в тех исторических условиях. Сегодня, a posteriori, очевидно, что философия в Союзе в купе со всем комплексом социально-гуманитарных наук претерпела серьезные деформации. И это особенно очевидно при сопоставлении советского философского наследия и философии «серебряного века».

Вместе с тем необходимо подчеркнуть и тот факт, что белорусская философия того периода, развивалась в рамках жестких мировоззренческих ограничениями, смогла получить значимые научные результаты по ряду направлений исследовательского поиска (таких как проблемы диалектики, философские проблемы естествознания, методология науки, философия космизма, философия социального действия, культурология, логика). И тем самым она внесла достойный вклад в создание формирующегося современного имиджа Республики Беларусь.

Философия – это прежде всего Философы. Подчеркну: речь не о «философах-исследователях», «философах-преподавателях», а о Философах с большой буквы – мыслителях, которые смогли (и могут) Нечто сказать о Человеке и Бытии. Таковых в советском философском календаре, увы, немного (?), хотя умов ярких и блестящих всякий интересующийся предметом может назвать немало.

Современное белорусское философское сообщество должно подвергнуть критической переоценке свой прошлый опыт – и достижения, и срам. Затребованность обществом философии определяется не столько фактом ее общекультурного достояния, сколько ее реальным вкладом в развитие культуры своего общества, самосознания своей нации. Обретение Республикой Беларусь политической независимости открывает в этом смысле перед отечественной философией вдохновляющие перспективы. Ими нужно суметь воспользоваться и использовать. Понятно, что это не просто.

Нужны коммуникации, общение, неформальные обсуждения, нужна площадка для свободного публичного дискурса. В этой связи вспоминаются времена «философских ассамблей», организованных проф. Ю. А. Хариным. Нужен конструктивный диалог с властью. Способность к последнему в нашей интеллектуальной традиции начисто отсутствует. А вот способность потрафить по принципу «чего изволите» - в крови, в генах. Мало что изменилось в этих отношениях и сегодня.

Позитивный опыт необходимо сохранять и умножать. Но нужен и акцент(ы), усиление действительно актуальных, важных для развития белорусского общества и культуры направлений. В этой связи считаю архиважной ту работу, которую в свое время проделали В. Н. Конон, Э. К Дорошевич, А. С. Майхрович, С. А. Подокшин и др., и которую сегодня продолжают сотрудники Института философии, готовя к изданию онтологию белорусской философской мысли. Акцент на корнях национальной истории и культуры, критический анализ (а не идеологическая апологетика) современной белорусской социокультурной синергии, разработка и обоснование способов и сценариев социальных инноваций, форм и методов воспитания «нового белоруса» - это и есть «точки роста», национального самосознания, трансформации ментальности, которая определяет (и будет определять) наше бытие. В него, в него должна научиться вглядываться отечественная философия.

В заключение приведу (по памяти) слова Р. Тагора. Долг, назначение каждой нации уметь выразить себя перед миром (а том числе устами философии). Если же, паче чаяния, ей сказать нечего, то это следует рассматривать как преступление, которое историей не прощается.

РИСКИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Л.В. Михайлова, г. Одесса, Украина

На сегодняшний день мы очень часто слышим такое выражение как "эпоха глобализации", о не всегда можем точно сформулировать что мы подразумеваем. Нами же "эпоха глобализации" понимается как охват экономическими, политическими, социальными и культурными взаимоотношениями всего человеческого сообщества и является

преобладающей ориентацией современного этапа мирового развития. То есть все сферы деятельности человечества становятся более взаимосвязанными и взаимозависимыми. Процесс же глобализации сопровождается определенными последствиями, например, развитием инфотелекоммуникационных технологий. Именно факт развития информационного общества, и как следствие обострение проблемы защиты информации, в эпоху глобализации и определяет актуальность исследования информационных рисков.

На данном этапе развития общества, ни один из социальных субъектов не может представить свою жизнь без риска. Он встречается во всех сферах жизнедеятельности человека и хозяйственной деятельности любого предприятия. Так что же представляют собой информационные риски? Перед тем как ответом на этот вопрос дадим определение риска: риск - это объективно - субъективная экономическая категория, характеризующая неопределенность конечного результата деятельности вследствие возможного влияния (действия) на него ряда объективных и/или субъективных факторов, которые не учитывались при его планировании [3]. Следовательно информационный риск - это финансовая категория такая же, как и другие риски. В качестве факторов, имеющих влияние на конечный результат, тут могут выступать:

- нарушение прав интеллектуальной собственности на информацию;
- порча или утрата информационных активов;
- предоставление некачественной или недостоверной информации;
- создание некачественных информационных систем или процессов и средств их обеспечения;
- нарушение процессов и правил формирования информационных активов;
- нарушение процессов и правил подготовки, предоставления и получения информационных продуктов и услуг, несвоевременное предоставление информации, или необоснованный отказ в предоставлении информации [1].

В проведенном исследовании мы можем выделить особенность явления информационных рисков, которую мы можем увидеть в общей классификации рисков по сферам деятельности (рис 1): социальные, политико-правовые, экономические, проектные (техногенные), экологические [2]. Она заключается в том, что информационные риски можно отнести к абсолютно любой сфере деятельности. Это объясняется тем, что информатизация общества в эпоху глобализации затрагивает не какую-либо одну отдельно взятую сферу деятельности человека, а всю его жизнь в целом, которая включает в себя все сферы деятельности и развития общества. Информация по своей сути не может накапливаться

только в одном направлении развития общества, так как все сферы взаимосвязаны.

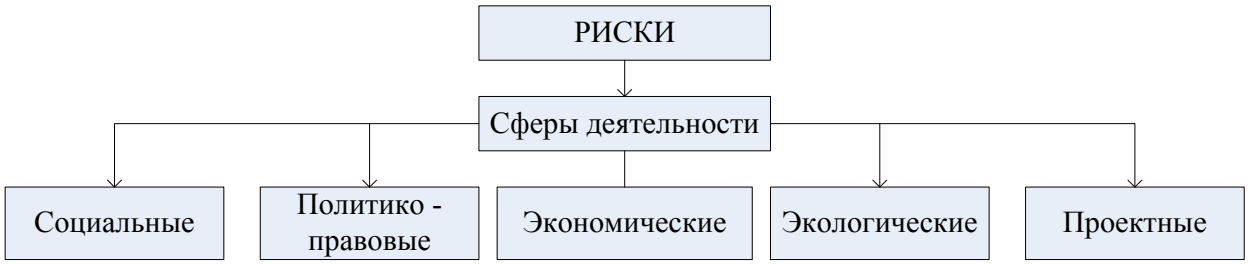

Рисунок 1 - Классификация рисков по сфере деятельности

На данный момент, ни в одной классификации рисков не были отдельно вынесены информационные риски, не смотря на то что они являются важной составляющей жизненного цикла человека и предприятия.

Проведенные исследования, позволяют сделать вывод, что классификация рисков в эпоху глобализации и информатизации требует тщательного пересмотра, со внесением в нее существенных изменении. То есть необходимо выделить взаимосвязь рисков во всех сферах деятельности с информационными рисками. Так как чертой информатизации и глобализации является бурное развитие информационных технологий и ценнейшим активом любого предприятия вне зависимости от его сферы деятельности является информация возникает не только необходимость детального изучения самого понятия "информационный риск" и определения его положения в общей классификации, но и необходимость разработки методики оценки информационных рисков.

Литература:

1. Обзор рынка информационной безопасности Украины / В. Ткаченко // ITPartner. – 2010. - №1(1). – Режим доступа : http://auditagency.com.ua/?r=blog&p=IS_market&lang=ru.

2. Терский, М.В. Системный подход к исследованию экономических рисков: учебное пособие / М.В. Терский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http: abc.vvsu.ru/Books/Sistem_p/default.asp

3. Гранатуров, В.М. Экономический риск: сущность, методы измерения, пути снижения: учебное пособие /В.М. Гранатуров. – М.: Дело и Сервис, 2010.

ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Е.С. Лученкова, А.П. Мядель, г. Витебск, Беларусь

Существенную проблему исследования современности представляет отсутствие эффективной методологии анализа социальных систем в

условиях их глобальной трансформации. В современном обществознании превалируют линейно-поступательные подходы к изучению трансформационных процессов. При этом целью общественного развития признается достижение стабильности, а позитивный потенциал конфликтного развития часто игнорируется.

Результаты социально-гуманитарных исследований последнего десятилетия свидетельствуют о радикальном изменении структуры личности, поведения, ценностей и целей субъектов социальных отношений. Изменения коснулись, прежде всего, сознания индивида, переменные которого составляют смысл жизни, ценности и цель жизни.

Первым фактором, предопределившим изменение переменных сознания, выступает глобализация, имеющая информационный, экономический, региональный, демографический и политический аспекты.

В информационном отношении все народы мира независимо от их географической удаленности друг от друга и культурных различий соединены с одними и теми же источниками культурной информации. В новом информационном способе развития социума источник его производительности заключается в технологии генерирования знаний, обработки информации и символической коммуникации. Такая коммуникационная система радикально трансформирует пространство и время – фундаментальные модусы человеческого бытия. В информационном обществе пространство и время как бы сжимаются, поскольку удаленные объекты становятся доступными почти мгновенно, и это дает не только психологический, но и важный социальный эффект, так как приводит к колоссальной экономии социального времени. Возможность оперативно получать информацию о событиях, происходящих в самых различных уголках нашей планеты, содействует глобализации сознания, как каждого отдельного человека, так и общества в целом Далеко не все члены информационного общества смогут практически использовать те новые возможности, которые оно может предоставить индивиду. Причем, это обусловлено не только экономическими и инструментально-технологическим, но, главным образом, гуманитарными факторами, которые зависят от качеств самой личности. К их числу следует отнести: информационную, в том числе, лингвистическую культуру, информационную компетентность, образованность, а также мотивацию индивида, его ориентацию на познание и самообучение, развитие своего интеллекта.

Совершенствование глобальных сетей телевидения, компьютерных коммуникаций, радиосвязи и других информационных систем обеспечивает широкие возможности для манипуляции общественным сознанием. Люди легко поддаются целенаправленному психологическому воздействию, о чем убедительно и наглядно свидетельствуют, например,

результаты избирательных компаний в различные органы власти, а также широкое использование весьма дорогостоящей рекламы в программах телевидения.

Серьезную угрозу для человека в информационном обществе представляет психологический феномен, называемый виртуализацией общества. Его суть заключается в том, что реальные физические объекты, процессы и явления подменяются их виртуальными образами, которые очень похожи на отображения объективной реальности, но таковыми не являются. Именно эти свойства, а также высокая динамичность информационной сферы общества и позволяют создавать в нем виртуальную реальность, которая и воспринимается человеком, наряду с реальностью физической. Характерным примером здесь могут служить так называемые деривативы, т.е. ценные бумаги на фондовых рынках. Спекулятивные манипуляции с акциями промышленных корпораций, искусственное повышение или понижение курсов валют на финансовых рынках – все это широко используется сегодня в мировой экономике и, как показывает анализ, представляет собой угрозу для устойчивого развития общества. Характерным примером здесь может служить современный глобальный финансово-экономический кризис, причина которого имеет не экономическую, а сугубо информационную природу.

Принципиально новым фактором риска в информационном обществе выступают так называемые киберболезни. К ним относится психологическая зависимость людей от телевидения, которое уже в современном обществе стало для многих своеобразным наркотиком. Вызывает вполне обоснованную тревогу и маниакальное увлечение отдельных групп молодежи компьютерными играми, в которых пропагандируется жестокость и насилие. Эти явления наиболее широко распространены сегодня в информационно развитых странах и являются одним из негативных результатов процесса информатизации общества. Можно предположить, что по мере дальнейшего развития этого процесса, эти явления также будут прогрессировать.

Становление информационного общества открывает широкие возможности и для развития информационной преступности, которая может быть направлена против личности, общества и государства. Сюда относятся так называемые компьютерные преступления, направленные, главным образом, на несанкционированный доступ к базам данных автоматизированных информационных систем органов государственной власти, финансовых организаций и промышленных корпораций. В этих системах в процессе информатизации общества накапливается большое количество конфиденциальной информации не только о деятельности соответствующих организаций, но также и данных персонального характера о гражданах страны, их адресах, телефонах, имуществе, доходах

и т.п. Эта информация представляет значительный интерес для преступных группировок, многие из которых уже сегодня прибегают к услугам специалистов в области информационных технологий.

Сосредоточение информации в автоматизированных банках данных, обеспечивающих удаленный доступ пользователей, является одним из важных направлений процесса информатизации общества, так как именно концентрация информации в пространстве и времени существенным образом повышает эффективность ее использования. Однако вместе с этим возрастают и риски, связанные с возможностью несанкционированного доступа к этой информации, а также ее хищения и даже преднамеренного искажения.

Политический аспект глобализации характеризуется кризисом национального государства как суверенной единицы и сопровождающего его кризиса власти. Легитимность власти и государства оказывается под сомнением, поскольку распоряжения последнего не могут быть исполнены в полной мере. Власть в информационном обществе на фундаментальном уровне вписывается в культурные коды, посредством которых субъекты социальных отношений принимают решения, включая, политические. В этом смысле реальная власть перестает быть материальной. Ее реальность состоит в том, что власть наделяет на время индивидов и организации способностью осуществлять свои решения. Вместе с тем такая возможность возникает из способности соотнесения с определенным поведением, которое одобряет тот или иной тип лидерства. Власть как возможность предписывать поведение содержится в сетях информационного обмена и манипуляции символами, которые соотносят индивидов, институты и культурные движения посредством представителей-манипуляторов.

Концепция современного антропологического детерминизма основывается на признании закономерной связи понятий «человек», «духовность», «общество», где духовная культура играет роль опосредующего фактора во взаимодействии личности и общества, определяющего исторический прогресс. В этом своем качестве она предъявляет определенные требования к характеристикам личности и состоянию общества. Личность должна обладать профессионализмом, знанием требований общественной жизни, пониманием нового типа социальных связей, наличием социальной цели, высокими нравственными установками и другими чертами, определяющими в совокупности ее духовный облик. В свою очередь общество должно иметь такие качества, как демократичность, равенство прав граждан, свобода выбора, справедливое вознаграждение за труд. Формируясь на протяжении веков, гуманизм в своем развитии отразил различные подходы к проблеме человека, пониманию его сущности и предназначения в зависимости от

конкретно-исторических условий эпохи и социально-политических субъектов общественной деятельности, но он един, когда речь идет об отношении к человеку, о признании его ценности.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

И.М. Наливайко, г. Минск, Беларусь

Целью данной работы является теоретическая экспликация роли и места повседневности в формировании идентичности.

Строго говоря, речь пойдет о тех существенных подвижках, которые происходят в современном гуманитарном знании в понимании и оценке повседневности как определенной сферы и способа человеческого существования в мире.

Как известно, наше время предельно остро ставит проблему идентичности и способов идентификации как на уровне индивидуально-личностном, так и макросоциальном. Современные глобализационные процессы настолько радикально и быстро меняют привычные параметры индивидуального и культурного бытия человека, что прежние способы идентификации, позволяющие отождествить индивида или группу с определенным социокультурным образованием, или подвести под некую идеальную модель, уже не работают. Это создает достаточно некомфортную для человека ситуацию неопределенности, которую уже поспешили назвать «кризисом идентичности». Более того, известной популярностью пользуется предположение, что идентичность как таковая есть отживший продукт западной цивилизации, неразрывно связанный с новоевропейской культурной парадигмой и уходящий вместе с ней. Тем не менее, не прекращающиеся межнациональные и межрелигиозные конфликты, поводом для которых зачастую служит именно стремление утвердить и отстоять свою идентичность, зачастую говорят об обратном.

Но так же очевидно и то, что нынешняя социокультурная ситуация диктует необходимость переосмысления самого понятия «идентичность» и стоящего за ним феномена. А это в свою очередь актуализирует новое понимание факторов, способствующих формированию идентичности. Поскольку классическая модель идентичности, прежде всего, была тесно связана с трактовкой человека как активного начала, то есть познающего и волящего субъекта, воспринимающего мир как объект своих когнитивных и волевых интенций, то именно особенности такой формы субъективности легли в основу процесса идентификации. Я как познающая и волящая инстанция очерчивает границы своего существования собственным поступанием, формируя тем самым форму идентичности. То есть, идентичность оказывалась довольна тесно привязана к сознательным волевым усилиям, к осознанной стратегии самоосуществления.

Кризис новоевропейской модели субъекта, зафиксированный еще неклассической философией рубежа XIX-XX веков, неминуемо приводит к проблематизации всех связанных с ней феноменов (в том числе и феномена идентичности), ставя под вопрос правомочность их прежних оснований. Этот процесс переосмысления оснований актуализирует обращение к таким сферам человеческого существования, которые ранее оставались «за кадром» научного анализа, или, в лучшем случае существовали на его периферии.

Одним из самых ярких примеров является пробуждения интереса к феномену повседневности, или повседневной жизни, который «вдруг» оказывается в фокусе внимания многих гуманитарных и социальных наук: философии, социологии, культурологии, психологии, лингвистики и т.д. Повседневность становится излюбленным предметом исследования, позволяющим «разоблачить» многие тайны человеческого бытия в мире, в том числе, и ответить на вопрос о механизмах формирования нашей идентичности в условиях глобализирующегося мира. В качестве примера можно привести любопытный факт. Когда французское правительство, озабоченное всплеском социальных волнений конца 60-х годов, попыталось выстроить некую новую стратегию социальной и культурной политики, способной сгладить существующие противоречия, оно заказало Мишелю де Серто именно исследование повседневной жизни. Так возник проект выросший впоследствии в одну из самых известных книг современности – «Изобретения повседневности». Этот проект лишний раз подтвердил то, что уже было очевидно для многих ведущих мыслителей, а именно, - новый статус повседневности. Из сферы серой обыденности, повседневной рутины, размывающей человеческое воление и рассеивающее самость, то есть из сферы презренной обывательской жизни, повседневность трансформируется в изначальный и необходимый «жизненный мир», предопределяющий и формирующий основы наших отношений с реальностью и нашего Я. Она становится одним из главных факторов формирования идентичности.

Строго говоря, эта формующая сила повседневности присутствовала в ней изначально, идентифицируя нас с помощью тонкой, но прочной сети повседневных привычек и практик, обыденного языка с его особой логикой аргументации, телесной переплетенностью с миром. Но все это, будучи как бы очевидным, оставалось незначимым для исследовательского интереса. Современные процессы глобальных миграций, смещения и переплетения различных культур и традиций «проявили» эту силу повседневности. Теперь становится очевидным, что представителям различных культурных традиций иногда легче договориться о каких-то глобальных вопросах, чем о таких «бытовых мелочах» как ношение эмигрантами национальной одежды или

выполнение повседневных религиозных ритуальных практик. Оказалось, что совсем непросто совместить в одном географическом пространстве различные культурные «хронотопы», поскольку каждая цивилизация обладает своим переживанием времени и места.

Все это делает скрупулезное изучение повседневности важнейшей составляющей решения проблемы идентичности.

Что дает для этого основания? Что в природе самой повседневности позволяет рассматривать ее как важнейший фактор формирования идентичности? Суммируя важнейшие социально-философские и онтологические исследования повседневности (в контекст рассмотрения входят труды М. Хайдеггера и А. Шюца, А. Лефевра и М. Бахтина, М. Гардинера и М. де Серто) можно сделать вывод о том, что повседневность есть особая сфера и способ человеческого бытия в мире, обладающая рядом необходимых характеристик:

- повседневность располагает человеческое Я в мире в телесном «переплетении» с материальными вещами;
- повседневность представляет собой практическую сферу, определяемую особым «необратимым» видом активности – работой;
- это интерсубъективный мир, разделяемый мной с другими;
- повседневность характеризуется особым опытом переживания пространства и времени – это мир настоящего;
- создает особый образ субъективности.

Именно эти онтологические характеристики повседневности и предопределяют ее роль как фактора идентичности, создавая неповторимый, но текучий, подвижный, «энтелехийный» образ Я или Мы в процессе каждодневного незаметного производства-работы, обеспечивающего целостность нашего сознательно-телесного присутствия в мире и уникальность нашей индивидуальности в ее соприсутствии и взаимодействии с другими.

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА СОЦИАЛЬНУЮ ДИНАМИКУ

Ю.В. Никулина, г. Минск, Беларусь

Сложнейшие информационные процессы, протекающие в современном обществе, оказывают первостепенное влияние на темп и направленность социальной динамики. Это проявляется не только в значительной технической модернизации средств и способов коммуникаций, но также в качественных изменениях в социальной и социокультурной сферах. Достижения в области технологий, на которых основывается формирование информационного общества, во многом изменили сам характер коммуникационных процессов. Без

информационного сопровождения функционирование современных социальных институтов может быть существенно затруднено, а обеспечение доступа к разнообразным информационным каналам способствует закреплению определенных стандартов на уровнях межличностного, межгруппового и межкультурного общения. В какой же мере сейчас информация, информационные технологии трансформируют образ жизни, способствуют ли они повышению качества жизни и улучшению условий «воспроизводства» личности?

Исследователи отмечают, что сейчас наблюдается процесс замены движения человека к информации на обратное движение – информации к человеку. Реальные контакты легко компенсируются общением, которое предоставляет медиа-пространство, обычная почта заменяется электронной и т.п. При этом даже в рамках живого диалога достаточно большое количество тем для разговоров, выражений основано на ранее увиденном или услышанном материале, транслируемом электронными СМИ. Активное использование современных информационных технологий порождает и особую культуру со своим образом мыслей, своим языком, стилем поведения, этическими нормами и т.п. В процессе формирования и функционирования «медиа-пространства» возникает ситуация, когда сознание находится на грани между реальными процессами и воображаемым миром.

Наиболее важной категорией, которая сегодня вводится в научный оборот, при изучении информационной среды является понятие «информационный потенциал общества». Информационный потенциал общества – это информационный ресурс в единстве со средствами, методами и условиями, позволяющими его активизировать и эффективно использовать. В эту совокупность средств, методов и условий должны быть включены не только средства информационной техносферы, но также социальные средства, методы и структуры, способствующие воспроизводству и развитию инфосферы, повышению информационной культуры общества, его интеллектуального потенциала.

Условиями и предпосылками информатизации социальной среды являются степень мотивационной готовности населения к использованию новых технологий информатизации и компьютерная грамотность. Впервые понятие «информационная грамотность» было введено в 1977 году в США и использовано в национальной программе реформы высшего образования. Активно развивающаяся сегодня педагогическая информатика занимается проблемами создания и реализации концепции образования людей, которым предстоит жить в информационном обществе. Среди целей информатизации образования, наряду с универсальными (развитие интеллектуальных способностей, гуманизация и доступность образования) определяется и ряд специфических – компьютерная грамотность,

информационное обеспечение образования (базы знаний и данных), индивидуализированное образование на основе новых компьютерных технологий обучения. Мультимедиа, в частности, помогут осуществить смену парадигмы образования: от простой ретрансляции знания к самообразованию, раскрытию и развитию индивидуальных возможностей человека.

В связи с вышесказанным важным и актуальным представляется проблема формирования информационной культуры, основная цель которой может быть обозначена как становление личности, способной активно жить и действовать в современном информационном обществе, насыщенном разнообразной, порой противоречивой, информацией. Информационная культура – это новый тип мышления, формирующийся в результате освобождения человека от рутинной информационно-интеллектуальной работы, ориентация его на саморазвитие и самообучение.

Следствием информатизации социальной среды становится так называемый «информационный образ жизни». Информационный образ жизни определяется как образ жизни людей, где все стороны жизни в значительной степени пронизываются информационными отношениями, базирующимися на современных информационных технологиях. Появление мультимедиа приводит к созданию не только новых рабочих мест, но и особых возможностей для изменения культуры бытового, производственного (учебного) и экономического поведения. Персональные компьютеры, предназначенные для массового использования в домашних условиях, при решении вычислительных, обучающих, информационно-справочных, игровых и других задач не только обеспечивают информационные потребности людей, но и позволяют реализовывать профессиональную деятельность на расстоянии, осуществлять автоматическое управление домашним хозяйством и др. Также в мире фиксируется четкая тенденция развития «инфоразвлечений».

При этом необходимо учитывать, что современные информационные технологии, по мере расширения сферы их применения в повседневной жизни общества, создают потенциальную возможность манипулятивного воздействия на личность, в том числе и со стороны субъектов, производящих и контролирующих информацию. Развитие новейших средств коммуникации вызывает и множество других проблем – авторского права, соотношений между свободой слова и злоупотреблением этой свободой, иные юридические, психологические и моральные проблемы.

Остановимся на основных социальных проблемах и вариантах их решения в условиях информатизации.

Во-первых, это проблема языковой коммуникации. Языковая коммуникация составляет ядро информатизации. Значит, электронные средства информатизации должны органически встраиваться в сеть естественно сложившейся для каждого человека языковой среды. Должны быть разработаны средства информатики и компьютерной лингвистики массового применения, особенно в сфере СМИ, с учетом национальной специфики.

Во-вторых, – проблема информационной безопасности личности. Под информационной безопасностью понимается состояние защищенности информационной среды общества, обеспечивающее ее формирование и развитие в интересах граждан, организаций и государства. Обеспечение информационной безопасности личности означает ее право на получение объективной информации и предполагает, что полученная человеком из разных источников информация не препятствует свободному формированию и развитию его личности. Обеспечение соблюдения прав граждан в этом отношении – компетенция специальных уполномоченных по защите прав граждан в информационных системах.

В-третьих, это необходимость научных исследований по проблемам трансформации социальной структуры под воздействием информационных технологий. Выстраивая социальную структуру по одному из критериев: типу собственности, уровню жизни, полу, возрасту и т.д., сегодня необходимо дополнить полученную структуру «информационным срезом». Очевидно, например, более позитивное отношение к информатизации и электронным СМИ молодежи по сравнению с людьми более старшего возраста. В других же вариантах структурирования общества не так очевиден «информационный срез», необходимы специальные научные исследования. Без подобных знаний невозможно эффективное вовлечение в процесс информатизации различных социальных групп.

И, наконец, сегодня учеными и специалистами ставится вопрос о необходимости развития информационной экологии, формирующей здоровый информационный образ жизни людей в социальной и природной среде. Соблюдение правил информационной гигиены приводит к сознательно избранному информационному образу жизни. Ведь в условиях стремительного совершенствования информационных технологий и беспредельного развития предоставляемых ими возможностей, самым актуальным вопросом продолжает оставаться вопрос о целевых жизненных установках конкретной личности.

СОЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС ПОСТСОВЕТСКИХ ОБЩЕСТВ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ[6]

[6] Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-23-02001)

О.В. Нечипоренко, В.В. Самсонов, г. Новосибирск, Россия

В настоящее время кризисная парадигма анализа социальных и экономических процессов становится одной из наиболее распространенных методологических установок при изучении изменений, происходящих в современном мире, как на глобальном, так и на национальном, региональном, локальном уровнях. Однако, при исследовательской классификации большое количество методологических затруднений вызывает определение природы нынешнего глобального кризиса, или же разворачивающихся одновременно кризисов. Так, некоторые исследователи определяют современные кризисные явления как невозможность следования предшествующей парадигме развития. Следовательно, с термином «кризис» связано представление о некоем поворотном пункте, суть которого сводится к невозможности для глобальной социальной системы продолжать предшествующее существование и исчерпанием действенности предшествующей модели развития, поскольку в силу накопившихся системных противоречий, а также вследствие изменения социальных, экономических и политических условий существующая система политических, экономических и социальных институтов перестает обеспечивать благоприятную среду для воспроизводства глобального социума. В зависимости от субъективных установок исследователей, совокупность кризисных явлений оценивается либо апокалиптически (как проявление ошибочности исторического выбора цивилизационного (технократического) пути развития, отчужденного от изначальных смыслов человеческого существования), либо с точки зрения «конструктивного кризиса». Согласно последнему пониманию современного глобального социального кризиса, рост социальных конфликтов разрешается посредством внутрисистемного метаморфоза, то есть перестройки социальной системы, перехода к новой структуре, обеспечивающей выход на новый путь развития.

Не менее обоснованным является подход к глобальному кризису, основывающейся на циклически-волновом понимании его природы, согласно которому нарушение условий воспроизводства и функционирования системы, которое само является регулярно возникающим феноменом, элементом «нормальной» модели ее функционирования, предполагаемой в качестве способа разрешения ее краткосрочных и среднесрочных противоречий, также как происходящие периодически рецессии являются одной из фаз экономического цикла капиталистической системы.

«Конструктивный» и циклический подходы к рассматриваемой проблеме в некотором смысле дополняет глобалистский, связывающий кризисные тенденции в развитии мировой цивилизации с глобализацией, как явлением, меняющим природу глобального социума – от

технологической стороны управления глобальной экономикой и интегрированным (в большей степени чем когда-либо) социальным пространством до принципиальных изменений в сознании и повседневной жизни человека. Глобализация делает мировую экономику менее устойчивой, что связано как с возросшей неравномерностью развития отдельных стран и территорий (в связи с их различной специализацией на едином рынке товаров, услуг и технологий), так и с невиданной ранее взаимозависимостью ее сегментов. В то же время, глобальные изменения статуса и роли национальных государств, тенденции универсализации культуры, виртуализации человеческого бытия и связанные с этими явлениями кризисные черты в механизме воспроизводстве массовой и индивидуальной идентичности – позволяют говорить о назревающем ценностном кризисе, свидетельствующем о смене глубинной парадигмы развития человеческого общества.

Как можно видеть, основные подходы к анализу единых для большинства стран мира проблемных ситуаций, идентифицируемых как глобальный кризис, взаимодополнимы, однако даже аналитическая схема исследования социального кризиса постсоветских обществ нуждается в существенных дополнениях. Реформируемые постсоциалистические общества пребывают в условиях двойного транзита (распад Советского Союза и соцлагеря в целом происходил параллельно с усилением влияния глобализационных тенденций во всем мире). Постсоветским государствам свойственны как противоречия стран догоняющего развития, так и противоречия развитых постиндустриальных стран, что обусловлено особенностями исторического и социально-экономического развития постсоветских обществ, что предопределяет возможную нелинейность социальных процессов и неустойчивость любых тенденций в постсоветских обществах. Таким образом, социальные трансформации, сопровождающие реформы в постсоветских обществах, являются закономерным результатом глобальных, а также национальных (и региональных) социально-экономических, общественно-политических и культурных процессов. Механизм разворачивания, специфика и продолжительность социального кризиса, переживаемого реформируемыми обществами, связаны с двойной структурой предпосылок формирования кризисных явлений – то есть последовательным воздействием на тот или иной социум внешних вызовов глобальной среды и ответных «адаптационных» трансформаций социальных систем (связанных, в первую очередь с процессом постсоциалистического перехода). Таким образом, набор и острота социальных проблем зависит от различия изначальных условий, избираемых национальных стратегий реформирования различных сфер общества, и силы внешних вызовов. Неадекватный ответ на глобализационный вызов приводит к совокупному дестабилизирующему

воздействию кризисных явлений (внешнего и внутреннего порядка). В случае успешных преобразований, направленных на решение, в первую очередь, внутренних проблем стабилизации социальной ситуации в обществе и разрешение внутренних кризисных ситуаций, вызванных трансформацией, источником кризисной динамики выступают цивилизационные изменения и новые вызовы внешней глобальной среды.

В связи с двойной структурой предпосылок формирования кризисных явлений в постсоветских социумах весьма сложной задачей является определение, какие факторы (внешние или внутренние) определяют кризисные тенденции в развитии того или иного социума. Комплексный подход к решению проблемы позволит рассмотреть направления развития и суть процессов, разворачивающихся в настоящее время в постсоветском пространстве в рамках общетеоретической концепции социального кризиса, основывающейся на тесной связи между темпами социокультурной динамики, экономического роста, моделями государственной социальной политики, социальными и политическими тенденциями развития общества. Комплексный подход, таким образом, должен опираться на структурный анализ, нацеленный на выявление составных частей комплексного кризиса и взаимосвязи между ними. Воспринимая проблемные ситуации в различных сферах постсоветского социума как структурные элементы кризисного развития и соотнося фиксируемые социальные проблемы (социальные отклонения) с выделяемыми в исследовательской литературе составными частями глобального социального кризиса, мы закладываем основания для сравнительного анализа специфики социального развития постсоветских обществ и определения путей преодоления кризисных явлений, обусловленных разворачиванием процессов глобализации и постсоветской трансформации и проявляющихся как в социально-экономической сфере (социальные проблемы), так и в форме кризиса идентичности, кризиса легитимации, кризиса предыдущих форм общественной жизни, разрушения традиционной системы ценностей.

Системная трансформация, в которую включились все постсоветские государства, – комплексный процесс, включающий в себя изменения политической и государственной системы, обновления экономических основ этой системы путем интеграции в глобальную экономику, а также смену духовно-культурных ориентиров общественного развития. Сложность развития данного процесса состоит в том, что единой технологии трансформационных перемен не существует и оптимальную политику преобразований каждой стране приходится вырабатывать самостоятельно. При этом исторически закономерное не всегда совпадает с логически ожидаемым, и чаще всего причиной этого несовпадения является социальное противоречие между декларированными целями и средствами

трансформационных преобразований, порождающее ситуацию социального кризиса.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

О.В. Пацукевич, г. Горки, Беларусь

На современном этапе развития социума глобализация действительно привносит принципиально новый элемент в организацию социокультурной деятельности современного человека. Это обстоятельство имеет отношение в первую очередь к процессу формирования идентичности отдельного человека, поскольку анализ именно этого аспекта воздействия глобализации позволяет изучить ее социальные последствия в масштабах всего общества. Однако этот факт не объясняет тех оснований, по которым глобализация рассматривается как главная движущая сила социокультурных трансформаций, весьма зависимых от обстоятельств развития конкретных обществ и придающих им новые масштабы и формы. Так, П. Ф. Кравчук и В. В. Зотов утверждают, что «глобализация – это изначально не порождающий процесс, а результат, порожденный иными процессами, но в силу теоремы Томаса, «если определяют некоторые вещи как реальные, то они становятся реальными в своих последствиях», глобализация превратилась в движущую силу истории, и, соответственно, воздействует на развитие конкретных направлений» [1,с.217].

Важнейшим следствием глобализации культурных процессов является формирование глобальных по своему охвату и масштабу феноменов, структур, социальных метасистем, все в больше степени определяющих характер изменений современного мирового сообщества. Нетрудно обнаружить, что в современных концепциях глобализация выступает не столько в виде конкретного исторического феномена с присущими ему экономическими, социальными, коммуникационными или иными параметрами, сколько как некий обобщающий символ перемен мирового сообщества.

В методологическом плане глобализация всегда есть преодоление границ. Так, создание Интернета стало возможным благодаря тому, что границы для потоков информации либо не устанавливались, либо отменялись. Вступление в ВТО открывает страну для иностранных товаров. В данном случае снятие границ вызывает процесс установления единого информационного или финансового пространства, т. е. некого единообразия. Активное же взаимодействие культур, устранение границ для обмена культурными ценностями не ведут к утверждению единой общей культуры. Поэтому особенности различных культур, а, следовательно, их многообразие сохраняются.

В это связи обращает на себя внимание такое явление как феномен поликультурности, т. е. сосуществование на территории национального государства различных культур. Так, по мнению И. А. Мальковской, в настоящее время в поликультурном пространстве на смену процессам аккультурации приходят процессы транскультурации [2, с. 183-184].

Если ранее феномен аккультурации рассматривался как процесс культурного взаимодействия в границах определенных территорий (бывших или нынешних), на которых соприкасались определенные культурные идентичности, то сегодня речь идет о транскультурации, суть которого во множестве межкультурных взаимодействий, коммуникаций, диалогов в гетерогенном поле культуры. Основное отличие транскультуры от аккультурации прослеживается в факте взаимодействия культур «через», «сквозь», территориально-государственные пространства и границы, сквозь них.

Транскультурные процессы органически присущи глобализационной парадигме, являясь следствием усилившихся процессов культурного взаимодействия в мировом масштабе. Транскультурация вызвана к жизни процессами медиатизации культурных пространств, способностью диаспорных культур, рассредоточенных по всему миру, заявлять о себе посредством Интернет-коммуникации и интегрироваться сквозь границы национально-государственных пространств.

Вестернизация как путь создания единой культуры тоже не совсем перспективен. Когда в послевоенный период началось интенсивное проникновение западной массовой культуры в развивающиеся страны, это было названо «культурным империализмом» и вызвало сильное сопротивление. В то же время это воздействие не сводимо к «экспорту» ценностных систем, сложившихся в западных обществах, в остальной мир. Проблема заключается в том, что выбраться из отсталости развивающиеся страны могут за счет экономического роста с помощью современных технологий, науки и образования, подготовки специалистов. Следовательно, им необходима поддержка развитых стран. Приведенный факт свидетельствует о том, что культура внутренне структурирована и у разных ее структур неоднозначное отношение к процессу глобализации. Это позволяет утверждать, что процесс глобализации не в силах полностью стереть национально-государственной идентичности.

Глобализацию можно интерпретировать или как формирование нового порядка в системе воспроизводства социокультурного процесса, или как хаотизацию данной системы. Следовательно, вся социокультурная динамика может быть рассмотрена как постоянное изменение структуры социума за счет разворачивания процесса интеграции-дифференциации. Интеграция – одна из наиболее выраженных тенденций современного

социокультурного развития. Она может быть определена в разных случаях как сближение, преодоление разобщенности, объединение.

Таким образом, структурные элементы глобализационного процесса развиваются в режиме исторической самоорганизации. Глобализация означает резкое расширение того социального пространства, на котором реализуются разнородные связи людей. Она стимулирует распространение не только новых типов экономической деятельности, технологии, информации, образа жизни, но и все более разнородных культурных моделей, мотиваций и ценностных ориентаций личности. Изучение механизмов влияния глобализации на духовную и интеллектуальную составляющую культуры показывает, что трансформация духовной компоненты культуры происходит не только в сторону ее межкультурного нивелирования, но и с учетом развития локальных своеобразий в современной реальности.

Литература:

1. Кравчук, П.Ф. Творчество личности в глобальном информационном пространстве / П.Ф. Кравчук, В.В. Зотов // Личность. Культура, Общество: междисциплинарный научно-практический журнал социальных и гуманитарных наук. – М., 2006. – Т. VII. – Вып. 4(32).

2. Мальковская, И.А. Знак коммуникации. Дискуссионные матрицы / И.А. Мальковская. – М., 2005.

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ ЧЕЛОВЕКА В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ[7]

Е.В. Покасова, г. Новосибирск, Россия

«Поликультурный мир», «глобальная эра», «мультинациональный капитализм», «мировой порядок» – эти словосочетания претендуют на терминологическое отражение современного мира. Это свидетельствует о том, что сегодня мы находимся на стадии выявления значимых признаков и тенденций изменения, трансформации современного мира в рамках каких-либо познавательных концептов. Несмотря на существующие различия последних, общим для них является повышенное внимание к проблемам культуры и идентификационному принципу развития цивилизаций, обществ, социальных структур, т.е. к их социально-культурному воспроизводству.

Культурная ситуация начала XXI века характеризуется усложнением и многозначностью. Глубокие технологические, социальные, экономические, политические и другие перемены, происходившие на

[7] Выполнено при поддержке РГНФ (проект № 13-23-02001).

протяжении прошлого столетия, привели к большей «открытости» культур, высокой коммуникативности. Подвижность границ и структур современного мира изменила социокультурное пространство как в мировом масштабе, так и в рамках конкретных социумов.

Пространственное сосуществование культурного многообразия привело к преодолению замкнутости традиционных культур и этнических стереотипов. Культуры перестают быть закрытыми ареалами, идет постоянный процесс взаимодействия, включая взаимопроникновение, смешение или дифференциацию различных народов и их культур. Возрастающее многообразие, единство и сложные процессы взаимодействия культур актуализируют вопросы о месте и способах поведения человека в современном изменяющемся мире: как ведет себя человек, как он может или должен вести себя. Эти вопросы имеют и историческое измерение: возможно ли в перспективе сохранить «чистоту» той или иной культуры и обрести человеку внутри нее собственную нишу или человек обречен, «обязан выйти в беспредельный космос культурных миров».

В мире растет число полиэтнических государств. В рамках их внутренней политики одно из центральных мест занимает проблема соотношения и выбора приоритетов между демократическими либеральными традициями или притязаниями групповых идентичностей, между политикой поощрения ассимиляции и интеграционных культурных процессов или ориентацией на создание условий для развития «многокультурья», т.е. реализация принципов мультикультурализма как одного из видов политики идентичности. Практика выбора и реализации той или иной политики в большинстве современных государств имеет теоретическое, информационное, прогностическое обеспечение. Последнее представляет собой соответственно большое разнообразие подходов, воззрений, интерпретаций. Анализ основных тенденций этого разнообразия представляет практический интерес не только для российского общества, но и является актуальным предметом научного междисциплинарного диалога как в отечественных исследованиях, так и в зарубежных.

Кроме того, миграционные процессы выступают сегодня проявлением и составляющей феномена глобализации, фактором возрастания полиэтничности многих обществ. Они все чаще характеризуются в настоящее время как «мировая миграционная революция».

Спецификой этих процессов в современных условиях глобализации является то, что интеграция культур увеличивается «на базе не различия культур, а их сходства». Это влечет за собой нивелирование культур и приводит к их смысловому обеднению, что, в свою очередь, приводит к

возникновению «царства мертвой тождественности». Кроме того, массовая культура, транслируемая через СМИ и другие институты, способствует разрушению самобытной культурной компоненты индивида, группы, общества, даже если они не меняют реальную среду обитания.

Учитывая данные тенденции, С. Бенхабиб предлагает в иерархии ценностей современных государств, которые неминуемо становятся участниками обозначенных процессов, на первое место поставить права человека, дав ему возможность самостоятельно выбирать, поддерживать ли те или иные традиции или разрушать их.

В современной поликультурной ситуации изменяющаяся субъективная идентификация индивидов находится в непосредственной зависимости от факторной обусловленности, когда изначальные факторы не являются жесткими и предопределенными, а идентичность личностного уровня – инвариантна. Это позволяет рассматривать возможность «положительного существования» личности в разных измерениях, среди многообразия вариантов. Большое значение среди прочих проблем занимает решение вопросов выбора жизненных стратегий, ценностных установок, формирования нового мировоззрения, становления новой идентичности, где возможность определяется как «модальная характеристика бытия, выражающая тенденцию становления».

В качестве социальных критериев «положительного существования индивида» могут выступать экономические, социально-правовые, образовательные, культурные и другие параметры, в рамках которых можно рассмотреть дихотомию «включенность» – «исключенность», а также «было» – «есть».

ПРАЗДНИК В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

О. В. Поправко, г. Мелитополь, Украина

В современном социокультурном пространстве возникает новое соотношение между праздником и буднями, что, прежде всего, характеризуется стиранием границ между ними, взаимопроникновением праздничного в обыденное и наоборот.

Праздники существуют у всех народов на всех этапах исторического развития. Более того, праздник – это специфическая характеристика человеческого способа бытия в мире, а его «неискорененность» в культуре обусловлена экзистенциально. Можно вполне согласиться с С. А. Гуриным, что праздник является одним из фундаментальных состояний человеческого бытия вместе с такими, как любовь, подвиг, сон, болезнь, смерть. Прежде всего – это экзистенциальная неудовлетворенность человека не только настоящим положением дел, но и всем своим бытием, жизнью вообще, несовершенством мира. Это острое

чувство онтологической неполноты, фундаментальной недостаточности, что особо остро ощущает современный человек, который находится в условиях постоянного стресса и быстрого ритма жизни и нуждается в эмоциональной разрядке, взрыве эмоций, можно реализовать на празднике.

Возникновение праздника обусловлено рядом специфически человеческих потребностей. Прежде всего, это экзистенциально-психологические потребности, которые не могут быть удовлетворены в повседневной жизни – это и отдых от будничной работы, и восстановление физических и психологических сил (рекреативное значения), и снятия эмоционально-психологического и экзистенциально-психологического напряжения (разгрузочное значение), и восполнения дефицита эмоционально-эстетических переживаний и впечатлений (развлекательное значение).

Праздник компенсирует не только ограничения и запреты установленные буднями на удовлетворение и удовольствие. Будучи особой моделью мира, он находится в другом пространстве и другом времени. Пребывание внутри такой модели, как и сам факт ее существования, позволяет снять и решить (хотя бы иллюзорно) противоречия реальной действительности. Праздник – это идеальный мир, ставший на время реальностью. Находясь на стыке искусства и жизни, демонстрируя взаимодействие между двумя уровнями бытия – реально-эмпирическим и идеально-утопическим, он, в противовес однообразной повседневной жизни, был необходим психологически. В этом качестве праздник выступает как дополнение к реальному, обыденному миру, с помощью которого достигается и поддерживается социально-психологический баланс.

В современной, так называемой культуре постмодерна, которая пришла на смену традиционной культуре, статус и значение праздника изменилось.

Культура Постмодерна отмечается кардинальными трансформациями во всех сферах человеческой жизни и, в частности, в его онтологических основаниях, когда культурное бытие становится децентричным. Если применить это объяснение к функционированию праздника в современной культуре, то можно сделать вывод, что он поддерживает свой культурный статус и значение уже не столько с помощью своих внутренних традиционных знаково-символических ресурсов, сколько с помощью внешних для него символических средств. Таким образом, праздник становится своеобразной «символизацией символизации», или по терминологии Ж. Бодрийяра «симулякром».

В празднике как симулякре традиционное содержание не только опустошено, но и коммерциализировано. Он все чаще становится элементом индустрии наследия или индустрии развлечений и все больше

превращается в зрелище, где участники делятся на профессиональных организаторов и публику, зрителей.

Главным производителем реальности в культуре Постмодерна, по мнению Ж. Бодрийяра, становится телевидение. Телевизионные образы завладели реальностью, они создают мир, в котором живет человек постиндустриальной эпохи. Праздник также становится элементом такой экранной культуры. Современный человек все чаще погружается в атмосферу праздника не благодаря непосредственному участию в нем, а через экран, просматривая телевизионные версии праздничных действ.

Еще одна угроза культурному бытию человека связана с консюмеризацией культуры Постмодерна, доминированием в ее рамках процесса потребления над производством. Потребление начинает осуществлять моделирующее влияние на праздничную культуру. Если традиционный праздник «встраивается» в производственный жизненный цикл, то центром современного праздника является процесс потребления [3]. Потребление становится для праздника новым знаково-символическим средством «разрыва» повседневности и символического выхода за ее пределы.

У современного человека почти не осталось настоящего досуга, наполненного размышлениями, общением, самосовершенствованием. В традиционных культурах важное значение придавали духовной «праздничности», в которой человек имел возможность самосовершенствоваться духовно. Досуг же современного общества подчиняется развлекательным шоу-программам. С помощью широко развитой и разнообразной индустрии развлечений человек бежит от жизни с ее реальными проблемами, от себя самого, от других и погружается в праздничную атмосферу.

Итак, с момента своего возникновения праздник был событием священным и наполненным сакральными смыслами. В культуре Постмодерна, которая живет после «конца традиции», все большего значения приобретает тенденция десакрализации праздника, превращение его из события священного в событие обыденное, все больше он растворяется в повседневной жизни общества. Потребительский характер масс, реклама, коммерческие подходы к организации досуга стимулируют развитие современной культуры, и именно они моделируют «иллюзорный праздник» общества потребления. Праздник теряет свою внутреннюю и внешнюю хронотопологическую определенность и растворяется в повседневной жизни человека, превращаясь в праздничность, как бы отделяется от праздника и начинает жить самостоятельно.

В культуре Постмодерна именно праздничность становится главным символическим средством преодоления рутины повседневности. Праздничные интонации радости и смеха проникают в повседневную

жизнь, пронизывают ее в виде массовых зрелищ и развлекательных шоу, рекламного дискурса и бесконечного его воспроизведения в торгово-развлекательной отрасли.

Но постоянная стимуляция, интенсификация и эксплуатация праздничных эмоций обесценивает их бытийное значение. Перенасыщенность праздничными эмоциями приводит к тому, что человек теряет способность к переживанию праздничной жизни. А. Бергсон отмечает, «где есть смех, там нет сильных эмоций» [1].

Человек постепенно теряет способность к празднованию, он уже и в традиционных праздниках не способен распознать, эмоционально пережить их сакральные смыслы. Ведь праздник может состояться в любой момент, а это значит, что и праздничность уже не является разрывом времени, а вписывается в повседневную жизнь. Конститутивная для праздника оппозиционность будням для постмодерного общества превращается в оппозицию «праздник, как будни – будни, как праздник» [2]. Праздник перестает быть для человека экстраординарным событием, он массово тиражируется за счет организации различных праздничных мероприятий и всепроникающей атмосферы праздничности, тем самым обесцениваясь.

Однако, экзистенционально-психологическая потребность в празднике именно как символической (а не симулятивной) форме культуры остается. Более того, актуализация и реализация его конструктивного потенциала как символической формы культуры может быть действенным средством предотвращения как антропологической катастрофы, так и катастрофы культуры.

Литература:

1.Бергсон, А. Смех / А. Бергсон. – М. : Искусство, 1992.

2.Ванченко, Т. П. Культуролого-антропологические основания праздника: семантико-семиотические аспекты: дисс. … доктора философ. наук : 24.00.01 / Ванченко Татьяна Петровна. – Тамбов, 2009.

3.Гурин, С. П. Праздник и опьянение как антропологические феномен [Электронный ресурс] / С. П. Гурин // Топос. Литературно-философский журнал. – Режим доступа: http://www.topos.ru/article/6666

ПРОБЛЕМА ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Е.В. Радевич, г. Минск, Беларусь

В информационно-коммуникативном поле современной культуры происходят различные изменения, которые влекут за собой появление новых антропо- социокультурных систем. Под влиянием глобализации в обществе формируется отличная, от ранее существовавших, культурная

парадигма. Одной из таких форм нового типа культуры является компьютерная виртуальная реальность.

«Интернет как социокультурный феномен сложен и противоречив. С одной стороны, он открывает невиданные до сих пор возможности коммуникации, получения и хранения информации. С другой, многим дает возможность находить готовые ответы на сложные вопросы, что приводит к уменьшению роли рефлексивного в культуре. Парадоксальность ситуации проявляется и в том, что в современной обществе одновременно сосуществуют два противоречивых явления: процессы глобализации способствуют формированию глобально мыслящего субъекта, но в то же время усиливается фрагментарность личности» [1].

Вот почему новые глобальные информационные технологии не просто открывают невиданные ранее возможности для развития человека, но одновременно ставят перед человеком и культурой сложнейшие проблемы общефилософского характера.

Одной из таких проблем является проблема информационной безопасности, которая очень остро встала перед человечеством в процессе глобальной информатизации. «В современных условиях глобальной информатизации и повсеместного распространения информационных технологий заметно возрастает значение обеспечения информационной безопасности. Остро заявляет о себе проблема эффективного использования информационных ресурсов. При этом необходимо подчеркнуть, что в условиях глобализации информационного пространства и обостряющего информационного противоборства проблема обеспечения информационной безопасности наряду с технико-технологической ее составляющей все более приобретает социально-политический характер». [2] Информация уже носит ярко выраженный антропологический характер – например, информация о личной жизни. В связи с этим неминуемо встает вопрос о том, что эту информацию необходимо защищать, и современные информационные технологии здесь имеют решающее значение. Наличие современно ПО, способного «взломать» систему защиты практически любого компьютера, грозит не только тем, что персональная информация может стать достоянием общественности, будучи размещенной в глобальной сети, но и стратегически важная государственная, военная и даже научная информация может быть рассекречена. Возможность получать доступ к такого рода данным может иметь серьезные, а иногда и фатальные последствия. В данном случае речь идет о деятельности террористических организаций или финансовых махинациях, сообщения о которых все чаще появляются в СМИ. Отсюда напрашивается вывод о том, что необходимо уделить особое внимание развитию высоких технологий именно в этом направлении.

Однако у этой проблемы есть две стороны. На ряду с необходимостью усилить контроль над информацией, которая циркулирует в глобальной сети, на сколько это возможно, встает вопрос о праве на частную жизнь: ведение личной переписки. Где должны заканчиваться границы личной свободы и начинаться сфера легального контроля? Это еще один вопрос общефилософского характера, который встает перед современным человечеством. Следует ли государству ввести ограничения по шифрованию передаваемых данных, что позволит хоть в какой-то мере контролировать потоки информации, либо снять все ограничения, тем самым предоставив больше свободы для развития экономики, товарооборота, но существенно ослабить контроль над обмениваемой информацией? Парадокс этой ситуации состоит в том, что наличие ограничений, казалось бы, будет ущемлять права людей, контролировать их деятельность в киберпространстве, но с другой стороны, это как раз позволит обезопасить их жизнь, т.к. когда будут сняты ограничения на шифрование, государство не сможет контролировать обмен данными, в том числе военного и экономического характера, что несет в себе потенциальную угрозу для граждан, их личной жизни.

Одним из неотъемлемых составляющих данной информационной войны, является информационное оружие, к числу которых можно отнести различного рода фальсифицированную информацию, напечатанную в прессе, и, так называемый, «черный PR», и активную пропаганду и агитацию против конкурентов.

В современном мире состояние информационной среды в обществе оказывает большое влияние на существующие настроения, общественный микроклимат, традиции, нормы и стереотипы поведения, ценности, нравственные критерии и психику людей в целом. Это стало особенно заметно сейчас, когда на фоне глобальной информатизации усилились все информационно-коммуникационные процессы в обществе.

Таким образом, развитие современных информационно-коммуникационных технологий не только стимулирует информационный обмен, укоряет все информационные процессы, но и обнажает такие острые вопросы, как проблема информационных войн и информационной безопасности. Выстраивая стратегии своего развития, современные государства с необходимостью должны учитывать данные особенности глобального социокультурного пространства, тем самым максимально обезопасив своих граждан.

Литература:

1. Захарова, О.А. Информационно-коммуникативная компетентность государственных служащих в условиях современных

социокультурных изменений / О.А. Захарова // Авторефераты и темы диссертаций [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://discollection.ru/article/23052007_zaharova_oksana_aleksandrovna_76115/3. – Дата доступа : 21.12.2013.

2. Манойло, А.В. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны / А.В. Манойло, А.И. Петренко, Д.Б. Фролов – М. : Горячая линия - Телеком, 2003. – 541 с.

КУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА И СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ: ЛОКАЛЬНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Н.С. Решетникова, г. Астрахань, Россия

Глобальное пространство представляет собой симбиоз частных пространств, отражающих различные сферы человеческой деятельности и функционирующих по своим законам. Геополитические, геокультурные и геоэкономические связи охватывают всю планету, усиливая отношения взаимозависимости и формируя основные глобализационные процессы, которые затрагивают как «формирование мировой цивилизации в целом, так и самоосуществление локальных цивилизаций»[1, с. 92].

Геополитические интеграционные процессы предполагают оформление единого мирового политического и правового пространства с целью совместного решения глобальных политических, экономических, социальных, экологических проблем человечества. *Под экономическими интеграционными процессами* принято понимать интернационализацию экономической жизни, детерминированную становлением постиндустриальной хозяйственной системы. *Социокультурные глобализационные процессы* заключаются в универсализации культурного пространства, международном обороте культурных ценностей, формировании глобализованных «однородных» СМИ, искусства, поп-культуры, использовании английского языка в качестве всеобщего средства общения, а также в формировании единого международного образовательного пространства, модифицирующих национальные образовательные традиции.

Можно выделить три основные научные тенденции в изучении процессов интеграции локальных культур в мировое пространство – критическую, позитивистскую и синкретичную. Согласно первой, вовлечение локализмов в мировые глобализационные процессы противоречит сохранению культурной идентичности и разрушает национальное своеобразие. Исследователи (А.П. Паршев, А.С. Панарин и др.) заявляют о гибельности интеграции локальных культур в мировое пространство, т.к. глобализационные процессы ведут к распространению политической активности за пределами современного национального государства, что способно подрывать национальный суверенитет. Но

основное проявление негативных воздействий состоит в социальной и культурной сферах: процесс глобализации способствует подавлению национальных культур, потере качества и фундаментальности национального образования, а также навязыванию массового мировоззрения и ценностей. Т.о., глобальная культура не только формирует идеологическую базу однополярного мира, но и нивелирует локальные культурные системы, превращая их в подсистемы.

Позитивистская тенденция (А.И. Смирнов, А.П. Огурцов и др.) заключается в *доминировании позитивного взгляда* на глобализационные процессы. Глобализация рассматривается как закономерная тенденция к интеграции современного мира. Сопротивление и оппозиция в отношении процесса глобализации могут привести к стагнации во внутриполитической сфере и к изоляции, консерватизму, закрытости во внешней сфере. В качестве перспектив выделяются сохранение человечества и культурного наследия, гуманизация мирового сообщества, противодействие глобальным проблемам современности, равноправие и включенность в мировую политическую арену, общедоступность информационных, инновационных и технологических ресурсов.

Тенденция научного синкретизма (Е.В. Ершова, М.А. Можейко и др.) в своей основе имеет *идею синтеза*, согласно которой гармоничные интеграционные процессы возможны только при сочетании сильных позиций обеих сторон – глобальной и локальной – на основе культурного взаимодействия и при сохранении национального своеобразия. Основополагающая роль в интеграционных процессах отводится культурным факторам, а позитивные тенденции в глобализационных процессах усматриваются при условии движении по пути грамотного взаимодействия глобального и локального: утверждения ценности культурной гетерогенности, соединения культурного многообразия в рамках единой глобальной культуры.

Анализ рассмотренных концепций выявляет закономерность и неизбежность *вовлечения* локальных культур в мировое пространство, что, возможно, представляет собой их новый динамический этап развития как культурно-цивилизационного типа. Но большинство исследователей усматривают противоречивость мировых интеграционных процессов и не исключают риска подавления национальных культур вследствие глобализации. Анализ философских подходов позволяет предположить, что интеграционные процессы потенциально способны привести к изменению не только социокультурной, но и ментально-аксиологической парадигмы локальных культур.

На наш взгляд, политические и экономические тенденции, заключающиеся в смещение «центра тяжести» из внутреннего пространства во внешнее, имеют серьезные последствия в

социокультурной сфере. Они ставят под сомнение предшествующий культурный опыт цивилизации, порождают *риск утраты уникальности самобытных культур,* традиционных ценностей культуры, способствуют *тотальному преобразованию ценностного типа* (А.С. Панарин). Иными словами, процессы глобализации противоречат сохранению культурной идентичности, т.к. неизбежным результатом интеграции становится стандартизация образа жизни людей независимо от их этнокультурной принадлежности. Это напрямую ведет к нивелированию проблемы уникальности культурно-смыслового пространства цивилизации и экзистенциального мира человека, отмиранию ценности различий. Безусловно, существование этносов невозможно только в рамках культурной универсальности, а утрата культурного стержня ведет к культурной гибели этноса.

Но глобализационные процессы сталкиваются с определенной степенью «сопротивления материала», приводящего к конфликту универсального и локального. Как ответ на вызовы глобализма в локальных культурах срабатывают защитные механизмы, приводящие к кризису идентичностей: это усложнение этно-национальной идентификации и маргинализация как растворение этнокультурной идентичности. В первом случае происходит усиление этноцентризма и религиозного традиционализма, замыкающих культуры в их тождествах. Культура осуществляет воспроизводство и производство культурных различий, обладающих культурформирующими функциями, протестуя против универсального. К сожалению, подобный рост различий сопровождается рядом негативных явлений: возрождением расизма, ксенофобии, экстремизма, внутри- и межконфессиональными противоречиями. В случае растворения этнокультурной идентичности наблюдается кризис, связанный с подрывом сущностно важных черт, что приводит к деструкции, декультурации и маргинальности, при которых происходит утрата «связи со своей культурой, его способностью вписаться в любой контекст» [2, с. 51–52], нивелирование системы ценностей, норм поведения, образа жизни. Кроме обозначенных кризисных вариантов идентичности в едином культурном пространстве начинают сосуществовать элементы семантически и аксиологически несовместимых мыслительных структур – своей и чужой, нарушается стабильность культурной системы, что представлять серьезную угрозу существования ценностного типа локальной цивилизации.

Как можно заметить, современная национально-государственная система организации культурно-цивилизационных общностей испытывает серьезный вызов со стороны процессов транснационализации и глобализации, заставляющих искать новые формы сосуществования культур, которые бы соответствовали новым мировым условиям и задачам.

Тем не менее, унификация мирового культурного пространства, связанная с потерей уникальности самобытных культур, не выступает единственно возможной перспективой глобализации, так как глобализационное видение мира как гомогенной целостности наталкивается на существование различных культур, придающих миру гетерогенный характер.

Литература:

1. Кондаков, И.В. Глобальное и локальное в перспективе самосохранения человечества / И.В. Кондаков // Культурология и глобальные вызовы современности: к разработке гуманистической идеологии самосохранения человечества: сб. науч. ст. / под ред. А.В. Бондарева, Л.М. Мосоловой. – СПб., 2010.

2. Попов, М.Е. Диалог и конфликты культурных идентичностей в посттрадиционном мире / М.Е. Попов // Фундаментальные проблемы культурологи. – Т. VII: Культурное многообразие: теории и стратегии / отв. ред. Д.Л. Спивак. – М.- СПб., 2009..

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И ИНТЕРНЕТ

А.В. Рубанов, г. Минск, Беларусь

Сетевые связи – это определенным образом структурированная совокупность социальных (т.е. реализуемых на основе норм и правил, установленных в данном обществе или другой общности людей) отношений и взаимодействий каждого человека с другими людьми. Эти связи (отношения) реализуются посредством общения и взаимодействия людей друг с другом и могут быть неформальными (родственные, дружеские, соседские связи) и формальными (например, профессиональные, служебные связи). По своему строению и структуре совокупность этих связей, в силу их расположения по различным направлениям и на разных расстояниях, разной степени наполненности, перекрещивающегося, переплетающегося характера, напоминает сеть. По этой причине совокупность выстроенных подобным образом взаимоотношений и взаимодействий людей между собой принято называть сетевыми связями или социальными сетями.

Сетевой характер взаимоотношения и взаимодействия людей имеет длительную историю. Но с появлением сети Интернет была создана глобальная информационно-коммуникативная сеть, практически снявшая пространственные, организационно-иерархические и другие ограничения на доступ к информации и разнообразному по формам, в том числе одновременному, взаимодействию больших групп людей. В итоге Интернет, современные информационно-коммуникативные технологии сыграли ключевую роль в возрастании роли сетей в жизни общества, поскольку теперь сети начали обеспечивать высокоскоростную и всеохватывающую информационную, образовательную, научную,

финансовую, политическую, культурную и другие формы межличностной и межкорпоративной коммуникации.

Доминирующая роль сетевых взаимодействий дала резкий толчок развитию межличностных взаимоотношений, принципиально расширила их пространственно-территориальные, социальные и, даже, временные границы, существенно демократизировала эти взаимоотношения, сделала их более мобильными, ускорила объединение коллективных ресурсов и, в конечном счете, привела к формированию на их основе новых, так называемых, виртуальных социальных сообществ.

Социальные аспекты новой реальности на уровне теоретического обобщения наиболее адекватно отражены концепцией «сетевого общества», автором которой является испанский философ М.Кастельс. Сеть, по определению Кастельса, – это множество взаимосвязанных узлов, каждый из которых имеет свое конкретное содержание. Говоря о сети глобальных финансовых потоков к таким узлам он, например, относил рынки ценных бумаг и обслуживающие их вспомогательные центры. Сети децентрализуют принятие решения и исполнение. У них нет центра. Они действуют на основе бинарной логики: включение/исключение.

Адекватное понимание новой сетевой реальности требует одновременно серьезных теоретико-методологических обобщений и конкретно-прикладных исследований.

Социальная сеть в Интернет, - это, по определению, интерактивный многопользовательский веб-сайт, контент которого наполняется самими участниками сети. Сайт представляет собой виртуальную социальную среду, позволяющую свободно общаться группе пользователей. Центральной фигурой социальной сети является ее пользователь, так называемый аккаунт (первичный сетеплет), который обрастает связями с другими аккаунтами. Сетевой узел, возникающий на основе этих связей, становится основой для притяжения других пользователей, что способствует его разрастанию. Совокупность взаимосвязанных между собой сетевых узлов образует собственно социальную сеть. Самыми распространенными организационными формами виртуальной социальной сети являются следующие: блоги, гостевые книги, тематические форумы, сетевые и онлайновые (преимущественно командные) игры.

В условиях интенсивного развития информационного общества особую актуальность приобретает изучение групповых социальных сетей, образовавшихся на основе новых возможностей, которые появились на основе Интернет и новых информационно-коммуникативных технологий: их возникновения, динамики развития, структуры и последствий их деятельности для самих участников этих сетей и общества в целом. Исследования, в том числе проведенные в Беларуси, показывают, что особую популярность у тех, кто использует виртуальные формы

коммуникации (до 90% пользователей), из всех ее форм имеют именно социальные сети.

Сложно назвать общее количество сложившихся в Интернете социальных сетей, но с большой доле вероятности можно выделить наиболее массовые из них (данные взяты с сайтов социальных сетей): Facebook – более 1 млрд. зарегистрированных пользователей; Tencent QQ - около 800 млн. зарегистрированных пользователей; Google+ и Twitter - в обоих случаях более 500 млн.; на русскоязычном пространстве - Одноклассники и ВКонтакте - в обоих случаях более 200 млн. зарегистрированных пользователей.

Сложилась определенная классификация социальных сетей. К основным видам социальных сетей, в соответствии с базовыми интересами их участников, можно отнести, во-первых, универсальные социальные сети, во-вторых, специализированные социальные сети: профессиональные сети, бизнес-сети, образовательные и научные социальные сети, новостные сети, сети в сфере культуры, искусства и спорта, сети по интересам, сети для отдыха и развлечений и др.

Отличительной особенностью универсальных социальных сетей, которые в настоящее время численно доминируют, является то, что общение в них не ограничено какой-то одной, достаточно определенной тематикой. Основное их предназначение – это сохранение и интенсификация контактов, расширение круга их участников. Одновременно высказываются предположения, что в перспективе станут доминировать специализированные социальные сети, прежде всего в силу того, что они объединяют людей, близких по своим интересам, взглядам на жизнь, стилю мышления, наконец, уровню образовательного и профессионального развития. Скорее всего, по отдельности специализированные социальные сети не будут достигать масштаба универсальных социальных сетей, но в совокупности они станут превосходить их как по численности общающихся в сети, так и по интенсивности общения.

Одним из важнейших последствий развития социальных сетей в Интернет является использование их для формирования гражданского общества и реализации политических целей разного характера. В ситуации с гражданским обществом достоинство социальных сетей состоит в том, что они сформированы преимущественно из горизонтальных связей. Тем самым, создаются благоприятные условия, во-первых, для активного демократичного общения членов сети между собой; во-вторых, для прямого публичного выражения обобщенного мнения сетевого сообщества в целом и его отдельных представителей; в-третьих, для разноплановой (идеологической, организационной, морально-психологической и др.) мобилизации участников разного рода социальных движений и акций.

Использование социальных сетей для организации массовых акций протеста принято называть «Революцией через социальную сеть» или «Сетевой революцией».

Особо стоит отметить позитивное влияние новых информационно-коммуникативных технологий и сетевых сообществ на формирование социального капитала человека, т.е. ресурсов, которые находятся в его распоряжении в связи с участием в устойчивой сети отношений взаимного знакомства и признания, членством в группах, обладанием определенной системой знаний, умений и навыков практической деятельности. Это влияние состоит прежде всего в установлении широких взаимосвязей в рамках профессиональных сообществ; развитии межличностного и межгруппового доверия и взаимовыгодного сотрудничества; существенном расширении доступности новейшей образовательной, научной и деловой информации.

При общей характеристике новых форм социальных сетевых отношений следует отметить, что у них есть ряд принципиальных отличий. Во-первых, сетевые отношения вышли за рамки прямого физического контакта. Во-вторых, при их образовании потеряли значение пространственные, социальные, отчасти временные и другие ограничения. В-третьих, многократно возросли размеры социальных групп, вовлеченных в совместное общение и взаимодействие. В-четвертых, индивид приобрел практически неограниченную свободу в установлении своих виртуальных социальных контактов. В-пятых, развитие сетей создало принципиально новые возможности для разноплановой (идеологической, организационной, морально-психологической и др.) мобилизации участников разного рода социальных движений и акций. В-шестых, во многих случаях межличностные отношения в сетях приобрели анонимный характер, что грозит риском деиндивидуализации личности, имеют место и другие негативные последствия их распространения.

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ

В.А. Рубанов, г. Минск, Беларусь

Современные информационно-коммуникативные технологии позволяют существенно повысить эффективность системы социальной защиты населения. Работы по использования информационно-коммуникативных технологий в этой сфере в разных странах ведутся по следующим основным направлениям:

- создание и постоянная актуализация информационных баз данных групп населения, нуждающихся в социальной поддержке государства (пожилые, инвалиды, многодетные семьи и т.п.). Внедрение в этой связи «Электронных социальных регистров населения региона»;

- оперативное информирование граждан о различных видах социальной помощи и услуг, формах и способах их получения, изменениях в социальном законодательстве и т.п.;

- развитие информационных систем в сферах пенсионного обеспечения и страхования населения;

- автоматизация функций по назначению, выплате и перерасчету пенсий и разного рода социальных пособий;

- оптимизация процесса оказания адресной социальной помощи, создание с этой целью информационных баз данных граждан и членов их семей, непосредственно обращающихся за помощью в органы социальной защиты населения, а также объемов работ, связанных с оказанием им различных видов услуг, предоставлением льгот и т.п.;

- взаимодействие с населением в онлайн-режиме (вопрос –ответ), использование электронных социологических опросов;- эффективное вовлечение в процесс социальной поддержки населения предприятий, частных структур и общественных организаций, координация их усилий с деятельностью государственных органов социальной защиты населения;

- использование в системе социальной защиты населения «Социальной карты» жителя региона;

- мониторинг эффективности региональной системы социальной защиты населения.

Взаимодействие органов власти с населением не ограничивается предоставлением широкого оперативного доступа к актуальной информации, включая нормативно-правовые документы, возможностью в самый короткий период времени получить требуемую информацию по персональным запросам, решить жизненно важный вопрос и т.п. Регулярной практикой в работе социальных служб стал интерактивный режим прямого диалога: вопрос-ответ.

Так, Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь и БЕЛТА осуществляют реализацию совместного интерактивного проекта «Online-марафон: Труд и социальная защита» (www.mintrud.gov.by). Участниками online-конференций являются руководители и ведущие специалисты министерства. Вот примеры нескольких тем таких конференций: «О пенсионном обеспечении с учетом норм международных договоров», «Назначение государственных пособий семьям, воспитывающим детей», «Государственная социальная поддержка населения», «Всё о пенсиях», «Все о системе государственных пособий семьям, воспитывающим детей», «Государственная социальная поддержка семей».

Электронное взаимодействие государственных структур с населением конкретизируется на местном уровне. И здесь электронные услуги не ограничиваются предоставлением бесплатной информации. Так,

Комитет по труду, занятости и социальной защите Мингорисполкома предлагает гражданам, юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям по электронной почте (komitet_soc@minsk.gov.by) направлять обращения, для рассмотрения которых не требуется личное присутствие заявителей, представление ими дополнительных документов или проведение специальной проверки. Он регулярно изучает мнение населения о качестве своей работы. Для этого используется электронная анкета.

В целях повышения адресности и качества функционирования механизма социальной защиты весьма широкое распространение получает использование так называемой социальной карты. По определению, социальная карта - это пластиковая карта, которая подтверждает право данного человека на получение определенных видов социальной помощи.

Основные функции социальной карты, как правило, являются следующими:

подтверждение прав держателя социальной карты на получение определенных видов социальной помощи;

получение социального дисконта в любой организации, осуществляющей обслуживание граждан с применением социальной карты;

обслуживание в лечебно-профилактических учреждениях, входящих в систему обязательного медицинского страхования, а также в аптечных пунктах при отпуске лекарств;

обеспечение учета проезда в общественном транспорте;

- начисление на привязанный к социальной карте банковский счет денежных выплат, пенсий, дотаций.

Примером такого рода карты может служить социальная карта москвича (СКМ), которая выдается льготным категориям населения Москвы для получения ими социальных льгот. Существует несколько видов таких карт:

- социальная карта для лиц, состоящих на учёте в органах социальной защиты населения;

- социальная карта для студентов дневной формы, обучающихся в государственных и аккредитованных негосударственных высших учебных заведениях;

- социальная карта для учащихся учреждений начального профессионального образования, средних и средних специальных учебных заведений;

- социальная карта, выдаваемая беременным женщинам, а также лицам, обратившимся за получением единовременных выплат в связи с рождением ребёнка;

- социальная карта для лиц, получающих жилищные субсидии.

Право на получение СКМ имеют следующие категории льготников, которые зарегистрированы постоянно в г. Москве: пенсионеры, инвалиды 1, 2 и 3 групп (1, 2 и 3 степеней), ветераны Великой Отечественной войны, труженики тыла, дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей (по случаю потери кормильца), которые обучаются до 18 лет в школе или колледже, ветераны труда, один из супругов в многодетной семье, беременные женщины (без права на бесплатный проезд в общественном транспорте г. Москвы). Социальная карта москвича обеспечивает следующие основные функции: бесплатный проезд в метро, на наземном транспорте г. Москвы, на наземном транспорте Московской области и в пригородном железнодорожном сообщении, скидки в некоторых аптеках, магазинах и химчистках, оплата звонков по таксофону, получение пенсии, оформление кредита лицами от 18 до 70 летнего возраста.

В Беларуси в рамках Национальной программы ускоренного развития услуг в сфере информационно-коммуникативных технологий на 2011-2015 гг. сформирована подпрограмма «Электронная занятость и социальная защита населения». Ее задачи следующие:

- удовлетворение растущих информационных потребностей граждан и субъектов хозяйствования по вопросам занятости, социальной защиты, персонифицированного учета и профессионального пенсионного страхования;
- совершенствование системы информационно-аналитического обеспечения деятельности специалистов и руководителей, принимаемых ими управленческих решений по вопросам занятости и социальной защиты;
- совершенствование механизмов работы по начислению и предоставлению различных социальных выплат, пособий и льгот;
- снижение административных издержек, связанных с предоставлением электронных услуг.

В рамках подпрограммы «Электронная занятость и социальная защита населения» предполагается, во-первых, создание единой информационной среды и их последующая интеграция в единую систему электронных услуг государственного социального страхования, занятости и социальной защиты населения; во-вторых, ускорение создания инфраструктуры для предоставления органами и организациями системы Министерства труда и социальной защиты электронных услуг с использованием веб-технологий; в-третьих, обеспечение информационного взаимодействия органов и организаций системы социальной защиты, плательщиков страховых взносов, индивидуальных предпринимателей, пенсионеров и других незащищенных слоев населения на базе передовых информационных технологий.

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ТУРИСТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ

Т.А. Рубанова, г. Минск, Беларусь

Услуги, предлагаемые туристической отраслью, имеют свою специфику. Их приобретают и, что еще более важно, оплачивают заранее и чаще всего на значительном расстоянии от места потребления. В этой связи в момент продажи туристических услуг особое значение имеет степень их информационной представленности потенциальным покупателям и развитость используемых средств коммуникации и передачи информации.

Данное свойство туристических услуг сделало особо актуальным внедрение в эту отрасль современных информационно-коммуникативных технологий. Их использование в туристической отрасли в настоящее время является широким и разноплановым. В первую очередь необходимо выделить следующие направления:

- создание и использование WEB-сайтов стран, регионов, городов, исторических мест и культурных центров для максимально оперативного и полного, не ограниченного пространственными границами ознакомления потенциальных клиентов с предлагаемым туристическим продуктом;
- создание и использование WEB-сайтов фирм туроператоров для широкой рекламы предлагаемых ими туристических услуг;
- создание и использование электронных систем заказа и бронирования туристических услуг, включая места отдыха, экскурсии, проезд, проживание, питание и т.п.;
- электронную рекламу и продажу товаров туристического спроса, включая торговый и сувенирный сервис, специальное туристическое снаряжение, например, для горнолыжного или водного туризма (так называемая электронная коммерция в туризме);
- использование возможностей сети Интернет для проведения маркетинговых исследований на туристическом рынке;
- онлайн-страхование;
- создание и использование автоматизированных систем управления туристическими фирмами, предприятиями транспортной сферы, гостиничного, ресторанного, торгового и других видов бизнеса, которые сопутствуют туризму.

Анализ структуры глобальной туристической Интернет-сети позволяет выделить три основных ее элемента:

во-первых, – это сайты стран, регионов, городов, исторических мест, культурных центров и т.п.;

во-вторых, – это туристические порталы;

в-третьих, – это сайты отдельных туристических фирм (туроператоров).

Рассмотрим составные элементы данной сети на примере туристической сферы Беларуси.

Первый ее элемент представляет, прежде всего, сайт Национального агентства по туризму (http://www.belarustourism.by). На данном сайте туристический потенциал Беларуси, на наш взгляд, представлен наиболее полно и в форме, рассчитанной на широкого потребителя. Сайт насыщен самой разнообразной информацией. Структурно он выстроен следующим образом.

Основные разделы:

- «Беларусь», включающий подразделы История, Природа, Религии, Архитектура, Знаменитые люди, Фотогалерея, Беларусь в цифрах и фактах, Традиции Беларуси, Культура Беларуси;
- «События» – календарь важнейших событий культурной и спортивной жизни;
- «Туризм и отдых», включающий подразделы Беларусь туристическая, Достопримечательности, Виды туризма, Питание, Туры, Полезная информация, Размещение, 3D туры и панорамы;
- «Регионы» – со ссылками на все региональные сайты Беларуси;
- «Агентство» – с информацией о деятельности самого Национального агентства по туризму, включая Государственный кадастр туристических ресурсов Республики Беларусь;
- «Турбизнес» с информацией о возможностях получения профильного образования и предлагающий сотрудничество в рамках Единой туристско-информационной сети;
- «Конкурс», содержащий всю информацию о конкурсе «Познай Беларусь»;
- «Карта», содержащий географические карты всех регионов Беларуси;
- «3D туры и панорамы», дающий возможность совершить ряд виртуальных экскурсий по туристическим достопримечательностям Беларуси;
- «Информация для туриста»;
- «Новости туризма».

На сайте установлен ряд поисковых систем. Первая поисковая система предлагает электронный поиск туров самого широкого спектра в различных регионах и с конкретными формами отдыха. Вторая поисковая система предлагает электронный поиск отелей. На сайте Национального агентства имеются прямые отсылки на сайты о Беларуси, сайты, содержащие карты Беларуси, туристические порталы, издания о туризме, сайты посольств Беларуси и посольств иностранных государств в Беларуси. Информация на сайте Национального агентства по туризму представлена на русском, английском, немецком и польском языках.

Имеются также презентации на французском, испанском, итальянском и китайском языках.

Важную роль в развитии туристической сферы играют специализированные туристические Интернет-порталы. Это второй составной элемент туристической Интернет-сети. Главное назначение туристических порталов состоит в том, что, с одной стороны, они объединяют усилия групп поставщиков туристических услуг и расширяют возможности их доступа к потенциальным клиентам. С другой стороны – облегчают поиск последними наиболее подходящего для них туристического продукта.

В Беларуси этот сегмент туристической отрасли представлен, в частности, следующими порталами:

Holiday.by – содержит предложения туристических компаний Беларуси, авиа-, железнодорожные и автобусные расписания, информацию о туристических направлениях и гостиницах России, Украины, Беларуси, советы туристу, туристические новости, форум.

Turist.by – содержит предложения туристических компаний Беларуси, справочник турфирм и посольств, информацию о туристических направлениях, советы туристам, новости, форум, анекдоты.

TravelNET.by – содержит предложения туристических компаний Беларуси, аукцион туров, путеводитель по странам справочник турфирм и посольств, форум.

From-by.com – содержит предложения туристических компаний Беларуси, справочники стран, турфирм, отелей.

Happytravel.by – содержит предложения туристических компаний Беларуси, аукцион туров, путеводитель по странам.

Braslavskie.by – содержит полная информацию о туристическом потенциале Браславского региона.

Особую роль в развитии туристического рынка играет третий элемент туристической Интернет-сети – сайты туристических фирм (туроператоров). Важнейшими требованиями, которые в условиях острой конкурентной борьбы, идущей на современном рынке туристических услуг, предъявляются к сайтам туристических компаний, являются следующие: информативность; интерактивность; легкость доменного имени; запоминаемость фирменного стиля; активная реклама торговой марки в Интернет-сети.

В число игроков на рынке туристических услуг входят не только страновые, региональные и местные туристические структуры, группы туристических фирм, представленных на общем туристическом портале, и собственно, оптовые компании (туроператоры), а также тесно работающие в связке с ними розничные фирмы и отдельные лица (в обоих случаях - турагенты). К ним следует отнести и производителей конкретных видов

туристических услуг – прежде всего гостиничный бизнес, ави-водно-железнодорожные и автотранспортные компании, торговый и сувенирный сервис, индустрию развлечений, прокат транспортных средств и т.п. Каждый из этих производителей в той или иной степени также представлен в Интернет-сети туристических услуг и готов оказывать эти услуги с активным использованием возможностей этой сети. Основное конкурентное преимущество туроператоров состоит в формировании на основе комбинации целого ряда услуг единого туристического пакета и его целостного предложения потенциальным клиентам на основе современных информационно-коммуникативных технологий.

СОЦИОДИНАМИКА БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

С.Г. Савина, г. Минск, Беларусь

Взаимосвязь культуры и социума предполагает взаимовлияние трех основных составляющих этой системы. Первая из них связана с мировоззрением и включает в себя религию, философию и науку. Во второй основополагающей составляющей является искусство во всем многообразии видов и жанров. И, наконец, третья, тесно связана с социализацией и состоит из права, политики, морали, главными регуляторами которой являются правовые законы и нормы морали. Любое культурно-историческое событие воспринимается в триединстве этих составляющих.

Отдельного внимание заслуживает философия, которая является теоретическим обоснованием мировоззрения, динамические изменения последнего всецело зависят от историко-культурной динамики. Культура, философия и наука всегда взаимосвязаны и ориентированы на выработку системы воззрений на мир и место человека в нем. В разных культурах, в разные времена и в разных случаях действовали свои национальные механизмы названной триады. Собственно это и предполагает учет национального своеобразия различных культур мира, которое во многом определялось всем ходом исторического процесса.

Соответственно на формирование и развитие белорусской национальной культуры также повлияли главные исторические события (принятие христианства, ВКЛ, три раздела Речи Посполитой, восстание 1794 г., 1830-32 гг., 1863-64гг., революционные события 1905, 1917 гг., Первая и Вторая мировые войны). Ретроспективный взгляд на историю культуры Беларуси в достаточной мере подтверждает данный тезис. Так, начиная с

IX-XV вв. в истории белорусского народа происходило взаимовлияние и взаимосвязь этих трех составляющих. В целом

культурная традиция Беларуси развивалась во взаимосвязи с культурой Европы. Появление городов способствовало повышению образованности и духовного уровня городского населения.

Важнейшим событием эпохи средневековья для Белой Руси стала замена языческой идеологии христианской. На ее территории эта замена имела свою специфику – распространение христианства шло сразу по двум ветвям – православие и католичество. Эта тенденция прошла через всю историю белорусского этноса, существенно повлияв на формирование его мировоззрения. Однако, несмотря на то, что принятие христианства способствовало укреплению более развитых экономических отношений, все же усугубившийся раскол на территории ВКЛ между православием, католичеством, а затем и протестантизмом породил сложные взаимоотношения между православием, католицизмом, а затем и протестантизмом. Но, как известно, культурные процессы включают в себя не только новые культурные образцы, но и усвоение опыта других народов, способность к приспособлению, к сосуществованию с сопредельными культурами. Многовековое мирное сосуществование всех трех ветвей христианства, а затем присоединившихся других религиозных конфессий содействовали формированию «пресловутой» толерантности как национальной черты характера белорусов. Особенностью литературы и искусства стала также поликонфессиональность: наряду с религиозными православными произведениями существовали католические, протестантские и униатские. Различие религиозных взглядов сказалось на жанровых особенностях различных видов искусства. Так, в литературе появилось большое количество полемических произведений.

На развитие белорусской культуры в XV-XVIII вв. существенное влияние оказали идеи европейского Возрождения. Этот процесс был взаимообусловлен. Так, расцвету культуры Великого княжества Литовского способствовали памятники права общеевропейского значения. Католические и православные храмы на территории Беларуси являлись также высочайшими образцами европейского зодчества. Просвещению белорусского народа способствовало и книгопечатание. Это же время подарило миру такие имена просветителей как Ф.Скорина, Н.Гусовский, С.Будный, С.Полоцкий, К.Лыщинский и многих других просветителей-гуманистов.

В XIX-XX вв. социально-политические процессы в Беларуси были достаточно сложными. Тем не менее, перемены в общественной жизни, переход к капиталистическим отношениям способствовали росту общественной и личной потребности в практических и научных знаниях, приобретению культурных ценностей.

Особо следует остановиться на реалиях сегодняшнего дня. Всеобъемлющая глобализация предполагает исчезновение

межцивилизационных различий через унификацию народов, а это означает, что глобализация покушается на суверенитет государства, национальную культуру и ее традиции. Напротив, массовая культура стала приобретать все большую мозаичность, а ее средства главенствующую информационность. Появление различных конкурсов красоты, программ «Выиграй миллион», «Обмен женами» и многое другое разрушительны не только для нравственного сознания отдельного человека, но и для самосознания народа.

Для решения проблем национальной и духовной безопасности белорусское государство в порядке самосохранения должно опираться на вековые созидательные традиции белорусской культуры.

Для новой теории культуры, на наш взгляд, первичным должно стать теоретическое объяснение происходящих процессов и тенденций с учетом всей полноты культурных фактов. Такая теория должна сопоставлять внутренние противоречия, оценивать культурные явления с различных точек зрения. Это позволит воссоздать культурно-исторический процесс во всей его многогранности.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПАРАМЕТРЫ АНАЛИЗА ФЕНОМЕНА ИННОВАЦИИ

Р.С. Сартаева, г. Алматы, Казахстан

В пространстве современной цивилизации проблема инноваций, инновационного развития становится одной из важнейших научных, политических и даже смысложизненных проблем, поскольку, в конечном счете, речь идет как о выживании целых государств, с проживающими в них этносами с их культурным наследием, так и о выживании отдельных индивидов. Поэтому в последнее время на официальном уровне (в разных странах, в том числе и в нашей стране) много говорится о необходимости инновационного развития. При этом в большинстве случаев имеются в виду технико-экономические параметры развития. Но как верно говорил Рене Декарт, в первую очередь, необходимо определить точное значение используемых понятий: в нашем случае, имеются в виду понятия инновация и инновационное развитие.

Многие исследователи считают, что однозначного научного понимания термина «инновация» до сих пор не существует, несмотря на его широкое присутствие в современном политическом и научном дискурсе. С другой стороны, считается, что впервые этот термин появляется уже в словарях 19 века и означает «проникновение европейских обычаев и способов организации в традиционные азиатские и африканские общества» [1]. Впервые же, по мнению многих исследователей, этот термин в значении, близком к современному, использовал австрийско-американский ученый Й. Шумпетер в 1912 году,

предложивший рассматривать понятие «инновация» в качестве инструмента предпринимательской деятельности, а под понятием «инноватор» (предприниматель) иметь в виду главную движущую силу экономического развития [2, с. 169-170]. Кроме того, Й. Шумпетер определил группу основных изменений в экономике, характерных для инновационного развития, как-то: внедрение новой техники, новых технологий, использование новых видов сырья, внедрение новой продукции, организационные изменения в производстве и его материально-технической базе и, конечно же, новые рынки сбыта новой продукции. В рамках «шумпетеровского» определения термин «инновация» рассматривают такие крупные специалисты, как известный британский экономист Дж.А. Гобсон [3] и не менее известный австрийский теоретик современного менеджмента П.Ф. Друкер [4].

В настоящее время большинство исследователей при определении содержания понятий «инновация», «инновационное развитие» не выходит за рамки узких технико-экономических параметров. Так, весьма распространенным является следующее определение: «инновация – это преимущественно экономическая категория, обозначающая отнюдь не всякое новшество (например, новые идеи или новые обычаи и т. д.), а только такое новое, которое представляет собой новый товар или услугу, которые могут или должны быть востребованы и впоследствии употреблены» [5, с. 41]. А другие исследователи, выражая в несколько иной форме приведенное выше содержание понятия «инновация», имеют в виду, фактически, то же самое, говоря о том, что основной формой реализации инноваций является экономическая форма [6]. В русскоязычных справочных и энциклопедических изданиях, по мнению многих исследователей, термин «инновация» впервые появляется в «Большом экономическом словаре» (2001) и определяется следующим образом: «1) «вложение средств в экономику, обеспечивающее смену техники и технологии; 2) новая техника, технология, являющаяся результатом достижений научно-технического прогресса» [7].

В контексте анализа приведенных выше определений термина «инновация», можно согласиться с теми исследователями, которые утверждают, что сегодня инновация понимается, в основном, как «коммерциализированное новшество, представляющее собой конечный результат интеллектуальной деятельности человека и обладающее конкурентными преимуществами на рынке». И далее, что «таким образом, инновация сводится к выведению на рынок товаров и услуг с новыми, более востребованными потребителем свойствами» [8, с. 31]. На наш взгляд, сегодня под инновацией следует понимать не просто экономическую категорию, а сложный социокультурный феномен, формируемый самыми разнообразными факторами общественного

развития и способный вызывать коренные изменения в существующем порядке вещей. И абсолютно правы те, кто считает, что основным параметром анализа феномена инновации должна стать культура как сложноорганизованная целостность. Е.Пономарева и А.Никифорова выделяют два типа разнонаправленных процессов, которые формируют эту целостность, а именно: вектор креативности (изменения, обновления, творчество) и вектор структурирования (упорядочение, нормативность и т.п.). «При этом оба вектора (при всей их разнонаправленности) не только предполагают одновременное существование соответствующих процессов, но их реальную совмещенность в функционировании и развитии культурных феноменов» [8, с. 31]. От себя добавим, что оба эти вектора, как и все инновационное развитие в целом, конечно же, зависят, в первую очередь, от «главного инноватора» (Й.Шумпетер) - человека. Именно поэтому для научного решения проблем инновационного развития необходим широкий социокультурный подход к феномену инновации. Вообще, как отмечают многие исследователи, существуют два основных подхода к решению проблем инноваций, инновационного развития: научный и политический. Хотя, на наш взгляд, разделение это, по сути, должно быть достаточно условным, так как в идеале оба эти подхода должны совмещаться. Однако на деле не всегда можно констатировать такое совмещение. Совмещение этих подходов, конечно же, при наличии хорошо проделанных философско-социологических, аналитических исследований с учетом всех социокультурных факторов общественного развития, может дать отличную теоретическую, нормативную базу для инновационного развития.

Современный научный подход определяется, прежде всего, тем, что подлинным субъектом современной науки является не отдельный ученый, как это было в классической науке 17-19 веков, а различные профессиональные научные коллективы и организации, как-то: лаборатории, институты, академии, университеты, научные центры, технопарки. Поэтому сегодня, следствием изменения характера основного субъекта процесса научного познания, является то, что отношения внутри современного субъекта познания, то есть субъект-субъектные отношения внутри научных коллективов играют не меньшую роль в осуществлении и качестве результатов профессиональной научной деятельности, чем субъект-объектные отношения между отдельным ученым и предметом его исследования. Кроме того, эти субъект-объектные познавательные отношения складываются в значительной степени под воздействием (опосредованным) разного рода социальных, экономических, коммуникационных, организационных требований и ограничений [5].

Что касается политического подхода к решению проблемы инноваций в нашей стране, то здесь, на наш взгляд, сделано немало, в

первую очередь, в плане создания хорошей законодательной, нормативно-правовой базы для инновационной деятельности. Так, в 2002 году был принят закон Республики Казахстан «Об инновационной деятельности», в котором четко определены цели и задачи государственной инновационной политики. В рамках этих задач, на наш взгляд, очень важны 3-й и 6-й пункты статьи №3 «Цели и основные задачи государственной инновационной политики», а именно: «государственная поддержка субъектов инновационной деятельности и формирование инновационной инфраструктуры» и «обеспечение взаимодействия науки, образования, производства и финансово-кредитной сферы». Кроме того, принят целый ряд программ по формированию и развитию национальной инновационной системы Республики Казахстан на 2005–2015 годы. Важно, что Национальная инновационная система объединяет такие 4 основные элемента, как: научный потенциал, инновационное предпринимательство, инновационную и финансовую инфраструктуры. Принят закон «О государственной поддержке инновационной деятельности». В 2003 году, в рамках развития финансовой инфраструктуры, создан и функционирует Национальный инновационный фонд, который в данное время входит в состав государственного холдинга АО «Фонд национального благосостояния «Самрук-Казна»». Этот фонд, в свою очередь, управляет системой государственных институтов развития РК, различными центрами (маркетинговых исследований, инжиниринга и трансферта технологий), фондом развития предпринимательства «Даму», национальными и региональными технопарками. И, наконец, принята Государственная программа инновационного развития образования в РК на 2011-2020 годы, заявленная цель которой – формирование интеллектуальной нации. То есть, как уже отмечалось ранее, создана хорошая законодательная, нормативно-правовая база для успешной инновационной деятельности. Конечно, здесь очень важна правовая дисциплина. Кроме того, для успешной инновационной деятельности важно развитие гражданских институтов, которые могли бы контролировать не только соблюдение государством и отдельными его представителями, гражданами созданной нормативно-правовой базы инновационной деятельности, но и всей Конституции в целом как документа прямого действия. Это необходимо потому, что сегодня феномен инновации зависит от огромного числа самых разнообразных факторов (от глобализации до этнических, индивидуальных и т. д.), что еще раз подтверждает нашу мысль о том, что в решении проблем инноваций нужен самый широкий социокультурный подход. С другой стороны, эту же мысль подтверждает то, что сами инновации, все три типа (трансформационные, значимые и эволюционные), которые выделяют специалисты в сфере организационного развития (в соответствии с концепцией «созидательного

разрушения» Й. Шумпетера), могут вызывать достаточно серьезные изменения даже системного характера.

Кстати, сегодня инновации квалифицируются многими исследователями не только как технические, организационные, маркетинговые, управленческие, но и как новшества в использовании и совершенствовании человеческого капитала [6]. Здесь необходимо отметить, что со времен Т.Шульца, впервые использовавшего этот термин, и Г. Беккера, развившего его (этот термин) далее, содержание понятия «человеческий капитал» значительно расширилось. В связи с этим, с точки зрения науки, в настоящее время, более корректно говорить именно о понятии «человеческий капитал», а не о термине. Так вот, сегодня под «человеческим капиталом» следует понимать не просто качественный и производительный труд, фактор экономического развития, но и интеллект, здоровье, качество жизни, главный фактор формирования и развития инновационной экономики и экономики знаний как следующего высшего этапа в развитии человеческого общества.

Литература:

1. Азгальдов, Г. Инновации в нетехнической сфере – необходимость и возможность / Г. Азгальдов, А. Костин // «Библиотека LABRATE.RU, 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.labrate.ru/articles/azgaldov-kostin_doklad_2009-3_innovation-inion.htm.

2. Шумпетер, Й. Теория экономического развития / Й. Шумпетер. – М.: Прогресс, 1982.

3. Гобсон, Дж. Империализм / Дж. Гобсон. – М.: Едиториал УРСС, 2010.

4. Друкер, П. Классические работы по менеджменту / П. Друкер. – М.: Юнайтед Пресс, 2008.

5. Лебедев, С.А. Современная наука: социальность и инновационность / С.А. Лебедев // Вестник Московского Университета. – Серия 7. Философия. – 2011. – №1.

6. Бирюков, В. Инновационная рыночная экономика / В. Бирюков // Свободная мысль. – 2011. – №3.

7. Большой экономический словарь / Ред. А.Н. Азрилиян. – М.: Институт новой экономики, 2001.

8. Пономарева, Е. Инновация как научная и политическая проблема / Е. Пономарева, А. Никифорова // Свободная мысль. – 2011. – №1.

ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Ю.В. Секунова, г. Киев, Украина

Каждое общество имеет свою конфигурацию культуры. Это зависит от его истории, социально-классовой структуры, типа и характера политической системы, экономических основ и других обстоятельств. Особенность XXI столетия это тенденция к формированию поликультурного пространства в условиях глобально-информационных изменений общества. Однако последующее общественное развитие неразрывно связано с уровнем духовности каждой личности. Необходимо прежде всего духовно-моральное возрождение самого народа. Человек как творец духовных и материальных ценностей, опора государства, в сегодняшней кризисной ситуации оказался за пределами нормального существования. Повышается бездуховность, обесценивается мораль и также человеческая жизнь. Именно потому, в современной Украине для становления и развития личности играет важную роль образование. Которое является на сегодня основой существования и популяризации духовной, общенациональной и политической культуры нашего демократического, правового государства.

Проблемы становления личности, ее самоопределения и саморазвития, само формирование собственной духовности в контексте государственных проблем как это было в период тоталитаризма, так и остается пока еще – в условиях самостоятельного государства – не на первом месте.

Поэтому не удивительно, что наиболее актуальными проблемами сегодня есть проблемы духовности, мировоззренческой зрелости и моральности, как обыкновенных людей, так и педагогов. Ныне широко популяризуются вопросы духовного кризиса, путей поиска духовности, факторов ее возрождения. Каждый исследователь пытается феномен духовности охарактеризовать, выходя из собственного видения и понимания. Для одних – это целостность психической деятельности человека (М.Коган), другие связывают духовность, прежде всего с миром человеческих эмоций, чувств (Ю.Буртин, В.Ксенофонтов), отожествляют создания ценностей (Г.Парсонс) или сознания (В.Федотова, В.Кемеров) и т.д.

Но неоспоримым остается тот факт, что формирование духовной культуры происходит также благодаря образованию, учебным заведениям. Важным заданием образования на сегодня остается ее духовно-культурная основа.

Деятельность педагога любого образовательно-учебного заведения особенно включает и развитие культуры (духовности) у учеников, что включает профессиональный подход в личностно-ориентированном образовании. Развитие ученика как личности невозможно без усовершенствования профессиональной грамотности и компетентности педагога. Педагог не может заниматься только предоставлением

«образовательных услуг», он обязательно должен развиваться самостоятельно, обеспечивать высокий уровень образования. Сегодня от педагога требуемая система умений включает: проанализировать поток новой информации, оценить ее дидактический потенциал в реальных условиях, прогнозировать результат ее использования, организовать ее материальное использование, а потом – снова проанализировать, но уже результаты внедрения новой информации в практику.

Важно акцентировать внимание, что именно педагог является носителем общей культуры, он формирует научное мышление, ценностные ориентации, моральные регуляторы, заинтересованность политической жизнью своего общества, гражданскую позицию студентов (учеников).

Целиком соглашаемся с точкой зрения О.М.Внуковой, что для эффективного выполнения заданий для формирования общей и политической культуры студентов (учеников, лицеистов) педагогу нужны прежде всего такие качества, как толерантность, ответственность, справедливость, требовательность, принципиальность, отзывчивость, честность и т.д.

Толерантность – не только психолого-педагогическое качество, а и фактор образованности, интеллигентности, наличия высокого уровня общей и политической культуры.

Ответственность педагога означает ответственность за формирование общей культуры студентов, за развитие своей общенациональной культуры.

Справедливость должна проявляться в объективных оценках знаний студентов, обоснованных требований к ним.

Требовательность педагога к себе означает усердное выполнение своих обязанностей, придерживаясь норм морали. Требовательность к другим не должна быть как жестокий контроль и строгие указания, а должна проявляться в помощи личности самоопределиться.

Принципиальный педагог, будучи в дружелюбных отношениях с студентами (учениками), не позволит себе уменьшить требовательность к ним в работе, поведении, моральных отношениях.

Важно отметить, что педагог должен уметь выбрать такую линию поведения, такой подход к студентам, которые уважали б честь и гордость личности, коллектива, не унижая, а возвышая их. Отзывчивость – не вседозволенность, а осуждение зла, аморальности [2].

Таким образом, на сегодня, именно институту образования (институтам, лицеям, гимназиям и др.) отведена важная роль формирования личности нового типа, нового гражданина, избавленного догматических стереотипов идеологии техногенной цивилизации.

В результате исследований можно утверждать, что для формирования личности большую роль играет образование, его

важнейшим заданием остается воспитание патриотизма, утверждение национальной культуры, христианской морали, веры в могучие творческие силы народа. Актуальными на сегодня остаются слова основательницы теории национальной украинской школы С.Русовой, что украинской школе не хватало патриотизма из-за того, что «мы мало знаем родной край, не присматриваемся к жизни народа, не интересуемся явлениями природы. Поскольку любить можно только лишь то, что знаешь, поэтому надо давать возможность детям на собственные глаза изучать ближайшую местность» [1, с. 18].

Поэтому, чтоб подготовить человека к жизни в XXI столетии, следует осознать суть изменений, которые приносит новое время, сориентировать общество на осознанное и динамическое их восприятие. Это и есть одна из главных функций образования. Поскольку от способности украинского образования дать честный ответ на актуальные вопросы зависят судьбы миллионов пока еще маленьких украинцев, и от которых зависит будущее развитие нашего государства.

Литература:

1. Бугрій, В.С. Теоретичні засади краєзнавчої роботи учнів у педагогічній думці України / В.С. Бугрій // Краєзнавство: науково-методичний та практичний аспекти. Матеріали ІІ Всеукраїнської науково-практичної конференції. – Суми, РВВ СОІППО, 2011.

2. Внукова, О.М. Розвиток політичної культури студентів: Метод. Рекомендації / О.М. Внукова.– К.: Інститут педагогіки і психології професійної освіти АПН України, 2003.

ВАРИАТИВНОСТЬ ПРОЯВЛЕНИЯ ПАТОПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВ У ПРЕСТУПНИКОВ С ДИССОЦИАЛЬНЫМ РАССТРОЙСТВОМ ЛИЧНОСТИ, СОВЕРШИВШИХ НАСИЛЬСТВЕННЫЕ И НЕНАСИЛЬСТВЕННЫЕ ОБЩЕСТВЕННО-ОПАСНЫЕ ДЕЯНИЯ

В.Н. Семенов, г. Минск, Беларусь

Современное научное понимание условий развития криминального поведения базируется на представлении о комплексном характере этого феномена, проявляющемся в его зависимости от системного эффекта различных предикторов. Одно из центральных мест в системе предикторов криминального поведения занимают психические аномалии, криминогенный эффект которых опосредован, присущими им патопсихологическими особенностями. Среди различных психических аномалий криминальное поведение в большей степени распространено среди преступников с расстройством личности (далее - РЛ) [1, 2, 3]. При этом лишь некоторые формы РЛ характеризуются высоким риском криминального поведения. Диссоциальное расстройство личности относят

к одному из вариантов РЛ, характеризующегося высоким риском криминального поведения [1, 2, 3].

Оценка характера и структуры криминального поведения при ДРЛ, по данным различных исследований, является неоднозначной. Часть исследователей сходится во мнении о том, что при ДРЛ в основном совершаются ненасильственные преступления[1, 2, 3]. Другая часть исследователей указывает на факт высокой распространенности насильственных преступлений среди лиц с ДРЛ [1, 2].

Дискуссионность вопроса о специфике криминального поведения лиц с ДРЛ, отсутствие однозначных научных данных о специфике проявления патопсихологических свойств у преступников с ДРЛ, совершающих ненасильственные и насильственные правонарушения определили объект, предмет и цель настоящего исследования. *Объектом* исследования стали лица с ДРЛ, совершившие насильственные правонарушения. *Предмет* исследования составили патопсихологические свойства лиц с ДРЛ, совершивших насильственные правонарушения. *Цель* исследования в контексте обсуждаемой проблемы состояла в выявлении специфики проявления патопсихологических свойств у преступников с ДРЛ, совершивших насильственные правонарушения.

На первом этапе исследования был разработан перечень, включающий 29 психометрических показателей, разделенных на 8 групп: 1. *Нравственные чувства*: совестливость (СВ), чувство вины (ЧВ) и эмпатия (ЭМП); 2. *Общительность* (ОБЩ); 3. *Асоциальные и антисоциальные эмоциональные переживания*: негативизм (НГ), подозрительность (ПОД), обида (ОБ) и индекс враждебности (ИВ); 4. *Асоциальность* (АС); 5. *Общий и частные показатели интернальности*: общая интернальность (ОИ), интернальность в области достижений (ИД), неудач (ИН), семейных отношений (ИСО), производственных отношений (ИПО), межличностных отношений (ИМО) и здоровья (ИЗ); 6. *Формы агрессивного поведения и показатель общей агрессивности*: физическая (ФА), вербальная (ВА) и косвенная (КА) агрессия и индекс агрессивности (ИА); 7. *Варианты фрустрационных эмоциональных реакций*: раздражение (РЗДР), гнев (ГН), страх (СТР) и бессилие (БС); 8. *Варианты поведенческих реакций в ситуации фрустрации*: активная агрессия (АА), ассертивная реакция (АР), пассивная агрессия (ПА), подавленная агрессия (ПДА) и бегство-уход (БУ).

На втором этапе исследования были сформированы три выборки, общая численность которых составила 174 человека мужского пола. Все испытуемые были разделены на три группы: основную (группа 1) и две контрастные (группа 2 и группа 3). Группа 1 (n=56) состояла из испытуемых с ДРЛ, совершивших насильственные правонарушения. Во вторую группу (n=58) вошли испытуемые с ДРЛ, совершившие

ненасильственные правонарушения. Группа 3 (n=60) состояла из испытуемых, не имеющих психических расстройств, и не привлекавшихся к уголовной ответственности. Способ формирования выборок являлся случайным.

В ходе сравнительного анализа 29 психологических характеристик в группах 1, 2 и 3 были выявлены значимые различия по отдельным психометрическим показателям. Так, у испытуемых с ДРЛ по сравнению с представителями нормативной группы были обнаружены: более выраженное переживание ЧВ (ρ=0,005); низкий уровень ОБЩ (ρ=0,021), недостаточная готовность к сотрудничеству и проявлению чуткости в отношении к людям; высокая интенсивность переживания таких асоциальных и антисоциальных эмоциональных переживаний, как НГ (ρ=0,002), ПОД (ρ=0,000), ОБ (ρ=0,000) и ИВ (ρ=0,000); высокий уровень АС (ρ=0,023); низкий уровень ОИ (ρ=0,000) и интернальности в различных ситуациях (достижение - ρ=0,044 и неудача - ρ=0,011) и сферах жизнедеятельности (семейная - ρ=0,001, производственная - ρ=0,045 и межличностная - ρ=0,035); высокий уровень ИА (ρ=0,000) и выраженная склонность к проявлению ФА (ρ=0,000), ВА (ρ=0,000) и КА (ρ=0,000); сочетание высокого уровня РЗДР (ρ=0,000) и ГН (ρ=0,011) с пониженной реакцией СТР (ρ=0,000) и БС (ρ=0,025) в ситуации фрустрации; преобладание АА (ρ=0,000) в сочетании с недостаточной способностью к ПДА в ситуации фрустрации (ρ=0,016).

У испытуемых с ДРЛ, совершивших насильственные правонарушения, по сравнению с представителями нормативной группы были выявлены: более выраженное переживание ЧВ (ρ=0,049); низкий уровень ОБЩ (ρ=0,010); высокая интенсивность переживания таких асоциальных и антисоциальных эмоциональных переживаний, как НГ (ρ=0,003), ПОД (ρ=0,000), ОБ (ρ=0,000) и ИВ (ρ=0,000); низкий уровень ОИ (ρ=0,000) и интернальности в различных ситуациях (достижение - ρ=0,028 и неудача - ρ=0,001) и в некоторых сферах жизнедеятельности (семейная - ρ=0,001, производственная - ρ=0,034 и межличностная - ρ=0,038); высокий уровень ИА (ρ=0,000) и выраженная склонность к проявлению ФА (ρ=0,000), ВА (ρ=0,000) и КА (ρ=0,000); сочетание высокого уровня РЗДР (ρ=0,000) и ГН (ρ=0,000) с пониженной реакцией СТР (ρ=0,003) и БС (ρ=0,016) в ситуации фрустрации; преобладание в ситуации фрустрации АА (ρ=0,000) в сочетании с неспособностью к ПДА (ρ=0,000).

Испытуемые с ДРЛ, совершившие ненасильственные правонарушения, по сравнению с представителями нормативной группы обнаруживают: более выраженное переживание ЧВ (ρ=0,005); высокую интенсивность переживания таких асоциальных и антисоциальных эмоциональных переживаний, как НГ (ρ=0,024), ПОД (ρ=0,000), ОБ

(ρ=0,000) и ИА (ρ=0,000); высокий уровень АС (ρ=0,019); низкий уровень ОИ (ρ=0,020) и ИСО (ρ=0,016); высокий уровень ИА (ρ=0,000) и выраженная склонность к проявлению ФА(ρ=0,000), ВА (ρ=0,007) и КА (ρ=0,007); сочетание высокого уровня РЗДР (ρ=0,000) с пониженной реакцией СТР (ρ=0,000) в ситуации фрустрации; более высокий уровень готовности к АА (ρ=0,013) в ситуации фрустрации.

Испытуемые с ДРЛ, совершившие насильственные правонарушения, по сравнению с испытуемыми, совершившими ненасильственные правонарушения проявляли: более низкий уровень ОИ (ρ=0,045); высокий уровень ИА (ρ=0,023) и выраженную склонность к проявлению ФА (ρ=0,020); высокий уровень переживания ГН (ρ=0,045) в ситуации фрустрации; преобладание в ситуации фрустрации АА (ρ=0,008) в сочетании с недостаточной способностью к ПДА (ρ=0,002).

Таким образом, ДРЛ является формой психической аномалии, при которой патопсихологические особенности являются внутренними условиями, способствующими формированию и реализации криминального поведения. По своим патопсихологическим свойствам ДРЛ является неоднородной формой РЛ. Алгоритм постановки диагноза ДРЛ отражает возможность существования вариантов ДРЛ, отличающихся друг от друга облигатными свойствами.

Литература:

1. Агрессия и психические расстройства: в 2 т. – Т. 1. / под ред. Т.Б. Дмитриевой [и др.]. – М.: РИО ФГУ «ГНЦ ССП им. В.П. Сербского, 2006.

2. Гельдер, М. Оксфордское руководство по психиатрии: в 2 т. – Т. 2 / М. Гельдер [и др.]. - К.: Сфера, 1999.

3. Обросов, И.Ф. Расстройства личности у осужденных в местах лишения свободы (клинико-динамический и медико-социальные аспекты): дис. … докт. мед. наук: 14.00.18 / И.Ф.Обросов; Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П.Сербского. – М, 2004.

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

С.С. Семьянов, г. Минск, Беларусь

Глобализация создает основу для возникновения регионализации, которая сопровождается передачей части государственных функций на наднациональный уровень. Характерным примером современной региональной динамики является Европейский Союз. Кризисные явления в ЕС, наряду с созданием новых региональных объединений, указывают на появление потребности в адаптации накопленного опыта к экономическим, политическим и социокультурным реалиям конкретного региона. Ввиду этого возрастает роль социально-философской экспертизы возможных моделей и приоритетов современной социодинамики.

Специфика современных международных отношений ярко демонстрирует, что глобализация не подчиняется только логике экономической эффективности. Значительную часть в динамике глобализационных процессов определяют социокультурные факторы.

Основу глобализации составляют интеграционные процессы, проходящие на различных уровнях международных отношений, поэтому глобализацию следует воспринимать в качестве многоаспектного социокультурного процесса объединения. Однако наряду с этим, происходит и процесс культурной дифференциации, который увеличивает значимость региональных образований. Оба этих процесса неотделимы друг от друга, они взаимно дополняемы, а это означает, что глобализация создает основу для возникновения регионализации. В свете этого, всесторонняя и адекватная интерпретация процесса глобализации с необходимостью предполагает изучение данного феномена в совокупности с исследованием регионализации, проявления которой становятся неотъемлемыми в рамках современных глобализационных трансформаций.

Под регионом можно понимать совокупность государств, которые обладают общностью исторического развития, наличием уникальных особенностей культуры, географическим единством территории, а также сходным типом экономических систем. Регион является естественным принципом территориальной организации социально-политических, экономических и культурных аспектов жизнедеятельности человеческих сообществ. С этой точки зрения феномен регионализации рассматривается в таких проявлениях, как, например, социальная сплоченность этнических групп, проживающих совместно. У них можно наблюдать совместимость универсальных ценностей, связанных с культурой, религией, традицией [1, p.333].

Одним из характерных примеров современной региональной динамики является Европейский Союз. Создание ЕС явилось поворотным моментом в развитии не только европейского региона, но и всего мира. Объединение европейских стран преследовало многие цели: повышение уровня жизни населения, создание конкурентоспособной региональной экономики, приобщение периферийных государств к традиции западноевропейской демократии. Помимо этого, в рамках ЕС стало возможным решение глобальных социально-экономических, политических, экологических и иных проблем, непосильных для отдельных государств.

Уникальность европейского опыта интеграции заключается в том, что Европейский Союз предполагает построение не только экономического и валютного объединения, но и формирование общей политики в сфере внутренних дел и юстиции, а также выработку единой внешнеполитической стратегии. Таким образом, за более чем полувековую

историю европейский регион прошел несколько важных этапов на пути к построению наднационального объединения нового типа, аналогов которого пока в мире не существует.

Любая интеграция представляет собой сложный, разноплановый и неоднозначный процесс, который не может двигаться прямолинейно. Формирование регионального объединения, особенно такого колоссального как Европейский Союз, идет зигзагообразно, успех сменяется кризисами, преодоление которых делает объединение крепче.

Изучение опыта Европейского Союза в качестве наиболее развитого регионального объединения, позволило сформировать отдельную область регионалистики. Значительное количество научных трудов предлагают целый спектр моделей регионализации, которые основываются на европейском опыте. Однако использование данного опыта возможно только с оглядкой на особенности европейской регионализации. Адаптация данной стратегии к иным регионам видится весьма затруднительной, учитывая экономические и социокультурные различия между регионами. Многие факторы нивелируют ценность европейского опыта регионализации при его переносе в иные реалии. Одним из таких факторов является глобальная нестабильность, которая имеет тенденцию к постоянному нарастанию.

Преодоление современных глобальных проблем – это, во многом, решение вопроса об эффективном развитии мировых регионов. Вызовы современности обнажили факторы, тормозящие региональную динамику, делая ее затратной и неэффективной. Среди многих причин, способствующих этому, можно выделить те, которые связаны с функционированием национальных государств и их взаимодействием в рамках региональных объединений, а также с другими субъектами локальной и глобальной социодинамики.

Таким образом, можно заключить, что успешное построение современных региональных объединений в значительной степени определяется не копированием уже существующих моделей, а адаптацией накопленного опыта под экономические, политические и социокультурные реалии конкретного региона. Ввиду этого, качество и уровень социально-философской экспертизы концептуально-теоретического обоснования возможных моделей и приоритетов современной социодинамики имеет решающее значение в вопросе создания региональных объединений, в построении которых принимают непосредственное участие интенсивно развивающиеся государства.

Литература:

1. Hurrell, A. Explaining the Resurgence of Regionalism in World politics / A. Hurrell // Review of International Studies. – October. Vol. 21.

2. Манн, М. Нации-государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание / М. Манн // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. – М.: Праксис, 2002.

ПРИВАТИЗАЦИЯ НАСИЛИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

И.Н. Сидоренко, г. Минск, Беларусь

Происходящие сегодня процессы глобализации масштабны: они претендуют на создание и реализацию новых мироустроительных идей, касающихся не просто отдельных стран и регионов, но планеты в целом. Этот размах ощущается как в идеологических и политических доктринах правящих элит развитых стран, так и в принципах экономического планирования, в мощной научно-технической направленности общественного развития. Так, глобализация как современное переустройство мира приобретает все более четкие черты. По мнению современного аналитика А.С. Панарина глобализацию можно определить как «процесс ослабления традиционных территориальных, социокультурных и государственно-политических барьеров, некогда изолировавших народы друг от друга и наряду с этим предохраняющих их от неупорядоченных внешних воздействий, и становление новой, «беспротекционистской» системы международного взаимодействия и взаимозависимости» [1, с. 279]. В результате глобализационных процессов происходит размывание традиционного разграничения «полномочий» государства и бизнеса в вопросах обеспечения национальной безопасности с одной стороны и частной с другой, что приводит к формированию своеобразной «идеологии насилия», оправдывающей ослабление власти национальных государств и усиление глобальных институтов, договоров международной торговли. Неолиберализация мирового рынка уже не берет в расчет национальное государство с его функцией «ночного сторожа» и стремлением сохранить монополию на насилие, а международное право, не привязанное к политике государств и распространяющееся на мир в целом в порядке частного права, не требует санкционирования со стороны государства. Вследствие этого радикальной формой неолиберализации становится «приватизация насилия», проявляющаяся в том, что правительства утрачивают монополию на средства насилия.

Можно выделить несколько векторов в осуществлении приватизации насилия и ее последствий. Во-первых, размывание границ наций-государств и утрата ими монополии на средства насилия привело к радикальному изменению состава акторов, претендующих на роль влиятельных субъектов мировой политики. Такими субъектами стали наднациональные международные организации, союзы, блоки, ассоциации, транснациональные банки и промышленные корпорации, не признающие государственного суверенитета, действующие одновременно

во многих странах и приобретающие там экономическую власть. Как результат приватизации насилия происходит и легализация наемной силы: на геополитическую авансцену выходят самостоятельные военизированные структуры, не связанные с конкретными национальными государствами и представляющие собой теневые транснациональные сообщества, способные оказывать существенное влияние на мировое развитие. Все это в свою очередь приводит к тому, что параллельно с основными геополитическими игроками формируется анонимный субъект мировой политики. В силу этого возникает проблема определения конкретного, обозримого и прогнозируемого источника угрозы национальной безопасности.

Во-вторых, приватизация насилия осуществляется в пространстве «рынков насилия» или «рынков гражданской войны», где определяются или согласовываются цены на приобретение и использование приватизированной силы, а также распределяются прибыли. Этот своеобразный «рынок насилия» порождает разные типы кризисов в организации и использовании силы. В полной мере он осуществляется там, где еще или уже не существуют государственные структуры. Феномен «не насильственного сопротивления», проявившийся в череде так называемых «цветных революций» является обратной стороной «рынка насилия».

В-третьих, приватизация насилия является следствием трансформации современной социальной реальности, ее дробления и фрагментаризации. Фрагментарность реальности можно выразить в следующем: парадоксальное сочетание реального и виртуального; размывание центра и периферии; утрата целостного образа реальности, индивидуализированность множества субъективных конструкций реальности. Фрагментарная реальность современного общества предполагает новые формы общественной коммуникации, такие как информационные сети. Сеть развивается стремительно, переходя от локальных пространств к глобальным, ее цифровой код утрачивает роль средства, постепенно преобразовываясь в цель. Основным отличием новых сетевых структур современного общества от традиционных является качественно иной «способ их организации». Развитие телекоммуникационных технологий привело к тому, что в XXI в. доминировать стали не локальные информационные обмены, а удаленные и опосредованные контакты, контакты, осуществляющиеся в распределенной коммуникационной среде. Новая архитектура социального пространства стала развиваться в так называемом «сетевом поле». Являясь единым информационным множеством, в котором информация распространяется мгновенно между всеми акторами, поле предстает в качестве среды, позволяющей социальным классам группироваться и перегруппироваться, а социальным институтам формироваться или

переформироваться. Фрагментарная реальность порождает и новые формы противостояния, такие как сетецентрическая или сетевая война, которая ведётся путём осуществления главным образом бесконтактных действий посредством использования мощного информационно-технического и информационно-консциентального потенциала, сведённого в одном пространстве – сети. Решающее значение в сетецентрической войне имеет, следовательно, не физическая, а информационная сфера. Главным действующим лицом на поле боя в сетецентрической войне может стать оператор компьютера, дистанционно управляющий «умными» машинами. При этом самым привлекательным оружием кибер-атак в ходе сетецентрической войны выступает зашифрованная информация, передаваемая по открытым каналам связи (например, в социальных сетях интернета). Сетецентрическая война существенно меняет тактику вооружённого противоборства, способствуя превращению противников в скрытые друг от друга мобильные высокоманевренные системы, действующие по принципу «стаи».

В-четвертых, приватизация насилия сделала возможным возникновение и осуществление такого нового типа войны как «постнациональная война», характеризующаяся размыванием базовых различий, которые были определяющими в войнах между государствами. Как справедливо отметил У. Бек, раскрывая сущность постнациональной войны, «на смену принципу «или-или» приходит принцип «и одно, и другое»: одновременно имеют место и война, и мир; действуют как полиция, так и военные; происходят как преступления, так и боевые действия; страдают как гражданские лица, так и солдаты» [2, с. 202]. Постнациональная война проявляется через два феномена: защита прав человека на зарубежной территории и попытка свести к минимуму глобальный риск терроризма за счет военных средств государств. Таким образом, постнациональная война не ведется в национальных интересах, напротив, она снимает ограничение ответственности государств национальной территорией, превращаясь в своеобразные «мировые полицейские войны». Так, постнациональная война стала продолжением постнациональной политики военизированного гуманизма. В силу этого постнациональная война служит средством камуфлирования незаконной войны, оправданием агрессии.

Французский социолог Г. Бутуль в свое время выдвинул гипотезу о наличии некоего неуничтожимого «импульса войны», который будучи уничтожен в одном месте, заново проявляется в другом. Если это утверждение расширить и применить не только к географическому, но и к социальному пространству, то можно предположить, что осуществляемая в настоящее время приватизация насилия есть следствие того, что исходящие ранее «импульсы насилия» исключительно от государств,

теперь генерируются избранными слоями/секторами социума, способными за них заплатить. Приватизация насилия, перевод контроля над ним в рамки рыночных отношений смещает баланс в распределении безопасности в обществе и снижает способность государства осуществлять прямой контроль над насилием. Вместе с тем снимается вопрос и об оправданности насилия, он заменяется вопросом о стоимости частных военных услуг.

Литература:

1. Панарин, А. С. Россия в циклах мировой истории / А.С. Панарин. – М.: Изд-во МГУ, 1999.

2. Бек, У. Космополитическое мировоззрение / У. Бек. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008.

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ СВОБОДЫ В УСЛОВИЯХ УСКОРЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

В.Э. Смирнов, г. Минск, Беларусь

Социальные инновации являются одним из механизмов, посредством которых совершаются и закрепляются социальные изменения. В настоящее время они представляют собой, модифицируя определение С.А.Шавеля, процесс рациональных, целенаправленных, управляемых изменений, направленных на системное, целостное обновление общества, его отдельных сфер и институтов через преобразование и рационализацию сложившихся повседневных практик и схем отношений между людьми (группами, классами, общностями), то есть социальных институтов.

Однако так было не всегда. Тысячелетиями, пока господствовало, так называемое, традиционное общество, социальные изменения происходили не как социальные инновации в указанном смысле, а с помощью постепенной легитимации сначала запретных, затем допустимых, далее приемлемых и, в конце концов, новых одобряемых практик. В процессе хабитуализации, а затем и сигнификации этих практик происходила их институциализация. Только в Новое время, когда темп изменений общественного производства существенно вырос, а основой легитимации новых норм поведения сделалась наука, социальные изменения в обществе все чаще стали происходить в виде инноваций - рациональных, осознанных и целенаправленных проектов, направленных на изменение определенных социальных практик и институтов. Социальные инновации как механизм реформирования и конструирования социальных институтов общества вышли в это время на первый план, что сопровождалось пониманием того, что именно люди в своей практической деятельности создают и воспроизводят социальные институты.

Несмотря на различные попытки показать естественность возникновения социальных институтов, К. Маркс впервые ясно

продемонстрировал, что «общественные институты являются продуктами исторического развития», и в этом смысле есть не более чем продукт практической деятельности человека. Соответственно, им была поставлена и проблема обновления социальных институтов, суть которой заключается в том, что по мере развития общественного производства система социальных (или, общественных – как у Маркса) институтов также должна развиваться. Однако так как институциональная система общества обладает собственной инерцией, то, согласно Марксу, ее необходимо сменить посредством социальной революции. В процессе развития общественного производства институциональная структура, неизменность которой обеспечивается господствующими классами, перестает ему соответствовать во все большей степени, пока не наступает кризис, который, согласно теории Маркса, разрешается революционным путем.

Тем не менее в XX веке, в «левой» среде на основании грамшистских представлений об обратном влиянии надстройки на базис был сделан вывод о благости перманентного и опережающего (то есть направленного не на удовлетворение существующих, а желаемых потребностей и, в этом смысле, на их генерацию) конструирования социальных институтов. С вхождением европейских «левых» в западный гуманитарный истеблишмент в сфере общественного сознания и идеологии утвердился дискурс, в рамках которого перманентное реформирование, ликвидация и создание новых социальных институтов рассматривается как проявление социального прогресса, освобождение человека, и в этом смысле − важнейшего элемента «левого» дискурса. Однако, на мой взгляд, являясь одним из важнейших механизмов социальных изменений, социальные инновации в условиях быстрой смены предлагаемых практик, тотальной инновационности всех сфер общественной жизни приводят к парадоксальной ситуации – утере личностной свободы, замыканию в мире повседневности, потере цельного мировоззрения и, в конечном счете – к бегству от свободы, сделавшемуся скорее бегством от социальной анархии.

Для понимания этого тезиса обратимся к сути социальных институтов, в частности, на то, что социальные институты, рассматриваемые как типичные реакции индивидов на типичные ситуации (Дж.Мид) имеют еще одну важнейшую функцию, раскрытую П.Бергером и Т.Лукманом в работе «Социальное конструирование реальности». Они есть тематические библиотеки типических практик, или, по словам П. Бергера и Т. Лукмана, инстанции социализации, т.е. процесса, в котором индивидуумы усваивают наборы типизаций и учатся типологизировать самостоятельно. Дело все в том, что типизация помогает индивидам снизить порог неопределенности в состоянии выбора, и тем самым минимизирует затраты интеллектуальных, духовных и эмоциональных

ресурсов. Более того, можно сказать, что именно возможность типизировать повседневные ситуации освобождает индивидуума, предоставляет ему возможность выбирать и принимать решение в ситуации серьезного мировоззренческого, судьбоносного выбора. Верно и обратное, а именно, вынужденная необходимость каждый раз по вопросам повседневным совершать глубокий интеллектуальный и духовный выбор, замыкает человека в сфере повседневного, не оставляет ему ни времени, ни ресурсов для реализации полноценной, поистине человеческой свободы. Более того, сам мир повседневности, понимаемый как мир типизаций, разрушается, утрачивая качество интерсубъективности.

Нельзя не обратить внимания на то, что постмодернистская философия, несмотря на всю свою патетику политического освобождения, достаточно точно подметила утрату человеком личностной, внутренней свободы, связывая понимание ее возможности с проблемой субъекта. Эпоха модерна сконструировала представление о рациональном, самоосознанном и самодетерминированном, т.е. действующем в своих интересах субъекте, свобода которого ограничивается исключительно внешними факторами.

В постмодерном социуме можно увидеть, что одной из сторон проблемы утери социальными институтами тотального, обязательственного статуса, как следствия калейдоскопа социальных инноваций, является проблема разрушения цельности мировоззрения, и соответственно цельности габитуса (Бурдье). Цельность человека определялась цельностью картины мира – символического мира. Целостность картины мира в традиционном обществе определялась тем, что символический мир, отражающий реальность, легитимизовался божественным авторитетом. В эпоху модерна цельность символического мира обеспечивалась цельностью научных парадигм, которые пришли на смену Богу и Авторитету в качестве легитимизующего основания. Однако изменения в общественном производстве, эволюция капитализма привели к тому, что символический мир стал объектом производства, т.е. символы стали создаваться и уничтожаться в целях получения прибыли. Тем самым они решительно утеряли свой «священный» характер, а их система – цельность. Процесс такого производства символов привел к превращению их в симулякры и к эволюции цельного символического мира модерна в мозаичную гиперреальность постмодерна (Бодрийяр).

Примечательно, что эти же процессы совпали с кризисом науки как общественного института, но, вероятно, этот кризис стал не более чем следствием названных изменений в общественном производстве. А именно: капиталистическое общество, производящее символы / симулякры перестало нуждаться в науке как инстанции, поставляющей и обосновывающей мир символов, и более того, враждебно отнеслось к

претензиям науки на это. Науке было указанно на ее место, как в свое время это было сделано по отношению к Богу и Авторитету, а сама их, ушедшая в прошлое, функция осуждена как проявление тоталитаризма и ограничение свободы, при том, что это не более чем свобода капитала проникнуть (капитализировать и сделать объектом получения прибыли) в новую и важнейшую сферу человеческого бытия. Более того, интенсификация социальных инноваций приводит к все большей виртуализации социальных институтов – объектов инновационной деятельности, утрате ими способности к выполнению роли скреп, удерживающих и структурирующих общество. Подобная виртуализация институтов, превращение их в объект «капиталистического производства» (Бодрийяр), не позволяют им, с одной стороны, выполнять свою функцию по обеспечению устойчивых социальных взаимодействий, и, соответственно, по удовлетворению соответствующих общественных потребностей (в макросоциальном плане), и, с другой, лишают индивида возможности для реализации своей свободы во «вне-повседневном» мире, поскольку вынуждают его растрачивать свои интеллектуальные и духовные силы в ситуациях повседневного выбора, в которых ранее господствовала типизация.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СИНТЕЗ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Е.И. Снопкова, г. Могилев, Беларусь

Современный этап развития науки характеризуется рядом факторов, которые обуславливают изменения методологических программ исследовательской деятельности. Под влиянием постнеклассического типа научной рациональности с тенденцией отказа от концепции жесткого детерминизма в направлении многозначности и гибкости [5] изменяется методология педагогической науки. Для повышения качества педагогических исследований необходимо использовать методологические ориентиры естественных, социальных и собственно гуманитарных наук. Такое сближение возможно на основе междисциплинарного подхода в изучении педагогической реальности. Этап постнеклассического познания детерминирует необходимость разработки онтологических, методологических и аксиологических оснований синтетических исследований в области проблематики педагогической науки. В. С. Степин, характеризуя современную науку, делает вывод о том, что становление постнеклассической рациональности «ограничивает поле действия классического и неклассического типов рациональности, но не приводит к их уничтожению» [6, с.75]. В разных познавательных ситуациях могут использоваться традиционные классические и

неклассические образцы, однако они утрачивают статус доминирующих [6].

Анализируя состояние педагогической науки в настоящее время, И.И. Цыркун одной из специфических стратегий ее развития в направлении повышения качества педагогических исследований выделил стратегию рефлексии, выражающую необходимость отражения всех идеалов научного познания: естественнонаучного, гуманитарного и технологического, для решения проблемы «демаркации науки и метафизики, объективного и субъективного в педагогике…» [7, с. 22].

Научная рациональность может быть определена как соответствие теоретических построений, тем средствам познания, нормам и идеалам, которые приняты наукой [1]. Важнейшей особенностью постнеклассического типа научной рациональности, формирующейся с конца XX века, выступает интеграция естественных, технических и социально-гуманитарных дисциплин. В педагогическом исследовании могут присутствовать все идеалы научного познания (естественнонаучный, гуманитарный и технологический) как проявление методологического плюрализма науки XXI века.

Философия науки применительно к задачам научного исследования выделяет следующие основные формы познавательных идеалов и норм: «1) идеалы объяснения и описания; 2) идеалы доказательности и обоснования знаний; 3) идеалы строения (организации) знаний [3, с. 6-7]. В качестве критериев научной рациональности и моделей познания в педагогических исследованиях выступают типы знаний и схемы объяснения и понимания как идеалы объяснения и описания; категории или «категориальные матрицы» (В. С. Степин) как идеалы доказательности и обоснования и методы исследования как идеалы построения и организации знаний. Вышеуказанные формы познавательных идеалов и норм являются основаниями и гарантией осуществления синтетических педагогических исследований в контексте естественнонаучного, технологического и гуманитарного идеалов познания. Еще в начале XX века Ф. А. Бельский, чей вклад в развитие педагогики в настоящее время переосмысливается и открывается заново, писал о том, что нормы и суждения о должном, ценностях без объяснения законов и закономерностей, без научных доказательств есть либо высказывания оракула, либо пустые слова, но не научные положения [2].

В педагогических исследованиях возможен и необходим синтез знаний как продуктов познавательной деятельности в разных моделях научной рациональности. Вслед за И. И. Цыркуном соотнесем вышеуказанные знания с идеалом и нормами научного познания. Естественнонаучный идеал познания актуализирует вопросы: «Что есть?» и «Почему?». Гуманитарный тип научной рациональности позволяет

реализовать свое видение реальности, объяснить ее с учетом места в ней ученого и другого человека [7]. Недооценка естественнонаучных знаний в педагогической теории и практике ведет к ряду непрерывно воспроизводящихся разрывов (термин Г.П. Щедровицкого) между целями образовательной деятельности и ее результатами. Научные (естественнонаучные) знания позволяют взглянуть на объекты как на естественные процессы, протекающие объективно, не зависимо от человека и подчиняющиеся своим внутренним законам и механизмам. Этот тип знаний приобретает следующее оформление: «При наличии условий p и q с объектом А будут происходить изменения b, c, d» и «Изменения объекта А подчиняются закону Г» [8, с.215].

Технологический тип научной рациональности оперирует знаниями исключительно с точки зрения деятельности, которые принято называть практико-методическими и конструктивно-техническими. Практико-методические знания центрированы на продукте деятельности, организованы как предписания для ее осуществления и могут быть выражены формой вида: «Чтобы получить продукт Е, надо взять объект А и совершить по отношению к нему действия α, β, γ» [8, с. 212]. Конструктивно-технические знания показывают, что происходит с заданным объектом, если мы на него определенным образом подействуем: «Если к объекту А применить действия α, β, γ, то получится объект Е [8, С.213].

Единство науки не означат ее единообразия, наличие «особых форм, типов научности определяется прежде всего многообразием форм объективной действительности, отражаемой в науке…» [4, С.83]. Педагогика как отрасль научного знания является полипарадигматической наукой, что проявляется в том числе и в синхронистическом плюрализме естественнонаучного, гуманитарного и технологического типов научной рациональности.

Литература:

1. Берков, В. Ф. Философия и методология науки: Учеб. пособие/ В. Ф. Берков. – М.: Новое знание, 2004.

2. Бєльский, Ф. Педагогіка як наука. / Ф. Бєльський. – Луганськ, 1929.

3. Идеалы и нормы научного исследования / Ред. кол. М. А. Ельяшевич и др. – Мн.: Издательство БГУ, 1981.

4. Кезин, А. В. Научность: эталоны, идеалы, критерии/ А. В. Кезин. – М.: Издательство МГУ, 1985.

5. Современная наука: ценностные ориентиры: Учебно-метод. пособие / Под общ. ред. Я. С. Яскевич.– Мн.: РИВШ БГУ, 2003.

6. Степин, В. С. Наука и философия/ В. С. Степин // Вопросы философии. – 2010.№8.

7. Цыркун, И. И. Нерешенные проблемы и стратегии развития педагогической науки/ И. И. Цыркун // Адукацыя і выхаванне. – 2011.№8.

8. Щедровицкий, Г. П. Об исходных принципах анализа проблемы обучения и развития в рамках теории деятельности / Г. П. Щедровицкий. Избранные труды. – М.: Шк. Культ. Полит., 1995.

УКРАИНСКАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Е.М. Степико, г. Киев, Украина

В современном глобализирующемся мире проблема сохранения культурной идентичности приобретает приоритетное значение. Под глобализацией мы имеем ввиду «объективный, естественный процесс распространения достижений «высоких» культур на весь мир, прежде всего на культуры «низшие» с целью их приближения к культуре передовых стран» [1].

Представляя собой процесс объединения различных государств на основе экономических интересов, глобализация выходит за рамки экономической сферы и затрагивает политическую и культурную сферы. Таким образом, формируется единая сфера мировой рыночной экономики – геоэкономика и роль отдельных государств перестает быть доминантной.

Нас в нашем исследовании будет интересовать влияние глобализации на культурную сферу и на культуру Украины в частности. Процесс глобализации очень амбивалентен – в то время, как одни народы глобализируются, другие могут находится совсем на другой стадии развития. Интересно, что глобализационный процесс вызывает более быстрое развитие культурного национализма, который по природе своей совсем противоречит глобализации. Развиваясь параллельно, эти два явления подпитывают друг друга.

Глобализация предусматривает очевидную культурную унификацию по западному образцу, в процессе которого социум постепенно отказывается от своих культурных особенностей и приобщается к чужой культуре, которая влияет на него. Глокализация (концентрация культурных особенностей национальной культуры) приводит к усилению самоидентификации локальных культур, то есть к стремлению отдельного народа к консолидации в рамках своей культуры. Первая тенденция проявляется в формировании глобальной метакультуры, вторая – способствует проявлению аутентичных черт культур отдельных государств.

Нельзя сказать, что глобализация является негативным процессом, так как она приносит модернизацию способов коммуникации, улучшение условий жизни и развития общества, урбанизацию, что в целом это приводит к улучшению уровня жизни. На самом деле, конкретные

локальные культурные условия – одежда, язык, привычки повседневной жизни, ценности, географические особенности – препятствуют полной смене жизни по определенным стандартам, даже по самым лучшим. Еще одной сферой культурной глобализации есть глобализация интеллигенции. Она распространяется с помощью разнообразных фондов, негосударственных организаций, структур, занимающихся проблемами культуры. Она продуцирует установки поведения западного образца – демократические ценности, концепцию прав человека, идеологию здорового образа жизни, защиты окружающей среды и т.д.

Рассмотрим процесс глобализации на примере влияния глобализационных процессов на культурную ситуацию в Украине. Украина за все время своего существования подвергалась влиянию разнообразных культур, так как в течении очень длительного времени территория страны находилась в составах других государств – Великого княжества Литовского, Польши, Молдавии, Венгрии, Российской и Австро-Венгерской империй и, позднее, в составе Советского Союза. И только в 1991 году Украина стала независимым государством среди цивилизованного международного сообщества. Таким образом, всего 22 года Украина развивается отдельно от влияния извне. Хотя этнический состав нашего государства достаточно разнообразный, большинство жителей – украинцы («по данным Всеукраинской переписи населения 2001 года, в ней живет 77,8 % этничных украинцев» [2]). Также Украину населяют русские (17,3 %), белорусы (0,6 %), молдаване (0,5 %), крымские татары (0,5 %), болгары (0,4 %), венгры (0,3 %), румыны (0,3 %), поляки (0,3 %), евреи (0,2 %), армяне (0,2 %), греки (0,2 %) и татары (0,2 %). Следует учитывать также тот факт, что разные области территории Украины находились в свое время под влиянием разных государств, что значительно повлияло на формирование культур в этих регионах.

Сейчас целью украинской культурной политики является формирование единой культурной политики для всего государства, с учетом специфики отдельных регионов и влияния современных глобализационных процессов. Поскольку глобализация является достаточно амбивалентным процессом, прежде всего обусловленным экономическими процессами, то ее влияние на культурную политику не должно быть стихийным, а упорядоченным и разумным. Президент Украины, Виктор Янукович отметил следующее: "Культурная глобализация, таким образом, имеет потенциал информационных войн, заключается в манипуляции сознанием граждан и насаждении чужих ценностей и мировоззрения. Также она обусловливает проникновением безнационального культурного продукта (например, так называемые клубная музыка и клубная культура), часто - сомнительной культурной и духовной ценности. Показательным является опыт Франции. Несопоставимость экспорта уникальных шедевров

искусства и импорта голливудских фильмов заставили власть начать проект "культурного исключения", по которому законы рынка производства и конкуренции не должны распространяться на культурные ценности" [3].

Таким образом, мы можем сделать вывод - несмотря на то, что взаимодействие культур есть необходимым условием для развития самих культур, в межкультурном взаимодействии есть значительные недостатки. Всегда может найтись более сильная, более агрессивная культура, которая может, с помощью давления, вызвать радикальные изменения в другой культуре. Так что глобализационые процессы должны внедряться с большой осторожностью.

Литература:

1. Кононенко, Б.И. Глобализация / Б.И. Кононенко //Большой толковый словарь по культурологии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/1464/Глобализация

2. Грабовський, С. Україна – не Африка? “Білі негри” у пошуках самих себе / С. Грабовський. – Ніжин: Видавець ПП Лисенко, 2012.

3. ЛігаБізнесІнформ. Янукович: экспансия низкопробного кино из России вредит культуре [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://news.liga.net/news/politics/862880yanukovich_ekspansiya_nizkoprobnogo_kino_iz_rossii_vredit_kulture.htm

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ В ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЕ

О.В. Терещенко, г. Минск, Беларусь

Интернет, в котором осуществляются в разных формах общение и коммуникация, профессиональная и образовательная деятельность, а также отдых и развлечения, по традиции, заложенной М. Маклюэном, [1] чаще всего рассматривается позитивно, как среда, способствующая расширению возможностей человека. Однако, как всякая среда обитания человека, она может нести в себе также угрозы, осуществление которых более или менее вероятно, – другими словами, социальные риски.

Понятие социального риска здесь рассматривается в самом широком смысле, согласно которому риск всегда социален, поскольку продуцируется социальными субъектами, а его последствия влияют на их существование и взаимодействие [2, с. 10] Социальный риск не является следствием причин, обусловленных природными или технологическими процессами, а также индивидуальными биологическими и поведенческими особенностями отдельных индивидов. Он представляет собой опасность, возникающую и проявляющуюся в рамках социальной сферы общества, которая может отрицательно сказаться на жизнедеятельности отдельных социальных групп. В условиях социальных изменений риск может рассматриваться как результат несоответствия действий субъекта и объекта риска изменениям социальной среды [3, с. 56–57]. Именно эта

разновидность рисков возникает в виртуальной среде, развитие которой опережает процессы приспособления человека к происходящим изменениям.

Социальные риски в виртуальной среде можно разделить на системные, свойственные всему интернету или большинству его ресурсов, и частные, характерные для ресурсов определенного вида или даже отдельных сайтов. К системным рискам могут быть отнесены интернет-зависимость, потеря конфиденциальности, нарушения права на информацию и авторских прав. *Интернет-зависимость* представляет собой зависимость от функций, выполняемых компьютерами [4, с. 125] или другими коммуникативными устройствами – планшетом, мобильным телефоном и т. п. Основными функциями коммуникативных устройств являются доступ к информации, ее обработка и распространение, коммуникация (общение) и времяпрепровождение. Если у человека в компьютере «вся работа» или «вся жизнь» (включая каналы связи с коллегами и друзьями, «френдов» в социальных сетях, постоянных членов любимых форумов, команды в многопользовательских играх, галереи фотоснимков, коллекции кинофильмов, собрания шуток, etc.), любое нарушение работы устройства или связи может привести к негативным последствиям разной степени тяжести.

Потеря конфиденциальности осознается далеко не всеми пользователями интернета и имеет более широкий смысл, чем несанкционированный доступ к информации, хранящейся на интернет-ресурсах или в компьютерах предприятий, организаций, частных лиц. Зарегистрировавшись на сайте под вымышленным именем, пользователь ощущает себя в безопасности, в то время как современное программное обеспечение позволяет легко отследить логины, использованные им в других ситуациях, и использовать уже имеющуюся о нем информацию в манипуляционных целях. Например, впервые обратившись в книжный интернет-магазин, пользователь может «случайно» обнаружить на его первой странице десятки книг исключительно по своей профессии, однако трудно проверяемого качества. Мошенники и манипуляторы используют информацию, передаваемую при осуществлении процедур интернет-банкинга и транзакционные данные, образующиеся при расчете банковскими картами за офлайн-покупки. Грубым нарушением конфиденциальности является размещение в интернете фотографий, видео- и аудиозаписей, сделанных с использованием телефонов и др. аппаратов, доступных сегодня каждому, – без согласия и/или ведома «объекта» О. В. Сергеева относит к «проницаемости личных границ» также возможность вторжения в домашний компьютер вирусов, а также киберпреступников, «стремящихся обнаружить наши внутренние тайны и пытающиеся управлять нашими детьми» [4, с. 127].

Еще одна группа системных рисков связана с дилеммой права на информацию и авторских прав. *Право на свободный (бесплатный) доступ к информации* распространяется, в первую очередь, на информацию о происходящих событиях (для журналистов и потребителей СМИ), официальную информацию, касающуюся функций государства и органов самоуправления, рецензируемую научную информацию, коды программного обеспечения и базы данных. Оно поддерживается идеологией сокращения цифрового разрыва между социальными группами с разным уровнем достатка, движением за свободный доступ, движением открытого кода, рядом влиятельных организаций. Основные риски связаны с возможной недостоверностью, предвзятостью, тенденциозностью, неполнотой информации, предоставляемой как бесплатно и без ограничений, так и платно и/или с ограничениями.

Авторское право на информацию, в том числе находящуюся в открытом доступе, подтверждается знаком охраны авторского права, который состоит из латинской буквы «С» в окружности, имени или наименования правообладателя, года первого опубликования произведения. Риски, связанные с нарушениями авторских прав, могут заключаться в несанкционированном доступе к платной или закрытой информации, а также неправомерном использовании информации (как открытой, так и закрытой).

Частные риски в виртуальной среде можно классифицировать по разным основаниям. Здесь мы ограничимся рисками, связанными с контентом интернет-ресурсов, деятельностью интернет-сообществ и поведенческими рисками. *Риски, связанные с контентом*, помимо рассмотренных выше права на информацию и авторскими правами, возникают обычно в двух ситуациях: когда контент является запрещенным (например, жесткое порно), но при этом доступным и даже навязываемым пользователям интернета, и когда контент не соответствует возрасту, но доступен возрастным группам, для которых он не предназначен (например, эротика).

Социальные риски также несет в себе *деятельность ряда интернет-сообществ*: деструктивных (например, клубы самоубийц, чайлд-фри и др.), пропагандирующих насилие и жестокость (дог-хантеры и др.), культивирующих ценность риска и рисковое поведение посредством продвижения рискованных видов «спорта» (паркур, зацепинг и др.) Кроме того, в интернете ведут свою деятельность запрещенные, однако существующие в «реале» организации, например, деструктивные секты, террористические группы и др.

Наибольшим разнообразием отличаются *поведенческие риски* в виртуальной среде, мы только перечислим наиболее распространенные из них. В первую очередь, это риски, связанные с развивающейся индустрией

компьютерных игр (многопользовательские онлайн-игры, интернет-казино, присутствие реальных казино в интернете, букмекерские конторы), которые отличаются более низким барьером включения в игру, чем игры в реальной среде, могут формировать стойкую игровую зависимость, приводить к значительным финансовым потерям, невыплаченным догам и реальной мести за них. Высокой сферой риска для детей являются знакомства с педофилами, ведущими в виртуальной среде активную деятельность. «Платонические» романтические отношения в социальных сетях могут способствовать не только ухудшению семейных отношений, но также увеличению числа жертв брачных аферистов. Интернет-шопинг создает высокой риск пострадать от мошенничества. Наконец, коммуникативная культура многих дискуссионных интернет-сообществ (форумов, блогов) отличается грубостью лексики, оскорблениями в адрес «чужаков».

Прослушивание американскими спецслужбами разговоров канцлера ФРГ по мобильному телефону является наглядным подтверждением того, насколько высоки риски в виртуальной среде для «обычного» человека.

Литература:

1. Маклюэн, М. Понимание медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн. – М., 2003.

2. Зубков, В. И. Социологическая теория риска / В.И. Зубков. – М., 2003.

3. Жмайло, А. И. Социальный риск: особенности определения / А.И. Жмайло // Экономика и управление Научная сессия МИФИ-2008. – Том 14. – М., 2008.

4. Сергеева, О. В. Повседневность новых медиа / О.В. Сергеева. – Волгоград, 2010.

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ЛИЧНОСТИ В СИТУАЦИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ

И.А. Фурса, г. Минск, Беларусь

Известны различные попытки систематизировать социальные последствия влияния информатизации, глобализации, виртуализации. Детальнее описаны и изучены социальные последствия процесса информатизации общества. Примером системного подхода к анализу социальных последствий информатизации общества является исследование К. Хессига и произведенные на его основе обобщения. Швейцарский исследователь рассматривает последствия информатизации, применяя их деление на сферу действия культуры, политики, экономики и международных отношений [6, с. 91-92]. Не претендуя на универсальность применяемого подхода, разделим возможные для личности социальные риски, определяемые характером ее взаимодействия в информационном

обществе, на несколько групп, ориентируясь на сферу преимущественных влияний. Тогда можно выделить следующие аспекты исследования специфики функционирования личности в современном информационном обществе: 1) социально-психологические; 2) социально-трудовые; 3) социально-нормативные; 4) культуральные.

Специфической чертой современного состояния развивающегося информационного общества является ситуация неопределенности, наличия множественных альтернатив для развития личности. Появление такой ситуации Д.В. Иванов связывает с парадоксальной трансформацией социальной реальности в условиях социокультурного сдвига от модерна к постмодерну, подразумевая под этим как пролонгацию, так и разрыв традиционных для модернистской парадигмы ценностных ориентиров – свободы и прогресса. Автор пишет: «… с деактуализацией ценностей общество развеществляется: оно становится эфемерным, абсурдным, ирреальным, но продолжает существовать» [2, с. 71-72]. Интересна позиция личности в ситуации критики привычных символов, всеобщего сомнения, демобилизации длительное время господствующих представлений об институциональных образованиях. Современные условия могут стимулировать как становление самосозидающей, ищущей, новаторской личности, так и растворение индивидуальности в технологизированном мире иллюзорных социальных контактов и эмоций, утрату подлинной человеческой сущности в погоне за бесконечно сменяющими друг друга «идеалами» потребительского общества. Ф. Джеймисон, анализируя феномен консьюмеризма во взаимосвязи с логикой постмодернизма, аллегорически иллюстрирует эту ситуацию следующим образом: «монадический субъект больше не может прямо взирать на реальный мир, чтобы найти в нем искомый референт, но должен, как в случае платоновской пещеры, следить за ментальными проекциями этого мира на стенах, в которые он заключен» [1, с. 68].

В.Л. Иноземцев отмечает, что важнейшее отличие современного работника от традиционного заключается в новом характере стимулов и мотивов, их трансформации из внешних, задаваемых стремлением к росту материального благосостояния, во внутренние, порождаемые жаждой самореализации и личностного роста [3]. В таких условиях возникает необходимость синтеза прагматического и этико-философского подходов к гуманизации труда для раскрытия человекообразующего потенциала трудовой деятельности.

Характеризуя социокультурные условия формирования личности в современном обществе необходимо отметить роль медиакультуры. Усложнение социальных связей, интенсификация информационных потоков, тотальная взаимозависимость и другие общественные явления еще в конце прошлого столетия заставили исследователей обратиться к

«пониманию медиа» (М. Маклюен, Н. Луман). Медиакультура накладывает своеобразный отпечаток на целостную матрицу социальных отношений: предполагает не просто комплексное усвоение человеком информации из окружающего мира за счет множественных массовых коммуникаций, но центрирование личности в потоке разнородной информации, «массовой не с точки зрения размера, а в плане мгновенного инклюзивного охвата» [4, с. 402]. Медиакультура ознаменовывает переход ко все большей открытости и усложнению мира. Размывание границ между феноменами «массового» и «элитарного» как отличительная черта информационного общества определяет дискурсивные трансформации социального пространства, влияющие на общество и индивидуальное сознание, которые находятся «под властью репрессивного целого» [5,с. 10]. Аудиовизуальные и вербальные каналы медиакультуры, создающие новую социальную реальность, а не только выполняющие посредническую функцию связи между отправителем и получателем, становятся не менее важны для понимания мира, чем сама информация, передаваемая с их помощью. Пространство медиакультуры, производимые и транслируемые ею образы, являются, с одной стороны, важнейшим процессом современной социодинамики с точки зрения эволюции цивилизации, расширения социальной памяти, важным каналом экстериоризации человеческих способностей, с другой, – благодатным условием для развития социального конформизма, задаваемого рамками подконтрольного медиасреде общественного сознания, а также формирование иллюзорной реальности, комфортной для личности, ориентированной на «тиражированные» стандарты.

Проблемы межкультурного взаимодействия выводят на первый план проблемы культурной самоидентификации личности. Сложность заключается в многозадачности: для современного человека актуален вопрос соблюдения баланса при усвоении прогрессивных образцов из массива мирового культурного наследия и противостояния «зомбирующим» стандартам, являющимся следствием продуманной маркетинговой стратегии мировых торговых гигантов. Человек должен списаться в глобальный техногенный мир, не утратив личностной автономии и национальной аутентичности. То есть возникает вопрос границ толерантности современной личности.

Таким образом, доминантные субстраты информационного общества, определяя социальные риски личности, способствуют закреплению наиболее адаптивных качеств личности. В число таких индивидуальных характеристик можно включить индивидуализм, адаптивность, критичность (формируются вследствие информационной революции – экспоненциального роста объема новой и тиражированной информации); толерантность, космополитичность (кристаллизуются под

влиянием глобализационных процессов, интегрирующих экономическое, политическое, социальное и культурное пространство различных стран); системное мышление, развитые технические компетенции (являются итогом приспособления к информатизационным процессам поколения «дигитальных иммигрантов» и социализации в технологизированном мире поколения «дигитальных аборигенов»); высокий уровень социальной мобильности, креативность, плюрализация взглядов, модульность (фрагментированность) мировоззрения, приспособленность к виртуальным взаимодействиям (появляются в процессе экспансии масс-медиа на сознание личности, развития различных видов симулятивной деятельности, закрепления правил виртуальности в социальной жизни общества).

Литература:

1. Джеймисон, Ф. Постмодернизм и общество потребления / Ф. Джеймисон. // Логос. – 2000. –№ 4.

2. Иванов, Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0 /Д.В. Иванов. – СПб.: «Петербургское Востоковедение» , 2002.

3. Иноземцев, В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы: учеб.пособие для студентов вузов / В.Л. Иноземцев. – М.: Логос, 2000.

4. Маклюен, Г.М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / Г.М. Маклюен. – М.: «Гиперборея», 2002.

5. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. – М., 1994.

6. Соколова, И.В. Социальная информатика / И.В. Соколова. – М.: Перспектива, 2008.

ПРОЦЕССНОЕ ВИДЕНИЕ ПРЕДУСТАНОВЛЕННОЙ ГАРМОНИИ

А.С. Харитонов, г. Москва, Россия

Единство в многообразии - это закон красоты, гармонии и соразмерности. Он характеризует эволюцию природы. Из одного многое проистекает по закону красоты, гармонии и соразмерности. Логос как закон скрытой гармонии был сформулирован впервые на качественном уровне, по-видимому, ещё Гераклитом Эфесским, а символом этого закона были выбраны пентаграмма и додекаэдр. В пентаграмме хорда делится на три части по золотой пропорции, отображая деление трёх сущностей по золотому сечении, а в додекаэдре это действо повторяется многократно.

Исследование законов красоты и структурной гармонии в открытых системах рассматривает красоту и гармонию отношений как уникальные и редкие случаи в природе, оставляя открытым вопрос, о причине эволюции всех выживающих систем к гармонии отношений.

Исследования автора показали.

1. Математика, построенная на догмате натурального ряда и геометрии Евклида, описывает только предметные законы природы, предполагая существование внешней силы, как причину движения и взаимодействия предметов. Так статическая физика материальных точек описывают эволюцию замкнутых систем к максимальному хаосу и деградации форм энергии, то есть, в полном противоречии с опытом эволюции сложных систем и законом Предустановленной гармонии, как его позже назвал Г. Лейбниц.

2. Математику можно строить на модели числа (единицы) как бесконечное взаимодействие Бытия и Небытий по закону Предустановленной гармонии [1-3]. Этой модели числа соответствует процессное видение законов природы, как системы состоящей из взаимодействия трёх различных процессов, стремящихся к золотой пропорции разными способами. Состояние трёх процессов по золотой пропорции неустойчиво, так как в этом состоянии генерируются новые структуры, приводящие к самодвижению природы. Варианты устойчивой части взаимодействия трёх процессов привели к видимому многообразию природы. Математический аппарат такого видения содержит новый инвариант природы и уравнение его симметрии, полученные за счёт введения новых математических функций (мер хаоса и порядка) и трёх взаимосвязанных пространств событий.

Мера порядка связана с H функцией Л.Больцмана и количеством информации К. Шеннона, а мера порядка - новая функция для теории вероятностей и статистической физики - учитывает запрещённые состояний для стационарных процессов в системе. Сумма мер хаоса и порядка равна постоянной величине. Приращение меры хаоса описывает процесс рассеяния свободной энергии, а меры порядка - процесс её концентрации.

Равенство мер хаоса и порядка в трёх взаимосвязанных пространствах событий определено как новый инвариант природы и новая модель статистического равновесия противоположных процессов. Уравнение симметрии его преобразования описывает шесть типов внутренних возмущений – актов творения Бытия из Небытия и обратно. Многократное повторение одинаковых актов творения формирует организации из одинаковых актов и служит механизмом их отбора по исходному подобию. Организации существуют и возникают при взаимодействии трёх различных процессов рассеяния энергии по золотой пропорции двумя противоположными способами за счёт либо уменьшения своего структурного многообразия, либо его увеличения. Организация гибнет, если её три процесса рассеяния энергии не достигают между собой гармонии отношений.

Гибель и смерть организаций выполняет функции автоматического регулирования или естественного механизма обратной связи: всё, что не в гармонии, уходит в Небытие, формируя организацию Бытия по закону золотой пропорции. Если при взаимодействии между организациями с разной структурой возникает гармония отношений, происходит дальнейший рост многообразия различных организаций. Так что последующие организации могут быть сложнее предыдущих за счёт многократного повторения гармонии отношений между различными взаимодействиями. Имеет место процесс развития организации в изолированной системе за счёт многократного повторения гармонии отношений. При этом термодинамические параметры, определенные как первый момент распределения этих процессов рассеяния энергии, могут не сохраняться, а натуральный ряд, геометрия Евклида и биномиальное распределение, как предметное описании явлений природы, оказываются всего лишь частными случаями процессного описания организации природы.

Различные рекуррентные действия уже с золотой пропорцией и её внутренней симметрией позволили ввести новые математические объекты: фрактал золотой пропорции, фрактальные свойства целых чисел и новые уравнения, например, описывающие модель развития организаций по тройной золотой спирали. Две спирали, характеризующие распределение координат и импульсов, сжимаются с шагом ряда Фибоначчи, а спираль, характеризующая структуру организаций, разворачивается с шагом ряда Люка, сохраняя единое и целое постоянным в развитии многообразия организаций природы. Соответственно нарушение гармонии отношений приводит к гибели организации, и её разложению на более примитивные организации, удовлетворяющие гармонии отношений.

Литература:

1. Харитонов, А.С. Модель числа / А.С. Харитонов // Казначеевские чтения: материалы научной конференции. – Новосибирск. – 2012. – №3.

2. Харитонов, А.С. Математические начала синтеза принципов дуализма и триединства / А.С. Харитонов // Метафизика. – М., 2012. – №1(3).

3.Харитонов, А.С. Практикующая философия: religio и математический аппарат холизма (о необходимости восстановления телеологического подхода) / А.С. Харитонов, В.В. Шмидт // Вопросы религии и Религиоведение. – Вып. 2. – Т. 1. – 2010.

КОНЦЕПТ «ИННОВАЦИЯ» КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

А.В. Цыра, г. Одесса, Украина

Инновационность в развитии всех сфер общественной жизни современного социума порождена бурным развитием постнеклассической науки. Инновационность, как научное понятие отражает не просто отдельное нововведение в получении нового знания, открытие новых свойств и закономерностей исследуемого процесса, объекта, но прежде всего вклад в развитие экономической сферы бытия социума. В конечном счете , эта деятельность выражает процесс приращения интеллектуального капитала общества.

Центральным концептом этой деятельности выступает «инновация». В философской литературе существует множество дефиниций концепта. Под ним понимают философские категории, выступающие пространством мышления – говорения о мире, о положении и роли человека в нем (К.А. Зуев и Е.А. Кротков); средство представления полного изменения конфигурации мира (С.С. Неретина); понятие, служащее смысловой упаковкой вещей и напоминающие мир платоновских сущностей (Ф.В. Лазарев); базовую когнитивную сущность, позволяющую связывать смысл со словом, которое мы употребляем (Ж. Ришар); форма многомерного мышления, выражающая смысловое наполнения знака, содержание понятия, средство формирования научных категорий (Л.Н. Богатая) и ряд других подходов.

В системно-структурном подходе, где под системой понимается «любой объект, в котором имеет место какое-то отношение, обладающее некоторым заранее определенным свойством» [1, с. 120], концепт исследуется в качестве смыслового оформления ее системных параметров и прежде всего, атрибутивных. В этом срезе концепт предстает как определенное свойство, заранее предполагаемый смысл (что очень важно для характеристики «инновации»), заранее известные субъекту цели, какая-то исходная информация, существующая для системного представления исследуемого объекта на которую познающий субъект опирается. В таком случае, структура должна представлять собой такое системообразующее отношение, которое должно соответствовать принятому концепту. Что же касается субъекта – то это сама «инновация», выступающая фактором (элементом) опережающего мышления и произрастающая из имеющихся в содержании системы новаций.

Исследование инновации как концепта характеризует ее как «нововведения, внедрения, высокую эффективность, результат интеллектуального решения… конечный результат интеллектуальной деятельности человека, его фантазии творческого процесса, открытий, изобретений и рационализации в виде новых или отличных от предшествующих объектов» [2, с. 89].

«Инновация» как система, обладающая внутренним интеллектуальным ресурсом, обладает рядом атрибутивных параметров.

Во-первых, имманентностью, поскольку она связана с прогрессивным развитием исследуемого объекта, радикальным изменениям его качества, переводом его в бифуркационное состояние. В эволюции новаций и модернизации содержания объекта на определенном этапе развития возникает «бифуркационная дихотомия», определяемая переходами в направлениях к инвариантным аттракторам, когерентно коррелирующихся с информационными потоками, обуславливающими эффективность инновационного развития объекта. Инновация здесь уже предстает как исходное звено в развитии объекта, но уже новой системы.

Во-вторых, детерминированность. Здесь инновация предстает как социокультурный феномен, который пронизывает все сферы человеческой деятельности – экономическую, техническую, технологическую, организаторско-управленческую, информационную, социальную. Следовательно они детерминированы целями, задачами, растущим спросом и структурируются, исходя из конкретных человеческих потребностей и практических целей, а также индивидуальных психологических особенностей людей, принимающих эти инновационные новшества и решения.

В-третьих, устойчивость и стабильность инновации как системы. Они постоянно воспроизводят себя во всех сферах человеческой деятельности, выражая тем самым прогрессивное развитие конкретного направления человеческой деятельности. Они выражают диалектический характер развития как движения от старого к новому, от простого к сложному.

В-четвертых, атрибутивным параметром инноваций выступает вариативность. Это означает, что инновации характеризуются изменением своего содержания, но в тех пределах, которые обуславливают их новизну, эффективность, потребность социума. С этих позиций инновации чаще регламентируются требованиями найти способ как их «направленно изменить», «сконструировать», «осмысленно воспроизвести», «построить в заданных условиях», «реализовать и получить экономический эффект».

В-пятых, уникальность инноваций. Уникальность употребляется обычно для обозначения редких, единственных в своем роде свойств, качеств и самих предметов. Она означает неповторимость, исключительность, чрезвычайность, небывалость в рамках данного класса вещей, объектов. Помимо этих характеристик уникальное обладает индивидуальностью, в отдельных случаях невоспроизводимостью, относительным характером и, обязательно, социальной новизной, что является детерминирующей составляющей смыслового поля уникального. Уникальное по своему смыслу объективно неопределенно, его не с чем отождествлять, оно содержит в себе абсолютный момент различия. Последнее в большинстве своем размывается с течением времени, уступая

место новым инновациям. Следовательно, сама суть развития подразумевает порождение уникального, неповторимого, не укладывающегося в актуальную реализованную обратимость, повторяемость, цикличность.

Внутренне упорядоченный закономерный характер развития предполагает, с одной стороны, регулярность, повторяемость, а с другой – порождает уникальное, неповторимое, выходящее в этой своей уникальности за рамки специфических закономерностей предшествующих этапов развития. Диалектичность этого процесса здесь заключается в том, что уникальное отчасти включено в закономерное, но отчасти выходит за его рамки, отрицает его, порождая новые закономерности развития объекта. В таком случае закономерность сама складывается как устойчивое сцепления ряда уникальных событий.

Инновации всегда уникальны в момент их внедрения в науку, производство, социальные сферы жизни социума.

Несомненно, в структуре инноваций можно выделить и обосновать ряд других атрибутивных и реляционных параметров, но выделенные нами выше являются наиболее существенными, базовыми.

Таким образом, инновацию как социокультурный глобальный феномен можно эксплицировать как атрибутивный основополагающий механизм развития социомерных систем, основывающийся на интеллектуальной собственности социума и используемой для эффективного развития всех сторон социально-экономического бытия социума, достижение и реализации его целей и устремлений.

Литература:

1. Уемов, А.И. Системный подход и общая теория систем/ А.И. Уемов. – М.: Мысль, 1978.

2. Старжинский, В.П. Динамика науки и инновационное развитие/ В.П. Старжинский, В.В. Цепкало. – Минск, БНТУ, 2013.

ХРИСТИАНСТВО И СОВРЕМЕННАЯ ЭКОКУЛЬТУРА

О.Г. Шаврова, г. Минск, Беларусь

В условиях глобальной социально-экологической нестабильности актуализируется необходимость формирования нового экологического мировоззрения, адекватного реалиям современного мира. Глобальные изменения, определяющие темпы и характер цивилизационной динамики, обостряют проблему поиска оптимальных способов взаимодействия культурных и религиозных традиций. Целью межрелигиозного диалога в глобализирующемся мире становится укрепление толерантных взаимоотношений между конфессиональными общностями, обеспечение мирного и согласованного сосуществования религий и религиозных объединений, а также организация сотрудничества по решению

важнейших проблем развития современной цивилизации. Религиозные традиции играют важную роль в становлении и развитии экологического сознания, экологической этики и экологической культуры.

Особое внимание в христианской экологической концепции уделяется религиозно-этическим аспектам мировой социодинамики. Признается тесная связь экологических проблем с проблемами войны и мира, научно-технического прогресса, социального неравенства, религиозной терпимости и др.

В «Основах социальной концепции Русской православной церкви» выражается глубокая обеспокоенность церкви проблемами, порожденными современной цивилизацией, важное место среди которых занимают экологические проблемы. Обострение экологической ситуации связывается и с тем, что «отношения между человеком и окружающей природой были нарушены в доисторические времена, причиной чего послужило грехопадение человека, и его отчуждение от Бога». Роль и значение развивающейся «экологической этики» определяется тем, что «руководствующееся ею общественное сознание высказывается против потребительского образа жизни, требует повысить нравственную и юридическую ответственность за вред, нанесенный природе, предлагает ввести экологическое обучение и воспитание, призывает объединить усилия по защите окружающей среды на базе широкого международного взаимодействия». В документе раскрывается антропогенная основа современных экологических проблем, взаимосвязь антропологии и экологии, духовного и экологического кризиса [1, с. 70–73].

Содержание и специфику экологической концепции католицизма обуславливает стремление католических теологов осмыслить сущность и последствия научно-технического прогресса и цивилизационного развития. Рассуждая о «жизни в миру», Иоанн Павел II пишет: «Мы осваиваем природные ресурсы и пользуемся ими, не зная меры. В результате возникает прямая угроза природе как естественной среде обитания человека – нашему общему «дому». Во имя нынешних и будущих поколений непременно должна восторжествовать этика почитания человеческой жизни и достоинства» [2, с. 70]. Католическая трактовка экологических проблем современности ориентирует каждого отдельного человека и общество в целом на духовно-нравственное совершенствование путем установления «трансцендентной связи с Богом».

Экологические проблемы рассматриваются в католицизме во взаимосвязи с другими глобальными проблемами: войны и мира, технологической и экономической отсталости, демографического развития, охраны и укрепления здоровья людей, образования и культурного роста и др. В послании ко Всемирному дню Мира «Если хочешь взращивать мир – береги творение» Бенедикт XVI, отмечая

возрастающее количество мировых угроз, выделяет «угрозы, возникающие из-за пренебрежения – или даже злоупотребления – по отношению к земле и природным благам, дарованным нам Богом». Бенедикт XVI призывает к «экологии человеческой природы» и поддерживает усилия по воспитанию экологической ответственности, которая «будет утверждать с обновленной убежденностью нерушимость человеческой жизни в любой ее фазе и в любом состоянии, достоинство личности и незаменимую миссию семьи, в которой учат любви к ближнему и бережному отношению к природе» [3].

Ряд проектов, посвященных решению глобальных проблем современного общества, осуществляется христианскими конфессиями на основе диалога и сотрудничества. Эти проекты отражают стремление к выработке ответов на наиболее важные вопросы современности: поиск путей всеобщего мира, защита окружающей среды, права человека, проблемы справедливости, религиозной терпимости, христианской интеграции и др. К глобальным экологическим проблемам обращается экуменическое движение, выступающее за взаимопонимание и сотрудничество христианских конфессий и их взаимодействие с различными религиями мира: буддизмом, исламом, иудаизмом и др. Современный экуменизм развивается как движение христианских церквей за устранение разобщенности между ними и сплочение церковных сил в международном масштабе под лозунгом «через единство церквей к единству человечества». Особая роль в развитии экуменизма принадлежит протестантским организациям, многие из которых активно поддерживают движение в защиту окружающей среды и реализуют различные социально-экологические инициативы.

Проблемы социоприродного взаимодействия в протестантской экотеологии рассматриваются с позиций религиозной веры, соответственно решение экологических проблем связывается прежде всего с необходимостью морально-нравственного совершенствования человека и общества. В качестве концептуального основания экологической этики Иен Барбур рассматривает «парадигму процесса» («теологию процесса»): «Парадигма процесса, подобно биоцентрической этике и движению за права животных, помогает расширить наши представления о моральном сообществе. Но в отличие от этих альтернатив, она предлагает принцип расстановки приоритетов в рамках более широкого понимания космической цели. Поскольку эта позиция признает уникальность свободы и творческого потенциала человечества, она приветствует технологию, которая согласуется с уважением к сообществу жизни» [4, с. 100–101].

Определяя роль науки, философии и религии в становлении и развитии экологической этики, Иен Барбур подчеркивает совместное значение их вклада в защиту важнейших экологических ценностей, к

которым он относит «устойчивость природных ресурсов», «защиту окружающей среды» и «уважение ко всем формам жизни». Глобальное экологическое сознание он рассматривает как мировоззренческую основу «справедливого, объединенного и устойчивого общества». Ученый подчеркивает глобальный характер экологической взаимозависимости и необходимость обоснования глобальной мировоззренческой перспективы в решении проблемы взаимодействия общества и природы. Идея установления «экологического равновесия» с окружающей средой, основанного на реформировании нравственного сознания человека, разрабатывается многими авторитетными протестантскими теологами, становясь одной из главных составляющих экологической концепции протестантизма в целом.

Необходимость обоснования новых мировоззренческих ориентиров общества находит свое выражение во все большем признании актуальности концепции устойчивого развития, задающей радикально новые приоритеты мировой социодинамики. Особое значение в формировании нового экологического мировоззрения приобретают природоохранные идеи, развитые в христианстве, буддизме, исламе и других религиях мира. Актуализация опыта мировых и локальных религий может способствовать минимизации последствий глобальной социально-экологической нестабильности и выработке стратегии устойчивого развития общества в условиях глобальных экологических изменений.

Литература:

1. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви / Юбилейный Архиерейский собор Русской православной церкви. – М., 2000.

2. Иоанн Павел II. Идите с миром: Дар бессмертной любви (избранные речи и молитвы) / Иоанн Павел II. – М.: Изд. дом «София», 2004.

3. Послание Его Святейшества Бенедикта XVI по случаю празднования XLIII Всемирного дня Мира «Если хочешь взращивать мир – береги творение» [Электронный ресурс]. – 2009. / Режим доступа: http://www.vatican.va/holy_father/benedict_xvi/messages/peace/documents/hf_ben-xvi_mes_20091208_xliii-world-day-peace_ru.html.

4. Барбур, И. Этика в век технологии / И. Барбур. – М.: Библейско-Богословский институт св. апостола Андрея, 2001.

К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМАХ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

Т. В. Щелкова, г. Минск, Беларусь

В настоящее время проблема социальной адаптации является основной фундаментальной междисциплинарной научной проблемой. Ее

отдельные аспекты привлекают внимание социологов, психологов, философов, биологов, педагогов и др., что, безусловно, свидетельствует об универсальности адаптационных процессов. Возросший за последнее десятилетие интерес к выявлению новых моделей и способов адаптации, изучению новых стратегий и тактик адаптивного поведения, иллюстрирует полезность и необходимость научного анализа данной проблемы.

В современной социологии исследование социальной адаптации является одной из основных тем. Вместе с тем, анализ публикаций по проблеме показывает, что в настоящее время при изучении социальной адаптации в отечественной и российской социологии преобладают эмпирические исследования, а теоретико-методологические проблемы остаются нерешенными. Несмотря на то, что осуществляются попытки разработки концепции социальной адаптации как социального процесса и создания новой отрасли социологического знания — социологии адаптаций, отсутствует целостный комплексный подход к изучению данного явления. В связи с этим не сложилось однозначного подхода к социологическому определению понятия социальной адаптации, ее видов и форм; не определены единые критерии и показатели; отсутствует общепринятая классификация факторов и др. Также нет единства и в понимании адаптивных механизмов как основной теоретической проблемы адаптации. Более того, в настоящее время, как и несколько десятилетий назад, сущность механизма социальной адаптации, его особенности, разновидности и пр. изучены недостаточно. Этим обусловлен интерес к теоретическому анализу механизмов социальной адаптации.

В широком смысле механизм социальной адаптации включает этапы, стадии, уровни адаптации, ее разновидности и формы, предпосылки, источники, стимулы и др. Он представляет собой систему взаимодействия всех элементов, составляющих сам процесс социальной адаптации, способы и средства воздействия и его результаты [3].

Не отрицая в целом возможность использования этого подхода к рассмотрению механизмов социальной адаптации, с нашей точки зрения, необходимо отметить его слишком общий характер. Наличие в научной литературе более тридцати дефиниций социальной адаптации, различающихся по целому ряду параметров и классифицируемых по разным основаниям, отсутствие единого понимания ее этапов, видов, форм существенно затрудняют анализ адаптивных механизмов в контексте данного подхода.

Особый интерес, по нашему мнению, представляет рассмотрение различных частных определений адаптивного механизма. Л. Л. Шпак под механизмом социальной адаптации понимает совокупность средств, с помощью которых приводится в действие и самореализуется адаптивный потенциал субъекта для восстановления нарушенного равновесия в

системе «адаптант — адаптирующая среда». А социальную адаптацию определяет как приспособление и привыкание к изменяющимся условиям общественной жизни и преобразование социальной среды в соответствии с личными и общественными потребностями [4].

В исследовании П. С. Кузнецова социальная адаптация рассматривается как целостный, непрерывный, динамический, относительно устойчивый процесс установления соответствия между уровнем актуализированных потребностей и уровнем их наличного или перспективного удовлетворения. Механизм социальной адаптации определяется как соответствие между актуализированными и удовлетворенными потребностями и выражается в виде последовательности: потребности — актуализация потребностей — удовлетворение потребностей — возвышение потребностей. По его мнению, субъект адаптации стремится к удовлетворению актуализированной потребности и когда она будет удовлетворена, актуализируется другая потребность. Таким образом, целью адаптации является постоянное удовлетворение всех последовательно актуализирующихся потребностей, причем наиболее важными становятся не уже удовлетворенные потребности, а те, которые будут удовлетворены в ближайшем будущем [3].

П. М. Козырева определяет механизм социальной адаптации как совокупность внутренне присущих личности, как основного субъекта адаптации, взаимосвязанных, взаимообусловленных состояний и процессов, прежде всего социализации, и проявлений активности субъектов, направленной на изменение своего положения и преобразование среды в соответствии с новыми условиями и целями деятельности. Адаптация личности представляет собой процесс, который реализуется путем социализации и практических действий, направленных на изменение социальной среды. Механизм социальной адаптации с одной стороны направлен на гармонизацию отношений среды и личности и вместе с тем выступает в качестве инструмента изменения и преобразования среды и личности, т.е. модернизации и инновации социума. Цели адаптации являются центральным элементом адаптивного механизма, поскольку в них выражается стремление субъекта выйти из состояния дискомфорта или даже конфликта со средой. Цель определяет особую адаптационную стратегию, которая реализуется посредством способов адаптации, состоящих из конкретных поступков и действий в нестандартных ситуациях [1].

Анализ научной литературы показал, что особенности интерпретации и рассмотрения адаптивного механизма обусловлены различными подходами исследователей к изучению проблемы социальной адаптации. Попытку объединения мнений в определении социального механизма адаптации предприняла Л. В. Корель. По ее мнению, это симбиоз уникальных каузальных состояний, явлений и

процессов, существующих в контексте сопутствующих им и продуцирующих их социальных факторов, реализующихся в определенной последовательности и направленных на восстановление нарушенного равновесия, гармонизацию взаимных интересов и социальных ожиданий адаптанта и социального окружения, обеспечение достижения в изменившихся условиях индивидуальных целей, преодоление возникшего состояния социального дискомфорта и дезорганизации, переход ситуативного поведения адаптанта в разряд устойчивых социальных практик. Основу механизма социальной адаптации составляет рассмотрение регуляторов адаптации: средств адаптации, с помощью которых адаптант, стремясь выйти из адаптивной ситуации, приспосабливается к изменившейся среде, а также «антисредств», т.е. факторов, препятствующих адаптации [2].

Помимо частных определений можно выделить два концептуальных подхода к рассмотрению механизмов социальной адаптации.

В рамках первого подхода адаптация рассматривается как результат, причем обязательно успешный и понятие «адаптивный механизм» используется только в случае положительного результата адаптивного процесса. Считается, что невозможно называть адаптивным механизмом методы, факторы и средства, направленные на достижение равновесия социальной системы со средой в случае неуспешной адаптации, отрицательного результата адаптивного процесса, когда это равновесие достигнуто не было.

Второй подход подразумевает использование понятие адаптивного механизма вне зависимости от конечного результата, при наличии факта приспособительного поведения. В этой связи выделяют оптимальные механизмы адаптации, кратчайшим путем ведущие к цели; неоптимальные, достигающие цель трудным путем; и механизмы «антиадаптаций», вообще не ведущие к достижению адаптивной цели, снижающие уровень адаптированности [2].

Таким образом, в настоящее время нет четкого и однозначного определения механизмов социальной адаптации, не определены его виды, внутренняя структура, средства адаптации и др. Все это свидетельствует о том, что данная проблема продолжает оставаться весьма актуальной и требующей своего научного разрешения.

Литература:

1. Козырева, П. М. Социальная адаптация населения России в постсоветский период / П. М. Козырева // СОЦИС. – 2011. – № 6.
2. Корель, Л. В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики / Л. В. Корель. – Новосибирск: Наука, 2005.
3. Кузнецов, П. С. Концепция социальной адаптации / П. С. Кузнецов. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000.
4. Шпак, Л. Л. Социокультурная адаптация в советском обществе. Философско-социологические проблемы / Л. Л. Шпак.

Красноярск, 1991.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

Г.И. Юсупова, г. Махачкала, Дагестан

Социокультурные особенности развития любой социальной системы представляют собой некую матрицу особых ценностно-нормативных генетических установок, сложившихся на протяжении формирования и длительного функционирования. Поэтому, как мы полагаем, модернизация, как особый тип качественной трансформации, не может не учитывать социокультурные аспекты развития социального субъекта. Если мы традиционно рассматриваем модернизацию как некий переход к развитому индустриальному обществу, то здесь вполне закономерно и правильно остановиться на соотношении таких понятий, как экономика и культура, социальное развитие и культурные традиции.

Социокультурные аспекты модернизации подразумевают определенные взаимоотношения культуры и социальных отношений. Конечно, самобытность как универсальное свойство культуры предполагает не консервацию традиций, упрощение и примитизацию культурных форм, а постоянное усложнение, укрепление ядра культуры, вокруг которого наращиваются инновации. Но самобытность, как особая форма выражения социокультурной стабильности, выступает еще и базовой характеристикой традиционных культур. В мировом пространстве Россия развивается как особая социокультурная целостность. Культурные особенности прошлого и историческое наследие советского периода создали социокультурную матрицу общества, делающую его неповторимым. В то же самое время необходимо учитывать эти особенности при проведении любых инноваций.

У людей, живущих в едином социокультурном пространстве, формируется некий комплекс общих для них ценностей, норм, установок, определяющих содержание и направленность общественного сознания. Следует четко представлять, что модернизация, во-первых, отталкивается от определенных социокультурных установок, моделей общества, во-вторых, в свою очередь, приводит к их же трансформации, кардинальному изменению качественных социокультурных характеристик социальной системы. Модернизация угрожает прежде всего традиционным моделям этнокультурной идентичности.

Как отмечает О.Н. Астафьева, увеличивающаяся плотность связей в мире формирует глобальное социокультурное пространство, при этом культурный суверенитет и культурная самобытность оказываются наиболее внутренне устойчивыми зонами, сдерживающими процесс культурной гомогенизации мира за счет мощного пласта традиций. Тем не

менее этнические культуры, предполагающие наличие ряда общих, фундаментальных характеристик, которые составляют основу их идентификационных моделей, шире – самобытности, оказались неподготовленными к нарастающей динамике информационно-технологических изменений. Развитие современных электронных средств связи, внедрение в практику новых информационных технологий произвели в разных странах настоящий «инновационный» бум, значительно потеснив традиционный пласт культуры [1, с. 110].

Современные трансформации в России следует рассматривать на нескольких проблемных уровнях: глобальном, континентальном, региональном и локальном. Региональный и локальный уровень трансформаций детерминирован особенностями географических, пространственных, политических и культурно-цивилизационных характеристик различных регионов страны.

Социокультурная матрица включает в себя и морально-нравственные устои общества. Модернизация всегда представляет собой серьезное испытание для морально-нравственных представлений, традиций социума. Также большим испытанием для российского общества стали два десятилетия постсоветских реформ, которые предшествовали объявленному нынешним руководством Российской Федерации курсу на модернизацию. Можно четко проследить два вполне реальных варианта или альтернативы возможного развития этноинститутов как основных носителей традиционных локальных цивилизаций - это их полная нивелировка и исчезновение и сохранение. Как правило, чаще реализуется первый вариант. Однако, опыт модернизации Китайской Народной Республики убедительно свидетелсьствует и о второй возможности. Причем, пример КНР сегодня не является исключением.

Литература:

1. Астафьева, О.Н. Многообразие моделей этнокультурной идентичности в современном информационно-коммуникативном пространстве / О.Н. Астафьева // Глобализация и перспективы современной цивилизации. –М., 2003.

ПРОЦЕСС ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМА РИСКОВ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

А.В. Яскевич, г. Минск, Беларусь

Актуальность рассмотрения данной проблемы имеет важное значение для оценки тех событий, которые происходят сейчас и выявления тех тенденций , которые сформируются в ближайшей перспективе.. Несомненно, что тот оптимизм, который характеризовал экономическую, социально-философскую и политическую мысль 80-90х годов XX столетия

по оценке феномена глобализации стал иным - более сдержанным. Казалось бы, что глобализация не только коренным образом изменит облик цивилизации с точки зрения подъема экономики всех стран, включая и страны третьего мира, но и приведет к повышению благосостояния , резкому росту социального и культурного прогресса. В настоящее время наступил процесс более взвешенной и разносторонней оценки как позитивных так и негативных факторов этого сложного , динамичного и противоречивого процесса.

С одной стороны, очевидно, что ведущей тенденцией глобализационных процессов является формирование мировой экономики, как « мега-экономики». Она коренным образом меняет характер отношений между государствами , приводя к интернационализации экономических, политических, социальных и в определенной степени культурных процессов. Современный мировой рынок структурируется в виде рынка : труда; товаров и услуг; капитала и ценных бумаг; валютной и кредитно-денежной системы; природно-ресурсного потенциала различных регионов мира .Новым в этом процессе является резко возрастающая роль тех структур, которые представляют собой мировой рынок информационных услуг и информационных ресурсов, технологий и НИОКР (научные исследования, открытия и разработки).

Первая комплексная оценка основных тенденций в инфосфере была дана в докладе «Глобальная технологическая революция -2020», сделанном в 2006 г. Центром стратегических исследований РЭНД Корпорейшен (США). В нем отмечалось, что проведенный анализ позволяет прогнозировать «новое технологическое будущее» в виде 16 направлений, трендов и форсайтов. Существенной чертой последних, по мнению экспертов, является интегративность инновационных процессов, формирование грид-сетей как своеобразного предвестника очередной информационно-технологической революции.

Авторы идеи всемирной грид-сети – Я. Фестер и К. Кессельман в 1998 г. обосновывают представление, в соответствии с которым инновационные процессы приведут к созданию универсальной программно-аппаратной инфраструктуры наднационального характера, которая объединит компьютеры и суперкомпьютеры , а также высокоскоростные сети передачи данных. В последующем эта идея реализуется в китайском образовательном грид-проекте (2006 г.), к 2007 г. в США функционирует 4 национальные грид-сети, есть такие системы в Евросоюзе, России, Индии и других странах.

С другой стороны, выяснилось, что создание ВГС , представляет собой финансово затратное предприятие. Так, к примеру, она дорогостоящая , обладает быстрым сроком морального старения и низким КПД в следствии неравномерной загрузки центрального процессора. Она

характеризуется «статичностью» вычислительных мощностей, а объединение национальных ресурсов, в системно целостное информационное пространство наталкивается на существование в разных странах своих стандартов на сервисы, интерфейсы, базы данных и т.п.

В настоящее время большую практическую значимость приобрела концепция «облаков», как реальной высокопроизводительной информационно-коммуникационной, ресурсной системы.

В мировой экономике после так называемых «нулевых» годов обнаружились проблемы комплексного характера. Идея своеобразной само сборки мировой экономики по принципу биологических структур оказалась невозможной. Мировой кризис, рецессия , рост международной конкуренции создали условия для формирования разно уровневых рисков финансового, экономического, социального, геополитического характера. Так, к примеру, либерализация рынков, связанная с ослаблением государственного контроля за движением капитала и валютных операций ведет не только к широко известной «офшороизации», а в определенной степени питает спекулятивную экономику , международный криминалитет и терроризм.

Международная торговля часто затрудняется по политическим мотивам, нарушения договорных обязательств, таможенными и не таможенными барьерами, антидемпинговыми мерами и др. Отсутствие экономической стабильности, неустойчивость финансово-экономической системы и риски, прямо или опосредовано влияют на социальную стабильность цивилизационных процессов в целом. Рост миграционных потоков, вызываемых в основном экономическими причинами влияет на рынок труда, затраты на социальную поддержку людей, не имеющих высокой профессиональной квалификации и не владеющих языком титульной нации.

По мнению экспертов Всемирного института ресурсов и Международной финансовой корпорации, население с годовым доходом ниже 3000 долларов США, почти полностью исключается из экономической сферы общества. Денежные траты поглощаются повседневными расходами на жизнь и медицинское обслуживание. Это положение выражается известным лозунгом: «Быть бедным очень дорого». Социальная сфера оказывается той средой, где экономическая неустойчивость рыночных структур приобретает особое качество, а потребность в объединении совместных действий государственных институтов, общественных организаций, системы СМИ, бизнеса и власти становится определяющей.

Существует и ряд внутренних причин касающихся непосредственно функционировании инфосферы . Сюда традиционно относят промышленный и научно-технический шпионаж, особенности

лицензирования ноу-хау, резкое увеличение расходов национальных экономик на компьютерную безопасность. Рост преступлений, совершаемых в сфере высоких технологий, не ограничивается рамками бизнеса и финансов, государственных и военных секретов, но все больше касается сферы потребительской электронной торговли, маркетинга, рекламы, кражи личных данных ,банковских счетов, фишинга и др.

В заключение отметим, что, во-первых, в ходе процесса глобализации рождается новая экономика, в которой, резко возрастает потребность в расширении индустрии знаний и технологий. Во-вторых, человечество сталкивается с ростом кризисных ситуаций, что порождает в массовом сознании алармизм, представление о жизни в «кризисной цивилизации». В третьих, корректный анализ процесса глобализации требует от исследователя не только четкого выявления основных, ведущих тенденций, которые господствуют сейчас, но и системного прогнозирования возможных сценариев будущего. В этом смысле политика глобализма и навязывание разным странам моделей вестернизации неизбежно приводит к антиглобалистским движениям в мире, росту интереса к концепции глокализации Р. Робертсона и У. Бека, концептуальным идеям теории «постэкономического общества» В.Л. Иноземцева и другим моделям цивилизационного процесса.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА ВИТЕБСКА КОНЦА XIX ВЕКА

М.С. Эльяшевич, г. Минск, Беларусь

В Витебске родились, провели детство, юность многие великие деятели науки и культуры Беларуси и России, прославившие своё имя и свою малую родину на весь мир. К когорте славных уроженцев Витебщины, вызывающихуважение и признательность у потомков,принадлежит и семья Лосских, наиболее ярким представителем которой являются выдающийся философ Николай Ануфриевич Лосский. Феномен Витебска заключается в том, что, несмотря на формальную «провинциальность», о которой так часто говорили разные исследователи, он являлсяважным научным и культурным центром Восточной Европы конца XIX – начала XX ст.Не взирая на многочисленные разрушения исторической архитектурной среды, прерывность исторической памяти, приведшей к забвению многих страниц жизни своих великих предшественников, Витебск превратился в одну из художественных и в целом культурных столиц нашей страны и Содружества Независимых Государств. Здесь не затихает яркая культурная жизнь. Всё больше появляется в Беларуси и России исследований,посвященныхпрошлому и настоящему города над Двиной [1;2;3;4]. Известно, что Витебск первоначально начал формироваться на левобережной стороне Двины. Позднее городрасширил свои границы. Речные пути связывали его с

близкими и далёкими торговыми центрами Западной и Восточной Европы.Великий исторический перелом произошел с присоединением города в конце XVIII ст. к Российской империи. Он стал центром одной из многочисленных губерний крупнейшего европейского государства. Во многом, благодаря этому, а также географической близости к культурным центрам Европы, здесьвпервые появлялись разные инженерные, архитектурные нововведения.А затем витебские шедеврыстановились опорными и для так называемых «внутренних» губерний Российской империи. Общеизвестными фактами являются,например,сооружение первого железного моста через Двину(1860-1870 гг.), а в 1890-х гг. на витебских улицах появился первый трамвай,раньше чем этот вид транспорта появился в Москве. Особенно активно в Витебске строительствовелось с 1860-хгг. до начала 1910-х гг. Многоэтажные и одноэтажные жилые дома, учебные государственные учреждения, хозяйственные постройки и другие архитектурные новинки, как «грибы после дождя» вырастали в центре города, на набережной Двины, а также в утопающих в зелени пригородах Витебска. Здесь возникла своеобразная местная архитектурная школа,соединившая стили классицизма, романтизма и модерна. Часто эти стили синтетически объединялись в разных зданиях благодаря всевозможным конструктивным и декоративным особенностям архитектуры. Впечатляют фасады сохранившихся зданийжилого и общественного предназначения с разнообразными фронтонами, въездными арками, карнизами, рустами, кокошниками на окнах из красного кирпича и другими украшениями, которые создавалисьсо вкусом, добротно, что называется – навека. Эти здания проектировали очень талантливые архитекторы А.Клементьев, Т.Кибардин, И.Каминский, В.Покровский и др.

Образная выразительность характерна и для первых фотографийВитебска, которые предназначались для памятных открыток [2, с. 79-93]. Сейчас они воспринимаются как удивительные «окна»в остановленные навсегда исторические мгновения,которые создают нити трепетной связи с прошлым,а, возможно, и с будущим, поскольку они являются неоценимым подспорьем для потенциального восстановления высокохудожественной архитектурной и в целом культурной среды Витебска. Благодаря этим фотографиям и многим другим историческим документам, мы можем представить, как привлекал Витебск художников, поэтов, музыкантов, которые здесьпережили особые минуты вдохновения,связанные с творческими открытиями. Например, Илья Репин, который с 1892г. надолго обосновался в своём имении Здравнево, в шестнадцати километрах от Витебска вверх по правобережью Двины, высказывался о том, что только Киев и Нижний Новгород превосходят по красоте Витебск среди известных ему городов Восточной Европы [1, с.

147]. Его настолько воодушевило духовное начало, какбы невидимо растворённое в природе и мироощущении местных жителей, что художник в переписке с критиком В. Стасовым признавался в том,что именно здесь, словно на Святой земле, можно писать библейские темы. Ибо здесь сохранилась особая среда, типология людей, соответствующая таким образно мистическим задачам [1, с. 182]. В письме Т.А. Толстой художник отмечает: «Начал писать восход солнца над Двиной. Я каждое утро, как пифагореец, готов ему петь гимны» [1 ,с. 181]. Вполне естественно, что художник не только подмечал особую природу этой «земли обетованной», но и создал необычайные по проникновенности произведения сакрального искусства. К тому времени принадлежат две его иконы: Христа Спасителя и Божьей Матери.

По своему характеру эти малоизвестные до недавнего времени творения величайшего художника-реалиста далеки от иконно-канонической стилистики. Спаситель изображён в белом одеянии и терновом венке, который у него расцвёл. Божья Матерь держит на руках трёхлетнего младенца Иисуса. В чертах их лиц можно уловить неповторимое соединение восточных и витебских национальных особенностей. Подчеркнем также, что еще один известный русский живописец К. Савицкий в середине 1870-х гг. жил и творил в Витебске, считая, что здесь и местность живописней, и много ярких колоритных жителей. Здесь он работал над своим самым значительным произведением «Проводы на войну». В письмах кИ.Крамскомуон, в частности, писал: «Рыщу, набираюсь всяких впечатлений, всё думаю обогатить свою картину» (1,с.180). Ярким явлением в довоенной и дореволюционной жизни Витебщины было и мирное сосуществование разных христианскихконфессий и иудаизма, что трудно было бы представить за так называемой «чертой осёдлости» в соседних российских губерниях. Посправедливым оценкам Н.О. Лосского не только белорусы, но и местные евреи могли быть примером глубоко верующих и духовно богатых людей, даже невзирая на их бедность и притеснения со стороны царских властей. Позднее в своих воспоминаниях Н. Лосский напишет: «…впечатление детства (прошедшего на Витебщине.-М.Э.) поселили в моей душе симпатии к столь часто гонимому еврейскому народу, недостатки которого всем известны, а достоинства учитываются не в достаточной мере» [3, с. 20-21]. Далеко не случайно, что в 1896 г. в Витебске открылась первая частная художественная школа Юрия (Юделя) Пена, которая стала настоящейбазой для развития величайших творческих талантов, признанных сегодня в Европе и во всем мире: Марк Шагал, Эль Лисицкий, Осип Цадкин и др. Художники Пен и Шагал сталиистиннымбытописателями еврейской национальной жизни в общебелорусском контексте. С большой любовью, теплотой, уважением к

простым труженикам этихудожникиизображают сцены будней и праздников местного населения с обязательным совмещением реалистических и духовно мистических характеристик. Большое значение для Витебщины, в том числе для постоянного культурного прогресса её жителей, играли театры. Один изних был расположен на Смоленской площади. В 1889г. театр был основательно реконструирован после большого пожара (1887), о котором упоминает Н.Лосский в своих воспоминаниях. Общество драматического музыкального искусства Витебска, которое связывало с театром свою активную деятельность, приобщало зрителей и слушателей к широкому диапазону сценического искусства, как отечественного, так и зарубежного. Здесь исполнялись произведения П.Чайковского, Л.Бетховена, М.Глинки,Дж.Верди, выступали замечательные столичные актёры, музыканты, что лишний раз подтверждает мощный магнетизм Витебского культурного пространства конца XIXст.

Как известно,Н.О. Лосский (1870-1965 гг.) родился в многодетной семье лесничего в местечке Креславка Двинского уезда Витебской губернии. После смерти отца(1881г.), благодаря героическим усилиямсвоей матери, мечтавшей дать всем детям высшееобразование, в 1881-1887гг. учился в Витебской классической гимназии. Но отличаясь чуткой и восприимчивой натурой, далеко не безразличной ко всем социальными и культурным проблемам общества, юноша не мог не пережить трагических сомнений к справедливости государственного строя России, в особенности его «свирепые» черты распространялись в западных губерниях, к которымпринадлежала и Витебщина(3,с.26-43). Это привело Николая к юношескому увлечению социалистическими и атеистическими идеями, за что он был исключён из гимназии. Но страстная тяга к знаниям превозмогла все препоны. В 1888г. Н.О.Лосский поступил на философский факультет Бернского университета. Через год он возвращается в Витебск и затем переезжает в российскую столицу, где вскоре и почти одновременно окончил естественный и историко-филологический факультеты Санкт-Петербургского университета. С 1916 г. он ужеявлялся профессором этогоуниверситета. После революции был лишён права на преподавание за вновь обретённое им христианское мировоззрение и вместе с семьёй был выслан из Советской России на Запад на известном «философском» пароходе. К счастью, его научная и духовная деятельность не была подвержена за пределами Родины жестким политическим и идеологическим ограничениям. До 1942г. по приглашению президента и правительства Чехословакии он жил в Праге. В 1942-1945гг.Н.О.Лосский был профессором в Братиславе, затем жил и работал во Франции и США,являясь наиболее признанным и почитаемым профессором

философии и богословия.Скончался Н.О.Лосский в Париже и был похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

На ниве философской и богословской мысли проявил себя и старший сын учёного- Владимир Николаевич Лосский (1903-1958). Он начал учиться в Петроградском университете, а завершил образование в Праге и Париже, разделив в 1922 г. со своей семьёй горечь изгнания. Всю свою сознательную жизнь он посвятил плодотворным поискам истинного предназначения Православия в духовном возрождении мира. Объективно творчество В.Н.Лосского в контексте западной культурной традиции может быть рассмотрено как феномен продуктивного диалога в формате «Восток-Запад». Несмотря на то, что произведения этого великого мыслителя были адресованы прежде всего западному читателю, сегодня они становятся значимым явлением восточнославянской философской культуры. Среди самых значительных трудов,публикуемых в течение жизни статей по философской и богословской проблематике были собранные в посмертно изданных сборниках и курсах лекций «Боговидение» (1962), «Догматическое богословие» (1964-1965), «По образу и подобию Божию» (1967)и др. Особенности исследовательского стиля Н.О.Лосского, который он передал и своим сыновьям,вероятно были предопределены исключительносодержательной и многосторонней личностью, начало развития которой было положено в детстве на Витебщине. Благодаря воспоминаниям ученого, впервые изданным в Мюнхене в 1968г., а затем переизданным в Минске (3), можно ощутить его нерасторжимые связи с землей предков. Они буквально пропитали первые жизненные ощущения юноши. Живя в живописной природной среде, родители Н.О. Лосскогоприучали детей видеть её красоту, совершать походы и экскурсии по городам и весям родного края. Всё это постоянно обогащало сознание юного Николая Лосского и со временем сформировалось в стройное учение, как никогда актуальное для нашего современного мировосприятия. Многое, как утверждал учёный, зависит от последовательного формирования личности, духовно открытой всему прекрасному и гармоничному: «В доме Отца Моего обителей много», говорит Христос ученикам своим. И не только в Царстве Божием, а и здесь на земле обителей бесчисленное множество, и каждый из нас живёт в той из них, которую он сам избрал себе. Если она неприглядна, не на кого пенять, кроме как на самого себя: тут же рядом стоящий человек видит совсем другое царство бытия, блещущее красками, полное жизни, богатой и разнообразной» [3, с. 14].

В этом контексте жизнь и философский путь Н.О.Лосского являются ярчайшим свидетельством его служения не преходящим духовным ценностям человечества, а также верности, сыновьейпредонности и благодарной памяти о своей родине.

Литература:

1. Русецкий, А.В. Художественная культура Витебска с древности до 1917 г. / А.В. Русецкий, Ю.А. Русецкий. – Минск : БелЭн., 2001.

2. Целеш, В. Гарады Беларусі на старажытных паштоўках / В. Целеш. – Мінск, 2011.

3. Лосский, Н.О. Воспоминания. Жизнь и философский путь / Н.О. Лосский. – Минск: Право и экономика, 2012.

4. Віцебскія старажытнасці: матэрыялынавук. канф.,прысвеч. 90-годдзю з дня нараджэнняЛ.В.Аляксеева.– Минск: Медисонт, 2012.

5. Падліпскі, А.М. Летапісец Віцебшчыны / А.М. Падліпскі. – Мінск : Полымя, 1993.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «Философия как познание и образ жизни»: к итогам XXIII Всемирного философского конгресса в Афинах

ФИЛОСОФИЯ ПОСТМОДЕРНА И ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Ю.О. Азарова, г. Харьков, Украина

Современная культура – это яркий продукт нового типа мышления. Позиционируя себя как эпоха постмодерна, она реализует его основные принципы: множество, различие, плюрализм, амбивалентность. Поэтому главный вектор развития современной культуры – децентрация, фрагментация и сингуляризация.

Антисистемная доминанта постмодерна, манифестирующая отказ от претензии на целостность и полноту теоретического охвата реальности, определяет бозовые тенденции современной культуры. Сегодня ее приоритет составляют:

1. *Критика рационализма, логицизма, сциентизма*

Постмодерн весьма осторожно и скептически относится к истинам Разума, т. к. *Ratio*, традиционно квалифицируемый как основный принцип человеческого бытия, чрезмерно абсолютизируется и возводится в ранг «законодательной инстанции».

Именно *Ratio* судит – одобряет или отвергает – всё принадлежащее культуре, обосновывая своё право на этот жест апелляцией к вечным законам истины. Всё, что не вписывается в рамки, установленные Разумом, объявляется чуждым или ненужным, а потому безжалостно отвергается или уничтожается. «Уже в XIX ст., – пишет немецкий философ Г. Риккерт, – разум поддается искушению унифицировать истину насилием».

Такой разум, принимающий разнообразные лики, – «индустриальный разум» (как называет его Т. Адорно), «калькулятивное мышление» (М. Хайдеггер), «дисциплина» (М. Фуко), «логоцентризм» (Ж. Деррида), становится фактором, усугубляющим тотализирующие устремления.

Действительно, познание, осуществляемое с целью овладения миром, часто приводит к экологическим и техногенным катастрофам. Поэтому постмодерн объявляет вызов не только таким мифологемам модерна, как «рационализм», «сциентизм», «логицизм», «прогрессизм», но и всему проекту Просвещения в целом. Культивируемая Просвещением бесконечная вера в научный прогресс неотвратимо ведёт к апологии тотального контроля над цивилизацией.

2. Критика универсализма и тоталитаризма.

Западный рационализм, как «идеал полного обладания истиной», не случайно становится источником негативного универсализма. Претендуя на роль «выразителя всеобщего», западная культура несёт в себе мощный тотализирующий заряд.

К данному выводу независимо друг от друга приходят многие философы постмодена. В связи с этим Ж. Делёз и Ф. Гваттари отвергают абсолютное единство, защищают приоритет различия над тождеством; Ж. Ф. Лиотар оспаривает метанарратив и любую идеологию, претендующую на всезначимость; Ж. Лакан дезавуирует «автономного субъекта» как научную иллюзию; М. Фуко разоблачает такие фундаментальные понятия, как «знание», «истина», «гуманизм», «человек».

Западные ценности, понимаемые как единственно возможные и правильные, часто насильственно навязываются странам других регионов. Понятие «Запад» выступает как «идеальная точка зрения», а не культурно-историческая или географическая реальность. Западный рационализм представляет собой мифологию белого человека, превращающего Европу в госпожу мира.

Выступая против тотализирующей тенденции западного рационализма, теоретики постмодерна подчёркивают, что логос белого человека не может управлять миром, что существует иное пространство, которое не подчиняется власти Запада, не поддается его силе и присвоению.

Поскольку данная тенденция западного рационализма находит свое воплощение в тоталитарных режимах XX ст., то критика универсализма как имплицитного тоталитаризма становится главной задачей постмодерна. Он показывает, что нет одного, единственно верного, дающего всем закон, Разума, а есть различные, независимые друг от друга «разумы», «истины», «логики», «культуры». Следовательно, европеец, присваивающий себе право говорить от «имени истины», совершает недопустимую ошибку, выдавая частное и относительное за универсальное и всеобщее.

3. Диалог культур, принцип полицентризма и мультикультурализма.

Пересмотр рационалистической парадигмы инициируют не только философы, но и специалисты в сфере культурной антропологии. Исследования М. Мосса, К. Леви-Стросса, М. Лейри открывают «другой разум», т. е. неевропейский взгляд на мир. Опыт различных цивилизаций доказывает, что претензия Запада на провозглашение единого для всех стандарта мышления абсолютно беспочвенна и неправомерна.

Однако, критикуя западный рационализм и этноцентризм, постмодерн не преследует цель противопоставить Европе другую мудрость, создать другую символику или систему репрезентации; напротив, постмодерн подчеркивает равенство всех культур. Принять мысль об их разноликой множественности – значит увидеть мир, живущий не «культурой» (ещё одно абстрактное понятие!), а конкретными, живыми, яркими, пестрыми культурами. Лишь тогда Запад станет подлинно демократичным; поймет, что ему также необходимо Иное, позволяющее обогатить своё видение мира, расширив прежний кругозор.

4. Плюрализм идей, мнений, точек зрения, концепций.

Если модерн формирует целостный, монистический взгляд на мир и предлагает универсальный проект мироустройства, то постмодерн акцентирует различие, провозглашает плюрализм мировоззренческих систем и ориентаций.

Любое знание изначально гетерогенно. Различные типы знания вместе работают не только в рамках одной научной дисциплины, но и на стыке их. Множество форм знания, наравне используемых и применяемых в научной практике, служит аргументом в пользу того, что истина также не может быть открыта путем принятия единственно верного решения, постигнута с помощью средств одной методологии. «Все методологии, даже наиболее очевидные, имеют свои ограничения». Это положение – главный принцип современной науки.

Аналогичная тенденция заметна и в философском дискурсе. Мозаика различных идей, теорий, концепций иллюстрирует не только полиморфную природу знания, но и множество способов его постижения. Поэтому, хотя процесс познания традиционно ассоциируется с генерализацией, поиском общих оснований, сведением многого к единому, максима современной философии звучит совершенно иначе: «Ищи эквивалентные, перекрестные описания, ищи разные точки зрения на одно и то же явление, исследуй его разными методами, пытайся представить объект, заданный в привычном концептуальном контексте как одно, многим, т. е. объясняй один и тот же факт по-разному».

Эта формула становится для постмодерна базовой теоретической установкой, призывающей не только открыть мир с разных сторон, но и постичь его разнообразие как таковое.

5. Многообразие художественной сферы.

Реальность XX ст. ясно показала: нет такого предмета как «культура», но есть разные, принципиально непохожие, культуры. А сколько культур, сколько и художественных, творческих, мыслительных миров. Данный тезис находит яркое отражение в постмодернистском восстании против стилевого нормирования художественной сферы. Так, мастера модерна создают богатые своеобразные стили, но каждый из них уникален, неповторим. Постмодерн же, напротив, коллажирует, открыто сталкивает стили, особенно там, где они несовместимы. Это слияние часто производит эффект шока, т. к. проводится всерьёз, без тайной надежды на то, что есть норма, отклонением от которой выступает данный прием. Постмодерн вводит осознанную моду на рапсодичность, попурри, «стиль без стиля»; выдвигает проект абсолютной эклектики.

Таким образом, развернутая постмодерном критика центрирующей мифологемы мышления и, тем самым, отказ от идеи стандартизации, унификации, систематизации, универсализации, затрагивает все сферы культуры: политику, экономику, этику, право, науку, искусство.

Право на различие становится главным признаком современной культуры, ведущим принципом творческого, интеллектуального и социального взаимодействия.

СОЦИОДИНАМИКА КУЛЬТУРЫ В ТЕХНОГЕННОМ МИРЕ

Н.З. Алиева, Ю.С. Шевченко, г. Шахты, Россия

Техносферогенез видоизменяет и формируют многие аспекты современного общества: его ценности, духовность, картину мира, мировоззрение. Сегодняшнее «технологическое бессознательное», включает мифы, утопии, религиозное воображение, виртуальные фантазии и одержимости мистицизмом и потусторонним миром. В основании нашего техногенного общества происходят глобальные трансформации, которые изменяют его социодинамику и ценности. Увлеченность современного мира технологиями позволяет медиакультуре эксплуатировать грубую силу иррационального: священный ритуал и метафизическую спекуляцию, духовные практики и натуральную магию.

Возникает фундаментальная научная проблема – комплексное исследование техносферогенеза как целостного феномена трансформации мировоззренческих и аксиологических оснований социокультурного развития современного общества и человека в нем.

Такого рода исследование требует обращения к комплексному подходу, ибо практики конкретных частнонаучных исследований (антропологии, социологии, психологии, философии) недостаточно для осмысления проблемы техносферогенеза в современном мире во всей её универсальности и уникальности. Необходимость исследования обусловлена, в первую очередь, неотрефлексированностью комплексного

подхода в отдельных дисциплинарных исследованиях. Потребность в комплексном изучении связана еще и с происходящей в современном обществе интегративностью многих процессов в мире.

Актуальность исследования мировоззренческих и аксиологических основ социокультурного развития современного мира обусловлена также следующими причинами. Во-первых, осуществляемый в современных условиях переход к техногенному обществу, в котором технологии и знания выступают основной социальной ценностью, влечет важные изменения в общественном развитии и сознании. Философское изучение социальных и аксиологических его основ позволит объяснить сущность этих изменений, показать последствия происходящих процессов: технократия или гуманизация общества, духовность или бездуховность.

Во-вторых, сегодня технологизированный мир привносит новые мифы: миф об информации, электрическом мозге и бесконечных базах данных, компьютерном прогнозировании и гипертекстовых библиотеках, реалистичных медиаснах и всепланетной экранной культуре, связанной воедино глобальной телекоммуникационной сетью. Эти средства могут стать для одних духовными ценностями, а для других стимулом к поиску и к конструированию осмысленных картин мира, создания мировоззрений, которые действительно позволят преодолеть мифологические и мистические мотивации современного мира, демифологизировать современное общественное сознание.

Исследование в рамках указанной проблемы требует решения фундаментальной задачи построения адекватной комплексной модели, описывающей техносферогенез как сетевую модель социокультурного развития современного общества, описывающей многогранный и интегральный «модус духа» в технологизированном обществе в резонансе с мифологическими и метафизическими путями. Такой комплексный подход к проблеме позволяет определить сегодняшнее «технологическое бессознательное», в котором есть место религиозному воображению, цифровым фантазиям, а также позволяет снять причины кризиса идентичности, заключающиеся в изменении с помощью гипермедиа границ реальности с огромной скоростью.

Целью представленного исследования является выявление логики комплексного подхода к исследованию мировоззренческих и аксиологических оснований техносферогенеза.

Осуществление поставленной цели становится возможным посредством решения следующих задач:

– дать философское определение «технологического бессознательного»;

– раскрыть мировоззренческие характеристики технонаучного развития современного общества в историческом и современном аспектах;

– выявить духовные ценности и аксиологические основы человека в современном техногизированном обществе;

– исследовать мировоззренческую сущность техносферогенеза ее направленность на ценностные ориентиры современного общества;

– дать философский анализ путей и тенденций научнотехнологического развития современного общества.

Таким образом, можно констатировать, что техносферогенез видоизменяет и формируют социодинамику культуры, а также многие аспекты современного общества: его ценности, духовность, картину мира, мировоззрение. Наша цель –открыться возможным превращениям: Эрик Девис пишет: «У многих обитателей Земли в этом отношении просто мало выбора: поворот уже на горизонте. Медленно, опытным путем, «сетевой путь» возникает посреди стремлений и хаоса — многогранный, но интегральный модус духа, который может гуманно и разумно передвигаться по технологическому дому зеркал, не выпадая из резонанса с древними путями или способностью преодолевать алчность, ненависть и заблуждение, которые навлекает на себя человеческая жизнь. Сталкиваясь с призраком нового и новейшего фундаментализма, люди как внутри мировых религиозных традиций, так и за их пределами пытаются нарезать и склеить поток учений, техник, образов и ритуалов в путь, достаточно обоснованный, чтобы по нему можно было идти» [1].

Литература:

1. Дэвис, Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху / Э. Дэвис – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2008.

КРАСОТА КАК ЦЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭТИКИ

А.В.Барковская, г. Минск, Беларусь

Концептуальное оформление экологической этики в качестве самостоятельного раздела прикладного знания осуществляется в так называемое постметафизическое время, когда тотальной дискредитации подвергаются все привилегии человека в природном мире, развенчивается возможность его контролировать и верить в то, что этот мир со своей логикой жизни и естественной красотой создан исключительно для нас. Царству Вечности, Порядку, Повторению противопоставляются Время, Процесс, История, Переживание. Полагается, что пришло время переосмыслить конкретные формы человеческого опыта, изменить представление о себе и природном мире. Последний перестал восприниматься в качестве музея, он, скорее, по образному выражению У. Джеймса, великий цветущий, жжужащий беспорядок или в ассоциации Х.Л. Борхеса – вечная и бесконечная Библиотека, книги которой содержат

описание всех реализованных и возможных вариантов истории мира, и в ней, такой огромной, нет двух одинаковых книг. Природа и с точки зрения современного научного дискурса – это среда свободного становления, где постоянно возникает новое, но при этом она чувствительна к любым антропогенным воздействиям. Такой ее образ корректирует позиции человека метафизического, который утвердился в статусе субъекта, личности, духа с релевантными им принципами гуманизма.

В экологической этике, в которой усматривают философию планетарного альтруизма, природа должна быть источником любви, заботы и красоты, в ней надо признать морального партнера, чтобы современный человек смог ощутить себя «пастырем Бытия» (М.Хайдеггер). В этом контексте постметафизический человек не конституируется в качестве некой высшей инстанции, он не контролер и не судья в природном мире, не рупор абсолютной истины, поэтому его прямая обязанность состоит в том, чтобы направить свои усилия на сохранение природы и ее красоты. Основная парадигма этического отношения к природе исходит из презумпции, что ее следует сохранять независимо от эстетического или экономического значения. Красота как эстетическая категория пополняет тезаурус экологической этики и функционирует наряду с такими понятиями, как «права природы», «обязанности», «долг», «благо», «ответственность» и т.п. Именно с красотой, как известно, связывают спасение мира.

Ретроспективный анализ охраны природы показал, что первая волна (к. 60 - н.70 гг. XX в.) поставила в центр внимания чистоту воздуха и воды, вторая (с 70-х г.) концентрировалась на замедлении или прекращении атомной энергетики. Третья волна (80-е г.) была ориентирована на борьбу со всеми видами ущерба – от уничтожения тропических лесов до утилизации отходов и в значительной мере с изменением климата [3, с. 845-846]. XXI в. актуализирует своеобразную четвертую волну, как бы это парадоксально не звучало, поскольку все больше голосов ратует за спасение самой красоты. И если еще недавно с надеждой уповали на нее, то сегодня все с точностью до наоборот. В связи с этим возникают вопросы: почему спасение красоты приобрело в рамках именно экологической этики столь острый характер? И насколько вопрос о красоте может быть в этом пространстве стратегическим?

Ответы на эти вопросы лежат в истории культуры, которая является свидетелем решительного размежевания двух миров: естественной дикой природы и искусственно созданной человеком. И в этой дихотомии можно обнаружить, условно говоря, два подхода: в первом доминантой выступает красота природного мира, именно она становится эстетическим эталоном и критерием для любого артефакта. Здесь природа понимается как источник впечатлений, задающая гармонию цветового решения, архитектурных и

иных стилизаций, музыкальных форм и т. д. Как полагает А. Жид, без красоты нет совершенной жизни, как нет ее без Добродетели и Истины. В природе привлекает все «живое», «соразмерное», «легкое» и «привлекательное для созерцания. При этом человек позиционирует себя в качестве эстета, способного прочувствовать и познать глубину и прозрачность прекрасного.

Первым эстетом среди европейских художников дикой природы признан Леонардо да Винчи, но немалую лепту в возвеличивание природной красоты в XVI в. внес и Альбрехт Альтдорфер, в XVII в. Якоб Ван Рейсдал, Филипп Роуз, Сальватор Роза. Но особенно повышенный интерес к изображению красоты дикой природы приходится на к. XVIII – XIX вв. и его инициаторами признаны такие художники как Уильям Тернер, Александр Калама и др. Ради справедливости стоит отметить, что дикую природу с успехом изображали художники русской реалистической школы (А.М. Васнецов, И.И. Шишкин, А.И. Куинджи и др.) и белорусские живописцы (В.К. Бялыницко-Бируха, М.В. Дучица, В.А. Громыко и др.) [2]. Пиетет перед красотой дикой природы испытывают и писатели, и поэты – благодаря им этот мир приобретает самоценность в культуре (до сих пор проблема самоценности природы одна из самых обсуждаемых в экологической этике). Например, и С. Колридж, и У. Вордсворт, и П. Шелли и другие в своих произведениях демонстрировали страстный протест против сухого аналитического языка науки, разрушающего целостность природы и лишающего ее эстетического смысла. Вместе с тем и в те времени не все находили романтику и красоту в дикой природе, т. к. она казалась воинствующей дикостью и не имела никакой практической ценности, поэтому парковые ландшафты были намного им приятнее. Как известно, даже ботаника дикую природу не жаловала, поскольку она была тем, что надлежало укротить, классифицировать, сделать источником выгоды.

Второй подход связан с эпохой потребления, которая превращает человека в творца в сфере эстетического: сегодня все чаще говорят о «человеке-эстетисте», помогающем красиво обустроить внешний мир и обладающего «эстетической властью» над ним. В результате человек-эстет становится имиджмейкером. Такую позицию Фр. Бегбедер определил как «планирование согласно вкусам»; в частности, это касается даже выбора родителями пола ребенка, они бы заказали вдобавок и цвет волос, и глаз, «если бы только могли выбирать по каталогу, как выбирают вещь, куклу»[1, с. 206-207]. Но еще в начале XX в. Р. Сизеран и Я. Павликовский заговорили о том, что люди должны не щедро расставлять статуи, а глубоко чтить неотесанные камни родины, красота которых является ее первообразом. Естественной красоты природы уже не хватает и оказывается, что виновником ситуации является сама «высшая культура»:

скошенные поля, разделенные дорогами на квадраты, выглядят как шахматная доска; дороги большие, но в них нет линии «психологической, только сухая, рациональная логика; пастбища пошли под луг – скота нет на полях, он закрытым стоит в сараях; вместе с чащами исчезли и птицы, потому что они не нужны, а культурные люди не пестрые, как цветы на лугах, а одетые в черное и грустные, не имея вокруг чего-то, чему можно смеяться. Из города в деревню слепо переносится стиль строительства, одежда, настоящий вред приносят каменоломни и турбины: прекрасные скалы превращаются в щебень; водопад измеряют в лошадиных силах и делают предметом торга. Наконец, главный источник зла для природы – это железная дорога, т.к. ее полотно – это не легкая линия полевой дороги, подчиняющаяся окрестному пейзажу, а приносящая в него признак чужеродности, нарушающий ритм жизни. Промышленный дух стирает частные признаки, индивидуализм местности и обычая, тем самым утрачивается прелесть разнообразия. Таким образом, весь мир становится моделью города, где живут в серых домах, где индивидуальность и красота не присутствуют, т.к. им отведено место в музее. Все это результат того, что одни люди, в восторге от красот природы поделились своими чувствами с другими людьми и начали облегчать доступ к этим красотам, строить, прокладывать, сооружать и т.д. Другие поняли, что дикая природа должна быть красивой, поскольку это экономически выгодно[4, с. 63-65].

С тех пор мало что изменилось: с одной стороны, интенсивные миграционные потоки сельского населения в города, расширяют и изменяют их жизненное пространство, уменьшая территорию дикой природы. С другой – попытка городских властей сдержать границы мегаполисов путем уплотнения внутренней архитектурной застройки приводит к уничтожению естественного ландшафта. Зеленой зоны все меньше, искусственной красоты все больше, жизненное пространство людей сжимается. Неоприродная реальность должна эстетически замещать естественную красоту дикой природы. Поэтому основная стратагема экоэтики – признать этические и эстетические критерии в качестве социально значимых и регулятивных принципов в решении проблем коммуникации человека и природы. Но это под силу только интеллигентному обществу…

Литература:

1. Бегбедер, Фр. Фалько ди Ж.-М. Я верую – Я тоже нет / Фр. Бегбедер, Ж.-М. ди Фалько. – М., 2007.

2. См.: Борейко, В.Е. Художники дикой природы / Е.В. Борейко // Гуманитарный экологический журнал. – 2005. – Т. 7. – Вып. 3.

3. Ергин, Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть /Д. Ергин. – М., 2011.

4. См.: Павликовский, Я. Культура и природа /Я. Павликовский // Гуманитарный экологический журнал. – 2004. – Т. 6. – Вып. 1.

ЕЎРАПЕЙСКІЯ ГАРЫЗОНТЫ МІЖКУЛЬТУРНАГА ДЫЯЛОГУ

Л.М. Уладыкоўская, г. Мінск, Беларусь

Культурныя перспектывы сёння глыбока ўплеценыя ў глабальную палітыку.

Культурная свабода выступае жыццёва важнай часткай развіцця чалавека, бо здольнасць выбраць ідэнтычнасць, не губляючы павагі іншага ці да іншага, – істотная для паўнацэннага быцця.

Культура стала эканамічна ключавым словам: музыка, кіно, відэагульні, выяўленчае мастацтва сёння з'яўляюцца часткай паспяховай эканамічнай дзейнасці.

Культура больш не з'яўляецца паняццем, выключна звязаным з нацыянальнымі тэрытэрыямі ці этнічнымі групамі. Творчасці патрабуецца большая прастора для манеўраў, чым можа прапанаваць нацыянальная дзяржава. Мноства вялікіх мастакоў – не прадстаўнічыя для пануючай нацыянальнай культуры, але іначай акцэптуюцца за яе межамі, у іншых сацыякультурных каардынатах.

Узровень інфармаванасці грамадства адносна культурных працэсаў у глабальным маштабе значна павысіўся. Дэбаты пра міжнацыянальныя спрэчкі, мультыкультуралізм і нацыянальную самасвядомасць выдзелілі культуры адно з цэнтральных месцаў у палітыцы.

Калі ў 1957 г. Бельгія, ФРГ, Францыя, Італія, Люксембург і Нідэрланды падпісвалі Дамову аб еўрапейскай эканамічнай супольнасці, заснаванай на пашырэнні агульнага рынку, культурнае пытанне ўжо паўставала на круглых сталах міжнароднай палітыкі (напрыклад, падчас канферэнцыі еўрапейскіх міністраў культуры, арганізаванай ЮНЕСКА ў 1972 г.), і з часам станавілася ўсё больш актуальным, асабліва ў плане важнасці нацыянальна-культурнай спецыфікі і еўрапейскай ідэнтычнасці для далейшай інтэграцыі на еўрапейскім узроўні.

У 1976 і 1979 гг. Еўрапейскі парламент прыняў дзве рэзалюцыі, якія запрашалі прадставіць афіцыйныя прапановы па развіцці культуры; у 1982 г. была прынятая і ў 1983 г. падпісаная дэкларацыя міністраў культуры ЕС аб вывучэнні магчымасцей культурнага супрацоўніцтва. Еўрасаюзам быў прыняты шэраг і іншых дакументаў, у тым ліку датычных еўрапейскіх сталіц культуры (з 1985 г.). У 1987 г. у Еўрасаюзе была створана спецыяльная камісія па культурных праблемах, у 1991 г. – першая структура па фінансавай падтрымцы аўдыявізуальнай прамысловасці і г.д. Паўсталі шматлікія культурныя і абменныя праграмы (напрыклад, у 1995 г. – праграма "Erasmus" і інш.).

Асабліва актывізавалася культурнае пытанне ў пачатку новага тысячагоддзя, калі пачалі прымацца і дзейнічаць спецыяльныя культурныя праграмы, накіраваныя на заахвочванне культурнай разнастайнасці і міжкультурнага дыялогу, падтрымку культуры як каталізатара творчага патэнцыялу і стымулятара эканамічнага росту, жыццёвага элемента ў сістэме міжнародных адносін Еўрасаюза. Еўрасупольнасць усё больш цікавіцца культурнымі справамі. Згодна з Еўрабарометрам 2007 г., 89% еўрапейцаў адчувалі павышаную запатрабаванасць культуры на ўзроўні Еўрасаюза, неабходнасць інтэнсіфікацыі культурных абменаў і, адпаведна, міжкультурнага дыялогу [1], хаця сама ідэя Еўропы Айчын пакідае культурную палітыку на разгляд дзяржаў-чальцоў: культурная палітыка павінна ўлічваць гісторыю і сацыяльныя асаблівасці рэгіёну, дзе яна рэалізуецца.

У цэлым сучасная еўрапейская культурная палітыка засноўваецца на каштоўнасці паняцця і практыцы міжкультурнага дыялогу, які забяспечвае павагу да разнастайнасці і ўзаемаўзбагачэння нацыянальных культур, моў і традыцый, умацаванне еўрапейскай ідэнтычнасці, канструктыўнае і дэмакратычнае ўзаемадзеянне разнастайных сістэм каштоўнасцей (на прынцыпах адкрытасці, роўнай годнасці, камунікацыі, салідарнасці, узаемнай адказнасці), распаўсюджванне этыкі дыялогу і дыялагічнага мыслення ў цэлым, мірнае вырашэнне канфліктаў і супярэчнасцей (этнічных, лінгвістычных, культурных, рэлігійных і іншых) на лакальным і глабальным узроўнях, пашырэнне межаў і магчымасцей.

2008 г. быў абвешчаны еўрапейскім Годам міжкультурнага дыялогу, што актывізавала навуковыя і публічныя дэбаты па пытанні сутнасці і перспектыў міжкультурнага дыялогу, працоўная дэфініцыя якога была сфармуляваная як працэс, што ўключае ў сябе адкрыты і пачцівы абмен або ўзаемадзеянне паміж людзьмі, групамі і арганізацыямі з розным культурным фонам або з рознымі светапоглядамі. Сярод мэтаў міжкультурнага дыялогу – развіццё і глыбейшае разуменне разнастайных перспектыў і метадаў; павелічэнне ўдзелу, а таксама свабоды і здольнасці да выбару; садзеянне роўнасці; актывізацыя творчых працэсаў у Еўропе, якая становіцца ўсё больш культурна разнастайнай.

Паняцце разнастайнасці не тоеснае паняццю адрозненняў. Разнастайнасць (на чым акцэнтуе асаблівую ўвагу ЮНЕСКА) звязаная пераважна з іміграцыяй, мультыкультуралізмам, рытуаламі, міфамі, народнай творчасцю, прыкладным мастацтвам. Арганізацыя ж соцыума, уключаючы яго палітычную структуру і правы чалавека, гендэрныя ролі, адукацыйную сістэму, рынак працы, ахову здароўя, складае план адрозненняў. Калі разнастайнасць адназначна ацэньваецца як станоўчая з’ява, то адрозненні ўсё часцей называюцца галоўнай прычынай

сацыяльных праблем і дэстабілізацыі, асабліва ў аспекце імігрантаў і іх нашчадкаў.

Дакладная нявызначанасць і неадназначнасць разумення міжкультурнага дыялогу, з аднаго боку, адкрывае магчымасці для ўдакладненняў палітычнай стратэгіі ў сферы сацыякультурных трансфармацый, а таксама для навуковых пошукаў і аналітычных парадыгмаў; з іншага боку, яна часта прыводзіць да падмены паняццяў, калі міжкультурным дыялогам называюць міжкультурныя, транскультурныя, кроскультурныя камунікацыі, міжкультурную кампетэнтнасць, мультыкультуралізм, полікультурнасць, культурную інтэрферэнцыю і іншакультурныя ўплывы, практыку разнастайных міжнародных абменаў і кантактаў, а нават і міжнародныя адносіны ў цэлым.

Міжкультурны дыялог іманентна ўласцівы беларускай нацыі не толькі з прычыны яе гістарычных полікультурнасці, поліэтнічнасці і поліканфесійнасці, але дзякуючы дэмакратычнаму характару беларускай культурнай традыцыі, якая гістарычна прадугледжала вяршэнства права, хрысціянскую павагу да асобы і годнасці чалавека, свабоду яго творчага выяўлення. Асаблівае значэнне міжкультурнага дыялогу для Беларусі палягае на тым, што ў сітуацыі перакрыжавання розных культурных уплываў ён “працуе” на дасягненне гармоніі паміж захаваннем уласнай культурнай самабытнасці і адкрытасцю гэтым іншакультурным уплывам, паміж пашыраным гістарычным гарызонтам і звужаным гістарычным бачаннем [2].

Сучасная сусветная парадыгма міжкультурнага дыялогу прадстаўлена шырокім спектрам разнастайных канцэпцый, навуковых школ і падыходаў, якія інтэнсіўна развіваюцца ў межах шматлікіх новастварэных арганізацый у многіх краінах свету (Цэнтр міжкультурнага дыялогу ў г. Анталья (Турцыя), Цэнтр міжкультурнага дыялогу ў г. Таронта (Канада), Цэнтр міжкультурнага дыялогу Арэгонскага ўніверсітэта (ЗША), Цэнтр міжкультурнага дыялогу ў г.Вашынгтон (ЗША), Цэнтр міжкультурнага дыялогу ў Македоніі, Цэнтр кроскультурных даследванняў у г. Веленгтон (Новая Зеландыя), Аўстралійскі фонд глабальнага дыялогу, Інстытут міру і дыялогу ў г.Вена (Аўстрыя), Таварыства дыялогу ў г.Лондан (Вялікабрытанія), Міжнародны цэнтр міжкультурнага абмену ў г.Сіена (Італія), установа “Міжкультурны дыялог” у г.Мінску (Беларусь), Нідэрландскі фонд міжкультурнага дыялогу і інш.).

Літаратура

1. Intercultural Dialogue // Euro barometer: Robert Schuman Foundation .2007. – Mode of access: www.robert-schuman.eu. – Date of access: 03.03.2013.

2. Уладыкоўская, Л. Як захаваць культурную самабытнасць?: сучасныя нарысы да некаторых аспектаў праблемы / Л.Уладыкоўская. – Мінск, 2010.

КОНВЕНЦИЯ И КОНВЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

В.И. Ворников, г. Одесса, Украина

Актуальность обращения к данной проблемы вызвана наличием противоречий в представлениях о конвенции и конвенциональности в обществе, что связано с отсутствием концептуально - теоретических их обоснований и с тем, что получили освещение лишь частные, определенные аспекты данных феноменов. Для выявления и прояснения сущностных характеристик конвенции и конвенциональности, становится необходимым обращение к их социокультурному статусу.

В современности идеи конвенциональности как проблемы конвенциональных взаимоотношений рассматриваются прежде всего с позиций склонности индивидов к определенным формам согласованности с ведущей ролью центробежных сил самого общества как целостности. Так, в частности, в работе Л. А. Осьмук отмечается как конвенциональные взаимодействия превращаются в конвенциональные отношения и обосновывается , что конвенциональные отношения возникают в результате повторяющихся более или менее стабильных конвенциональных взаимодействий. Переход конвенциональных взаимодействий в конвенциональные отношения возможен при наличии конвенциональных действий, конвенциональных стратегий, конвенциональной территории, конвенциональных значений, конвенциональных «игр» [1].

Характерно, что и до настоящего времени отсутствует четкое представление о конвенции как о соглашении и о конвенциональности как о согласованности - на основании договора – официального юридического документа, не снимающего, при этом, определенные противоречия их функциональных свойств в обществе. Но главное, не раскрыты социокультурные аспекты данных феноменов.

Целью данного исследования является рассмотрение конвенции и конвенциональности в социокультурном аспекте современности и выявление их функциональных особенностей в обществе.

В социокультурном пространстве конвенция и конвенциональность имеют многоаспектную детерминацию. При этом, эти условия и детерминанты конвенции и конвенциональности специфичны в различных сферах общественных взаимоотношений. Конвенция и конвенциональность выступают атрибутивным свойством социальной реальности. Социкультурный их аспект обосновывается тем, что данные

феномены составляют определенное культурное пространство – коммуникативную культуру соглашения и согласованности в социуме. Фактически, это социальный институт соглашений и согласованности в обществе со своим комплексом – набором методов и средств, по действию заканчивающихся подписанием соглашений, договоров, имеющих юридический статус документа.

Социокультурная сложность конвенции и конвенциональности восходит уже к их смысловым содержательно – традиционным определениям как сущностным характеристикам. На наш взгляд, особое внимание следует обратить на то, что конвенция и конвенциональность являются порождением договорных – юридически фиксированных отношений, предполагающих наличие сконструированных условий и пространства своего распространения. Данная обусловленность является, прежде всего, регламентацией социального бытия. При этом, возможно выделить, что одними из основных характеристик конвенциональности является существование концептуального описания условий, норм, правил, процедур, по которым ведется согласованная деятельность каждого общества (конвенции в условиях делиберативного процесса); расширенное участие всего общества в процессе принятия решений ; доверие оказывается результатом специальных технологий поддержания согласия – возможности и наличия у субъектов конвенциональной коммуникативной стратегии, специальных технологий контроля против манипуляционной коммуникации для поддержания конвенциональной коммуникации. В социокультурном аспекте “ конвенциональная коммуникационная стратегия, как пишет Т. В. Бородина, обеспечивает коммуникацию между различными сегментами коммуникационной среды через целую цепь консенсусов - конвенцию, то есть содержательный договор внутри определенного сегмента или даже целого общества [2, с. 103].

Так, как общение людей по поводу установления конвенциональных отношений сопровождает всю человеческую жизнь, то социальная конвенция выступает способом понимания мира «другого» и предполагает конвенциональное взаимодействие социокультурных миров [1].

Особо обратить внимание возможно на такой аспект как существование области концептуального описания условий, норм, правил, процедур, по которым ведется согласованная деятельность общества – конвенции. Проблемность состоит в нахождении тех существенных структурно – смысловых характеристик конвенции, которые в итоге создают непосредственно конвенциональность в обществе. Достаточно характерно это отражено у К. Поппера. ” Утверждение, что нормы искусственны… часто понимается неправильно, - подчеркивает К. Поппер. Это непонимание проистекает из одного фундаментального заблуждения, а

именно — из представления, что «соглашение» предполагает «произвольность», т. е. если мы можем свободно выбирать любую систему норм, то эти системы невозможно сравнивать между собой ” [3, с. 97].

Выводы. Таким образом, возможно заключить следующее:

1. Конвенция и конвенциональность в социокультурном аспекте современности имеют функциональные особенности в обществе.
2. Конвенция и конвенциональность не произвольное конструирование социальных отношений.
3. Возможно, что понимание конвенции и конвенциональности именно как, прежде всего, социокультурных феноменов – проявленных в определенных социально – исторических условиях / для человека – людей, а значит и по – своему актуальных, позволяет максимально объективно подойти к выявлению проблем соглашения и согласованности в обществе.
4. Социальная конвенция всегда предполагает заключение договоров по каждому поводу и в каждой конкретной ситуации в жизни и отдельного человека и в жизни общества.
5. Конвенциональные взаимодействия превращаются в конвенциональные отношения в результате повторяющихся более или менее стабильных конвенциональных взаимодействий. Переход конвенциональных взаимодействий в конвенциональные отношения возможен при наличии конвенциональных действий, конвенциональных стратегий, конвенциональной территории, конвенциональных значений, конвенциональных «игр».

Литература:

1. Осьмук, Л. А. Теоретические основания социальной конвенциональности / Л. А. Осьмук: Дис. ... д-ра социол. наук. - Барнаул, 2004.
2. Бородина, Т. В. Социальный диалог: коммуникативные стратегии личностной репрезентации общественных отношений / Т. В. Бородина: Дис. ... канд. филос. наук. - Ростов н / Д, 2003.
3. Поппер, К. Открытое общество и его враги / К. Поппер. В 2 т.Т. 1. - М.: Феникс, Международный фонд Культурная инициатива, 1992.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАЦИИ VS ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Т.П. Глушко, г. Киев, Украина

Проблема национальной идентичности – в том числе социально-экономической – в условиях глобализирующегося мира не утратила своей актуальности, несмотря на попытки нивелировать её значимость в условиях всяческого лоббирования тенденций к экономической глобализации. В современных условиях мы, конечно же, не можем отрицать всей важности глобализационных стратегий национальных государств. Но, при этом, очень важно не забывать о диалектическом

единстве глобальной и национальной составляющей продуктивного социокультурного развития. Собственно взаимодействие глобально и национально ориентированных векторов социально-экономического развития можно рассматривать в трех основных плоскостях.

Во-первых, это противоречие (или противопоставление) этих векторов. Такой подход как раз и характерен эре начала глобализационных процессов, когда национальные ценности и социальные стратегии рассматривались в качестве своеобразного атавизма, тогда как основной приоритет отдавался усилиям в развитии глобально ориентированной стратегии экономического развития общества. Во-вторых, еще одной перспективой анализа этих тенденций вполне может оказаться их взаимосвязь (или взаимообусловленность). Это уже более целостный теоретический этап, для которого характерно осознание равноценности этих тенденций и взаимоопределение репрезентируемых ими социальных перспектив. Таким образом, доминирование одного из векторов или их равноценность будут определять стратегические приоритеты и преимущества экономической культуры страны. И, в-третьих, это продуктивный синтез национальных экономических интересов со стратегией глобального взаимодействия в сфере внешней экономической активности. Такой подход предусматривает перспективу эффективного объединения двух социально-экономических стратегем (глобально и национально ориентированной) в их симбиотическом взаимодействии. Но, сложность состоит в том, чтобы определить преимущества национальной экономики и сформировать подходящую стратегию для их эффективной реализации, что, в свою очередь, требует существенного интеллектуально-креативного потенциала.

Первый вариант «стратегического поведения» поспособствовал возникновению кризиса социальной идентичности на постсоветском пространстве, поскольку национальная идентичность советского типа активно отрицалась, а новый тип идентичности сформирован еще не был. Более того, окончательно новый тип социальной идентичности у большинства стран постсоветского пространства не сформирован и на сегодняшний момент. Вполне правомерно утверждать, что кризис социальной идентичности постсоветских обществ во многом обусловлен отсутствием продуманной социально-экономической стратегии и собственно нежеланием её формирования в контексте поиска эффективного синтеза глобальной и национальной социально-экономической стратегии. Последняя требует включения в «повестку дня» долговременных социально-экономических проектов, которые не принесут быстрой прибыли, а, наоборот, первоначально потребуют существенных вложений, и только через несколько лет начнут давать дивиденды. Но, вместе с тем, несмотря на ресурсоемкость, как раз долгосрочные проекты

являются наиболее продуктивными и перспективными для экономической культуры страны, тогда как краткосрочные не способствуют развитию социальной сферы и полностью направлены на удовлетворение индивидуальных экономических интересов, а не общественных.

Но трансформация стиля экономического мышления требует трансформации экономического менталитета и его аксиологических основ, то есть кардинального пересмотра основных принципов сформировавшейся в постсоветском геоэкономическом регионе философии бизнеса как таковой. Отсутствие национально ориентированных стратегий социально-экономического развития в постсоветских странах во многом является следствием той философии «бизнеса», которая сегодня является доминирующей. И основными её ценностями являются не развитие инфраструктуры городов и поселков, не продуктивное социально-экономическое воспитание и образование молодого поколения, а, к сожалению, окончательное истощение материальных ресурсов в целях обогащения олигархических структур.

Для страны в целом такой подход является крайне непродуктивным и недальновидным, поэтому любой финансовый кризис очень быстро отображается в таких странах на повседневной жизни среднестатистических граждан. Кроме того, такая «стратегия» способствует формированию исключительно отрицательной, негативной идентичности граждан. Поэтому в большинстве случаев на уровне индивидуального сознания национальная экономическая идентичность либо в принципе отсутствует и человек ищет применения своим способностям и талантам за пределами своей страны, либо идентичность формируется в качестве негативной мировоззренческой установки, что характерно для депрессивных регионов, где отсутствует гособеспечение трудоустройства, несмотря на их существенный хозяйственно-производительный потенциал. Возобновление же социально-экономической продуктивности требует трансформации внутренней структуры хозяйственных отношений. Это довольно трудоемкий процесс, но все же единственный путь формирования конструктивной социально-экономической идентичности наций в условиях глобализирующейся современности.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ: МЕЖДУ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПОЙ И РОССИЕЙ

Е.А. Данилова, г. Минск, Беларусь

Территориальное расположение, исторический контекст, связанные с постоянным противостоянием культур, ценностей, религий, и прежде всего, интерпретаций, во многом запрограммировали уникальную модель идентичности белорусов. В новом тысячелетии

такое «противостояние» проявляется в соседстве с двумя гигантскими по сравнению с Республикой Беларусь системами – ЕС и Россией. И если соседство с Россией является привычным обстоятельством, то с 2004 года благодаря вступлению Польши в ЕС, его границы подобрались непосредственно к нашим, впрочем, как и границы НАТО (с 1999 г.). Вопрос, таким образом, плавно переходит из сферы культуры, экономики, идеологии, в сферу безопасности и возможно сохранения суверенитета, которому по большому счету совсем не много лет, но достаточно, чтобы выросло новое поколение граждан независимой страны. И именно сейчас происходит «борьба» за это молодое поколение, от исхода которой зависит дальнейшее развитие государства.

В связи с этим, рассмотрим, каким видят молодые люди настоящего гражданина своей страны. Для этого обратимся к результатам социологического исследования, проводимого в рамках международного проекта «European Values Study» в 2008 г.[4-6]. По мнению молодежи (18-30 лет) Беларуси, настоящий гражданин должен уважать белорусские политические институты и законы (32,0 %– позиция «очень важно» по5-членной шкале), а также прожить длительное время в стране (24,8 %) и уметь разговаривать на белорусском и русском языках (24,5 %), быть рожденным в стране (21,5 %) и иметь белорусское происхождение (18,4 %). Молодые россияне настоящего жителя своей страны видят знающим русский язык (56,5 %), рожденным в России (45,0 %), уважающим политические институты и законы (44,6 %), имеющим российское происхождение (42,4 %), и живущим длительное время в стране (42,3 %). Что касается настоящего гражданина Польши, то он должен уметь разговаривать на польском языке (52,4 %), иметь польское происхождение (42,2 %), быть рожденным в Польше (37,8 %), прожить длительное время в стране (33,9 %) и уважать польские политические институты и законы (28,7 %). Кроме того, исследователи добавили для Польши еще три индикатора: идентификация себя как поляка (57,9 %), наличие польского гражданства (47,9 %) и принадлежность к католической церкви (17,2 %). Таким образом, языковая составляющая является наиболее значимой для молодого поколения России и Польши, и соответственно тезис «одна нация – один язык» как основа основ национальной идентичности в Беларуси не работает. Согласно данным опросов разных с точки зрения «независимости» социологических служб и центров, подавляющие большинство жителей Беларуси использует один язык, понимая при этом, как правило, оба. И в том, что этот язык – русский, люди не видят проблемы. Но, вопросы возникают на политическом уровне.

После получения независимости в 1991 г. белорусский был признан единственным государственным языком, однако в 1995 г. народ

проголосовал за предоставление русскому языку официального статуса. Так ли это было непредсказуемо? Давайте взглянем на данные переписи населения 1989 г. В данном обследовании фигурирует достаточно неоднозначное с точки зрения языковой ситуации в Беларуси понятия «родной» и «второй» языки. Соответственно по результатам получилось, что 65,6 % населения Беларуси на тот момент назвали белорусский своим родным языком, еще 12 % – вторым, в общей сложности – 77,6 %. Эти цифры в некотором смысле свидетельствуют о необходимости активного процесса белорусизации и его массовой поддержки населением, но лишь только, если не принимать во внимание, что понятие «родной язык» в данном случае может отражать в большей степени только этническую идентификацию, а не реальную знание и использование данного языка[1]. Кроме того, согласно данным этой же переписи, русский язык родным назвали 31,9 %, а вторым – 50,8 %, в итоге – 82,7 %. Поэтому не удивительно, что на референдуме 1995 г. 83,3 % принявших участие в голосовании (всего приняло участие 64,8 % граждан страны) высказались «за» предание русскому языку равного статуса с белорусским (на тот момент единственному государственному).

Как же менялась языковая ситуация дальше? По результатам Переписи 1999 г. 70 % населения Беларуси назвали белорусский своим родным языком, а 37 % – основным языком общения, русский – 30 % и 63 % соответственно. В 2009 г. 53,2 % населения Беларуси назвали белорусский родным языком своей национальности, а 23,4 % – языком, на котором разговаривают дома, русский – 41,5 % и 70,2 % соответственно [3]. Далее по материалам той же Переписи населения Республики Беларусь 2009 г., на долю титульной нации – белорусов – приходится свыше 87 % населения страны в возрасте 16-30 лет, русские составляют 5,5 %, поляки – 2,2 %, украинцы – 0,8 %; из числа других национальных и этнических меньшинств наиболее многочисленны: евреи, армяне, татары, цыгане, азербайджанцы, литовцы, молдаване [2].

Еще одним важным моментом при рассмотрении национальной идентичности является религиозная составляющая. Исповедует какое-либо религиозное учение более половины представителей молодого поколения (в возрасте 18-30 лет) Польши (94,9 %), Беларуси (67,3 %) и России (55,4 %). Республику Беларусь, в которой большинство православных (86,6 %) среди верующей молодежи, окружают «православная» Россия (90,9 %) и «католическая» Польша (98,9 %). Следует отметить, что во всех рассматриваемых странах есть верующие и других конфессий. Так, к католикам себя относят 11,7 % молодежи Беларуси, 1,1 % России, к православным – менее 1 % Польши. К протестантам – менее 2 % юношей и девушек Беларуси, России, менее

1 % молодежи Польши, к мусульманам – 7,0 % России, менее 1 % молодежи Беларуси и Польши. Итак, доминирующей религией в рассматриваемых странах является христианство, к другим религиям свою принадлежность отметили лишь менее 1 % девушек и юношей всех государств (кроме мусульман в России).

Рассматривая территориальную идентичность, можно отметить, что молодежь Беларуси и России относит себя в первую очередь к жителям своей страны в целом (46,2 % и 43,7 % соответственно) и к населенному пункту, в котором проживают (34,0 % и 35,3 % соответственно), юноши и девушки Польши – к жителям населенного пункта, в котором проживают (68,0 %) и к своей стране в целом (16,5 %). Жителями мира в первую очередь себя считают 12,8 % молодых белорусов, 5,8 % россиян и 1,3 % поляков.

Таким образом, вопрос национальной идентичности все еще открыт, но один факт не вызывает сомнение – этот вопрос должен быть решен самими жителями страны, ведь именно мы должны, в конце концов, определиться с тем, кто мы есть. И сделать это на максимально доступном языке, чтобы с этим начали считаться как внутри страны, так и за ее пределами.

Литература:

1. Коряков, Ю.Б. Языковая ситуация в Белоруссии и типология языковых ситуаций / Ю.Б. Коряков. – Москва, 2002.

2. Перепись населения 2009. – Т.3: Национальный состав населения Республики Беларусь– Минск, 2011.

3. Шахотько, Л.П. Динамика численности и структуры населения Беларуси / Л.П. Шахотько // Основные вызовы демографической безопасности: сходства и различия в Молдове и Беларуси – Кишинев: Штиинца, 2010.

4. EVS (2010): European Values Study 2008, 4th wave, Belarus. GESIS Data Archive, Cologne, Germany, ZA4782 Data File Version 1.1.0 (2010-11-30) doi:10.4232/1.10175.

5. EVS (2010): European Values Study 2008, 4th wave, Poland. GESIS Data Archive, Cologne, Germany, ZA4769 Data File Version 1.1.0 (2010-11-30) doi:10.4232/1.10164.

6. EVS (2010): European Values Study 2008, 4th wave, Russia. GESIS Data Archive, Cologne, Germany, ZA4777 Data File Version 1.1.0 (2010-11-30) doi:10.4232/1.10170.

НАСУЩНОСТЬ ФИЛОСОФИИ В МИРЕ «ПОСТ-КУЛЬТУРЫ»

В.Ю. Даренский, г. Луганск, Украина

Специфика философского мышления состоит в том, что оно зачем-то осуществляет *смысловую проблематизацию* «жизненного мира» человека,

т.е. базовых опытных данностей его бытия. Откуда у человека такая потребность? Эта потребность объясняется тем, что человеческое сознание обладает актуально бесконечной внутренней смысловой «размерностью», которую нужно все время чем-то «заполнять». И в тех случаях, когда содержания привычного «жизненного мира» для этого становятся явно недостаточными, спонтанно рождается акт философской мысли.

Историческая инвариантность самой природы философского акта мысли, который независимо от его конкретной предметности во все времена сущностно один и тот же, состоит в том, что «философия есть такое занятие, такое мышление о предметах, любых… когда они рассматриваются под углом зрения конечной цели истории и мироздания» [3, с. 57]. Пусть и само «мироздание» может пониматься по-разному, и специальные предметности мысли могут избираться любые (в зависимости от того, что в данное время считается важным), наконец, и «конечные цели» могут обнаруживаться самые разные, – но если в акте, *усилии* мысли все эти три компонента соединились именно вот таким образом, то философия *возникает* и воспроизводится как особое и специфическое пространство мысли. Это своеобразное «уравнение с тремя переменными» задает некую чистую форму, структуру сознания, в рамках которой усилием «рождается» – каждый раз заново – философия.

Такое определение сути философии важно помнить в наше время, когда с одной стороны, можно «утонуть» в нахлынувшем разнообразии текстов, открытости и доступности любых традиций; а с другой, было объявлено о «конце философии», ибо «уже все сказано», что могло быть сказанным, и на нашу долю осталась лишь «игра дискурсов». Но «сказать все» вообще невозможно, ибо каждый раз мысля об одном и том же, мы все равно мыслим *наново* и *заново* – и важность этого «заново» в том, что оно *созидает нас в качестве мыслящих*. И поэтому, по большому счету не так уж и важно, с какими именно текстами работает философ, какую частную традицию он выбирает себе в качестве своего «органа роста» – при условии, что выполняются вышеназванные условия «философского акта», философия всегда реально возникает «здесь и теперь», созидая нас в пространстве своей свободы и живой открытости несказанности Бытия.

Как удачно сказал А.В. Ахутин, «философа занимает мысль в ее жизнеспособности, в ее *изначальной* (первородной) основательности, само-стоятельности, само-бытности, само-обоснованности, можно сказать даже – само-рожденности» [1, с. 43]. В этом контексте философия представляет собой особую *разновидность экспериментального знания*, – однако, разумеется, «эксперимент» здесь совсем иного типа, чем в науке. Если в науке предмет эксперимента конституирован как совокупность объектов (даже интроспективный метод в психологии делает меня «объектом» собственного эксперимента), то в философии, наоборот,

предметом экспериментирования становятся именно те измерения моего собственного бытия и бытия Универсума, которые принципиально не могут быть объективируемыми, но составляют базовые смысловые предпосылки понимания, а иногда и самого восприятия любых объектов. Соответственно, результат такого эксперимента определяется тем, расширяет ли та или иная философская концепция сферу моего универсального миро- и самопонимания, и саму «смыслосферу» моего самоопределения, – или же наоборот, суживает ее. Философская концепция, целостное учение или целая традиция становятся, таким образом, предметом своеобразного экзистенциального эксперимента, в котором задействована глубочайшая сущностная основа человеческого бытия и мышления, а не только отдельные когнитивные способности. Смысловая мощность, экзистенциальная плодотворность и историческая жизнеспособность любого отдельного философского учения или даже целой традиции, независимо от их мировоззренческой ориентаций, всегда в первую очередь определяются тем, насколько им удается опосредовать и усилить предельный порыв разума к индивидуальным смыслам бытия постижением всеобщих смыслов Универсума; и наоборот – постижение всеобщих смыслов опосредовать экзистенцией смысла индивидуального бытия. Путь философского ума – это всегда путь от того состояния, которое в свое время Г.С. Батищев назвал «своецентризмом», при котором человек остается закрытым для мира, превращая последний в объект «освоения-присвоения», – к альтернативному ему пути и состоянию *самопреобразования* человека. На этом пути подлинно философского ума «от человека требуется... состояние величайшей напряженности и беспощадной проблематизации самого себя, полной проникнутости со-причастностью и ответственностью... состояние предельного бодрствования и духовной жажды... бесхитростной *внемлемости*, внутренней тишины... ради того, чтобы дать в себе место *новому дарованию.* Ибо речь здесь идёт именно о продолжающемся генезисе человека, о его незавершимом становлении» [2, с. 322]. Императив предельной «внемлемости», т.е. открытости дару иной реальности, иному бытию и смыслу имеет принципиальное значение для переориентации сознания и мироотношения человека. На путях философии сама «сущность» человека становится *свободно творимой* в модусе «бодрствования и духовной жажды», продолжая экзистенциальный «аутогенезис» (самопреобразование) человека.

Главный *практический мотив* обращения современного человека к философским размышлениям в абсолютном большинстве случаев состоит в острой необходимости «заполнения экзистенциального вакуума». О причинах возникновения последнего у человека современной цивилизации написано очень много и подробно, поэтому нет смысла повторять

общеизвестное. Но понятна и специфика философии XX века: «назначением мыслительной теоретической работы было именно создание условий, индуцирующих возникновение нового сознательного опыта. Вот это и было радикальной новизной во всем стиле теоретического мышления XX века» [3, с. 400]. Для нашей темы следует обозначить принципиальный вывод из этого факта: феномен «живучести» философии даже в самых, казалось бы, неблагоприятных для нее исторических условиях, упорное возрождение философии даже после эпох ее полного забвения объясняется в первую очередь тем, что она всегда была и остается *развитием естественных мотивов интереса к «вечным вопросам»* – и в первую очередь, феномена *смысложизненной рефлексии* как базовой формы этого мотива в процессе «спонтанного философствования», всегда и везде существующего даже на уровне массового сознания.

Если во времена смыслонаполненных традиционных культур философия была лишь «роскошью» для праздного ума, то в наше время, в мире «пост-культуры» (В.В. Бычков) и «антропологической катастрофы» (М.К. Мамардашвили), сам ее *статус* сущностно меняется. Современная цивилизация вырывает человека из непосредственной включенности в природные циклы, опосредуя и почти сводя на нет его контакт с «упругой плотью бытия», замыкает его, словно в тюрьме, в омертвелой сфере эфемерной реальности внутри мира межчеловеческих условностей. Эта тенденция достигает своего полного выражения в «постиндустриальном» мире, где производятся колоссальные потоки *искусственной* информации, просто «замусоривающей» человеческое сознание, теряющее способность к самостоятельному мышлению и целостному, осмысленному взгляду на мир и самого себя. Понятие «современный» как таковое означает особый модус бытия жизненных явлений, при котором они со-вр***е***менны, т.е. постоянно меняются с течением времени, не имея в себе собственного устойчивого содержания, будучи по сути своей лишь ситуативными, а потому эфемерными и разрушительными по отношению к универсалиям человеческого бытия (поскольку *практически* отрицают таковые). Быть «современным» – значит быть со-вр***е***менным, т.е. не иметь в себе ничего подлинного и поэтому неизменного, но лишь непрерывно мимикрировать и приспосабливаться к «требованиям дня» и капризам моды. И философия – это одно из наиболее доступных средств, с помощью которого человек может вырваться из этого безблагодатного и абсурдного состояния.

Литература:

1. Ахутин, А.В. Дело философии / А.В. Ахутин // Тяжба о бытии. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996.

2. Батищев, Г.С. Не деянием одним жив человек / Г.С. Батищев // Деятельность: теории, методология, проблемы. – М.: Политиздат, 1990.

3. Мамардашвили, М.К. Как я понимаю философию / М.К. Мамардашвили. – М.: Прогресс, 1992.

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ: ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

И.Д. Денисенко, г. Харьков, Украина

Анализ современной социально-гуманитарной литературы свидетельствует, что исследования трансформационных процессов в современном обществе составляют весомую часть исследовательских практик как западных, так и отечественных представителей мирового научного сообщества (У. Бека, Ж. Бодрийяра, В. Буряк, И. Валлерстайна, З. Голенкова, Э. Гидденса, М. Кастельса, А. Лазаревича, Н. Лумана, А. Тоффлера, Ф. Фукуяма, С. Хантингтона, Ш. Эйзенштадта) [1−6; 8−12].

Чаще всего предметом исследования выступают особенности проявления и оценка уровня последствий этих процессов в условиях существующей социальной реальности, представленной, например, в работах У. Бека «обществом риска»; Ж. Бодрийяра – «миром постмодерна» или так называемой «сверхреальностью», И. Валлерстайна – «знакомым миром», Э. Гидденса – «эпохой современности»; М. Кастельса – «сетевым обществом», А. Лазаревича – «коммуникационным обществом» и т.д.

Очевидно, что проблемное поле трансформационных процессов не может быть адекватно интерпретировано без концептуального осмысления их контекста, то есть существующей (наблюдаемой) социальной реальности.

Согласно высказываниям известного американского исследователя Дж. Ритцера, практически все дискуссии, организованные в рамках западноевропейского и американского научных сообществ в конце XX – начале XXI столетия, выходят на проблему адекватной интерпретации и соответствующей оценки именно изменений, происходящих с наблюдаемой реальностью. «По мере того, − говорит исследователь, − как мы вступаем в XXI век, век социальных теоретиков, нас в все большей степени занимает вопрос: подверглось ли общество, а также теории о нем ярким трансформациям» [7, с. 34].

Дж. Ритцер утверждает, что в результате поисков ответа на поставленный вопрос эти социальные теоретики распределились на две группы.

«Одна из позиций – отмечает американский социолог, − представлена творчеством группы теоретиков (среди них, в первую очередь, следует назвать Ю. Хабермаса и Э. Гидденса), полагавших, что мы продолжаем жить в обществе, которое правильнее всего называть современным… Иной точки зрения придерживается другая группа

мыслителей (например, Ж. Бодрийяр, Ж.-Ф. Лиотар и Ф. Джеймисон), которые утверждали, что общество изменилось так резко, что мы сейчас живем в качественно новом, постмодернистком обществе» [7, с. 46−47].

Очевидно, что наличие данных позиций предполагает существование в современной системе социально-философских знаний определенной методологической амбивалентности. То есть, осознание наблюдаемой социальной реальности как современного общества, развитие и функционирование которого активно интерпретируется различными теоретическими конструкциями середины XX века, позволяет исследователям снова (при необходимости объяснить определенные изменения в ее структуре и сферах существования) обращаться к основным положениям этих концепций.

Признание существующей социальной реальности обществом так называемого «постмодернистского» типа предполагает для адекватной интерпретации изменений, происходящих с его структурными элементами и пространством их функционирования, формирование (или разработку) качественно новой теоретической конструкции.

Анализ современной социально-философской и социологической литературы свидетельствует, что еще с середины 80-х годов XX столетия среди большинства как западных, так и отечественных исследователей начинает доминировать идея о том, что «теории Маркса, Вебера, Дюркгейма и другие во многом уже не могут должным образом объяснить содержание и направленность социальных изменений в современном мире» [13, с. 19]. Именно в этот период в западном научном сообществе начинается активный поиск (который продолжается и сегодня) методологических оснований для построения теоретической конструкции, адекватно интерпретирующей содержание и развитие нового варианта социальной реальности.

При этом, следует подчеркнуть, что обращение исследователей к проблеме определения основных стратегий построения теории, адекватно интерпретирующей содержание и динамику современного общества в условиях повсеместных трансформаций, на наш взгляд, должно происходить с учетом следующих моментов.

Во-первых, среди представителей научного сообщества в контексте развития междисциплинарного синтеза следует организовать дискуссию относительно определения уровня корреляции концепций, интепретирующих формирование и развитие именно современной социальной реальности (например, теорий «информационного общества» М. Пората, «активного общества» А. Этциони, «кооперативного общества» Д. Клиффорда и др.), и других теоретических конструкций (например, структурно-функционального анализа, системного анализа, теории социального конфликта и т. д.).

Во-вторых, необходимо уточнение категориально-понятийного аппарата и согласование основных положений различных вариантов теоретических конструкций, представляющих одну и ту же теорию современного общества. Например, разработка теории «общества риска» в современной западной социально-философской и социологической литературе представлена в основном исследованиями У. Бека, Э. Гидденса и Н. Лумана. Однако, анализ этих исследований позволяет утверждать, что основной концепт этой теории – понятие «риск», в каждом из предложенных вариантов имеет свою авторскую экспликацию.

Так, для немецкого исследователя Н. Лумана риск является обратной стороной нормальной формы развития процессов современного общества, и «только при обращении к обратной стороне нормальной формы мы и можем распознать ее как форму» [10, с. 141]. «Риск, − утверждает другой немецкий философ У. Бек, − может быть определен как систематическое взаимодействие общества с угрозами и опасностями, индуцированными и произведенными модернизацией как таковой. Риски в отличие от опасностей прошлых эпох − следствия угрожающей мощи модернизации и порождаемых ею неуверенности и страха» [2, с. 45]. Для английского социолога Е. Гидденса риск выступает определенным механизмом структуирования современного мира [5].

В-третьих, должны быть определены логико-методологические основы (концептуальная схема), позволяющие:

− выразить в абстрактной форме основные положения каждого из вариантов теории формирования и развития современного общества (от «сетевого» М. Кастельса до «активного» А. Этциони);

− систематизировать и согласовать эти утверждения между собой;

− согласовать эти концепты с имеющимися в наличии эмпирическими данными.

Литература:

1. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну/ Ульрих Бек. − М., 2000.

2. Бек, У. От индустриального общества к обществу риска / У. Бек // THESIS. − 1994. № 5.

3. Буряк, В.В. Глобальное гражданское общество и сетивые революции / В.В. Буряк. − Симферополь,2011.

4. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Иммануэль Валлерстайн. − М., 2004.

5. Гидденс, Э. Судьба, риск и безопасность / Э. Гидденс // THESIS. − 1994.№ 5.

6. Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структурвции / Энтони Гидденс. − М., 2005.

7. Ритцер, Дж. Современные социологические теории / Джордж Ритцер. − СПб., 2002.

8. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Мануэль Кастельс. − М., 2000.

9. Лазаревич, А.А. Глобальное коммуникационное общество / А.А. Лазаревич. − Минск, 2008.

10. Луман, Н. Понятие риска / Н. Луман // THESIS. − 1994.№ 5.

11. Хантингтон, С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. − М., 2003.

12. Эйзенштадт, Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Ш. Эйзенштадт. − М., 1999.

13. Ядов, В.А. Информация о XII Всемирном социологическом конгрессе / В.А. Ядов, З.Т. Голенкова // Социс. − 1990. № 11.

ПРОБЛЕМА РАЦИОНАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ФИЛОСОФСКОГО МЫШЛЕНИЯ

А.П. Ждановский, г. Минск, Беларусь

Становление постклассической европейской философии проходило под знаком переосмысления природы разума, рациональности. Классическая философия утвердила идею гармонии между организацией бытия и субъективной организацией человека, когда мыслительные акты однозначно соответствуют связям и дифференциациям объектов. Постклассическое мышление указывает на историческую изменчивость самого бытия, отказывается строить свое содержание как систему законченного рационального знания. Изменяется само понимание истинности, «разумности» знания. Если для классического философствования характерно стремление к объективной, «вечной» истине, преодолевающее на этом пути множество препятствий и, прежде всего, предрассудков, обусловленных самой природой человека, его психофизической организацией, несовершенством языка и форм общения, исторической ограниченностью любых видов практики, то постклассика трактует знание через выявление его эффективности, практичности, утилитарности: истина должна прежде всего согласовать экзистенцию с формами социальной жизни, приспособить человека к миру.

Свой особый ракурс постановки и решения этих методологических, философско-мировоззренческих проблем предложила феноменология Э. Гуссерля.

Философ отказывается от идеи психологизма, т.е. трактовки истин науки как зависящих от факта их переживаемости конкретными индивидами. Содержание истин, учит Э. Гуссерль, не зависит от их конкретной наполненности психической энергией субъектов. Истины наук

обладают особым бытием: они не объективны, не субъективны, но нейтральны в отношении ко всякому содержанию опыта. В структуре сознания изначально заложена характеристика направленности, нацеленности на предмет, выделяющая его из ряда других предметов. Выделяя интересующий его предмет, сознание оформляет свой познавательный интерес, становится конечным (а потому и определенным). Субъект же познавательной деятельности редуцируется к его по сути единственной фундаментальной характеристике – интенциональности, т.е. направленности на трансцендентный объект. Сознание субъекта по необходимости воплощается в материальной форме слов, выражений; поэтому теряет изначально присущую ему чистоту.

Философ вводит понятие интерсубъективности. Это понятие означает общность, изначально связывающую субъектов, внутри которой они только и могут осуществлять свою познавательную деятельность, понимать друг друга. Открытие субъектом мира как поля его сосуществования наряду с другими субъектами (интенциональными сущностями) переструктурирует и его самопонимание: сознание субъекта впервые предстает как «мое» в противовес к «чужому». Аналогичным образом преобразуется мир феноменов, наделяясь способностью быть открытым для конституирования Другими.

Исходя из этой мировоззренческой предпосылки, Э. Гуссерль обращается к анализу реальных мировых связей сознания европейского человека в исторической перспективе.

Причины временного культурного кризиса философ видит, прежде всего, в особенностях социокультурного функционирования современной науки, и, прежде всего – естествознания. Речь идет об отрыве идеальных сущностей, конструируемых естествознанием ньютоновско-галилеевского типа, от своих жизненных корней. Мир реальных предметов оказался вытесненным идеальным миром, а натурализм и объективизм современной науки стали выступать в качестве всеобщей формы переживания реальности.

Путь преодоления кризиса, по Э. Гуссерлю, открывает применение феноменологического метода. Феноменология должна обратиться к анализу европейской науки и культуры в целом, раскрыть ее живые исторические корни, реанимировать ее утраченные смыслы и тем самым обозначить новые возможности развития европейского человечества, обнаружить его подлинную историчность, обратиться к сознательному осуществлению его собственной судьбы.

Проблема рациональности переосмысливается и в экзистенциализме М. Хайдеггера. Концепция М. Хайдеггера объясняет мир не в его соотнесенности с рациональными характеристиками индивида, но через

призму его деятельности, целостности его бытия, наполненного переживаниями и устремлениями.

Экзистенциальная аналитика человеческого бытия, по М. Хайдеггеру, это анализ бытийных определений человека, опирающийся на изначально присущее человеку донаучное, дорефлексивное понимание бытия. Сущность же человека находится в его экзистенции, которая не может быть сведена к его наличному существованию. Отличие бытия человека (экзистенции) от бытия сущего заключается в том, что экзистенция несубстанциальна, т.е. она несводима к некоторой материальной или духовной субстанции. Ее специфика проявляется в отношении человека к своему бытию как к возможности. Сущность экзистенции проявляет себя в возможности человека проектировать, изменять свою жизнь. Человек есть то, чем он может стать.

Человеческое «в – мире – бытие» предполагает бытие рядом с другими людьми, следовательно, оно включает в себя определенное «общественное» измерение. «Озабоченное» отношение человека к миру заставляет его действовать совместно с другими людьми. Истинное бытие человека раскрывается через деятельное, «озабоченное» отношение к вещам и другим людям.

Деятельный характер «в – мире – бытия» может, однако принимать отчужденные формы, растворяя человека в мире, стандартизируя, усредняя его существование. В повседневной жизни человек теряет себя, свою «самость», становится похожим на Других, становится таким, как Другие. Эту сферу обезличенного существования человека М. Хайдеггер называет миром Man, превращающим оригинальное – в посредственное, все тайное – в явное.

Антитезе подлинного и неподлинного бытия соответствует у М. Хайдеггера дифференциация языка (язык сущности и язык существования). Язык сущности, язык подлинного бытия это синкретический язык досократовской Греции. В культуре Древней Греции субъект не противопоставлен объекту, человек – природе, когда намерения слова и дела были неразделимы. Понятийное мышление Сократа, стремившегося к окончательной точности дефиниций, раскололо мир на субъект и объект. Раскол был усугублен метафизикой Платона и Аристотеля, закреплен в языке современной науки и логики; современный язык это не язык истинного бытия. Он превратился в инструмент, вещь, существующую наряду с другими вещами. Вернуть девальвированному языку его прежнюю ценность возможно на пути его реформирования, его освобождения от застывших безжизненных форм логики и грамматики. Позитивный опыт такого реформирования М. Хайдеггер усматривает в поэзии раннего немецкого романтизма (Гельдерлин, Новалис), поэтических экспериментах Г. Тракля, С. Георге. Новые выразительные

возможности музыкального языка, полагает М. Хайдеггер, открываются в дедокафонной системе А. Шенберга.

Таким образом, постклассическая философия, переосмысливая классическую интерпретацию рациональности, пытается по-новому (в сопоставлении с ее интерпретациями в контексте методологических стратегий классического периода) раскрыть ее природу, обращается к исследованию исторической размерности разума, к рассмотрению механизмов его функционирования в системах социокультурных детерминант.

ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО И АКАДЕМИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО КАК СФЕРЫ БЫТИЯ ФИЛОСОФИИ

А.И. Зеленков, г. Минск, Беларусь

1. Одной из актуальных проблем современной гуманитаристики является широко обсуждаемый вопрос о судьбах философии в изменяющемся мире, о ее самоорганизации в современной культуре. Представляется небезынтересным рассмотреть эту проблему, выделяя две существенно различные ипостаси философии как уникального феномена культуры, который уже на протяжении более 2,5 тыс. лет является неотъемлемым компонентом цивилизации, по крайней мере, в ее западной версии.

Первую ипостась можно определить как «философия в публичном пространстве социума». Речь здесь идет о том, насколько нужна и востребована философия как рационально-критическая форма рефлексии о делах общества и власти в том или ином социуме, в его культуре, образовании, политических практиках и формах массовой коммуникации.

Вторая ипостась философии представлена в формах профессионально-академического дискурса и общения. Это гораздо более сложное и тонкое понимание ее природы и функции, которое опирается на богатейший опыт развития как самой философии, так и науки, религии, искусства.

Среди этих формообразований культуры наука занимает особое место и средоточием ее взаимодействия и диалога с философией всегда была не рыночная площадь или институты государственной власти, а университеты, научные и образовательные центры.

Именно поэтому в обширном тематическом пространстве философии как профессионально-академического дискурса имеет смысл выделить лишь один, но смыслообразующий аспект. Он касается перманентного для самой философии диалога с наукой и рациональными формами миропонимания. Метаморфозы этого диалога становятся особенно наглядными именно в нашу эпоху, когда перспективы самой философии во многом будут определяться сакраментальным выбором между

сохранением исконной для нее ориентации на рационально-когнитивные формы объяснения и понимания природы, человека и культуры, либо в угоду современной интеллектуальной моде продуцированием маргинальных гибридных дискурсов, в которых предметная и логическая прозрачность языка философии уступает место мифопоэтическим образам, активно заимствующим выразительные средства современного художественного авангарда и декаденствующей литературы.

2. Говоря о месте и роли философии в публичном пространстве социума важно отметить, что в самой философии ответ на этот вопрос уже давно найден и сформулирован.

Философия возникает и становится жизненно необходимой именно там, где есть потребность в свободе – в свободе как неотъемлемой характеристике личности, свободной реализовать свое право на индивидуальное понимание, выбор и действие не только во имя собственного блага, но и блага общества в целом.

Это означает, что философия возникает и успешно развивается далеко не везде, не во всех культурах и типах социальной организации. Она становится подлинно востребованной там, где наряду с государством сформированы и успешно функционируют развитые формы и структуры гражданского общества. Там, где люди должны быть воспитаны как свободные граждане, а не как безумные исполнители воли монарха, правителя или харизматической личности.

Известно, что классическим примером такого общества, колыбелью философии является древнегреческая цивилизация. В Афинском полисе, свободное население которого насчитывало немногим более 200 тыс. человек, философия явилась органичной частью всей культурной надстройки, что позволило только за период VI-V веков до н.э. заложить духовные основы европейской цивилизации на многие грядущие столетия. Этот взрыв культуротворчества, давший человечеству таких вечных его спутников, как Сократ, Платон, Эсхил, Софокл, Перикл, Аристофан и многие другие не случайно получил очень точное название «древнегреческого чуда».

Однако пример Греции уникален. В большинстве древних обществ не существовало такого культа свободы, а значит, и в публичном пространстве этих обществ не было потребности в философии. Ее функции успешно заменяли мифология, религия, искусство, политика и т.д.

Кстати, следуя А.Ф. Лосеву, надо сказать, что и русская культурная традиция (а во многом и восточнославянская в целом) не является классически философичной. Она выражена не столько в формах абстрактно-систематического мышления, сколько в интуитивно-образной, а зачастую и в иррационально-религиозной форме. Может быть, именно

поэтому на Западе до сих пор наиболее популярными и известными русскими философами являются Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский.

Вообще в обыденном сознании и, соответственно, в публичном пространстве многих современных обществ можно выделить множество образов философии, и далеко не все из них связаны с представлениями о научно-рациональных основах человеческого мышления и деятельности.

Среди наиболее типичных образов философии, которые и сегодня существуют и востребованы в массовом сознании современных обществ можно указать на следующие:

1) Философия как любомудрие. Этот образ сложился еще в античности и отражает довольно высокую оценку роли и статуса философии и философов в обществе, которые вызывали чувства высокого почтения.

2) Философия как образ жизни. Такое понимание философии базируется, как правило, на презумпциях здравого смысла и обобщениях непосредственного жизненного опыта.

3) Философия как вид «языковой игры». В этом образе философия воспринимается как практически бесполезное и далекое от реальных жизненных проблем интеллектуальное занятие, которое не способно дать внятные и конструктивные ответы на насущные вопросы жизни человека и общества.

4) Философия как идеология. Данный образ философии складывается обычно в таких социальных системах, где господствуют жесткие тоталитарные (либо авторитарные) режимы и репрессивные формы государственной власти и управления.

5) Философия как наука. Несмотря на радикальную критику философии в современной постклассической культуре, образ философии как яркого воплощения научной рациональности и огромных познавательных возможностей теоретического мышления устойчиво сохраняется в массовом сознании. Философия воспринимается им не только как одна из множества наук, но и как особая наука, способная дать рационально обоснованные ответы на самые сложные вопросы современного мира.

Эти и другие возможные образы философии, возникающие в массовом сознании современных обществ, свидетельствуют о том, что сколь бы часто не звучал тезис о смерти философии в культуре постмодерна и мировосприятии современного цифрового поколения, философия была, есть и будет одной из самых загадочных, и в то же время востребованных форм духовного опыта человека.

3. Обращаясь ко второй ипостаси философии, в рамках которой проблема ее взаимосвязи с наукой всегда рассматривалась как проблема профессиональной ответственности и компетенции академического

сообщества ученых, философов, мыслителей, следует понимать, что здесь картина гораздо сложнее, но и поучительней.

Известно, что философское сознание в его достаточно развитых формах возникло более двух с половиной тысячелетий тому назад, в эпоху перехода от мифа к логосу. Наука же в ее современном понимании оформляется гораздо позднее и приобретает статус одной из важнейших форм в европейской культуре лишь к XVII столетию.

С момента своего возникновения наука недвусмысленно заявляет о своей претензии обосновать такую картину мира, в которой нет места субъективно-личностным смыслам и ценностям человека, где доминирует принцип объективно-истинного познания природы, общества и субъективности. Экспансия научного разума, кажется, не знает пределов, философия, которая еще вчера была синонимом рациональности и всякого позитивного знания, утрачивает свои преимущества и привлекательность перед лицом бурно прогрессирующей науки. Кажется, что ей уже навсегда уготована участь короля Лира, которая, по меткому замечанию В. Виндельбанда, исчерпывающим образом характеризует судьбу философии после великой интеллектуальной революции, давшей миру классическое естествознание.

Однако дальнейший ход событий развеял эти иллюзии и за более, чем 300-летнюю историю европейская наука прошла непростой путь социализации, по-разному выстраивая свои отношения с философией. Большинство исследователей выделяют четыре основных этапа на этом пути.

Первый – от XV до XVIII века – романтический или ювенальный период ее развития. В этот период наука перестает быть частным «любительским» занятием, она становится профессией. Образование все более очевидно ориентируется на стандарты научного освоения реальности.

Второй – классический период, завершающийся к концу XIX столетия. В это время создаются фундаментальные естественнонаучные теории, наука все более определенно обнаруживает свой социально-экономический статус и привлекается на службу государству.

Следующий, неклассический период, включающий примерно две первых трети XX столетия, характерен тем, что в это время возникает и оформляется так называемая «Большая наука». В эту эпоху, не случайно получившей название «эпохи бури и натиска», происходит целая серия революционных перемен в различных областях знания. В физике создаются релятивистская и квантовая теории, в космологии – концепция нестационарной Вселенной, становление генетики, радикально революционизирует биологическое познание, существенный вклад в формирующуюся новую квантово-релятивистскую картину мира вносят

кибернетика и теория систем. Все это приводит к фронтальному освоению новых научных идей в социальной практике и индустриальных технологиях.

На всех этих этапах революционных изменений в науке философия не просто участвовала в этих процессах, она задавала стратегические ориентации научному познанию, формировала представления о новых категориях, формах и стилях мышления в науке.

И все же на этом историческом отрезке философско-методологическая рефлексия над наукой чаще всего рассматривалась и оценивалась как признак некой интеллектуальной респектабельности. Но, переходя к рассмотрению четвертого этапа в развитии науки, который начинается с 60-х годов XX века и получает название постнеклассической науки, мы отчетливо осознаем, что философский анализ происходящих в современной науке трансформаций становится одним из необходимых условий адекватного ответа на целый ряд сакраментальных вопросов о ее природе, целях, возможностях и границах.

Сегодня наука оказывается в самом эпицентре тех тектонических цивилизационных сдвигов, в которые неотвратимо погружается современное человечество. Глобальные кризисы (экологический, антропологический, социокультурный и др.) заставляют критически отнестись к прежним идеалам прогресса и целям социального развития. Мир погружается в эпоху неустойчивости, нестабильности, неопределенности. Идет поиск новых путей развития, новых человеческих ценностей и мировоззренческих ориентиров. Цивилизация гедонизма и потребления исчерпывает свой исторический ресурс.

Ясно, что выйти на новый виток развития без науки и основанных на ней современных технологий не представляется возможным. Любые попытки отрицать этот непреложный факт чреваты созданием очередных утопий и гуманитарных иллюзий.

Но столь же непреложной истиной является и то, что одна наука не в силах дать конструктивные и социально перспективные ответы на глобальные вызовы современности. Она, как никогда ранее нуждается в диалоге с гуманитарной мыслью и прежде всего с философией, поскольку речь идет о кардинальных изменениях в глубинных основаниях человеческого бытия, о стратегических целях и смысле происходящих в науке и обществе изменений.

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА КУЛЬТУРЫ

Л.А. Зеленов, А.А. Владимиров, г. Нижний Новгород, Россия

1. В мировых исследованиях культуры доминировали социологический и цивилизационный подходы, что и привело к распространенному пониманию культуры как всего созданного

обществом, то есть отличающего именно этим ее от природы. Философия в этом вековом анализе культуры не смогла внести в сознание ученых методологическую ясность, то есть аксиологическое понимание культуры как ценности. Вот почему до сих пор в литературе и в бытовой практике мы продолжаем встречать парадоксальные высказывания вроде: «фашистская культура», «реакционная культура», «черносотенная культура» и т.д.

2. Мы считаем, что именно аксиология как наука о ценностях и ценностных отношениях, о ценностном сознании и оценках должна и может помочь культурологии разобраться в понятии культуры, ценности и их типах и видах, чего не сделано до сих пор. Печально и то, что культурология своей социальной агрессивностью не только вытеснила в науке и в педагогической сфере такие явно аксиологические области как этика и эстетика, но она и прервала исследования в этих областях по сравнению с периодом 50-70 гг. XX в. Более того, прекратились исследования в области аксиологии и остался так и не решенным вопрос о ее научном статусе. А после абсурдного провозглашения М.С. Горбачевым с 1985 г. курса на «общечеловеческие ценности» прекратились и исследования ценностей вообще и их типологии, в частности.

3. Совершенно самокритично мы должны сказать, что философия при всей ее номинальной причастности к культурологи и ушла полностью сначала из аксиологии, а сегодня и из культурологии. Этот мировоззренческий и методологический вакуум в культурологии мгновенно заполнили представители множества частных наук (религиоведения, искусствознания, маркетинга и менеджмента, педагогики и истории и т.д.). Они и вносят тот дискомфорт в культурологическую проблематику, что выражается в наличии более 500 определений культуры и существования дурной бесконечности ее типов, видов, систем, разновидностей. Философия должна вернуться в культурологию. Один из шагов в этом направлении был сделан нами при издании монографии «Философии культуры» в 2012 году [1].

4. Во-первых, культура при всем многообразии ее типов и видов является *искусственным*, человекотворным образованием. Это признается всеми и это первый специфический признак культуры, отличающий ее от естественных, природных образований абиотического и биотического характера. Даже при обозначении «культурных растений», «культурных животных» мы имеем в виду их очеловеченный, одомашненный характер, то есть «ноосферную» (разумную) обработку по В.И. Вернадскому.

5. Во-вторых, культура при всей ее исторической динамичности, этапности развития является *социальным* образованием, возникающим в человеческом *сообществе*, в совместной жизни и деятельности людей, социальных групп и общностей. Это, в частности, объясняет

существование множества этнических и национальных, а также сословных и классовых культур в истории общества. Понимание этого признака культуры позволяет правильно оценить значение глобализации и противостоящих ей в современном мире антиглобализма и альтерглобализма.

6. В-третьих, культура при всей кажущейся ее динамичности является *традициональным* образованием, совокупностью традиций, общепризнанных стандартов, правил, норм и нормативных образований общества, специфических для той или иной социальной общности (этноса, нации, класса, слоя, профессии, корпорации). Этот признак не всегда осознается и выявляет свою консервативную силу и значимость в переломные эпохи, в экстремальных ситуациях и, особенно во время радикальных, революционных событий, когда происходит смена парадигм, разрушение стереотипов и моды на конформистское поведение. Философский анализ позволяет понять движение в обществе от обыденной повседневности к константным Обычаям, от них к ритуально санкционированным Обрядам и от них к межпоколенно транслируемым Традициям. Именно на уровне традиций складываются культуры.

7. В-четвертых, культура вбирает в себя, сохраняет, наследует, «культивирует» только *позитивные* традиции, то есть только *ценности*, позитивно значимые традиции, которые способствуют не разрушению, а развитию, прогрессу той или иной социальной общности, поэтому именно эти традиции (культурные) включаются в учебные программы всех институтов социализации данного общества. Введение понятия значимости в анализ социального опыта человечества позволяет отказаться от некорректного понятия «отрицательной ценности» (В.А. Василенко), а заменить его понятием «отрицательная значимость», которая как антиценность противостоит «положительной значимости» как ценности. Тогда и общество предстает в исторической конфронтации своих социально полярных таксонов и их видов: культура как совокупность ценностей и антикультура как совокупность антиценностей.

8. Наконец, самое главное – *критерий* разграничения ценностей и антиненностей. Концепция субъективного идеализма от Д. Юма до У. Джемса, Ч. Пирса и современного постмодернизма вводит в качестве критерия субъекта с его вкусом и идеалом, поэтому и провозглашает плюрализм оценок и истин, что ликвидирует саму культуру и утверждает солипсизм. Но история философии от Демокрита до К. Маркса предлагает другую диалектико-материалистическую концепцию в виде понятия *меры* человеческого рода как системы объективных родовых качеств человека. В 1844 г. К. Маркс, анализируя сущность прекрасного как эстетической ценности, определил его как гармонию меры человека и меры предмета [2]. Именно объективная мера человеческого рода является критерием

разграничения позитивной и негативной значимости социальных явлений: ценности – это явления, способствующие утверждению и развитию родовых качеств человека; антиценности – это явления, приводящие к деградации, разрушению родовых качеств человека. Отсюда понятен и принцип гуманизма, и терроризм, геноцид, наркомания, преступность и другие социально значимые явления. Антикультура как антигуманное явление и сегодня противостоит культуре как гуманному явлению, определяя направления социального преобразования общества.

9. В связи с этим ответственность и задача философии состоит в том, чтобы исследовать всю проблематику человековедения хотя бы так, как это она исторически сделала по отношению к трем другим междисциплинарным научным комплексам: естествознанию, технознанию, обществоведению. К сожалению, она пока даже не подсказала науковедению о необходимости выделения кроме естественных, технических и общественных наук еще наук гуманитарный – наук о человеке. Начало в этом отношении положено Общероссийской академией человековедения с 1991 г. В частности, исследованы проблемы антропономии как общей теории человека и меры человеческого рода [3].

Литература:

1. Зеленов, Л.А. Философия культуры / Л.А. Зеленов, А.С. Балакшин, А.А. Владимиров. – Н.Новгород: ВГАВТ, 2012.

2. Маркс, К. Из ранних произведений / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1959.

3. Антропономия. Общая теория человека. – Н.Новгород: НАСА, 1991; Зеленов, Л.А. Антропономия – интегральная наука о человеке / Л.А. Зеленов, А.А. Владимиров. – Н.Новгород: Новация, 2010; Владимиров, А.А. Мера человеческого рода / А.А. Владимиров // Материалы VI Российского философского конгресса; Философия в современном мире: диалог мировоззрений. – Н.Новгород: ННГУ, 2012; Зеленов, Л.А. Антропономия – философская наука о человеке / Л.А. Зеленов // Материалы VI Российского философского конгресса; Философия в современном мире: диалог мировоззрений. – Н.Новгород: ННГУ, 2012.

ИНФОРМАЦИОННО-КОМПЬЮТЕРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА[8]

В.А Иноземцев, В.Е. Удовик, г. Москва, Россия

Под *информационно-компьютерной революцией или информационной революцией в широком смысле слова* понимается каскад сменяющих друг друга и одновременно накладывающихся друг на друга

[8] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Философский и логико-методологический анализ развития научного знания в информационном обществе», договор № 12-03-00479

нелинейных процессов радикальных трансформаций в современной компьютерной технике и информационно-коммуникационных технологиях (ИКТ), опирающихся на новые постоянно меняющиеся технико-технологические средства хранения, приобретения, продуцирования, трансформации и трансляции информации.

Информационно-компьютерная революция включает, во-первых, *информационную революцию в узком смысле слова*, связанную преимущественно с ростом информации и средств её хранения, приобретения, продуцирования, трансформации и трансляции, и, во-вторых, *революцию в компьютерной технике и информационно-коммуникационных технологиях* или *компьютерную революцию*.

Компьютерная революция, будучи процессом непрерывных качественных модификаций и трансформаций компьютерной техники и стремительно развивающихся современных ИКТ, становится в последние полвека главной ветвью информационно-компьютерной революции, превратившись в перманентную компьютерную революцию. Эта перманентная революция начинается сразу после создания первых компьютеров в конце 40-х годов XX века и включает ряд этапов. Движущей силой перманентной компьютерной революции выступают качественные изменения в элементной базе компьютеров. Перманентная компьютерная революция и ее основные этапы, а также связанный с ней процесс медиатизации, достаточно детально исследованы в литературе [2].

Содержание понятия информационная революция в широком смысле слова следует раскрывать именно через понятие ИКТ. Под этими технологиями обычно понимают различные способы создания, фиксации, переработки и распространения информации. Категория технологии приобретает в настоящее время доминирующее, системообразующее значение. Если в предшествующие эпохи технология рассматривается как простой набор рецептур и считается вторичной по отношению к культуре, то в последние десятилетия осознается то, что совершенствование технологий лежит в основе развития современной техногенной цивилизации, а радикально новые формы человеческой культуры сопрягаются с рождением принципиально новых технологий.

Современные ИКТ занимают ключевое место в системе наукоемких технологий. Их основная продукция - информация - становится одним из самых мощных и решающих факторов общественного развития. Традиционные информационные технологии, к которым относятся письменность, книгопечатание, телефон, телеграф, радио, телевидение, ориентируются лишь на способы фиксации, тиражирования и распространения информации. Все эти технологии не затрагивают самого процесса создания, переработки и смысловой трансформации знания.

ИКТ, в отличие от других технологий, реализуемых исключительно в сфере материального производства и предметной деятельности, и лишь опосредованно влияющих на духовную деятельность, являются средством, проникающим преимущественно в сферу интеллектуального труда.

ИКТ порождают интеллектуальную технологию, представляющую собой совокупность артефактов, программных продуктов и систем знаний, обеспечивающих рождение принципиально нового феномена в истории техногенной цивилизации. Этот феномен состоит в возможности продуцирования, трансформации, сверхскоростной передачи и реализации информации не только с помощью человеческою мозга и средств связи, но с помощью совершенно технических устройств, воплощающих идею искусственного интеллекта (ИИ). Наиболее значимый результат внедрения ИКТ - радикальное изменение всей системы духовно-практической деятельности и культурного творчества.

Информационные системы приобретают статус интеллектуальных, если они могут совершать операции, традиционно считавшиеся прерогативой людей. К таким операциям относятся способность рассуждать и доказывать, общаться на естественных языках, понимать тексты и речевые сообщения, генерировать новые знания, классифицировать и обобщать их, принимать обоснованные решения.

В конце 50-х годов XX века многие виды человеческой деятельности, считавшиеся ранее интеллектуальными и творческими, становится возможным выполнять посредством программ, реализуемых на компьютерах. Происходит переход от программ, предназначенных для вычислений, к программам, ориентированным на символьные преобразования. Алгоритмы, программы, модели, первоначально применявшиеся для решения вычислительных задач, переносятся в этот период в новую область - обработку нечисловой информации, начинают использоваться для решения общеинформационных задач, связанных с преобразованием так называемых компьютерных знаний. Посредством термина «компьютерные знания» в искусственном интеллекте обозначают вводимую в базы знаний интеллектуальных компьютерных систем информацию о закономерностях структуры и функционирования выделенных и описанных фрагментов действительности.

Знания с конца 70-х годов начинают занимать важнейшее место в информатике и теории искусственного интеллекта. Появляются банки и базы знаний, компьютерные системы, основанные на знаниях, исследуются проблемы приобретения, репрезентации, манипулирования, обобщения и классификации знаний. Информация и знание сами по себе изучены в научной литературе в достаточно широком диапазоне. Однако их взаимоотношения и переход от информации к знанию, в особенности к компьютерным способам его представления, исследованы в гораздо

меньшей степени. Хотя именно эти проблемы оказываются наиболее существенными при рассмотрении закономерностей функционирования знания в информационной инфраструктуре современного общества.

Информационно-компьютерная революция порождает потребность в исследовании знания в качестве относительно самостоятельного объекта во всей его сложности и полноте. Такая потребность обуславливается всей практикой моделирования знания с помощью компьютеров. В качестве объекта компьютерного моделирования знание предстаёт во всём многообразии своих форм и аспектов, включая личностные, субъективированные элементы знания. Моделирование знания в компьютерах и системах искусственного интеллекта составляет серьёзную проблему, разработка которой требует междисциплинарных усилий. Исследователи, разрабатывающие концепции информационного общества, которое создаётся в ходе информационно-компьютерной революции, считают его *обществом, основанным на знаниях* [1,2].

Становление и развитие интеллектуальных технологий вызывает необходимость в новом взгляде на человеческое знание и возможность его компьютерного моделирования [1]. Эпоха перемен начинается в 50-е - 60-е годы XX века и оказывается связанной с разработкой информационных технологий и, в особенности, интеллектуальных технологий. В этот период ставятся и решаются новые эпистемологические проблемы, в особенности проблемы, относящиеся к анализу компьютерных знаний, которые вырастают из компьютерных способов обработки информации в ходе развития информационно-коммуникационных технологий. Интеллектуальная деятельность в современной эпистемологии понимается, как реализация определенных когнитивных структур и процессов [3]. Когнитивные процессы в этой новой эпистемологии рассматриваются как процессы компьютерной трансформации информации, а мышление определяется как вычислительный процесс [2, 3].

Литература:

1. Алексеева, И.Ю. Человеческое знание и его компьютерный образ / И.Ю. Алексеева. –М.: ИФ РАН, 1993.

2. Ракитов, А.И. Философия компьютерной революции / А.И. Ракитов. – М.: Изд-во политической литературы, 1991.

3. Философия искусственного интеллекта: Материалы Всероссийской междисциплинарной конференции. –М.: ИФ РАН, 2005.

«БЫТЬ, ИМЕТЬ, ЗНАТЬ И УМЕТЬ»

В. Н. Калмыков, г. Гомель, Беларусь

В мире сталкиваются ценностные жизненные позиции: а) безответственного удовлетворения собственных потребностей с позиций силы; б) единства свободной творческой самореализации с ответственной

сопричастностью к становлению мира как целостной ноосферы. Противоположность этих подходов У. Джемс и Э. Фромм выразили формулой: «Иметь или быть?» Установка «иметь» означает потреблять, пользоваться благами, жить в свое удовольствие. Сейчас одним из условий сохранения цивилизации является переход от сверхпотребления к разумному (в меру) потреблению благ и источников энергии. Ориентация «быть» – творить, реализовывать себя.

Позиция «иметь» со своим основным принципом «цель оправдывает средства» ориентируется на такие ценности, как выгода для себя, власть и престижное потребление. Фетишизация средств оборачивается технократизмом, экономоцентризмом, психологией вещизма, примитивизацией интересов и т.п. Вместе с тем отрыв высшей гуманистической цели «быть» от эффективных средств осуществления этой цели способен привести к абстрактному, иллюзорному гуманизму. Ведь чтобы «быть», надо «иметь» и успешно реализовывать средства. Итак, корректной, на наш взгляд, является формулировка: «Быть и иметь» [1, с. 23 – 26].

Базовые ценности социума меняются. В традиционном доиндустриальном обществе таковыми были армия и церковь, в индустриальном – фирма и корпорация, а в современном постиндустриальном информационном базисным феноменом становится знание, а важнейшим социальным противоречием выступает конфликт между некомпетентностью и профессионализмом людей. Замечу: имеет значение не только связанное с новейшими достижениями в области когнитивно-компьютерных и информационно-коммуникативных технологий новое естественнонаучное и гуманитарное знание, то есть напряжение интеллекта, но и полнота чувств, интенсивность восприятия, воображение, проявление, согласно синергетической антропологии, энергии человека. При этом функции правого и левого полушарий мозга синтезируются: правое отражает внешний мир синтетически, со всеми его красками и звуками, а левое воплощает его в грамматические и логические формы. Нарастание знаний в конечном счете нацелено на благо общества и человека, способствует эффективному осуществлению социальных технологий в различных сферах общества. Вместе с тем, рост знаний расширяет круг непознанного, порождает новые проблемы, сюрпризы, что ведет к росту сферы неопределенности, рискогенности, неуверенности, иррационализма. Столкновение линий рационализации и иррационализации также является одним из источников развития общества.

В условиях современного информационного взрыва всевозрастающую часть знаний человек приобретает самостоятельно из каналов СМИ, что не снижает значения организованной системы

образования. Высокая степень подготовленности работника позволяет эффективно использовать средства производства. Впрочем, образование выполняет не только прагматическую функцию, отвечая за квалификацию кадров, но имеет также широкое социально-политическое и духовно-нравственное значение.

В наиболее развитых странах мира все отчетливее просматривается поворот от политики «социальных расходов» (для реализации цели «иметь») к финансированию и поощрению людей приобретать нужные квалификации (или пойти на переквалификацию), с тем чтобы «уметь», повысить дееспособность граждан, предоставить им относительно равные возможности, шансы. Важнейшей чертой белорусской модели является ее социальная направленность, сдерживание чрезмерного расслоения на богатых и бедных. Это не исключает, а предполагает тенденцию по созданию условий, инструментов для проявления инициативы, способностей личности (вариант известного примера с удочкой для ловли рыбы и обучением этому занятию). Цепочка «быть и иметь», таким образом, дополняется знаками «знать» и «уметь».

Умение действовать предполагает активизацию жизнедеятельности. Ведь тот или иной бездействующий физический или умственный орган человека не тренируется и деградирует. Чем выше любознательность, инициативность, напряженность деятельности у человека, тем больше единиц психологического времени расходуются в одном интервале. Перцептуальное время как бы «растягивается»: у активного человека в памяти остается больше «узелков» интенсивной жизни.

Активизация деятельности выливается, в том числе, в карьерный рост. Следует различать понятия «карьеризм» и «карьерный рост». Карьеризм, по нашему представлению, есть стремление выслужиться для получения привилегированного положения в обществе, когда личные амбиции превалируют над общественным долгом. Карьера – последовательное выполнению профессиональных ролей и видов деятельности в жизни человека, продвижение по ступеням производственной, предпринимательской, социальной, управленческо-административной, научной, спортивной, художественно-эстетической или иной иерархии ради блага общества и собственного, постоянное стремление превзойти самого себя. Карьерист (в позитивном смысле слова) проявляет свое достоинство, чувство собственной значимости, но не высокомерие по отношению к другим. В средствах информации желательно создавать благоприятный фон для восприятия карьерного роста, являющегося значимой составляющей реализации потенциала личности.

Активизация деятельности должна сочетаться с противоположной тенденцией: экономией сил и энергии человека. В XIX в. проблему

экономии затрат мыслительной энергии поднимали Э. Мах и Р. Авенариус. Л. Уорд (XX в.) полагал, что движущей силой исторического развития для обеспечения группового чувства безопасности выступают социопсихологические факторы цивилизации: экономия труда и экономия духа. Данную позицию можно представить как «цену» осуществления процессов: достижения большей результативности при минимизации затрат энергии – природных и материальных ресурсов, человеческих сил и способностей и т.п.

Обе сформулированные антиномии сводимы к следующему диалектическому синтезу: аналогично тому, как возбуждение и торможение в физиологических процессах выступает как источник развития живого организма, так и активизация жизнедеятельности наряду с экономией сил и энергии является условием сохранения (до момента смерти) и достойного существования отдельного индивида [2, с. 94 – 99].

В конкретных условиях и на определенных этапах жизни человека на первый план выходит какая-то одна из названных тенденций, что не исключает функционирование противоположной тенденции. Это проявляется в связке «игрок – тренер». Игра традиционно считается одним из модусов человеческого существования. Новизна нашего подхода состоит в том, что понятие «актор» (игрок) мы дополняем вводимым понятием «тренер». Активные субъект истории, актор, «игрок» со временем, по мере естественного убывания жизненной энергии, способен превращаться в своеобразного, в широком смысле слова, «тренера» (наставника, воспитателя, передающего свой опыт и профессионализм другим). Г. Тард исходил из того, что индивидуальное творчество, формирующее образцы для подражания, есть основа общественного развития. Механизм подражания, по Тарду, является психологическим и социальным воплощением всеобщего закона повторения. По нашему мнению, «игрок» (актор) не копирует опыт и квалификацию «тренера» (режиссера не только в театре, а на исторической сцене), а использует их, в идеале, творчески, с приращением (ведь опыт и квалификация человека в ускоряющемся и усложняющемся социальном поле, наполненном рисками, быстро устаревают). Соотношение «игрок – тренер» особенно наглядно просматривается не только в спорте, но и в научных и учебных коллективах, научных школах, в традициях передачи мастерства, профессионализма в семейных трудовых династиях и т.п.

Люди, воплощающие в себе единство *быть, иметь, знать и уметь* выступают как производительная, социальная, политическая и духовная сила общества, является движущей силой исторического процесса.

Литература

1. Калмыков, В.Н. Быть и иметь / В.Н. Калмыков // Философы XX века. Эрих Фромм.– Мн., 2008.

2. Калмыков, В. Закон сохранения человечества / В. Калмыков // Беларуская думка. – 2010. – № 10.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ СТАТУС ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Г.И. Касперович, г. Минск, Беларусь

Современная философия и методология науки актуализируют исследование социокультурного статуса науки и выдвигают на первый план концептуальное осмысление научной рациональности, возможностей и границ рациональности и научной рациональности как ценности современной культуры.

В современной философии выделяют классический, неклассический и постнеклассический типы рациональности [3], изменение которых происходило в результате революций в истории естествознания. При этом возникновение нового типа рациональности не отбрасывало предшествующего, а только ограничивало сферу его действия, определяя его применимость только к определенным типам проблем и задач. Современная рациональность характеризует познавательные процессы с точки зрения взаимодействия субъекта и объекта в социокультурном контексте.

Становление постнеклассической науки приводит к изменению методологических установок научного познания: изменяются представления классического и неклассического естествознания о ценностно нейтральном характере научного исследования - современные способы описания объектов (в которые включен сам человек) не только допускают, но даже предполагают введение аксиологических факторов в содержание и структуру способа описания (этика науки, социальная экспертиза программ).

Постнеклассическая наука конца XX нач. XXI вв. ориентирована на изучение сверхсложных систем и при этом актуализирует значение в современном научном исследовании этических и ценностных аспектов научного знания и научных поисков. Она предполагает, что знания об объектах науки соотносятся не только с познавательными средствами, но и с социальными целями и ценностями субъекта, его мировоззренческими и нравственными установками. Современные способы описания объектов предполагают введение аксиологических факторов в содержание знаний и методов исследования (биоэтика, социальная и экологическая экспертиза научных программ и др.). Современная наука все более осознает, что задача строить картину мира, отказавшись от самих себя и стараясь найти какое-нибудь независимое от природы человека понимание мира, человеку не по силам, это – иллюзия [1]. Объектная составляющая научного знания сегодня достраивается субъектной, ценностной

аргументацией, научная картина мира становится операциональной и человекоразмерной.

Важной чертой постнеклассической рациональности является комплексность, интеграция, синтез научных знаний – стирание граней и перегородок между традиционно обособленными естественными, общественными и техническими науками, интенсификация междисциплинарных исследований, невозможность разрешения научных проблем без привлечения данных других наук. Важными парадигмами неклассической науки являются синергетика как междисциплинарная теория самоорганизации (И.Пригожин, Г.Хакен), синтетическая теория эволюции, гуманистические философские парадигмы и пр.

Важнейшими проблемами современной философии науки являются: а) проблема демаркации науки и ненауки (паранауки, псевдонауки и т.п.). Современная философия науки решает фундаментальную задачу разграничения научного и ненаучного знания путем прояснения сложной диалектической взаимосвязи науки и других форм познавательной деятельности, социокультурной обусловленности науки и т.д. б) проблема социальных последствий научных открытий, например, в области генной инженерии и медицины; в) проблема соотношения науки и образования; г) проблема взаимодействия науки с другими социальными институтами.

Для постнеклассической науки характерно выдвижение на первый план междисциплинарных, комплексных и проблемно-ориентированных форм исследований. Их объектами становятся уникальные сложные системы, характеризующиеся открытостью, нелинейностью и самоорганизацией. В дальнейшем эта тенденция будет углубляться по мере того, как малый синтез двух-трех смежных дисциплин будет дополняться масштабным объединением разных дисциплин и направлений научных исследований. Примерами таких новых интегральных научных направлений являются: кибернетика как наука об управлении в неживых, живых, технических и социальных системах; учение о четырех основных типах фундаментальных взаимодействий в природе; теория «великого объединения» в рамках релятивистской квантовой механики и космологии; физика неравновесных процессов и нелинейная физика; общая теория систем и синергетика как теория самоорганизации. Существенную интегрирующую роль выполняют и такие общенаучные методы исследования как математизация науки и системный подход.

Уже сегодня все исследования природы подобны огромной сети, связывающей многочисленные ответвления физических, химических, биологических наук о единой природе. По мнению исследователей науки, дальнейшая разработка теории эволюции Вселенной позволит объединить на более глубокой основе все науки о неживой и живой природе. И тогда

естествознание, возможно, будет выступать как единая и многогранная наука о природе.

Отметим также, что в настоящее время появились реальные основания для объединения естественных и гуманитарных наук на базе принципов глобального эволюционизма и синергетики, что создает предпосылки для становления будущей науки, объединяющей науки о природе, обществе и человеке в единую науку о человеке; когда человек станет непосредственным предметом естествознания, а природа – непосредственным предметом науки о человеке.

В настоящее время все отчетливее можно обнаружить проникновение идей, развиваемых в гуманитарных науках, в естествознание и наоборот, что происходит через общенаучную картину мира. Так, в естественнонаучном познании благодаря, прежде всего, синергетике, устанавливается новое взаимоотношение человека с природой - («экологический императив»). Вместе с тем, идеи и принципы, получившие развитие в естественнонаучном знании начинают постепенно внедряться в гуманитарные науки. Идеи необратимости, вариабельности в процессе принятия решений, многообразия ветвей развития после «точек бифуркации», получившие обоснование в синергетике, оказываются значимыми для гуманитарных наук. Строя различные концепции развития общества, изучая человека, его сознание, уже нельзя абстрагироваться от этих методологических регулятивов, приобретающих общенаучный характер. Гуманитаризация и гуманизация как заметная тенденция в современной культуре сказывается и на оценке социокультурного статуса науки.

По мнению большинства отечественных ученых-науковедов (В.С.Степин, Л.Ф.Кузнецова и др.) будущая наука должна будет осознать свое место в общей системе человеческой культуры и мировоззрения. Все, что создано человеком, является частью его культуры, важно и нужно для человека выполняет свои собственные задачи, но имеет и свои границы применимости, которые должно осознавать и не переходить. Именно это должна сделать постнеклассическая наука – осознать пределы своей эффективности и плодотворности во взаимодействии с такими сферами человеческой деятельности и культуры, как вненаучные знания, религия, философия, искусство.

Литература:

1.Вернадский, В.И. Философские мысли натуралиста / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1998.

2. Касперович, Г.И. Основы современного естествознания: учебное пособие / Г.И. Касперович, В.И. Щупляк. – Минск: Изд-во Гревцова, 2012.

3.Степин, В.С. Основы философии науки / В.С. Степин. – М., 2004.

ТОПОСЫ ДИХОТОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ «ВОСТОК-ЗАПАД»

М. В. Колинько, г. Донецк, Украина

Трансформация социальности требует новых интегральных идей в социальной философии. Популярная в общественном сознании и теоретической мысли дихотомия «Восток–Запад», представленная сегодня скорее как «Запад – не-Запад» (например, см. «Вопросы философии» №6 – 2011), во многом определяет характер кросскультурных взаимодействий и культурных противоречий в современном обществе.

Понятия «Запад» и «Восток» предельно схематичны. Эта культурная дифференциация может быть основана на территориальных, этнических, религиозных, социально-экономических, политических и других признаках. Формируя топосы дихотомической модели анализа западной и восточной (ограничим наше исследование именно таким тезаурусным пространством) культур, выделим следующие особенности: индустриальный тип общества – традиционный, новация – традиция, развитая частная собственность – государственная собственность (власть-собственность), целерациональность – ценностнорациональность, индивидуализм – коллективизм, динамичность развития – консерватизм, демократия – авторитаризм, деспотия. Признаем метафоричность такой топологии, однако она может быть эффективным методом культурологического и социально-философского анализа цивилизационных перспектив.

Объем данной статьи не позволяет дать широкий топологический анализ проблематики. Остановимся на рассмотрении культурных различий на уровне “коллективизм – индивидуализм” (и на примере лишь дальневосточных культур). Преимущественно коллективизм как тип отношений распространен среди восточных народов, где главной ценностью является коллектив, индивид отождествляет себя с некоторым культурным целым. Данный тип культуры присущ народам Китая, Японии, большинству стран Азии и Африки.

Французский лингвист Э. Бенвенист, анализируя использование местоимений в языках Дальнего Востока, отмечал преднамеренное отсутствие личных местоимений в коллективном общении и сделал вывод о том, что «имплицитное наличие местоимений придает определенное социальное и культурное значении субститутам, которые определяются коллективными общественными отношениями» [1, 295]. Правила и нормы этих культур требуют иносказаний и косвенных упоминаний своей субъективности, перифразов и других форм замены прямых личных указаний. Этот частный пример иллюстрирует мировоззренческую ориентацию человека дальневосточной культуры, который не представляет свое индивидное бытие вне группы, обозначает себя в коммуникативном

акте в качестве субъекта, который идентифицируется как часть коллективного целого.

Реализация отдельного индивида происходит благодаря его положению в группе. В свою очередь, групповой успех распространяется на каждого представителя коллектива. Например, для японца уход из своей группы означает потерю идентичности. Трудовой коллектив для работника существует не как средство достижения результата (что характерно для европейца или американца), а как целостный организм, которому следует служить всю жизнь, включая его во все сферы своей жизни, в том числе досуговые. Для субъектов восточных культур ценность кооперации важнее самореализации. Статус человека зависит не от его индивидуальных качеств, а от того, пришел он на предприятие раньше или позже другого, т.е. отдал коллективу больше или меньше сил. В свою очередь, коллектив проявляет отеческую заботу о своем сотруднике (отношения патернализма).

Благодаря коллективной деятельности возникает глубинное ощущение Мы-общности, формирующее культуру соучастия. К примеру, японские средневековые художники способны были сами от начала и до конца создавать культурный объект, но объединялись для коллективного творчества, ожидая создания качественно лучшего произведения. Отрефлексированная традиция совместной мыследеятельности, диалогический характер художественного творчества не характерна для архаических обществ, однако в разных периодах дальневосточных культур присутствует это явление. «Диалогическое общение различных индивидуальных сознаний или как-бы-личностей в акте коллективного творчества создает коллективную картину мира» [2].

Отождествление единичного и единого отражено и в иероглифическом характере китайского и японского письма. Каждый знак наделен своим собственным смыслом и является самостоятельной семантической единицей, воспринимаемой вне контекста. В этих языках нет различия между единственным и множественным числом, нет категории рода. Все это свидетельствует о стремлении к преодолению дискретности знаковых систем. «Несамостоятельность одного отдельного знака-образа находится в прямой зависимости от несамостоятельности отдельного человеческого бытия, отдельного сознания или разума» [2].

Исследование Е.С. Штейнер показывает, что сознание личности японца или китайца реализуется как самосознание в континууме “я – другие”. Личность существует в рамках заданной целостности, человек дальневосточной культуры осознает себя в контексте своей культурной группы и социального целого. Идентификация же человека западной культуры основана на приоритете своей субъективности, самости,

отдельности, осознании автономности и независимости от своего социального окружения.

Особенности восточных культур свидетельствуют о стремлении к самодостаточности. Незавершенность и недостаточность Запада в изоляции от Востока, как считал К. Ясперс, побуждает его к встрече с пространством другой культуры. Узнавание ценностей, норм и традиций культур Востока помогает пониманию собственных смыслов, открытию себя для себя.

Топологию социокультурного процесса характеризует высокая степень дискретности. Этноцивилизационные особенности приводят к разным вариантам реакции культур друг на друга, в том числе и конфликтным. Западная культура имеет имманентные механизмы саморазвития, определяющие не только собственное самообновление, но и вынуждающие видоизменяться Восток. Это выражается, в частности, во «вживлении» западных институтов в другие общества без учета их особенностей, что воспринимается как экспансия западной цивилизации против других цивилизаций и вызывает сопротивление культур-реципиентов культуре-донору, межкультурные конфликты между Западом и не-Западным миром.

Анализ культурных особенностей Востока и Запада имеет не только теоретическое, но и практическое значение для понимания нашей собственной культуры, ее корней и перспектив, рациональных, эмоциональных, доверительных составляющих социальных отношений внутри украинского общества.

Литература:

1. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист.– М., 1971.
2. Штейнер, Е. С. Феномен человека в японской традиции: личность или квазиличность? / Е.С. Штейнер // Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec-dejavu.ru/p/Personality_Japan.html – Дата доступа: 06.09.2013.

СВОБОДА ЧЕЛОВЕКА И ЦЕННОСТНЫЕ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА

А.Г. Косиченко, г. Алматы, Казахстан

Одна из самых значимых задач философии - сформировать внутренний мир человека, подсказать человеку смыслы бытия, сорентировать его в системе ценностных координат, причем выполнить эту задачу философия должна не «насилуя» человека, не лишая его свободы, оставляя за ним право выбора системы его ценностей. Казалось бы, задача не столь сложная: человек – существо довольно разумное, покажи ему спектр возможностей, обрисуй ряд мировоззренческих

доктрин, введи его в системы ценностей, вооружи способами выбора, и вот перед нами человек, сознательно избравший смысл своего бытия, осознанно строящий свою жизнь. Мнимой легкостью этой задачи были соблазнены и древнегреческие философы, и, особенно, философы эпохи Просвещения. И те и другие считали, что человек, если ему дать такую возможность, выберет наилучшее из предложенного и тем самым реализует свою сущность разумного и свободного существа. Однако ни в древности, ни в эпохи Нового времени и Просвещения человек не стал тем, чем, казалось бы, должен был стать, отвечая ожиданиям гуманистически настроенных мыслителей.

Человек не способен «выбрать наилучшее» в силу того, что и его свобода и его способность увидеть «наилучшее» искажены его греховным состоянием, в котором он пребывает со времени грехопадения. Внерелигиозные системы мировоззрения не считаются с этим религиозным фактом, и потому относятся к человеку как существу всегда и безотносительно всего свободному и обладающему возможностью ответственного выбора. Принципиальным противостоянием этих двух подходов к сущности свободы и нравственности объясняется неприятие современным либеральным и секулярным миром всякого упоминания о религиозных ценностях и правах верующего человека. Только либеральное понимание прав и свобод человека признается сегодня истинным.

Поэтому доминирующие мировоззрения современности с очевидностью далеки от религиозных ценностей. В этом нет ничего удивительного, но это прискорбно. Прискорбно это потому, что религия была и остается единственной духовно-нравственной системой, обосновывающей истоки и свободы человека и его нравственности. Эта способность религии естественна для нее, так как только религия есть адекватная сфера духовного. Никакие иные идейные построения и идеологии не могут показать генезис нравственности из какой-либо формы деятельности человека, будь то искусство или наука или торговля. Свободу же не способна обосновать даже философия, хотя она и делает свободу одним из центральных предметов своего анализа: нельзя же в самом деле остановиться на гегелевской интерпретации свободы как познанной необходимости – познание необходимости не позволяет покинуть ее пределы, и познавший эту необходимость человек неизбежно остается несвободным, но только осознающим свою несвободу, что и показал XX век с его «бегством от свободы».

А ничего удивительного нет в современном доминировании нерелигиозных и прямо антирелигиозных мировоззрений потому, что над сегодняшними идеологиями по заданию владык современного мира сознательно работают «самые светлые головы человечества», причем работают очень прогрессивными, хотя и бесчеловеческими средствами

социальных, информационных и иных технологий, и конечно они многого достигли.

К примеру, параллельно с насаждением культа потребительства, который выматывает человека в гонке за все более высоким уровнем потребления (и который сводит все богатство возможностей человека к примитивному, полу-животному существованию), выдвигается и становится господствующей идеология прав и свобод человека, в которой эти свободы и права объявляются абсолютной ценностью безотносительно к тому, как при этом понимается человек и свобода. Это одна из удач глобализма и его ядра – либерализма.

Либерализм исходит из принципиально ложного, сознательно искаженного содержания прав человека. Либеральная концепция прав человека основана на понимании человека в горизонте его гражданских прав в экономическом, общественном и государственном контекстах. Но на простой вопрос: в чем источник этих прав, либерализм не знает ответа – он просто наделяет этими правами человека (неявным обоснованием такого подхода является теория «общественного договора»). Но прежде, чем «договариваться», человек уже должен быть, жить и должен обладать правами – иначе у него не было бы права о чем бы то ни было договариваться. Да и разве сводится человек к экономическим, общественным и государственным своим проекциям? Как подчеркивают очень многие религиозные лидеры всех основных религий мира права человека должны быть увязаны с их нравственным содержанием, без чего они выхолащиваются, превращаются в набор формальных признаков – поэтому ими так легко и манипулируют глобалисты. Понятно, что с таким содержанием прав человека и с таким их пониманием глобализм согласиться не может. Он готов скорее пожертвовать правами человека вообще, нежели поднять вопрос о нравственной сущности этих прав.

В существующих обстоятельствах не столько человек творит условия своей жизни, сколько ему ее создают средствами социальной инженерии, заставляют его жить в условиях, которые не он выбрал. Смысложизненные для человека ценности навязываются ему, причем навязываются самые античеловеческие и абсолютно бездуховные ценности. И реального выбора у человека практически нет. Он или принимает эти бесчеловеческие ценности, или его выдавливают на периферию общественной и государственной жизни.

Как известно, ценности или наследуются человеком в процессе его социализации или творятся человеком и обществом в процессе созидания новой реальности. Наследование ценностей человеком тесно увязано с восприятием им того образа истории, который он принял или который ему навязали, ибо ценности есть квинтэссенция истории, особенно духовной

проекции истории. Именно поэтому сегодня так сознательно и глубоко искажают историю: подменив историю, подменяют ценности.

Что касается творения новых ценностей, то этот процесс находится под особым контролем «дизайнеров» современного мира. Истинные, значимые для человека ценности созидаются непросто и нечасто. Они в любом случае помещены в контекст уже существующих, должны быть согласованы с ними и как бы развивать их. Но в настоящее время это контекст деструктурирован, разорван, на него сложно опираться. И традиционные культуры, и мировые религии (только эти две сферы транслируют данный контекст) подвержены разрушающему воздействию глобализации, которая и имеет одной из основных своих целей унификацию национальных культур и создание единой для всех религии. При этом нарушаются процессы наследования ценностей и деформируются процессы созидания истинных новых ценностей.

Перед человеком и человечеством стоит сложнейшая задача: сохранить в себе способность удерживать традиционные ценности (актуализировав их) и вместе с тем созидать новые ценности, на основе которых творить новый мир, в отличие от мира глобалистов - нравственный и духовный, иначе человечество не имеет будущего. Задача эта вполне выполнима, но ее реализация возможна только на путях удержания единства с Богом, так как в Нем источник всего светлого, доброго и истинного, в том числе и способность человека творить мир, который по праву мог бы именоваться «домом человечества». Это требование вовсе не предполагает необходимость всеобщей религиозности, что сегодня невозможно. Но предполагает реализацию права верующих широко тиражировать свою систему ценностей. В основе этой системы – Бог и человек, стремящийся воплотить свое единство с Ним. Религиозная система ценностей сама по себе не противопоставлена всякой иной ценностной системе. В противопоставление она вступает в том случае, когда ее вытесняют из совокупного спектра мировоззренческого многообразия. А сегодня религию очень мощные силы как раз и вытесняют на периферию общественного сознания общественного делания. Вот что нетерпимо по настоящему: современная монополия секулярного безнравственного мировоззрения, так как эта монополия и порождает чудовищную напряженность в массовом сознании. А уже на почве этой напряженности (раз все позволено) становится вполне допустимой и современная мировая политика, полная лжи и безответственности. В сложившихся условиях только религия, как воссоздание единства с Богом и нацеленность человека на высокие измерения его бытия, способна оздоровить мировую политику и одухотворить жизнь человечества.

СВОБОДА ОТ РАЦИОНАЛЬНОСТИ ПРОТИВ СВОБОДЫ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Е.Б. Кузина, г. Москва, Россия

На протяжении многих веков мировой, а особенно европейской, цивилизации рациональность была одной из основных культурных ценностей. Она позволяла познавать мир, действовать в нем, принимать решения и осуществлять их. И даже если эти решения и действия не давали желаемого результата, рациональность оставалась ориентиром в познавательной и практической деятельности человека. При этом почти до конца XIX века рациональность понималась совершенно бесхитростно и довольно абстрактно – как соответствие законам разума, логико-методологическим нормам, как обоснованность разумом, а потому доступность разумному пониманию.

XX век с его небывалыми ранее темпами развития всех областей социальной, научной, технической, культурной жизни породил представление о нестабильности, изменчивости, хаотичности всего, и фундаментально подорвал идеалы этой классической рациональности. Недостижимость абсолютной истинности и достоверности знания в XX веке уже не воспринималась как знак кризисной ситуации, но лишь как знак изменчивости и диалектической противоречивости сущего.

В философии науки середины XX века идею отсутствия и даже принципиальной невозможности общих стандартов рациональности отчетливо выразили постпозитивисты, начиная с Т. Куна с его концепцией несоизмеримости научных парадигм и до П. Фейерабенда, согласно которому в науке «все проходит». У каждой научной теории, у каждого ученого своя рациональность. А если рациональность плюралистична, то утрачиваются основания для выделения ее в качестве особого принципа организации познания и жизни вообще. Постпозитивизм, выросший из рационализма и оставаясь по сути своей рационализмом, обозначил конец эпохи научной рациональности классического типа.

С точки зрения гуманитарно-социальной в XX веке появляются основания считать, что рациональность порождает догмы как научные, так и идеологические, авторитарное сознание, несовместимое с критичностью, «открытостью» и свободой. Формируется философско-культурное течение постмодернизма, констатирующее несостоятельность глобальных «притязаний разума» и выдвигающее в качестве главного творческого принципа радикальный плюрализм стилей и мировоззренческих моделей. Постмодернисты видят в классической рациональности фактор подавления и даже разрушения как мира так и личности. Вся эпоха рационализма, по их мнению, пронизана идеей господства, покорения, владычества, а человеческие добродетели, не связанные с принципом господства, лишены социального и культурного престижа. Постмодернизм полностью

отказывается от стремления познать и преобразовать мир на путях его рациональной организации, потому что мир, как они утверждают, сопротивляется этому процессу. Мир следует не познавать, а понимать, не преобразовывать, а приспосабливаться к нему.

Таким образом, к средине XX века возникает необходимость для всех философских и эпистемологических течений, не желающих полностью отказаться от идеи рациональности, по-новому осмыслить ее. Что такое рациональность вообще и научная рациональность в частности? Мне представляется вполне приемлемым определение А.В. и В.И. Кураевых, понимающих под рациональностью *тем или иным способом стандартизируемую и разделяемую некоторым сообществом людей совокупность правил, норм и стандартов деятельности разума как теоретического, так и практического.* [1, с. 74]. В зависимости от того, трактуется ли эта совокупность норм и правил как некая всеобщая абстрактная внекультурная и внеисторическая характеристика, либо, напротив, подчеркивается социально-историческая культурная детерминированность, а следовательно, и относительность норм, стандартов и правил, мы имеем дело либо с так называемым классическим европейским рационализмом, сформировавшимся в Новое время, либо с различными моделями неклассического рационализма..

В настоящее время в философии науки говорят о трех исторических типах научной рациональности: классическом, неклассическом и постнеклассическом. Классический характеризуют тем, что в познании объекта не учитываются ни субъект, ни средства познания, ни цели и ценности науки. Неклассический тип научной рациональности учитывает связь знаний об объекте с характером средств и операций познавательной деятельности, но не принимает во внимание цели и ценности. В постнеклассическом типе эти цели и ценности соотносятся со знаниями об объекте.

Релятивизация понимания рациональности отнюдь не означает, что утрачивается различие между рациональным и иррациональным, что понятие научной рациональности становится пустым. На мой взгляд, очень точно выразил существеннейшую черту любого типа рациональности В.С. Швырев, видевший ее прежде всего в ответственности субъекта за содержание своей мысли, «которое не заимствуется некритично извне, а представляет собой контролируемую, воспроизводимую в прозрачности самосознания конструкцию». [2, с. 109] Противопоставление рационального нерациональному, - писал он, - следует связывать не с каким-либо содержанием знания или типом опыта, а с наличием или отсутствием исходной установки на соразмерность позиции субъекта реальному положению дел. Если эта установка наличествует, тогда поведение и деятельность субъекта, в том числе познавательную, можно

рассматривать как рациональные, даже в том случае, когда они в силу тех или иных причин не оказываются эффективными. Если же данной установки нет, то их следует характеризовать как нерациональные, даже если они эффективны и приводят к достижению определенной цели. [2, с. 112].

Определяющим мотивом послеперестроечной жизни России стала идея свободы: политической, идеологической, культурной. В русле реализации этой идеи началось сначала не очень заметное, однако радикальное преобразование всей гуманитарной сферы, и в частности, образования в духе ставшего у нас модным постмодернизма. Это преобразование в конце концов вылилось в разрушение классических рациональных основ, на которых строилось образование в СССР. Причем разрушение рациональности стало не просто отказом от ее классического типа и переходом к какому-либо новому типу, а именно выхолащиванием идеи ответственности обучаемого за содержание своих мыслей.

Этот процесс, захвативший среднее образование, естественно, будет распространяться и уже распространяется на высшее, и противостоять ему способны лишь некоторые классические университеты. Как говорится в заявлении Ученого совета филологического факультета МГУ, «учащийся более не рассматривается как самостоятельно мыслящая личность, наделенная аналитическими способностями и умеющая реализовать их на практике в форме связного текста». «Естественно предположить, что цель такого среднего образования — создание потребителя, «управляемой массы»» [3]. Догматизм рациональных стандартов, против которого выступает постмодернизм за то, что он ограничивает свободу мышления, а тем самым – свободу личности, заменяется несвободой, проистекающей от неспособности человека критически анализировать получаемую информацию и на этой основе ответственно принимать решения.

Литература:

1. Кураев, А.В. Религиозная вера и рациональность / А.В. Кураев, В.И. Кураев // Исторические типы рациональности. – М., 1995.

2. Швырев, В.С. Рациональность в современной культуре / В.С. Швырев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/030/073/1218/011Shvyrev1.pdf с.109

3. О реформе образования, ее итогах и перспективах – заявление Ученого совета филологического факультета МГУ [Электронный ресурс].– Режим доступа: http://www.pravmir.ru/o-reforme-obrazovaniya-ee-itogax-i-perspektivax-zayavlenie-uchenogo-soveta-filologicheskogo-fakulteta-mgu/

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ФИЛОСОФИЯ ЦЕННОСТЬЮ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ?

Б.М. Лепешко, г. Брест, Беларусь

1. Здесь возможны альтернативные варианты ответов на поставленный вопрос. Скажем, несложно утверждать, что философия всегда являлась, и всегда будет являться ценностью культуры – исходя из своего предметного поля, в частности. Разговор о «вечных» ценностях, являющихся предметом философии, в данном контексте, полагаю, можно опустить. Но можно столь же смело утверждать и обратное:философия не является ценностью культуры, поскольку её предметное поле, по сути, беспредметно, статус философии как науки успешно оспаривается, а влияние насостояние дел в обществе существенно снизилосьпо сравнению с предыдущими эпохами. Всё, очевидно, зависит даже не от уровня аргументации, сколько от понимания собственно предмета философии, понимания того, чего мы от неё ждём. Причём тут важно заметить следующее: ожидания общества не запредельно абстрактны, не аморфны, поскольку сами ожидания формируют общественную потребность (в частности, в философии), а раз так, то уже сформировавшееся понимание сути проблем формирует, в свою очередь, новый уровень ожиданий. Эту диалектику сложно назвать формальной, поскольку связь философии с жизнью меньше всего можно и нужно выражать в неких прагматических терминах, с помощью убедительных силлогизмов разного рода. Философия «встроена» в жизнь, в каком-то смысле её можно отождествить с культурой (философия и есть культура, причём не только мышления), и это будет признаком «третьего» пути в понимании вопроса, вынесенного в заголовок.

2. Второй вопрос – ценность философии (в том случае, когда она признана обществом) носит открытый, ясный, понятный или же латентный характер? Ведь, скажем, постмодернистские интеллектуальные поиски фактически «закрывают» для общества философию, превращают её в «вещь в себе» и те, кому она предназначена (фактически) не подозревают о её существовании. Могут возразить: возьми рационалистические тексты, без постмодернистских изысков, например, гегелевские, кантовские откровения и получишь тоже самое, в силу их сложности, в частности. Всё же «компендий чистых дефиниций», как говорили в наши студенческие годы. Но здесь есть всё же принципиальная разница. Гегель, Кант вели разговор о смыслах, о «завершении» и «начале» истории, об истине, а тексты постмодернистских авторов чаще всего исключают такого рода категории вообще из философского обихода. Что значит известная постановка вопроса белорусским автором, который утверждает, что «мяненяма»? Это и утверждает: нет философии классического образца, нет широкого круга людей, которые потенциально могут быть вовлечены в обсуждение философских проблем. Мало того, здесь отсутствует столь необходимый философии «практицизм» -- не в нынешнем, искажённом смысле, когда «практика» связана с тем, чтобы что-то «поиметь от

философии в форме денег», а в более широком, эвристическом смысле. Философия тогда будет иметь ценность для общества, когда войдёт в плоть и кровь культуры, когда понятия культура и философия станут неразделимыми (хотя бы в общественном сознании). Философия «для себя» имеет несомненный смысл, здесь спорить нечего, но вот о характере этого смысла дискуссия необходима. Опять могут возразить: попробуй разделить, где «для себя», а где «для Другого». Можно предложить критерий. Там, где речь идёт о культуре как элементе существования конкретного социума – это и есть «для Другого». Там же, где культура понимается чрезвычайно узко, в рамках исключительно субъективных ощущений – «для себя».

3. Заметим, что интерес к философии у нас сегодня стал носить скорее «любительский» характер. Причём крайности здесь сформировались двоякого рода. С одной стороны, проявилось вполне понятное стремление развивать научно-техническое, инновационное знание, то знание, из-под которого можно поиметь что-либо осязаемое – новые технологии, иные реальные результаты, которые, в свою очередь, можно «конвертировать» в столь же внятные финансовые средства. На трибунах разного рода официальных форумов слышны голоса о необходимости «зарабатывать», «давать практический результат», причём это проявляется и в конкретных вузах, где, скажем, кафедре философии могут довести «план по привлечению внебюджетных средств». И заведующие кафедрами совсем не по - сократовски чешут затылок, тоскливо размышляя о путях нахождения этих самых средств. Со стороны другой, проявилось желание ряда представителей философского знания уйти в «астрал» постмодернистских новаций, рассуждая о том, истина дезавуирована и что подлинная сущность «чего угодно» заключается в том, что этой сущности не существует. И в том, и вином случае говорить о философии как ценности культуры можно исключительно в узком смысле этого слова. То есть, в смысле, «подогнанном» под собственное понимание приоритетов. Обратите, кстати, внимание, как изменилась в этом аспекте ситуация в философском цехе. Раньше существовал чёткий «госзаказ» на философское творчество. Скажем, нам говорили: хорошо бы, ребята, обосновать что-либо развитое, например, социализм. Мы и обосновывали, когда с умом, когда и без оного. Одновременно имели место кухонные разговоры о «недостатке свободы», о том, что «мышление в оковах» и т.д. Потом вдруг всё пропало: и это самый госзаказ, и сам социализм. Казалось бы, национальные «Энциклопедии философских наук» и прочие «Опыты» вытеснят низкопробные детективы и по утрам в метро и троллейбусах граждане новой страны будут с наслаждением внимать откровениям новых Марселей Прустов, Владимиров Соловьёвых и Людвигов Фейебахов. Но не случилось. И потому, что откровения ни снизошли на умные головы, и

потому, что читать то, что опубликовано, широкие массы трудящихся как-то не желают, как-то скучнеют при нахождении названий, вроде «онтологические и гносеологические аспекты бытия».

4. Чтобы доказать последнее утверждение, достаточно указать на новации в преподавании общественных дисциплин. Как прикажете работать, как формировать «высокую философскую культуру», если, например, такая дисциплина, как логика фактически ушла из учебных программ и её существование зависит исключительно от доброй воли университетских чиновников. Вот ведь интересно: на пресловутом Западе логику читают, причём достаточно большое количество часов и во всех ипостасях: логику в праве, логику в рамках исторических исследований и т.д. А вот у нас посчитали, что Аристотель слишком намудрил со своими силлогизмами, модусами и прочими фигурами и потому, уважаемые мои, можете читать, а можете и не читать. Сегодня мы «ужимаем» философское знание, по тем или иным причинам (главное – денег нет, «прагматичности» мало), но это, с одной стороны. Со стороны другой говорим о важности разработки принципиальных вопросов нашего бытия, что уже есть противоречие. Потому что призывать «изучать, знать то общество, в котором мы живём» и исключать из учебных программ логику, резко уменьшать количество часов на преподавание философии – это вступать с собой в противоречие. Скажем, есть вопрос: в чём специфика общества, которое строится на наших глазах. Слоган про «процветающую Беларусь» может быть востребован, но этого мало, нужно наполнять его конкретным содержанием. Но это работа, в том числе и философов. Помните известную постановку вопроса Ю.Андроповым, который, став Генеральным секретарём партии, тут же поставил, эту проблему: а где мы, вообще-то живём, что вокруг нас, какое общество будут строить наши дети? Теоретический журнал партии, «Коммунист» начал тогда интересную дискуссию, которая благополучно скончалась вместе с лидером страны. Но ведь похожие проблемы стоят во всём мире. Вот разговоры о «новой Европе и старой Европе», куда идёт континент, ждать ли «конца истории», какой фактор первичен в понимании сложнейших процессов – этнический, религиозный или мультикультурный? Тем, проблем масса и решить их исключительно «прагматично», при помощи цифр и «проверенных» фактов вряд ли получится.

5. Конечно, ценности меняются, они вообще трудно типизируются и классифицируются. Но если видеть последнее слово культуры в инсталляциях разного рода, в фетишизации материальных «осколков» нашего бытия, то формируется и соответствующая философская среда, формируется категориальный ряд, «отрабатывающий» именно такое содержание культуры и именно такое понимание специфики философии в рамках данного типа культуры. Если вести речь о классических

рациональных образцах, то процесс мы будем иметь тот же. И тут возникает важный вопрос о приоритетах: а есть ли нечто первичное в этом процессе? То есть, в начале ожидания общества второй половины XIX века, а уже затем Владимир Соловьёв и Василий Розанов или всё же здесь нечто иное? Скажем, в начале гениальные прозрения, а уже затем соответствующая культурная среда? Или, может, есть возможность предложить иные варианты, марксистского, позитивистского толка? Или перед нами хронологически и бытийственно одновременный процесс? Вопросы, на которые, в принципе известны ответы, но от этого острота их не уменьшается.

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО СИНТЕЗА СОВРЕМЕННОСТИ

Н.М. Мамедова, г. Москва, Россия

Вопрос о смысле культурного развития связан с вопросом обретения масштаба суждения о ценностях культуры. Этот масштаб формируется из прошлого, исходя из данного момента, устремляется в будущее. В стабильные времена происходит преемственность культурного смысла, в катастрофические рождается новая культурная идея. Во втором случае в поисках нового смысла обращаются либо к наследию прошлого, либо к вечным идеалам, либо к новым озарениям. Масштаб возникает из "состояния парения между прошлым, настоящим и будущим смыслом"[3]. Современная ситуация предполагает как обращение к вечным ценностям, так и рождение новых идей, отражающих ее сущность. Поэтому современная культура в различных ее проявлениях пытается найти универсальные смыслообразующие ценности. Несмотря на различие оснований, определяющих отношение мира и человека в отдельные исторические эпохи, несмотря на несхожесть национальных культур, есть нечто, благодаря чему существует единая культура, общий стиль отношения к культурному наследию, и это нечто выступает как преемственность культурного развития. Инвариатные основания обеспечивают взаимосвязь различных этапов культуры. Культурные универсалии - общезначимые ценности – отражают как сущность культуры, так и сущность человеческой природы.

Смысл общезначимой ценности раскрывается через постижение внутренней связи человеческого бытия со временем. Поэтому время выступает важнейшей универсалией самосознания человечества. Проявлением связи человеческого существования со временем является мечта о бессмертии. В качестве культурных универсалий можно рассматривать весь комплекс ментальных систем, связанных с представлениями о душе, смерти, идее посмертного существования,

возникающих при описании смерти как культурного феномена. Концепт смерти во всех культурах связан с концептом, обозначаемым в литературе термином "душа", который связан также с понятием индивидуальность. Уникальность, самодостаточность индивидуальности порождает необходимость "шкалы" сравнения, соотнесения с идеалом, абсолютом, поэтому значимый мир культурной жизни выстраивается в иерархический порядок. Представление о сакральном, священном, по отношению к которому остальные ценности располагаются на вертикальной оси, завершает становление культуры как специфического мира бытия человека.

Вопрос о статусе гуманизма, его месте в системе ценностных координат, необходимых сегодня планетарному сообществу, не потерял своего значения. Гуманистическое наследие остается важным компонентом европейской культурной традиции. Вместе с тем есть отрицательные следствия в абсолютизации антропоцентризма. Индивид может оказаться в ловушке собственных бескрайних возможностей, ибо ничто не мешает ему посягнуть на свободу другого. Творчество, лишенное универсальной смысловой перспективы, может быть использовано во зло людям. Гуманизм предполагает не только индивидуально значимое, но и родовое, общечеловеческое. Самореализация индивида должна ориентироваться на универсальные смысловые константы культуры Истины, Красоты, Добра, Свободы.

В динамично развивающемся мире возросла потребность в выявлении внутренних ценностей культуры, в ориентации на духовные константы, одной из которых является красота. Современная культура обнаруживает свою эстетизированность в выходе искусства за грань традиционного бытия, который происходит по разным направлениям: дизайн, энвайронментальные практики модернизма, садово-парковое проектирование, мода и т.п. Формируется единая урбанистическая среда обитания – результат общих градостроительных, архитектурных и дизайнерских технологий. Если природно-климатические условия определяли специфику художественного языка, традиций различных культур, то современные технологические основы творчества универсальны. Технология, средства массовой коммуникации создают новый ландшафт культуры. В индустриально развитых странах возникает общий культурный климат, универсальные мировые условия – единая среда обитания – результат и предпосылка взаимодействия культур. Эстетика прекрасного становится средством оправдания далеко несовершенного мира. Эстетизированность современной культуры проявляется и в способах философствования: герменевтические, лингвистические, мифопоэтический, художественный дискурс. Исследователи отмечают в пространстве гуманитарных и естественных

наук "выраженный дрейф в сторону эстетизации лежащего в их основе сознания и форм его дискурсивной презентации"[1].Прекрасное превращается в важнейшую универсалию современной культуры, на основе которой возможен синтез различных культурных традиций, формирование единого стиля наследования культуры.

Человек современной культуры погружен в универсум символов. Его культурная самореализация определяется маршрутами распространения символов и знаний, которые он способен воспринять. Современные коммуникации по самой своей сути содержат огромный интегративный потенциал, который создает условия для раскрытия общечеловеческой культурной общности. Параллельно с возникновением и активизацией цивилизационного сознания развертывается процесс универсализации культуры. Субгосударственный (региональный) уровень территориальной идентичности становится «структурой для выражения и использования универсальных ценностей. Эта новая современная или светская идентичность может быть менее обязательной, чем прежние культурные ценности, играя роль механизма для коллективного действия в процессе изменения политических и рыночных условий и основываясь больше на рациональном расчете, нежели на эмоциональной общности»[2]. Поэтому проблема формирования комплекса общечеловеческих ценностей на основе гуманистических традиций и отвечающих реалиям современности осознается международной общественностью. Мировое сообщество в лице ЮНЕСКО разработало новую стратегию коммуникации, основанную на демократических принципах свободного развития идей, равного доступа к информации, достижения необходимого баланса между образовательными и развлекательными программами. Стратегия ЮНЕСКО направлена на сохранение культурного многообразия, воспитание в духе ненасилия, терпимости, уважения прав человека и международного взаимопонимания. Итак, создавая новое культурное пространство, информационное общество способствует становлению при сохранении культурного многообразия глобальной культуры, основанной на гуманистических принципах, общей озабоченности решением общепланетарных проблем. Таким образом, особенностью современного культурного процесса является формирование условий и предпосылок для нового культурного синтеза. В настоящее время прослеживаются универсальные основания новой культурной целостности: это становление единого стиля наследования культуры на основе общечеловеческих ценностей (красоты, гуманизма, истины, добра и др.); возрастающая эстетизированность культуры (выход искусства за грань своего традиционного бытия); информатизация,

открывающая беспрецедентные перспективы диалога культур, их взаимной конвергенции.

Литература:

1. Бычков, В.В. XX в.: предельные метаморфозы культуры / В.В. Бычков, Л.С. Бычкова. –М.:Полигнозис, 2000. – №2-3.

2. Китинг, М. Новый регионализм в Западной Европе / М. Китинг. – М.: ЛОГОС, 2003. – № 6(40).

3. Трёльч, Э. Историзм и его проблемы / Э. Трёльч. – М., 1994.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ РЕЛИГИОЗНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

М.С. Петрушкевич, г. Острог, Украина

Информационное общество предлагает свою, специфическую парадигму восприятия и понимания окружающего мира и всего, что в нем происходит. Информационное общество базируется на информации, как одной из основных ценностей, предлагает свое видение успешной, «правильной» коммуникации, так же и религиозной. Сам термин «информационное общество» применяется для обозначения особого вида общественной информации постиндустриального общества, новой эры развития человеческой цивилизации.

Уместно начать с анализа взглядов на современный мир и его характеристики, поскольку именно они программируют все последующие изменения. Известный немецкий философ и исследователь коммуникации Норберт Больц в своей работе «Азбука медиа» глубоко представляет характеристики современного мира, в которых связывает глобализацию, индустриализацию и информатизацию [1, с. 5]. Информационный, глобализированый мир предполагает и человека с новыми характеристиками, и новые принципы связи между людьми.

Информационный взрыв вызвал изменения в сфере духовного производства, культуры. Многие западные политологи, футурологи, социологи, философы утверждают, что сейчас можно наблюдать переход части человечества к информационному обществу, в котором информация является одной из главных ценностей.

Современное религиозное коммуникативное пространство под влиянием таких тенденций классифицирует *информацию*, а соответственно и *информативность*, как одну из ценностных базовых ориентаций.

В основе изменений религиозного коммуникативного процесса, на наш взгляд, находится своеобразная интерпретация понятия информации и феноменов связанных с ней. Исследователи все больше говорят об информации как о главном признаке современного мира. В этом мире

превалируют новые средства информации, виртуальная экономика, движущей силой которой и стала информация.

Информация как общая генеративная основа природы и общества превратилась в безальтернативный источник развития и благосостояния некоторых религий. В рамках чисто философского определения информация – это одна из трех фундаментальных субстанций (наряду с материей и энергией), что составляет сущность мироздания и охватывает все продукты мыслительной деятельности, прежде всего знания, образы.

В современных научных исследованиях информация является основой взаимодействия во всех общественных институтах от органов государственного управления до мельчайших церковных ячеек, поэтому ученые акцентируют внимание на понятии социальной информации.

Одновременно Вальтер Бенямин считает, что «почти ничего из того что происходит не превращается в рассказ, почти все становится информацией» [1, с. 10]. Например, религиозный нарратив становится религиозной информации.

И здесь уместно обратиться к ситуации, когда всемирный поток информации разрушает старые структуры господства, в том числе и институированные церковные. Говоря формально, ранее авторитет был источником информации, теперь информация – источник авторитета. Такая ситуация очень опасна для продуктивного распространения духовных идей традиционных религий, одновременно она благоприятна для многих неорелигий, которые могут активно действовать в информационном обществе. Вместе с тем информация не является мерой ценности сообщения, как считает Н. Больц [1, с. 21].

Ориентированность на информативность способствует становлению еще одной ценностной ориентации в религиозной коммуникации – *скорости получения и передачи информации*. Скорость для многих религиозных СМИ становится признаком авторитетности.

Массовость аудитории в пространстве религиозного общения – следующая ценностная ориентация. Современными учеными в качестве одного из основных условий формирования информационного общества рассматривается высокотехнологичная информационная паутина, действующая в глобальных масштабах. Формирование такого общества связано с информационной компьютерной революцией (електронизация, компьютеризация, медиатизация и, наконец, информатизация всего общества) [2, с. 28].

Успешные религиозные средства коммуникации ориентируются на ретиальную коммуникацию, в то же время как для традиционных религий, на наш взгляд, характерной остается аксиальная коммуникация.

Существенными признаками нового времени являются СМК и телекоммуникации, которые направлены на «удвоение» устных и

письменных высказываний. *Опосредование религиозной коммуникации с помощью СМИ* – еще одна тенденция в религиозном коммуникативном пространстве.

И именно в такой ситуации особенно обостряется связь успешности коммуникации (т.е. возможности и умения пользоваться новейшими СМИ) и успешности идеи, которую эта коммуникация пропагандирует. Например, известными и «услышанными» чаще всего становятся не те идеи, которые поддерживает большее количество людей, а те, о которых чаще вспоминают СМК. Такая ситуация характерна и для религиозной коммуникации. Понятно, что эти тенденции способствуют разным опасностям, особенно для институционных религий.

Последней, но не окончательной, ориентацией мы выделяем *виртуализацию общения*, которая связана прежде всего с развитием Интернета. Интернет является характерным феноменом информационного общества. Он вселяет в человека уверенность, что ценность информации определяется по шкале обывателя-прагматика. Он убеждает виртуализованного пользователя в том, что важна полезность информации, а не ее духовная значимость. Интернет, таким образом, позволяет превращать знания на потребляемую и производимую информацию.

Реальность растворяется в гиперреальности – эта формула говорит о том, что происходит тотальное сращивание «тела», что создает, передает информацию и того, что получает информацию. Человек закрывается в мире вторичных изображений, а любая попытка поиска референта отсылает к масс-медийной реальности [3, с. 31].

Общество и личность в условиях нарастания прессинга глобальных информационных сетей становятся предметом преобразований и манипуляций. А Интернет, а также старые медиа, например телевидение, преобразуют информацию в фетиш и коммуникацию в культ. Мы живем в информационной анархии, и, как правило, у индивида отсутствуют любые возможности контроля.

Развитие информационного общества, на наш взгляд, более деструктивно влияет на устоявшиеся, иерархические системы (такие как традиционная церковная организация и традиционные способы религиозной коммуникации), в то время как новейшие феномены без информационных технологий не могут активно развиваться, например, неорелигии, которые неофитов привлекают очень часто с помощью СМК.

Эти все черты автоматически используют новые нетрадиционные религии, более подвижные, компактные, они умеют быстро приспосабливаться к обстоятельствам. Традиционные же религии

(особенно христианство) укоренившиеся в обычае, не могут так быстро приспособиться к новым информационным требованиям. Эти тенденции перевели религиозные организации и церкви в плоскость механизмов светской коммуникации.

В свете развития информационного общества изменяются и требования к религиозной коммуникации. Способы коммуникации и передачи информации становятся визиткой конкретной религии, успешность которой во многом зависит от умения интегрироваться в информационное общество. Итак, религиозная коммуникация фактически находится в ситуации выбора, поскольку нужно или принять условия ценностного приоритета информации и новейших способов ее передачи и стать успешным и признанным в информационном обществе, или оставить проверенные временем, канонизированные способы коммуникации, сохранить непрерывность духовной традиции, но лишить себя шанса интегрироваться в современное общество, вызвать своим существованием общественный и культурный резонанс.

Литература:

1. Больц, Н. Азбука медиа / Норберт Больц. – М.: Изд-во «Европа», 2011.
2. Головлева, Е. А. Массовые коммуникации и медоапланирование: Учебное пособие / Е. А. Головлева. – М.: Академический проект; Деловая книга, 2009.
3. Савчук, В. Компьютерная и масс-медийная реальность / В. Савчук // Конверсия искусства. – СПб., 2001.

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ПРОСТРАНСТВЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

О.П. Пунченко, г. Одесса, Украина

Анализ сложившихся в научной литературе подходов к сущности современного этапа цивилизационного развития человечества обнаруживает свою двойственную позицию. Суть ее заключается в том, что одни исследователи практически отрицают концепцию становящегося информационного общества и рассматривают цивилизационное развитие человечества в призме глобализационных процессов и становление всемирной глобализации, как этапа модернизации техногенной цивилизации (В.С. Степин). Другие же, в частности Н.Н. Моисеев, утверждают, что «информационное общество действительно «стоит на пороге» нашей истории, и от того, как люди смогут его принять и интерпретировать, зависит характер цивилизации наступающего века»[1, с. 428].

Так что же в конечном счете представляет собой современный этап цивилизационного развития человечества? Ответ неоднозначен, но нельзя

категорически занимать одну из этих позиций. Техногенная цивилизация решила главную задачу – построение индустриального общества, а информационное общество и глобальная цивилизация находятся еще в зародыше. И чтобы охарактеризовать современный этап необходимо артикулировано выстроить схему измерения истории человечества с позиций ее цивилизационного развития. Первый этап – протоцивилизация – охватывает 15-20 тысяч лет до нашей эры (В.И. Вернадский), когда человечество начало осваивать процессы земледелия и развития скотоводства. Второй этап – традиционная цивилизация, вызванная более 10 тысяч лет назад (Э. Тоффлер), когда процесс развития земледелия оформился как целенаправленная деятельность, вокруг которой складывались конкретные формы социального взаимодействия в условиях рабовладения и феодализма.

В недрах традиционной цивилизации складываются основы техногенной цивилизации, которой предстояло практически изменить всю ранее сложившуюся систему материального и духовного производства. Венцом этого этапа цивилизационного развития стало построение индустриального общества. И сразу же ряд исследователей объявляют о формировании информационного общества, а на втором Всемирном Конгрессе «Информационное общество – стратегия и тактика развития в XXI веке» (Киев, 2003) прозвучали утверждения, что мы в нем уже живем. Основой для этого выступило обоснование сущности и роли информации, информационных ресурсов и информационных технологий, формирование в ряде стран электронного правительства и другие маркеры будущей цивилизации.

Но все это субъективно-личностное видение нового цивилизационного устройства. Сегодня трудно говорить о сущности информации, поскольку в современной научной литературе существует более 300 ее дефиниций. Информационные технологии развиваются крайне неравномерно. Разоблачение Э. Сноуденом информационных технологий прослушивания военным ведомством США разговоров на европейском континенте, причем правящей элиты этих стран, обострили проблему защиты информации, как стратегической задачи информационной безопасности социума.

Так как же можно обозначить переходной этап цивилизации развития человечества от техногенной к информационной цивилизации? Скорее всего, как техно-информационный. Он имеет свои особенности и разворачивается в условиях реального бытия трех революций: научно-технической, информационно-компьютерной и нанотехнологической, которые формируют облик и содержание новой цивилизации. Научно-техническая революция, развернувшаяся в 40-х годах XX века, действительно преобразила лицо общественного развития всех стран и

продолжает шествовать сегодня, поскольку вне этой революции немыслим прогресс в общественном развитии.

В 80-х XX века в структуре науки начинает бурно развиваться информационно-компьютерная революция, в связи с разработкой концепции информационного общества, как качественно новой ступени в общественном развитии, где производство информации выступило на первый план и она стала товаром, обмен которым все возрастает.

В 90-х XX века и начале третьего тысячелетия развертывается новая революция в науке и технике – нанотехнологическая, но это не означает уход со стороны общественного производства вышеотмеченных двух революций. Все эти революции взаимодополняют фрактальную картину общественного развития.

Матрица этого этапа цивилизационного развития человечества, по отношению к содержанию матрицы техногенной цивилизации, глубоко обоснованной академиком В.С. Степиным, расширяет свое содержание за счет следующих моментов.

Во-первых, деятельностно-активный идеал человека распространяется на ценности информационной стадии бытия человечества и задает принципиально новый вектор человеческой активности, который значимо раскрывает свое содержание через анализ современной информационно-компьютерной революции.

Деятельностно-активный идеал современной личности связан с формированием новой ее культуры – информационной, которая предусматривает умение работать с информацией, использовать ее, обрабатывать, сохранять и передавать. Новая культура общения раскрывает новые формы личностных и профессиональных связей, она в большей степени детерминирует стиль мышления и деятельности субъекта, его мировоззрение, систему ценностей и т.д., что уже составляет специфику новой цивилизации.

Во-вторых, на данном этапе ценностно-ориентационный и мировоззренческий аспекты деятельности человека по отношению к природе трудно упорядочить и изобрести универсальную технологию взаимодействия природы и общества. Если проанализировать этот процесс объективно, то можно заметить, что те же процессы глобализации не дадут осуществить рациональный контроль над природой в интересах всего человечества. А осуществлять его в угоду сильных и развитых стран человечество не захочет. Это глобальное противоречие, порожденное взаимодействием современных техногенных и информационных процессов, затрудняет или вообще снимает вопрос об изобретении такой технологии, что более реально.

В-третьих, техногенная цивилизация в общем фрактале создала новую личность. Но эта личность не идеал, она не является столь

суверенной, автономной и творческой, как это намечалось в планах формирования этой цивилизации. В начале эта личность боролась всеми методами против технического прогресса (например, известное движение луддитов в Англии, конец XVIII – начало XIX века), затем принимала активное участие в революциях за отстаивание своих прав, сегодня участие в различных переворотах, цветных революциях, действиях «Аль-Каиды». Активность и творческие вымыслы современного человека описанию не поддаются.

Для анализа поведения такой личности можно воспользоваться синергетическим подходом, оперирующим понятием бифуркации – особого состояния человека, отличительными свойствами которого являются нестабильность, неустойчивость, крайняя степень чувственности к внешним и внутренним воздействиям, малым флуктуациям, способным изменить общую направленность для поведения и бытия такой личности в социальной среде.

В-четвертых, в условиях перехода общества от техногенной к информационной цивилизации наука усиливает свою значимость. Это подтверждается развитием современного этапа постнеклассической рациональности, а особенно, развернувшейся нанотехнологической революцией, на базе новых наук – нанофизики, нанохимии, нанобиологии и формирующейся наноэтики.

В матрице современного этапа цивилизационного развития воедино сливаются достижения научно-технической мысли человечества и бурно развивающегося информационного производства. Такой подход сопряжен с тем, что в данном случае при анализе ключевых проблем общественно-экономического и духовно-культурного развития внимание акцентируется на двух фундаментальных сущностях – технике и информации. Собственно говоря, эти два феномена и определяют облик современного этапа цивилизации, идет ли речь о глубинных связях на уровне социоприродных отношений, научно-техническом, информационном и культурном развитии или о тенденциях глобализационных процессов современного мира.

Литература:

1. Моисеев, Н. Информационное общество: возможность и реальность / Н. Моисеев // Информационное общество. – М.: АСТ, 2004.

О ПОНЯТИЯХ «ДУХОВНОСТЬ» И «НРАВСТВЕННОСТЬ»

В.Ш. Сабиров, г. Новосибирск, Россия

Рассуждения о духовно-нравственном воспитании только тогда обретут необходимую теоретическую и практическую значимость, когда определится четкий логический смысл, объем и содержание понятий «духовность», «нравственность» и производных от них прилагательных

«духовный» и «нравственный». В действительности между этими понятиями можно обнаружить сложный тип взаимоотношений: тождество, различие и синтез.

Нравственность имеет место быть тогда, когда совершаются поступки, в основании которых лежат некие надындивидуальные, сверхличные ценности и мотивы. Человек, совершающий нравственный поступок, нередко жертвует материальными интересами. В этом плане, безусловно, нравственность и духовность предстают как тождественные понятия, потому что нравственность представляет собой духовный, а не материальный, феномен. К примеру, мать, проводящая бессонные ночи над кроваткой больного ребенка, отдающая ему все свои силы, демонстрирует не только высокую нравственность, но и духовность. Вместе с тем, если это жертвенное служение матери своему ребенку превысит некую разумную меру и превратится уже в мелочную опеку над ним, лишающую его необходимой свободы и препятствующая его личностному росту, то здесь уже перед нами предстает некая извращенная форма духовности, которая, безусловно, противоречит элементарным законам нравственности. Следовательно, говорить о тождестве духовности и нравственности мы можем только в очень узкой сфере противопоставления их материальным процессам. Во всех иных случаях между этими понятиями обнаруживается различие, о котором речь будет идти впереди.

Сейчас же необходимо остановиться на вопросе о некоторых вариациях трактовки понятия «духовного» в европейской истории и культуре.

В Новое время в Европе понятие «духовного» по существу стало восприниматься как тождественное интеллектуальному. Р. Декарт – родоначальник классического европейского рационализма – по сути дела развил формулу Ансельма Кентерберийского: «Чтобы верить, надо понимать», которая явилась радикальным переосмыслением тезиса Августина Блаженного: «Чтобы понимать, надо верить». Рационалистическая трактовка духовности на Западе имела длинную предысторию, которая была в первую очередь связана с преимущественно катафатическим типом богопознания, сложившемся в западной патристике и закрепившейся затем в схоластике. Рационализация веры в Бога, сопряженная с утратой живой связи с Ним, стало причиной секуляризации западноевропейской культуры, а затем индифферентного отношения к религии, трансформировавшегося у отдельных представителей интеллектуальной элиты в вольнодумство, атеизм и богоборчество. Симптоматичной была работа И. Канта «Религия в пределах только разума», в которой была предпринята попытка рационализации не только веры, но и нравственности, которая по существу отождествлялась с

правом, т.е. нравственные нормы трактовались как общеобязательные, а за нарушение их полагались санкции государства. Словом, рационализация религиозной веры, отождествление духовного с интеллектуальным открыли широкий простор для самых произвольных интерпретаций духовной и нравственной жизни человека и общества, что не могло не привести, в конечном счете, к упадку как духовности, так и многочисленным нравственным проблемам и утрате критериев различения добра и зла.

Рационализация духовности на Западе с неизбежностью привела в XIX веке к увлеченности и помраченности интеллектуальной элиты самыми разнообразными идеями. Так духовность стала восприниматься как идейность. Этим типом ложной духовности была захвачена и русская интеллигенция. Г.П. Федотов дал свое определение интеллигенции: «…русская интеллигенция есть группа, движение и традиция, объединяемые идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей»[1, с. 71-72]. А С.Н. Булгаков в своей статье в знаменитых «Вехах» отметил, что идейность интеллигенции обуславливает ее ориентацию на героический нравственный идеал, в то время как подлинная духовность сопряжена с подвижничеством [2, с. 31-72]. Революционная интеллигенция жертвенно служила идее социализма в ущерб не только интересам людей, но и своим собственным. Подвижничество же означает помощь конкретным людям из христианского мотива любви к ним.

В советское время духовность очень часто отождествлялась с культурными потребностями людей. Посещение театров, художественных галерей, чтение художественных книг и просмотр кинофильмов при высокой эстетической и художественной их ценности, безусловно, могут благодаря катарсису подготовить душу человека к восприятию духовных ценностей. Однако далеко не всякое художественное произведение, в особенности продукт массовой культуры несет в себе заряд духовной энергии положительного значения. Напротив, мы являемся свидетелями того, как при помощи произведений массовой культуры формируется тип бездуховного и нравственно развращенного человека.

В строгом смысле слова духовность отражает сферу взаимоотношения человека с Богом, а нравственность – сферу взаимоотношения между людьми. Высшая цель духовной жизни человека есть стяжание спасения, а нравственность является средством к этому. Синтез духовности и нравственности выражен в полной мере в заповеди любви, данной Спасителем: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем разумением твоим»: Сия есть первая и наибольшая заповедь; Вторая же подобная ей: «возлюби ближнего твоего, как самого себя»; На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» [Мф. 22; 37-40]. И именно в контексте этой заповеди можно

правильно и глубоко осмыслить взаимосвязь между духовностью и нравственностью, между духовной и нравственной жизнью человека.

Литература:

1. Федотов, Г.П. Трагедия интеллигенции / Г.П. Федотов // Грехи и судьба России. – Т.1. – СПб., 1991.

2. Булгаков, С.Н. Героизм и подвижничество / С.Н. Булгаков // Вехи. Из глубины. – М., 1991.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ И ИРРАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ

М.А.Скринник, г. Дубляны, Украина

Бытие человека обязательно включает в себя заинтересованное отношение к действительности, оно всегда сопровождается совокупностью оценок, наделяющей вещи определенной значимостью, которая предстает для человека в статусе ценностей. *Ценностями* мы называем общепринятые значения вещей, существующие как образцы, формы поведения и деятельности людей, удовлетворяющие их потребности. Нашей задачей является определение знаковых исторических вех теоретического осмысления ценностей и их методологической роли в исследовании социальных явлений.

Хотя понятие ценности входит в научный оборот только в XIX в., не следует забывать, что к значениям как посредникам между человеком и миром обращается уже Сократ. Во-первых, введя в философию ценностный аспект общих нравственных идей, Сократ тем самым поставил вопрос об универсальных принципах бытия индивида. Общие идеи как знания для философа предстали основанием поведения и поступков каждого человека, в частности и прежде всего самого себя. Нравственные идеи как высшие идеальные сущности предстают для Сократа сверхценностями человеческой жизни. Во-вторых, познавательное измерение человеческой жизни в философии Сократа одновременно предстало и ценностно-смысловым. В-третьих, отождествление Сократом знания и морального действия положило начало одной из существующих и сегодня историко-философских интерпретаций ценностей – *рационалистической*.

Необходимо отметить, что рационалистический подход научно был утвержден только в неклассической философии – как трансцендентальная теория ценностей – представителями Баденской школы *В. Виндельбандом* и *Г. Риккертом*, а также *М. Вебером* в его концепции логики исторического процесса. Мыслители Баденской школы исходят из тезиса: поскольку действительность многообразна в своих индивидуальных проявлениях, то ее познание должно осуществляться двумя способами – обобщающим и индивидуализирующим. Применяя обобщающий метод,

наука абстрагируется от всего неповторимого и принимает во внимание общее. Применение этого метода к области истории и культуры направляет познание на поиски законов. Виндельбанд и Риккерт предложили новую методологию исследования историко-культурной действительности, которая позволяет выявить *не закон*, а совершенно иной ракурс «всеобщности». В качестве принципа, на основании которого осуществляется *отбор* научного материала, они предложили ценность. Методологическая роль понятия ценности заключается в том, что оно дает возможность *научно* постичь исторические события, позволяет установить историческую связь объекта с его окружением, а также смену стадий бытия объекта в его развитии. Ценности, от которых зависит отбор важного, получают название общих культурных ценностей. Согласно идеям Баденской школы, философия, оставляя естественное бытие специальным наукам, везде ставит вопрос о смыслах. *Ценности и являются смыслами, лежащими вне всякого бытия*. Философия предстает не наукой о бытии ценностей, а наукой об их значении.

Предложенный философами Баденской школы идиографический метод и рассмотрение истории как реализации общих ценностей культуры стали исходными положениями социальной философии М. Вебера. У него, исходя из принципов трансцендентальной теории ценностей и, в частности, идиографического подхода, субъектом истории становится каждая личность, но сила ее воздействия на ход исторических событий зависит от социального статуса, а также ее типа социального действия. Социальное действие, выражая цель и средства ее достижения, одновременно выражает смысл действия и его «ориентацию на других». Таким образом, *рационалистическая интерпретация ценностей* приобретает в неклассической философии четко выраженное практическое направление.

Иная – *иррационалистическая (неоплатоническая*) интерпретация ценностей как значений, опосредующих отношение «человек – мир», имеет своими корнями философиию Плотина и входит в практику нравственной жизни в христианском мировосприятии. Если Сократ, исходя из рационалистического толкования духовных сущностей, открыл их способность быть регулятором человеческих взаимоотношений, то неоплатоническая интерпретация духовных сущностей как ценностей выявила прежде всего их субстанциальное измерение по отношению к человеку. Так, согласно А. Августину, Бог, будучи абсолютной ценностью, для каждого бытия предстает Благом, что находит выражение в форме Абсолютной Любви, Истины, Добра, Свободы и т.п. Здесь мир ценностей предстает как духовные сущности, которые уже *осуществлены* в Боге. Высшее предназначение религиозных ценностей в социальной действительности – соединить внутренний мир человека и его земное

существование с величайшей ценностью трансцендентного мира – Богом. Личностная жизнь человека становится причастной к священному через посредство трансцендирования, в результате чего, ей «открывается» Благо как священная ценность в виде Истины, Добра, Свободы, Красоты, Любви.

Поскольку, согласно с христианским мировоззрением, Бог в каждом бытии предстает неповторимо, то земной задачей для человека становится познание в себе «истинного человека», как отмечает Г. Сковорода. «Познание себя», очерченное Сковородой, у украинских романтиков осмысливается как познание народом своей истории и ниспосланной Богом национальной неповторимости, что для индивида означает постижение своей укорененности в национальную историю и культуру. У романтиков ценность познается чувственно-эмоционально, путем ее переживания.

Чувственно-эмоциональное узнавание ценностей легло в основу концепции эмоционального априори М. Шелера. Такой подход близок и представителям украинской национальной философии Г. Сковороде и П. Юркевичу. Для всех названных философов истинная жизнь человека сопровождается переживаниями трансцендентного как постижением высшей внемировой ценности. М. Шелер выделяет в ценностях две плоскости. Первая – это царство надэмпирических сущностей, представляющих внепространственную и вневременную реальность. Вторая рассматривает ценность как феномен, который *обнаруживает себя* в акте эмоциональной интуиции, таким образом, происходит усмотрение, узнавание ценностей. Согласно Шелеру, в процессе чувствования ценность постигается либо как ее предпочтение, либо как пренебрежение (отталкивание). То, что мы стремимся именно к той, а не иной ценности, означает, что наша эмоционально-чувственная сфера включает в себя *нацеленность предпочтения и уподобления*. Причем нацеленность проявляет себя не «до» акта предпочтения, а непосредственно в самом предпочтении. Важно, что более высокая ценность предстает в нашем *предпочтении как бы «сама собой»*. Согласно Шелеру, любое расширение ценностного поля происходит только в предпочтении и пренебрежении (отталкивании). Все это означает, что эмоциональная нацеленность предпочтения в себе структурирована. Поэтому нацеленность можно трактовать как *порядок*, логику эмоционального предпочтения, у Шелера это *«ordo amoris».*

Как в иррационалистиеской западной, так и в украинской неоплатонической философии, находим предпосылки Шелерового *«ordo amoris»* в символе «сердца». Так, Б. Паскаль говорит о «логике сердца», содержание которой, по Шелеру, заключается в том, что в сердце «вписаны законы, соответствующие плану, по которому мир выстроен как ценностный мир. Оно способно *любить* и ненавидеть слепо *и* разумно» [1,

с. 359]. Так же Г. Сковорода «бездну сердца» трактует как «план сердца», по которому существует и мир, и человек.

Таким образом, если трансцендентальная теория ценностей стала методологией для толкования М. Вебером логики исторического процесса, то концепция эмоционального априори М. Шелера стала методологической основой в анализе романтических текстов, а также в исследовании ценностно-эмоционального измерения идентичности.

В наше время, в условиях современного кризиса персональной и национальной идентичности, как рационалистическая, так и неоплатоническая интерпретации ценностей подводят к проблеме поиска субстанциональных оснований идентичности. В этом вопросе сегодня прослеживаются две позиции – социально-конструктивная и эссенциалистская. Если первая исходит из рационально-инструментального подхода к ценностям, то вторая, обращаясь к духовному миру человека, его связи с историей народа, его историко-культурному наследию, и, следовательно, к вечным ценностям, включает, таким образом, ценностно-эмоциональное измерение идентификации.

Литература:

1. Шелер, М. Ordo amoris / М. Шелер // Избранные произведения. – М.: Гнозис, 1994.

УРОВНИ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА

Л.Г. Титаренко, г. Минск, Беларусь

Экологические ценности населения выступают как важная характеристика социодинамики современной культуры белорусского общества. Осознание их значимости и роли в социуме свидетельствует, насколько то или иное общество продвинулось по пути реализации модели устойчивого развития, и насколько идея гармонизации, баланса в отношениях между природой и обществом получает поддержку населения (страны, города, региона) [1]. Данная поддержка в практическом плане может реализовываться как на уровне экологического сознания, понимаемого как совокупность экологических гуманистических ценностей, на которые ориентируются их сторонники, экологических знаний и установок, признания актуальности экологических проблем (загрязнения среды, экологического кризиса), так и на уровне экологического поведения, т.е. в конкретных действиях людей, направленных на сбережение природы и ее невозобновляемых богатств, в отказе от чисто утилитарного отношения к окружающей среде, в активном участии в действиях по защите окружающей среды в повседневной жизни.

По мнению ряда современных социальных ученых, экологическое сознание неразрывно связано с экологическим поведением, поэтому для

выявления уровня развития экологической культуры необходимо изучать оба аспекта [2].

По доминирующей направленности сознания выделяют экоцентричный и антропоцентричный типы экологического сознания, из которых первый ориентирован на сбережение природных богатств и их бережное использование людьми [3], а второй – на человека как венца творения, который вправе эксплуатировать природу и изменять ее в своих собственных интересах, не считаясь с отдаленными последствиями для самой окружающей среды. В современном обществе, которое еще не может обеспечить всеобщего благополучия, превалирует первый из этих типов экологического сознания, что особенно четко проявляется в пост-советских странах где экономическое развитие по сути поставлено выше других целей развития общества, включая экологические [см.: 4]. Такая ситуация теоретически объясняется тем, что постсоветские общества не достигли высокого уровня постиндустриального развития, для которого характерны постматериалистические ценности и экоцентричный тип экологического сознания [5], а все еще продолжают решать задачи модернизационной ступени развития современного общества, пройденной развитыми странами Запада, о которых пишет Р. Инглхарт как о примерах современного общества с доминированием постматериалистических ценностей, как интеллектуальное и эстетическое развитие личности, социальное развитие, ценности досуга и сохранения среды обитания [6].

Если обратиться к изучению экологических ценностей в постсоветском обществе в прикладном плане, можно убедиться в том, что пока еще не достигнут высокий уровень развития осознания населения и активного внедрения экологических ценностей в практику.

Как показывают исследования экологических ценностей, проведенные кафедрой социологии под руководством автора в 2010-2013 гг. в Минске, среди жителей столицы преобладает потребительская установка на активное использование природы ради достижения задач, связанных с решением актуальных экономических проблем общества, а не установка на защиту и сбережение природы. В массовом сознании белорусских граждан по-прежнему доминирует антропоцентрическая установка по отношению к окружающей среде [6]. Объективно, одна из причин превалирования этой установки кроется в недостаточно высоком материальном уровне жизни населения, которая вытесняет экологические проблемы города на второй план их сознания и мешает повысить качество своей жизни за счет внедрения в повседневные практики экологических моделей поведения. Другие причины связаны с недостаточным уровнем экологических знаний населения, научной экологической информации, что негативно влияет на уровне повседневной экологической культуры общества. В то же время белорусское общество, как и другие

постсоветские страны, нуждается в современной экологической культуре, которая способствовала бы его успешному продвижению по пути развития информационного общества, внедрения природосберегающих технологий и т.п. На уровне отдельных граждан экоцентричная установка и соответствующая перестройка системы экологических ценностей позволит каждому человеку осознать необходимость достижения гармонии между человеком и природой, мотивирует на активные действия по внедрению экологической установки и экоцентричных экологических ценностей в жизнь.

Проведенные нами исследования позволяют сделать вывод, что пока еще уровень развития экологического сознания горожан и соответствующих практик остается либо низким, либо средним; минчане отличаются экологическим нигилизмом (когда не имеют объективной информации по актуальным экологическим проблемам) либо инфантилизмом (когда вообще не замечают этих проблем и устраняются от их решения). В практическом плане, недостаточное развитие экологической культуры проявляется в том, что граждане не берут на себя ответственность даже за собственное здоровье, перекладывая ее на медицинских работников, за будущее экологической среды, считая что этим должны заниматься институты власти, не участвуют в экологически ориентированной деятельности по улучшению среды обитания. У горожан с низким уровнем развития экологической культуры (т.е. недостаточными экологическими знаниями, потребительскими установками к природе, недопониманием важности экологических проблем) имеет место пассивный тип отношения к экологическим проблемам и нежелание участвовать в их решении ни в групповом, ни в индивидуальном плане. Эмпирически было выявлено от 5 до 10% граждан этого типа. Горожане, относящиеся к смешанному типу экологической культуры, хотя и не участвуют в массовых действиях по защите или поддержанию экологии, но, как правило, выполняют некоторые индивидуальные действия, которые квалифицируются как экологически ориентированные. В наших опросах было названо шесть таких действий индивидуальной включенности в экологические практики (раздельный выброс мусора, использование энергосберегающих лампочек и т.п.), и те горожане, ответы которых в среднем составляли 3.0-3.6, были отнесены к смешанному типу экологического поведения. Смешанный тип отличается от пассивного тем, что его носители проявляют вербальную готовность сделать свой образ жизни экологически ориентированным, высказывают озабоченность экологическими проблемами, но их знания об экологии, экологической политике в стране не поднимается выше среднего. Отметим, что этот тип преобладает и среди городской молодежи, и среди более старших возрастных групп населения Минска: его носителями являются до 70-80%

горожан. Широкое распространение данного типа связано с тем, что население ориентируется лишь на полезность экологического поведения, на его моментальные финансовые выгоды, а не оценивает экологическую ситуацию и свою жизнь в долгосрочной перспективе. Такие установки экологического сознания не могут быть признаны адекватными модели устойчивого развития общества. Только высокий уровень экологического сознания (научные знания об экологии, установка на активные действия) и активное вовлечение в повседневные проэкологические практики соответствуют программным целям развития информационного общества. В наших опросах носителями этого активного типа было до 10% людей. Рост числа носителей активного экологического типа поведения является актуальной задачей развития экологических ценностей в Беларуси.

Литература:

1. Готово ли российское общество к модернизации. – М.: Весь Мир, 2010.

2. Сосунова, И.А. Актуальные проблемы социальной экологии и экосоциологии / И.А. Сосунова. – М.: НИА-Природа, 2009.

3. Фортунатов, А.А. Экоцентрический тип экологического сознания как фактор экологической культуры / А.А. Фортунатов // Высшее образование сегодня. – 2009. – №6.

4. Яницкий, О.Н. Экосоциология как перспектива / О.Н. Яницкий // Ежегодник / Институт социологии РАН. – М., 2009. – Вып. 8: Россия реформирующаяся.

5. Inglehart, R., Welzel, C. Modernization, Cultural Change and Democracy] – New York: Cambridge University Press, 2005.

6. Лапин, Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации / Н.И. Лапин // Социс. – 2011. – № 11.

7. Титаренко, Л.Г. Экологический образ жизни минчан / Л.Г.Титаренко // Социс. – 2011. – № 3.

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ О КРИТЕРИЯХ ТВОРЧЕСТВА[9]

О.Н. Томюк, г. Екатеринбург, Россия

Понимание творчества и его критериев имеет исторический характер и зависит от господствующего стиля философского мышления. Исследование феномена «творчество» в классической философии, сравнительный анализ подходов к пониманию творчества позволяют снять схематичность его трактовки в рамках одной философской концепции.

Классическая философия представила понятие творчества в рационалистической парадигме исследования, а именно как разумное, строго логическое нахождение и обоснование нового, которое задавалось

[9] Исследование проведено при финансовой поддержке молодых ученых УрФУ в рамках реализации программы развития УрФУ.

особым способом мышления. Античная философия явилась методологическим основанием различных теоретико-философских концепций творчества. Классическая традиция в исследовании творчества сложилась под влиянием воззрений Платона. Платон, исходя из логики всеобщего, дал предельно абстрактное понимание творчества, высказал идеи, касающиеся природы и смысла творчества, механизмов осуществления творчества, выявил виды и основные этапы творчества. Творческое искусство, утверждает Платон, связано с некой способностью (Бога, природы, человека), являющейся «причиной возникновения того, чего раньше не было» [1]. Исследования феномена творчества в классической парадигме, о чем свидетельствует и данное высказывание Платона, связаны с открытием нового, обоснованием и объяснением нового (его характера, истинности и др.).

В диалоге «Софист» философ рассуждает о природе творчества и его видах: «Станем ли мы утверждать относительно всех живых существ и растений …, а также относительно неодушевленных тел …, что все это, ранее не существовавшее, возникает затем благодаря созидательной деятельности кого-либо иного – не бога? Или же будем говорить, руководствуясь убеждением и словами большинства... что все это природа порождает в силу какой-то самопроизвольной причины, производящей без участия разума. Или, может быть, мы признаем, что причина эта одарена разумом и божественным знанием, исходящим от бога?» [1]. Платон выделяет два вида творчества – человеческое (то, что создается людьми) и божественное (то, что приписывают природе, творится без участия разума, божественным искусством). По мнению философа, как Бог сотворил Бытие из небытия, так и человек создает свои произведения из небытия. Бытие есть там и тогда, когда человеческий разум приобретает характер творчества, придавая смыслы отдельным «ничто», оживляя их, извлекая их из «небытия».

Согласно Платону логично организованная познавательная деятельность в случае достижения нового результата – деятельность творческая. Отсюда и творчество в классической парадигме рассматривается как рациональная деятельность (деятельность логическая, заданная Логосом, силой Разума) по созданию (открытию) нового. Творчество по своей природе тождественно логике научной деятельности: научный стиль мышления, научная картина мира, научная рациональность, поиск нового знания. Новизна как критерий творчества есть результат логических шагов.

Платон рассматривает творчество в антропо-аксиологическом аспекте. По мнению философа, новое открывается не каждому человеку, творцом может быть только человек с благими помыслами и средствами достижения цели. Смысл творчества в достижении блага,

совершенствовании мироздания. В работах Платона идея, что именно любовь есть исходный принцип рождения всего нового, а творцом может быть любящий человек. Творчество как реализация стремления человека к созданию нового, по мнению Платона, тождественно одержимости. Философ считает, что «творения здравомыслящих затмятся творениями неистовых» [2].

Платон обращает внимание и на процессуальность творчества, обосновывая такое понимание творчества с помощью категорий «бытие» – «небытие», рассматривая возникновение бытия из небытия. Бытие – это динамика, постоянный переход из «ничто» в «нечто». Отсюда и творчество является неким механизмом становления мира бытия. Идеи Платона (высказанные, но не развитые им) по поводу динамики могут выступать в качестве методологических предпосылок, возможности иных, неклассических философских концепций творчества.

Классический подход в понимании творчества характерен и для Аристотеля. У Аристотеля имеются высказывания о сомнении в возможностях познания нового, но при этом в целом доминирует субстанциональное понимание творчества. Творение бытия Аристотель трактует в парадигме динамики и становления (идея о процессуальности творчества), но через категорию «перводвигателя». Аристотель указывает на то, что исходный творческий импульс есть изначальное бытие, а субъекты и субстраты творчества вторичны по отношению к нему. Таким образом, идеи Аристотеля о процессуальности, динамичности творения бытия можно рассматривать как предпосылку иного, неклассического понимания творчества.

Классическая концепция творчества основана на понимании мира как целостного единства, открытого для рационального когнитивного поиска, продуктом которого выступает новое, эксплицитно объективированное знание.

Античные рациональные основания творчества сформировали классическую концепцию творчества, в которой с выраженными гносеологическими и логическими традициями творчество стало интерпретироваться в сугубо рационалистическом смысле. Классическая философия подходила к решению проблемы творчества с позиций всеобщих категорий, а учение о творческом бытии представлялось как учение о бытии поисков всеобщего, необходимого и закономерного. Творчество рассматривалось как деятельность, в результате которой должно быть нечто новое, но вписывающееся в рамки единого.

Как уже было отмечено, концепция творчества в античной философии в качестве доминанты имела классическую субстанциональную позицию, но при этом имела некие предчувствия по поводу иного, в частности неклассического подхода к пониманию

творчества. У Гераклита новое представление о бытии: «все течет, все изменяется», которое в последствии стало основанием для отхода от классического мышления и становления неклассического понимания бытия, что в свою очередь не могло не сказаться и на понимании творчества. Классическая философия одновременно с поисками начал имела интуиции (динамика, динамизм, сомнение) относительно возможности исследования проблемы творчества в плане его трансформаций, которые породили современные неклассические концепции творчества.

Литература:

1. Платон. Софист / Платон [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://philosophy.ru/library/plato/sofist.html. – Дата доступа : 10.09.2013.

2. Платон. Федр / Платон [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://philosophy.ru/library/plato/fedr.html – Дата доступа : 10.09.2013.

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ И ДУША ЧЕЛОВЕКА

А.Г. Трофимчук, г. Новочеркасск, Россия

В понимании общечеловеческих ценностей мы исходим из утверждающегося в науке положения [1] о том, что общечеловеческие ценности олицетворяют интересы всего человечества, в них выражено представление о добре, прекрасном, истинном, которое человеческая история вырабатывала и проверяла веками. К ним она относит: историю народа, философию (этику, эстетику), искусство, религию, литературу, педагогику, семью.

Нам представляется, что общечеловеческие ценности, являющиеся основой воспитания (т.е. совершенствования духовного мира) человека, - есть выработанные и накопленные достижения духовного, нравственного и эстетического опыта, вошедшие в жизнь человеческого сообщества и позволяющие поддерживать определенный уровень духовно-нравственного равновесия в обществе. Общечеловеческие ценности, способствующие воспитанию, содержат: духовно-нравственные основы: религий; философии (этики, эстетики); искусств(изобразительного – в виде полотен (репродукций) картин художников-реалистов, архитектурных памятников и скульптур; шедевров музыкального искусства в виде аудиозаписей известных и почитаемых во всём мире исполнителей; фильмов выдающихся режиссёров с участием известных актёров, признанных шедеврами во всём мире в виде видеозаписей и др.); классики всемирной литературы; культуры поведения и взаимоотношений между людьми; духовно-нравственный жизненный опыт выдающихся личностей всемирной истории; нравственные истоки истории государства (народа);

нравственные основы педагогики; нравственные основы и смысл семейной жизни [6].

Философ античной Греции Аристокл (Платон) в труде «О душе» («Федон») пишет: « Нет, видно, иного прибежища и спасения от бедствий, кроме единственного: стать как можно лучше и как можно разумнее. Ведь душа не уносит с собою после смерти ничего, кроме воспитания и образа жизни[3]. В диалоге "Алкивиад I" Платон приходит к конкретному выводу: «Человек – не является ли он одной из трех вещей? Душа, тело и целое, состоящее из того и другого. Что же, разве тело само управляет собой? На самом же деле менее всего: если одно из двух, составляющих целое, не участвует в управлении, никоим образом не могут управлять оба вместе. Ну а если ни тело, ни целое, состоящее из тела и души, не есть человек, остается, думаю я, либо считать его ничем, либо, если он все же является чем-то, заключить, что человек – это душа » [2].

Немецкий философ Готфрид Вильгельм Лейбниц, в труде «Монадология», душу человека представляет, как психическую деятельную субстанцию, неделимый первоэлемент бытия – *монаду.* Монада, считал Лейбниц, находится между другими такими же бесчисленными психическими деятельными субстанциями в отношении предустановленной Богом (Природой, Макрокосмосом) гармонии. Лейбниц утверждает, что монада-душа (психика человека) имеет индивидуальную программу духовного развития (т.е. индивидуальность), изначально предустановленную Богом (Природой, Макрокосмосом). Монады, по Лейбницу, образуют восходящую Иерархию сообразно тому, насколько ясно и отчетливо они представляют мир (т.е. в соответствии с уровнем своего духовного развития) [8].

Л.Н. Толстой в работе «Для чего люди одурманиваются» утверждает, что человек представляет единое целое двух существ: *слепого животного* и зрячего духовного (проявление которого в просторечии мы называем совестью). Слепое, животное существо ест, пьет, отдыхает, спит, плодится и движется, как движется заведенная машина; зрячее, духовное существо, связанное с животным, само ничего не делает, но только оценивает деятельность животного существа тем, что совпадает с ним, когда одобряет эту деятельность, и расходится с ним, когда не одобряет ее.

Вся жизнь людская, можно сказать, состоит только из двух деятельностей:

1) приведения своей деятельности в согласие с совестью и 2) скрывания от себя указаний своей совести для возможности продолжения жизни.

Одни делают первое, другие — второе. Для достижения первого есть один только способ: нравственное просвещение — *увеличение в себе света и внимание к тому, что он освещает*; для второго — для скрытия от

себя указаний совести — есть два способа: внешний и внутренний. Внешний способ состоит в занятиях, отвлекающих внимание от указаний совести; внутренний состоит в затемнении самой совести[5].

В итоговом труде «Путь души» («Путь жизни») Л.Н.Толстой пишет: « Кроме того, что мы видим, слышим, ощупываем и про что знаем от людей, есть и такое, чего мы не видим, не слышим, не ощупываем и про что никто ничего не говорил нам, но что мы знаем лучше всего на свете. Это то, что дает нам жизнь, и про что мы говорим "я". Это же невидимое начало, дающее нам жизнь, мы признаем и во всех живых существах, и особенно живо в подобных нам существах - людях. Всемирное, невидимое начало это, дающее жизнь всему живому, сознаваемое нами в самих себе и признаваемое в подобных нам существах - людях, мы называем душою (микрокосмосом), само же в себе всемирное невидимое начало это, дающее жизнь всему живому, мы называем Богом (Макрокосмосом)» [6].

В диалоге "Алкивиад I" Платон даёт конкретное наставление на всю жизнь человека: «Правильным будет считать, что, когда мы общаемся друг с другом и пользуемся при этом речью, это душа говорит с душою. Следовательно, тот, кто велит нам познать самих себя, приказывает «познать свою душу». Значит, тот, кому известно что-либо о частях своего тела, знает то, что ему принадлежит, но не самого себя. Мы снова пришли к тому, что человек, заботящийся о своем теле, заботится о том, что ему принадлежит, но не о себе самом! Значит, тот, кто любит твое тело, покидает тебя тотчас же, как только тело твое перестает цвести. Ну а кто любит твою душу, тот, видно, не покинет ее до тех пор, пока она будет стремиться к совершенствованию? Так позаботься о том, чтобы *стать по возможности совершеннее*!»[2].

Совершенствование духовного мира человека, т.е. непрерывный процесс воспитания (в семье – взаимовоспитания), представляет обогащение своей индивидуальности (монады-души) знаниями, как он должен жить и что он должен и не должен в жизни делать, а также развитыми положительными моральными качествами общечеловеческого идеала современной этики (бережливости, благородства, вежливости, великодушия, верности, выдержки, духовности, идейности, искренности, мужества, правдивости, принципиальности, самоотверженности, скромности, смелости, терпимости, трудолюбия, человечности, честности, чувства нового, чуткости) с одновременным изжитием противоположных отрицательных (*зазнайства, злословия, карьеризма, корыстолюбия, мещанства, распутства, скупости, ханжества, чванства, эгоизма, злорадства*, *грубости*, *вероломства*, *цинизма*, *лицемерия малодушия*, *высокомерия*, *трусости*, *тунеядства*, *косности* [4]) применёнными в повседневной жизни [7].

Для ежедневного совершенствования духовного мира человеку необходим Домашний досуговый центр с книгами, аудио и видеозаписями высокого духовно-нравственного содержания (н.п. Л.Н. Толстой «Круг чтения» и др.; х.ф. «Моя прекрасная леди» и др.; аудиозаписи Эммы Шаплин и др.); аппаратура для их прослушивания и просмотра, а также Дневник самовоспитания для записей: в таблицу «Что я должен и не должен в жизни делать?» и контроля развития положительных и изжития отрицательных качеств [7].

Каждый вечер я (мы всей семьёй) примерно в 20 часов, занимаюсь (емся) самосовершенствованием (взаимосовершенствованием). Слушаю (ем) любимые музыкальные произведения; пою (ём) под караоке свои любимые песни и романсы, читаю (читаем вслух и обсуждаем) «Круг чтения» Л.Н.Толстого и выделяю (совместно выделяем) ответы на вопросы, что должен и не должен человек в жизни делать и делаем записи в свой Дневник самовоспитания, в соответственную, не прекращающуюся Таблицу ; рассматриваю и повторяю (совместно обсуждаем предыдущие записи в Таблице); смотрю (смотрим и обсуждаем) видеофильмы и видеопрограммы высокого духовно-нравственного содержания; занимаюсь (совместно занимаемся) развитием очередного положительного морального качества и изжитием противоположного отрицательного с записью в Дневник самовоспитания; играем в настольную, семейную, образовательную игру «Занимательная этика»; рассматриваю, анализирую (совместно рассматриваем и анализируем) сайты в интернете и альбомы высокого изобразительного искусства, делаю(делаем) записи в Дневник самовоспитания; анализирую (совместно обсуждаем и анализируем) текущие духовно-нравственные события общественной жизни: ЗОЖ, ТВ и радиопрограммы, фильмы, премьеры, концерты, вернисажи; планирую (планируем совместные) творческие дела, приносящие пользу окружающим людям; в заключении, посылаю (совместно посылаем) красивые, добрые и высоконравственные мысли – чтобы всем людям было хорошо!

По мнению французского философа Ф.Р. де Ламенэ: « Никакие внешние реформы и перемены в области государственного устройства не могут улучшить положение народа, если народ не будет постоянно стремится к нравственному совершенствованию» [5].

Литература:

1. Асоев, Х.М. Освоение учащимися подросткового возраста общечеловеческих ценностей: автореф. дис... канд. пед. наук / Х.М. Асоев. – М., 1995.

2. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / Платон. – Т. 1. – М.: Мысль, 1990.

3. Платон / Собрание сочинений: в 4 т. / Платон. – Т. 2. – М.: Мысль, 1990.

4. Словарь по этике. – М.: Политиздат, 1989.

5. Толстой, Л.Н. Круг чтения: в 2-х т. / Л.Н. Толстой. – Т. 2. – М.: Политиздат, 1991.

6. Толстой, Л.Н. Путь жизни / Л.Н. Толстой. – М.: Республика, 1993.

7. Трофимчук, А.Г. Воспитание на основе общечеловеческих ценностей / А.Г. Трофимчук. – Новочеркасск, 2009.

8. Философский словарь– М.: Сов. Энциклопедия, 1983.

КОСМОПОЛИТИЗМ В СТРУКТУРЕ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ДИАЛОГА

Ф.С. Приходько, г. Горки, Беларусь

Современный этап глобализации, превращая мир во все более целостную систему, тем не менее осуществляется в основном спонтанно-стихийно. Мировое сообщество до сих пор не выработало надежных механизмов управления, которые бы соответствовали этой целостности.

Человечество подошло к той черте, когда лишь стихийно складывающееся регулирование общественных отношений чревато драматическими последствиями. Отсутствие глобального управления при слабой развитости глобальной этики, различной трактовке общечеловеческих ценностей и при отсутствии глобального права объективно ставит различные субъекты мирового сообщества в ситуацию острой борьбы за выживание с позиции силы [2, с. 37-38]**.** Сложившаяся ситуация настоятельно диктует необходимость создания сознательно и целенаправленно выстроенной системы управления глобальными мировыми процессами. Конструктивный диалог, учитывающий культурные различия и опирающийся на цивилизационное единство разных стран и народов, в этой ситуации создал бы соответствующие духовно-идеологические предпосылки для более эффективного решения многочисленных проблем.

Для продуктивного диалога культур, как и для продуктивного диалога двух индивидов, необходимы определенные условия, прежде всего желание вести диалог и наличие языка, обеспечивающего возможность взаимопонимания, признание равноправия и самоценности собеседников. Есть ли все эти качества у современных культур? Может ли культура, испытывающая чувства неполноценности, ощущение ущербности, показаться интересной другим культурам? Может ли культура, высокомерно взирающая на другие как на отсталые, варварские, стать для других притягательной? Возможен ли искренний и заинтересованный диалог культур ради взаимообогащения духовными ценностями на фоне разворачивающейся на Земле битвы за ресурсы? [1, с. 359]. Глобализация

создала условия для перемещения масс мигрантов в развитые государства. Оказалось, что это люди, многие из которых не желают или неспособны ассимилироваться и полноценно интегрироваться в автохтонную национально-государственную общность. И на этом фоне растут этноцентризм, ксенофобия, конфликтность.

В условиях глобальных кризисов и угроз исследователи, политики начинают обращаться к идеям космополитизма. С момента своего возникновения понятие космополитизма в различные исторические эпохи наполнялось разным содержание. Философия стоицизма всех людей призывала стать гражданами единого мирового государства Космополиса. Во времена Возрождения и Просвещения идеал мирового гражданства использовался в борьбе против феодальной раздробленности, выражал идеи освобождения индивида от всех форм феодальной зависимости. В Германии, в противоположность феодально-местническому «патриотизму», идеи мирового гражданства развивались у И.В. Гете, Г.Э. Лессинга, И. Канта, Ф. Шиллера, И.Г. Фихте в своеобразном сочетании с патриотическими идеями.

Если прежде космополитизм оценивался скорее негативно, то в настоящее время он воспринимается намного более благосклонно, что вызвано глубокими социальными трансформациями, возникновением и становлением новых практик идентификации. Более того, многие полагают, что именно космополитизм в современном раздираемом острыми противоречиями мире может стать мировоззренческой и идейно-политической основой согласования разных идентичностей, поскольку он имплицитно выражает принцип изначального равенства всех людей.

Современный космополитизм неоднороден. Он предстает в виде различных идейно-политических течений. Космополитизм как характерная черта общественного сознания в межкультурных коммуникациях – это лояльное отношение к «инаковости», принятие и уважение индивидуальных особенностей разных культур, всего разнообразия мира. Однако это не предполагает отказ от «иного» или от «своего». Космополитизм является мировоззренческой основой для мультикультурализма, так как благодаря своей совокупной «универсальности» этот феномен создает благоприятные предпосылки для бесконфликтного проживания, взаимодействия, взаимовыгодного сотрудничества на одной территории представителей разных этносов и сохранения их идентичности, уникальности и индивидуальности.

В настоящее время в ситуации глобальных вызовов, кризисов и угроз, порожденных развивающейся глобализацией, этническим и государственным эгоизмом, принятие космополитических идей становится настоятельной необходимостью. Космополитизм как идею и практику необходимо реабилитировать в общественном сознании всего

мирового сообщества. Социально-гуманитарные дисциплины не могут оставаться в стороне от решения этого вопроса. Необходимо создание условий для свободного культурного диалога людей на разных континентах и между ними. Следует принять дополнительные усилия для сохранения и популяризации традиционных культур этносов мира как основы для понимания и уважения всех народов. Воспитание этнической толерантности в обществе становится насущной задачей дня. Необходимо активизировать проведение и реализацию проектов и программ, направленных на укрепление взаимопонимания и взаимоуважения между народами.

Литература:

1. Философия и методология науки: учеб. пособие / под ред. Ч.С. Кирвеля. – Минск : Выш. шк., 2012.
2. Чумаков, А.Н. Культурно-цивилизационный диалог как способ решения проблем в современном мире / А.Н. Чумаков // Вопросы философии. – 2013. – №1.

ФИЛОСОФИЯ КАК НАУКА: ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ПОТЕРЯННЫХ ВЕКОВ

Мастер-класс Ю.А.Ротенфельда, г. Луганск, Украина

Мастер-класс презентует оригинальный авторский конкретно-всеобщий диалектический метод, более общий, чем частно-научные методы, но менее общий, чем существующий абстрактно-всеобщий диалектический метод [1]. Руководитель добивается осознания участниками мастер-класса неполноты общепринятого философского мышления и отхода от его абсолютизации.

Предлагаемый мастер–класс – это форма занятия, в которой показан разрыв в 25 веков между зарождением, становлением, деградацией, гибелью и возрождением философии как конкретно-всеобщей науки. В нем дан вызов традиционной, идущей от Сократа и Платона рассудочной философии. Он предусматривает не только сообщение знаний, соединяющих исследовательскую программу автора с практикой университетского преподавания. Но и плюрализм мнений, обеспечивающий всем желающим возможность высказать свою точку зрения, как в поддержку высказанных идей, так и в их опровержение, позволяющий самостоятельно использовать данный метод для осмысления тех научных проблем, которые непосредственно стоят перед каждым из участников.

Продолжительность занятий 4 - 10 часов. Оптимальная группа участников мастер–класса 10-15-20 человек. Все они должны заранее знать, о чем будет идти речь. Предусматривается самостоятельная работа (дома, на перерыве), позволяющая провести обмен мнениями в аудитории.

Позиция руководителя обусловлена опорой на импровизацию, т.е. на работу по плану «в голове», обеспечивающей управление незапланированными ситуациями. В то же время мастер-класс предусматривает последовательность некоторых шагов.

Цель мастер-класса:

- возрождение конкретно-всеобщего философского мышления, зародившегося в древнегреческой мифологии и в первых древнегреческих философских школах и обоснование его наиболее общего метода – конкретно-всеобщей формы диалектики, ломающей устоявшийся взгляд на современную философию как на единственно возможный предельно общий, рассудочный способ осмысления природного и социального мира.

Задачи мастер-класса:

а) показать зарождение конкретно-всеобщей формы диалектического мышления, его исходные мыслительные конструкты: - Гесиод и милетская философия: «дике», «адике», «противоположности»;

б) вершина философского конкретно-всеобщего научного мышления:

- «музыка сфер» и теорема Пифагора, «гармония лука и лиры» Гераклита как отражение обменных процессов в природе и обществе;

в) деградация конкретно-всеобщего мышления, подмена истины мнением: - Парменид и Зенон, Сократ и Платон [2, с. 22-31];

г) борьба Аристотеля против мнимой мудрости Сократа и Платона [3, с. 136 – 196]. Спор Аристотеля с Платоном: «что есть мудрость» [4, с. 84 – 94];

- постановка локальной задачи: в чем суть аристотелевских четырех видов противолежания: «противоречащее», «соотнесенное», «противоположное», «лишенность и обладание», почему «лишенность и обладание» является частным случаем «соотнесенного» [5, С. 121 – 168];

д) обсуждение взаимосвязи понятий «рассудок» и «разум» в контексте аристотелевских видов противолежания [6, с. 26-41]. «Трилогия ума» как совокупность рассудочного и двух форм разумного мышления [7, с. 146-164].

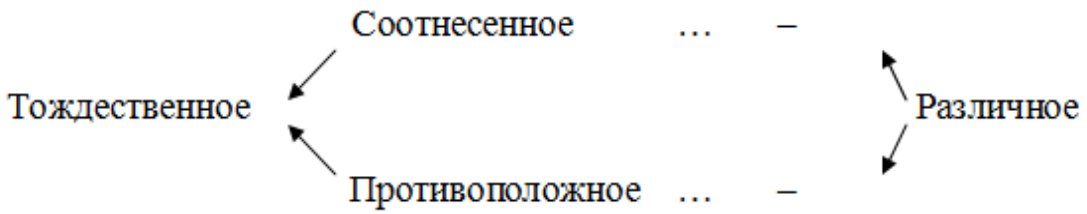

Схема 1. Аристотелевские «начала» мудрости в нашей интерпретации

Удивительным является то, что Аристотелю удалось однозначно определить эти исходные для философии понятия, привязать их к опыту, установить однозначное соответствие между каждым из них и множеством объектов действительности, подпадающих под определение этих понятий.

е) дополняя Схему 1 новыми категориями: «Отортогональное – 1 Пифагора» (через теорему Пифагора) и «Ортогональное – 2 Гераклита» (через «гармонию лука и лиры» Гераклита) отражающими объективные причинно-следственные связи, общие для природного и социального мира, мы получаем универсальную парадигму познания (метапарадигму). Она позволяет подниматься от познания тождественности вещей к постижению все более далекого их родства, а, значит, — к созданию все более полных теоретических моделей, отражающих гармонию и разумность мироздания. Точки на Схемах 1 и 2 обозначают не проставленные на них сравнительные понятия.

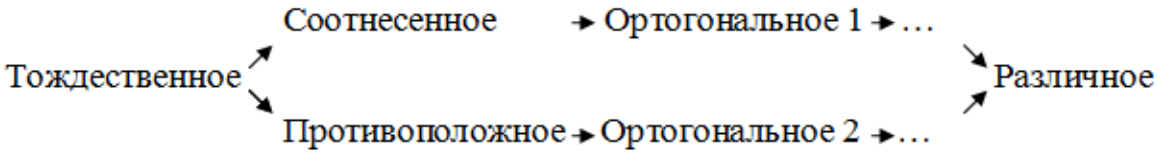

Схема 2. Универсальная парадигма познания (метапарадигма)

Операция «сравнение» — это главная операция мышления. Она задает восходящее движение всему познанию, обусловливая собой совокупность трех логических направлений, объединенных общей идеей сравнения. При этом главное достоинство сравнительных понятий в том, что они дают объективные точки зрения и оказываются пригодными для осмысления не только природных, но и социальных процессов. Это обусловливает единство естественнонаучного и гуманитарного знания;

ж) показать, что современная теоретическая физика начинается с осмысления природных обменных (колебательных) процессов Жаном Буриданом и Николаем Орезмом [8, с. 26-41];

з) показать, что современная теоретическая философия начинается с осмысления К. Марксом и Ф. Энгельсом обменных процессов в обществе. Осветить роль понятия «клеточка» в становлении социально-политической теории К.Маркса;

- показать, что через 25 веков после Гераклита (ок. 540 - 480 г. до н.э.) осмыслением обменных процессов в обществе с сугубо научных позиций начал заниматься К.Маркс;

- показать, как посредством формационной модели общества К.Маркс отображал взаимосвязь локальных (микро) и глобальных (макро) социальных процессов (обменов, взаимодействий);

- обоснование коперниканской фигуры истории [6, с. 26-41] и на ее примере показать несовершенство диалектико-логической концепции К. Маркса, повлекшей за собой фатальные ошибки в его социально-политической теории [6, с. 146-164];

- осмысление сервистических, постлиберальных отношений обмена, как вполне возможных общественных отношений [6, с. 146-164];

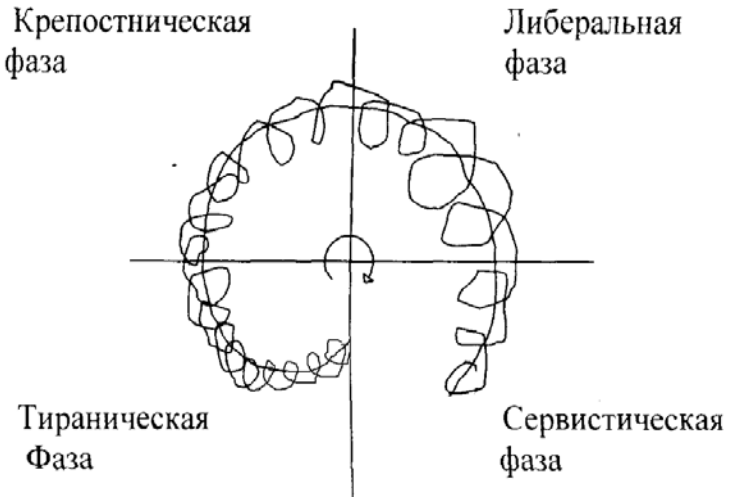

Рисунок 1. Коперниканская фигура истории

и) осмысление трендовой фигуры истории [9, с. 55-60], задающей однозначную направленность социальной эволюции по пути нравственного прогресса.

По примеру технических аналитиков, социальные ритмы мы изображаем по градационной шкале. При этом время откладываем по горизонтальной координате, тогда как по вертикальной координате откладываем цену человеческой личности, выраженную в четырех формах обмена ресурсами: тиранической (**Т**), крепостнической (**К**), либеральной (**Л**), сервистической (**С**).

Рисунок 2. Трендовая фигура истории

Постигая суть технического анализа [10] биржевой игры, и применяя его для осмысления обменных процессов в обществе, мы учимся видеть на графике отражение всего того, что происходит на глобальном рынке человеческих взаимодействий. Но главное — мы **постигаем ценность самого человека**, которая возникает не иначе, как в процессе социального обмена ресурсами.

При анализе социальных отношений, точно также как и при анализе сделок в биржевой игре, выделяем три типа трендов: «бычий», когда ценность человека повышается, когда побеждает «Добро», «медвежий» когда побеждает «Зло» и «боковой» при незначительных изменениях общественных отношений.

Понимая энергетику исторического процесса, обусловливающую единство его микро- и макро- ритмов, мы сможем активно влиять на его темпы и его направление в будущем. Ибо нет власти, которая господствует над народом, — есть люди, которые, решая для себя вопросы уважения к другим и самоуважения, это терпят, определяя тем самым цену себе.

Литература:

1. Ротенфельд, Ю.А. Неклассическая диалектика / Ю.А. Ротенфельд.– М.: Луч, 1991.

2. Ротенфельд, Ю.А. Проблема тождества и различия в античной и современной философии / Ю.А. Ротенфельд // Философские науки. – 1989. – № 5.

3. Ротенфельд, Ю.А. Запечатанная книга: Кризис понимания / Ю.А. Ротенфельд. – Кн. 2.: Философия, или тень мудрости: Альтернативный курс древней европейской философии. – Луганск: Свїтлиця, 1999.

4. Ротенфельд, Ю.А. Возродить мышление Аристотеля – значит изменить мир / Ю. А. Ротенфельд // Историко-философские исследования М. К. Петрова в горизонте проблем современности : Материалы международной научной конференции «XXV Петровские чтения». – Ростов н/д : ОАО Дониздат, 2012.

5. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель. – Т. 1. – М.: Мысль, 1975.

6. Ротенфельд, Ю.А. Восхождение от рассудка к разуму / Ю.А. Ротенфельд // Философия и общество. – 2012. – № 1.

7. Ротенфельд, Ю.А. Возродить школу разума: к истории становлення понятийного мышления в науках. Неизбежность нелинейного мира // Приложение к журналу «Философские науки». Монография. К 100-летию со дня рождения В.С.Готта. – Москва: Гуманитарий, 2012.

8. Ротенфельд, Ю.А. Миссия Патриарха. Философские начала мудрости / Ю.А. Ротенфельд. – Санкт-Петербург: Европейский Дом, 2008.

9. Ротенфельд Ю.А. Общественные отношения в терминах биржевой игры / Ю.А. Ротенфельд // Игровые практики культуры: Научные доклады и сообщения. – СПб., 2010.

10. Кан, М. Технический анализ / М. Кан. – СПб.: Питер, 2003.

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

А.С. Лаптенок, г. Минск, Беларусь

Динамика развития современной культуры порождает, с одной стороны, новые возможности для саморазвития индивида, а с другой – такие нравственные коллизии его бытия, которые проявляются в связи с новыми формами коммуникации. Одна из ведущих тенденций связывается, прежде всего, с возрастанием степени открытости общества и возможностей свободы морального выбора. Четкая иерархичность моральных ценностей закрытого общества сменяется ценностной неопределенностью, множественностью паттернов поведения, которые фактически приводят если не к исчезновению понятия нормы, то к нивелированию ее социальной регулирующей роли. Возможность морального оправдания тех образцов поведения, которые ранее понимались как отклонения, сегодня усиливается признанием приоритета личности, ее прав перед государством. Признание необходимости проявления толерантности часто ведет к беспринципности и аномии морального сознания, когда «неполиткорректной» предстает любая

критика либертианских форм поведения, что можно проиллюстрировать жесткой пропагандой «ценности» однополой любви.

Такая ситуация ценностной неопределенности затрудняет процесс моральной социализации личности, прежде всего, в отношении ее самоидентификации. Можно также говорить о кризисе традиционных механизмов регуляции поведения, которое становится неэффективным в изменившейся системе взаимодействия индивида с социумом. Переходный характер нравственной культуры общества отмечается проблематичностью реализации принципов и норм авторитарной морали, которые современная молодежь если и принимает, то только с формальной стороны, что приводит либо к возрастанию различных форм социального лицемерия, либо к усилению конформистских настроений, либо к эскапизму, возможности которого чрезвычайно возрастают с появлением новой виртуальной реальности.

Тем не менее, можно говорить о возрастании степени свободы личности, которая выражается как раз в возможности самостоятельно определять свою жизненную стратегию, основанную на одной из многообразных нормативных программ, функционирующих в современной культуре. Отсюда можно сделать вывод, что ответственно совершающий выбор индивид укрепляет свою нравственную автономию, которая в новой ситуации становится одним из условий развития морали. То есть индивидуализация нравственной культуры приводит к необходимости совершения малых и больших выборов, которые становятся все менее зависимыми от коллективных установок. Свободный доступ к информации делает проблематичным контроль за содержанием выбора индивидом духовных ценностей. Всемирная паутина предоставляет возможность выбора любого контента: от духовно возвышенного до отвратительно низменного и только от самого индивида зависит направленность этого выбора. Другое дело, что теряя связь с ценностями коллективной общности (семьи, школы, молодежных организаций), индивид часто попадает под влияние стереотипов массового сознания, культивируемых СМИ, и в особенности продуктами ширпотреба масскульта. Получив свободу выбора, индивид добровольно отказывается от нее, не желая, а может быть и не имея способности осуществлять духовную работу, требующую значительных усилий. Потребление предлагаемых ценностей массовой культуры минимизирует необходимость совершения каких-либо усилий.

Новые возможности коммуникации порождают целый ряд проблем, которые не всегда имеют однозначную нравственную оценку. В их ряду – проблема нравственной самоидентификации личности в виртуальном пространстве. Если в совсем недавнее время каждый имел возможность «удвоения» жизни через искусство, «проживая» и переживая вместе с

героями произведений, то сегодня можно воспользоваться условиями анонимности в интернете и в виртуальном мире можно быть кем угодно, преставиться в общении с любой стороны, выгодной для себя. Помимо возможностей использования социальных сетей в корыстных или иных целей, (например, получения и использования личных данных пользователей, сбор средств ради мнимых благородных целей и т.п.), создание образа себя, отличного от настоящего, нередко является проявлением личностного кризиса и при столкновении с реальностью приводит к серьезному внутриличностному конфликту. Поток самой разнообразной информации, получаемой из интернета, часто усугубляет проблему нравственной самоидентификации индивида по причине противоречивости характеристик предлагаемых образцов поведения. Можно привести лишь один пример трансформации в современной культуре мужских и женских ролей, когда традиционные представления о маскулинности и феминности зачастую подвергаются жесткой ревизии.

Возможности интернета породили еще один любопытный феномен, также находящийся в системе координат «Я-реальный» и «Я-виртуальный». Имеется в виду факт превращения интимности из закрытого в публичное и открытое. Еще недавно ведение личного дневника было связано с потребностью раскрытия своего внутреннего мира, не предназначенное для постороннего читателя. Как правило, он скрывался в известных только автору местах. если дневник попадал в другие руки, это было сродни публичному обнажению. Сегодня блоги – неотъемлемый элемент интернета. Для читателя всегда было интересно узнать мнение авторитетного, или просто интересного писателя, актера, ученого. Вероятно, получить такую возможность мгновенно отреагировать на то или иное событие, столь же оперативно обменяться мнениями, очень важно для публичного человека. Но достаточно часто в этих блогах можно встретить описание интимных, глубоко личностных сторон жизни, о чем всегда было неприемлемо, стыдно говорить публично. Но «обнажение» души – это только лишь элемент полного обнажения и демонстрации не только своих достоинств, но и вынесение в поле публичности всего, вплоть до сексуальных отношений. Соответственно, включается некий эффект подглядывания. Какие же тенденции развития нравственной культуры характеризуют данные явления. Прежде всего – это трансформация интимности в молодежной среде. Сексуальность перестает быть закрытой и разрушает границы и внутренние ограничения и легко превращается в гедонистическую игру-удовольствие. Эпатажность, скандальность «звезд» шоу-бизнеса в определенной мере провоцирует такого рода действия. Пусть только один день, пусть на уровне скандала получить известность становится самоцелью. Этому можно найти психологическое объяснение, связанное, в основном, с ощущением собственного неблагополучия и

неуверенности в себе. Нравственный контекст, скорее всего, свидетельствует о подмене понятий любви, интимности некими симулякрами. Такой гедонистический эксгибиционизм сродни применению алкоголя, других психоактивных веществ, применение которых дает ощущение преодоления отчуждения и одиночества. Однако привычной дозы становится недостаточно, поэтому требуются все новые и новые впечатления. В такой ситуации, пожалуй, не уникальным видится возможный путь уничтожения личностного нравственного начала в попытках все большего стремления к получению гедонистического удовольствия. Существует еще один аспект проблемы, о котором мало кто задумывается, связанный с взаимоотношениями поколений. Мало того, что такая видеопродукция доступна родителям молодых людей, но что последние ответят на возможные вопросы своих будущих детей (если они, конечно, планируются в таких союзах).

К сожалению, проблемы нравственной культуры молодежи проявляются и в других сферах. Помимо легкодоступности различного рода информации, необходимо учитывать и широкое распространение в стране игорного бизнеса, различного рода казино, что дает основания зарубежным туристам рассматривать ее посещение в русле «секс-туризма». Следует констатировать, что каких-либо серьезных исследований данной проблемы нет, что не позволяет выработать определенные превентивные меры по минимизации возможных последствий вовлечения молодежи в порно- и секс-индустрию. Перед отечественной наукой сегодня появляются серьезные вызовы, ответы на которые пока в полной мере не сформулированы.

КОММУНИКАТИВНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК ИМПЕРАТИВ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Я.С. Яскевич, г. Минск, Беларусь

В современных философско-методологических и социально-политических исследованиях особое внимание уделяется *рациональности* как философско-мировоззренческой установке, согласно которой истинными основаниями бытия, познания и поведения людей являются принципы разума. Обращение к рациональному осмыслению происходящих событий перед лицом «глобального кризиса» и «глобальной депрессии», необходимости синтеза полученных знаний актуализирует фундаментальную тему рациональности. Тема рациональности пронизывает разнообразные сферы человеческого бытия, специфицируясь в социально-философских, ценностно-антропологических, научно-познавательных, политико-правовых и экономических дискурсах. Наряду с этим выстраиваются гносеологические и методологические модели рациональности, опирающиеся на такие критерии познавательных целей и

их достижения, как эмпирическая адекватность, целерациональность, эффективность и продуктивность интеллектуальной и практической коммуникации, общепринятость норм и правил поведения, ясность и согласие относительно понятий и суждений.

Разрешение конфликта между различными типами рациональности, преодоление ранжирования их на «низшие» и «высшие» возможно, если исходить из принципа методологической дополнительности Н. Бора, позволяющего рассматривать оба подхода в ракурсе смысловой сопряженности и связи человеческих знаний в раскрытии закономерностей природы и общества, эффективности социальных действий и институтов, субъективности свободы и творчества. Принцип дополнительности важен и для понимания специфики коммуникативной рациональности, требуя сочетания норм логической семантики, знания смыслов и значений, рациональных правил, описаний и объяснений, взятых в контексте культурно-исторической статики, с одной стороны, и учета динамики коммуникативных практик и процессов, вплетенных в конкретно-исторические условия и реальный коммуникативный процесс, с другой стороны [1].

Обращение к феномену рациональности, выяснение специфики коммуникативной рациональности, принятие рациональных и нравственно-ориентированных решений особенно необходимо в условиях современного рискогенного общества. Рационализм в европейской традиции, как жизнеспособный и полнокровный образ мысли придал характерную окраску не какому-то отдельно взятому, а всем без исключения социальным, экономическим, политическим направлениям, невзирая на их содержательные различия. Почти все ныне существующие бизнесмены и политики заняли рационалистическую и приближающуюся к ней позицию, идя к этому образу мыслей собственным путем – или по убеждению, или в силу веры в то, что рационализм неотвратим, или вовсе принимая его без рассуждений. При этом общий характер и настрой рационалиста заключается в том, что он всегда утверждает независимость и необходимость разума в любых возможных обстоятельствах, утверждение свободы мысли, отказывающийся преклоняться перед авторитетом и делающий исключение только для авторитета разума. По своему образу мыслей рационалист является одновременно и скептиком и оптимистом: скептиком – потому что во всем разнообразии мнений, обычаев, верований не находится ничего, что избежало бы его критики, ничего, способного уйти от суда разума; оптимистом он является потому, что никогда не сомневается в способности собственного разума определять истинную ценность вещей, справедливость мнений или ущербность действий [2].

При всех издержках рационализма, который критиковался в своих мировоззренческих и методологических установках как образцово-идеальная модель организации общества, основных социальных практик, человеческого поведения и общения, достижения истинного объективного знания, эта методологическая установка остается непреходящим ориентиром современной науки, культуры, экономики, политики, коммуникации, включая в свое исследовательское поле проблемы принятия решений, выявления специфики политической и экономической коммуникации, обоснования новых геополитических сценариев и т.д. в условиях политических, экономических, экологических и других типов рисков, вступая при этом в диалог с альтернативными подходами. Это касается и коммуникативных практик.

Важно иметь в виду, что процесс любой коммуникации предполагает своего рода «перекодировку вербальной в невербальную и невербальной в вербальную сферы» (Г. Почепцов), что означает: посредством слов, обмена значениями выражений некоторого языка вызываются необходимые действия. Причем, как правило, субъект, передающий сообщение обладает некоторой властью над субъектами, принимающими это сообщение, а в рамках коммуникативного пространства работают соответствующие правила коммуникации. Исходя из этого, коммуникация считается рациональной, если она подчинена определенным критериям, разумность которых признается и принимается субъектами коммуникации; если участники коммуникации признают разумными конкретные приемы и процессы обмена смыслами, влекущими за собой определенные действия; если она позволяет достичь целей на основе общих ценностей – рационального принятия управленческих решений, взаимопонимания и консенсуса в переговорном процессе, в случае разрешения различного рода конфликтов и др. Лишь в строгой науке критерии научной коммуникации и такие методологические установления как ценность истинного, достоверного, непротиворечивого знания признаются общими и значимыми для всех субъектов познавательных процессов и в тоже время наполняются новыми специфическими характеристиками рациональности в конкретном историко-культурном контексте классической, неклассической и постнеклассической науки [3]. В рамках политической коммуникации ее субъекты ориентируются прежде всего на ценность власти, учитывая методы усиления своей и возможности чужой власти, что и является здесь критерием рациональности и рационального политического решения. Экономическая рациональность не обходится без таких ценностных ориентиров, как экономическая выгода, прибыль и т.п.

Несмотря на специфику коммуникативного пространства (политическое, научное, экономическое пространство) существует общий предметно-смысловой континиум, «общий язык», общее правило,

позволяющие осуществлять коммуникативный процесс, приспосабливая свой опыт и свой язык к опыту другого, чтобы не произошла «блокировка» общей коммуникационной системы из-за нашего неумения/нежелания принять ее «правила игры». Чтобы не придти к «пределу доверия», надо быть предельно внимательным и рациональным. Ведь даже в технических устройствах достаточно трех неверных попыток для блокирования системы. Наши ошибки в политической, экономической, межличностной коммуникации имеют порой негативные последствия, когда из-за оброненного или написанного слова, сообщения, неверных фраз, игнорирования социокультурного и ментального контекста трудно наладить деловые и иные коммуникационные отношения.

Динамично развивающийся современный экономический, политический, духовный и в целом жизненный мир человека несомненно открыт для инновационных средств общения, новых коммуникационных практик, «языковых игр», разрушая в отдельных случаях традиционные структуры коммуникативной рациональности и не позволяя своевременно сформироваться механизмам адаптации человека к ним, а значит понимания, ориентации и «вписывания» в непривычное коммуникационное пространство.

В современном демократическом обществе важно чтобы коммуникативная рациональность или рациональность общения была ориентирована на предпочтения ценностей компромисса, консенсуса, рационального дискурса и тем самым способствовала взаимному согласованию деятельности социальных субъектов, наработке и вписыванию в общественное развитие наиболее прогрессивных локально-коммуникационных практик, что приводит к реализации принципа социальной справедливости (Дж. Ролз).

Рациональность современного общества с необходимостью проявляет себя в умении согласовывать частные и общие интересы, в стремлении не доводить до крайности и конфронтации различные политические, экономические и духовные предпочтения, нейтрализовать их враждебные столкновения. Отсюда – возможность рационализации конфликтов на пути согласования интересов, рационализация принятия политических и экономических решений, разработка специальных институтов и технологий по регулированию приемлемых для конфликтующих сторон вариантов консенсуса. Политико-экономический дискурс при этом использует рациональные стандарты языка науки и одновременно отвечает определенным общественным реалиям и социальным целям – политической эффективности, экономической выгоде и т.п.

Литература:

1. Порус, В.Н. Парадоксальная рациональность (очерки о научной рациональности) / В.Н. Порус. – М.: УРАО, 1999.

2. Оукшот, М. Рационализм в политике и другие статьи / М. Оукшот. – М.: Идея-Пресс, 2002.

3. Степин, В.С. Научное познание в социальном контексте / В.С. Степин // Избр. труды. – Минск: БГУ, 2012.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ И ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

МИНСК, 10-11 ОКТЯБРЯ 2013 г.

В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ

Ответственный за выпуск — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и методологии науки ФФСН БГУ
И.А. Барсук